

УСТНО-
ПОЭТИЧЕСКОЕ
ТВОРЧЕСТВО
МОРДОВСКОГО
НАРОДА

ОРДЕНА „ЗНАК ПОЧЕТА“
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно - поэтическое творчество мордовского народа

САРАНСК

1983

Ш 3(235=Морд)-615

У808

ОРДЕНА „ЗНАК ПОЧЕТА“
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ, ИСТОРИИ И ЭКОНОМИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ МОРДОВСКОЙ АССР

Устно - поэтическое творчество мордовского народа

ТОМ ДЕСЯТЫЙ

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, БЫЛИЧКИ

САРАНСК
МОРДОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1983

1983

1983

Составление, подстрочные переводы,
предисловие, комментарии и указатели
Л. В. СЕДОВОЙ

Под общей редакцией
Н. И. Бояркина, А. И. Бреськинского,
А. М. Доронина, О. Е. Полякова

Рецензент — доктор филологических наук В. К. Соколова

63841

У80

Устно-поэтическое творчество мордовского народа.
т. 10. Легенды, предания, былички / Науч.-исслед. ин-т
яз., лит., истории и экономики при Совете Министров
Мордов. АССР; Сост., подстроч. пер., предисл., коммент.
и указ. Л. В. Седовой; Общ. ред. Н. И. Бояркина и др.—
Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1983.—256 с.

Х том из серии «Устно-поэтическое творчество мордовского народа» является первым опытом научной публикации мордовских легенд, преданий и быличек, записанных как на территории Мордовии, так и прилегающих к ней областей, где имеется мордовское население. Значительная часть материалов извлечена составителем из дореволюционных публикаций и различных архивов страны.

При отборе текстов для печати дано наиболее полное представление о сюжетном составе этих произведений. Весь материал систематизирован по жанрам, а затем по циклам. Сами циклы расположены в хронологической последовательности изображаемых событий.

У 4702400000—109 51—83
М 130 (03) — 83

ББК 82.3(2)Морд.
С (Морд.)

© Мордовское книжное издательство, 1983

ПРЕДИСЛОВИЕ

В фольклоре мордовского народа, как и в фольклоре многих других народов, несказочная проза занимает значительное место. Она имела и имеет большое познавательное и воспитательное значение, так как народ, начиная с древних времен, запечатлел в памяти все, что казалось ему важным в его жизни и истории. Передаваемая из поколения в поколение устная летопись сейчас ценна для нас тем, что, во-первых, представляет собой эстетическую ценность, во-вторых, в ней дается оценка историческим событиям и деятелям разных эпох с точки зрения трудовых слоев населения. И сейчас ученые разных специальностей — фольклористы, историки, этнографы, лингвисты порою обращаются к народным преданиям, как к одному из источников при исследовании ряда проблем этнического и историко-культурного развития народов, их этногенеза, взаимосвязей и мировоззрения.

Историко-этнографическое значение легенд, преданий, быличек, в том числе и мордовских, было осознано давно. Уже в XIX веке было записано и опубликовано немало произведений этих жанров, а после революции началось их систематическое собирание. Но использовались они в основном как источник или иллюстративный материал в работах исторического, географического и краеведческого характера. Отдельных сборников по жанрам несказочной прозы не издавалось, до сих пор были лишь разрозненные публикации.

Настоящая книга — первый, наиболее полный сборник произведений данных жанров. Специальных исследовательских работ по жанрам несказочной прозы мордвы, кроме преданий, нет. Легенды и былички как особые жанры не рассматривались. Накопленный значительный материал по разным жанрам несказочной прозы не только не исследован во всем его объеме, но и полностью не учтен, многочисленные записи хранятся в разных архивах. Настало время все это систематизировать и классифицировать.

Наиболее ранние записи произведений мордовской сказочной прозы связаны с деятельностью Русского Географического общества (ныне Географическое общество СССР), в программу которого входило всестороннее изучение России и населяющих ее народов. Немало материалов поступило о мордве из губерний ее исконного расселения: Пензенской, Нижегородской, Симбирской, Тамбовской. Материалы большей частью поступали в виде статей, в которых содержались легенды и предания. Записаны они были на русском языке и приводятся в вольном пересказе автора статьи без паспортизации. Несмотря на это, материалы РГО представляют значительный интерес, поскольку это наиболее ранние из дошедших до нас записей легенд и преданий у мордвы.

Интерес русских ученых к мордве возрастал. Появились первые исследователи истории, быта и устного творчества мордовского народа, такие, как В. Н. Майнов, И. И. Дубасов, И. Н. Смирнов, которые так или иначе использовали легенды и предания в своих трудах.

История, быт и фольклор начинают привлекать внимание и русских писателей. Известный писатель П. И. Мельников-Печерский был одним из первых историков мордвы. Однако вокруг его материалов о мордве возникали и продолжают споры, многие фольклорные произведения, помещенные в «Очерках мордвы», признаются авторскими. Поэтому к фольклорному наследию П. И. Мельникова-Печерского нужно подходить осторожно и критически. Но большинство его фольклорных материалов подтверждается более поздними записями, что свидетельствует об их подлинности.

Местная русская интеллигенция и духовенство, живя среди мордовского населения, наблюдали их быт, нравы, обычаи, верования и интересовались народным творчеством. О результатах этих наблюдений сообщалось в отчетах, а также в публикациях в различных периодических изданиях, сборниках, путеводителях. В 80-х годах прошлого века начал коллекционировать рукописи А. А. Титов. Он скупал старинные материалы в большом количестве, и в его крупную коллекцию попали также некоторые рукописи о мордве и сохранились до наших дней¹.

Из этнографических исследований мордовского населения отдельных районов прежде всего необходимо указать труд академика А. А. Шахматова «Мордовский этнографический сборник» (СПб, 1910), в котором содержатся материалы, собранные в двух селах — Оркино и Сухой Карбулак Саратовского уезда. Это подлинно научное издание: тексты произведений народного творчества, в частности сказочной прозы, записаны с фонетической точностью, и к ним дан подстрочный перевод на русский язык. Содержание их различно: воспоминания из жизни сказителей, остро-социальные предания о барине Арчилове и барских нравах, о вы-

боре места под поселение, о пугачевском движении, всевозможные былички. Сборник содержит ряд неизвестных ранее произведений.

Еще до революции началась собирательская деятельность М. Е. Евсевьева. Во время своих многочисленных встреч со сказителями он интересовался историей возникновения сел и названий урочищ, рассказами о старой жизни, суевериях, древних вождях, кладах¹.

В 20-е годы проводили экспедиции Саратовский госуниверситет, Саратовский музей краеведения, Научно-исследовательский институт народов Востока Академии наук СССР, которые собрали и ряд материалов по мордве. Начиная с 1936 года работу по собиранию и изучению эрзянского и мокшанского фольклора возглавил Научно-исследовательский институт мордовской культуры (ныне Ордена «Знак Почета» научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совмине МАССР). За последние годы систематическими стали фольклорные экспедиции студентов филологических факультетов Мордовского госпединститута им. М. Е. Евсевьева и Мордовского ордена Дружбы народов госуниверситета им. Н. П. Огарева. В дело собирания народного творчества помимо ученых определенный вклад вносит местная интеллигенция: учителя, краеведы, работники печати.

В данном сборнике публикуются легенды, предания и былички, записанные не только на территории современной Мордовии, но и прилегающих к ней областей: Пензенской, Горьковской, Куйбышевской, где и поныне проживает мордва.

В Пензенской области немало внимания уделяли собиранию образцов устного творчества (как русского, так и мордовского) писательница А. П. Анисимова, краеведы М. Е. Афиногенова, В. И. Лебедев, в Горьковской области — фольклорист В. Н. Морохин, составитель сборника «Нижегородские предания и легенды» (Горький, 1970), в который вошли и произведения о мордве.

Сборник составлен по перечисленным материалам. Вошедшие в него тексты распределены по разделам: легенды, предания, былички. В современной науке точных, общепринятых определений этих жанров еще нет, поэтому порою трудно бывает их разграничить.

Легенды. Термин «легенда» в русской дореволюционной науке о фольклоре применялся почти исключительно к произведениям с христианской тематикой.

В советское время также были попытки определить легенды как жанр поэтического творчества. В «Литературной энциклопедии» термин «легенда» употребляется для обозначения: а) рассказов на религиозно-библейские темы; б) религиозно-дидактических повествований, связанных с нехристианскими культами; в) не-

¹ РО библиот. Салтыкова-Щедрина, ф. А. А. Титова, № 2221, 2340.

¹ ЦГА МАССР, ф. Р-267; РФ МНИИЯЛИЭ, Л-3.

подтверждаемых историческими документами и часто фантастических рассказов о каком-либо историческом деятеле или событии, не связанном с религиозными культами¹.

К. В. Чистов определяет легенду как «вошедший в традицию устный народный рассказ, в основе которого лежит фантастический образ или представление, воспринимающиеся рассказчиком и слушателем как достоверные. В отличие от предания легенда всегда фантастична по содержанию и повествует как о прошлом, так и о настоящем и будущем. Фантастика легенды возникает на почве социально-утопических или религиозных стремлений народа, связана с попытками объяснить явления природы и общественной жизни»². Все русские легенды К. В. Чистов делит на следующие группы: космогонические, географо-топонимические, этногонические, зоогонические, христианско-апокрифические, исторические и географические, социально-утопические³.

Общественная функция легенды не только познавательная, но и эстетическая и даже дидактическая. Легенда, несмотря на то, что создавалась с установкой на достоверность, в основе своей имеет вымысел, «основным содержанием ее является нечто необыкновенное»⁴.

В легендах главными героями выступают в основном библейские и языческие божества, показываются взаимоотношения между ними, а также между божествами и людьми.

Много сходного у легенд с быличками в обращении к религиозным сюжетам, в широком использовании сверхъестественных персонажей. В основу сюжетов большинства легенд положено религиозное «чудо». Фантастические персонажи нередко выступают в роли добрых помощников и советчиков человека-труженика, но наказывают злых и недобросовестных людей.

Легенда может иметь сюжетно-завершенную форму или же представлять собой какой-то отрывок, отдельный незаконченный эпизод. Поэтому К. В. Чистов справедливо пишет по такому поводу: «Мы не вправе считать каждый текст, не имеющий выработанной формы или законченного сюжета, дефектным, недостойным изучения или лежащим за пределами того, что мы называем фольклором в широком смысле этого слова. (...) Ошибаются те исследователи, которые ожидают, что текст подобных прозаических произведений должен обязательно «отстояться» в процессе бытования, а бытующие импровизированные рассказы, часто отрывочные и не обладающие устойчивым текстом, считают «неполноценными» в фольклорном смысле этого слова, результатом небрежности собирателя, забывчивости или недостатка мастерства

исполнителя, в лучшем случае — «сырьем» для будущих, вполне сформированных, «отстоявшихся», обработанных и т. д. произведений»¹.

Легенды, как русские, так и мордовские, чаще всего представляют собой короткие и несложные по структуре рассказы. Они лишены постоянного текста. Исполнители легенд почти не обращаются к традиционному «общим местам», характерным для других жанров, например, сказок. В редких случаях легенды имеют сказочные зачины: «Жили-были» или «Было это когда-то давно».

Таким образом, легенда есть устный мифологический или фантастический рассказ о каком-то событии. Исходя из этого определения жанра, разнородные и сравнительно немногочисленные легенды в данном сборнике представлены двумя основными тематическими группами: 1) о сотворении мира и взаимоотношениях божеств с людьми; 2) о животных, растениях и их свойствах.

В первую группу легенд объединены произведения религиозно-библейского содержания о создании земли, звезд, человека, о происхождении некоторых людских пороков, а также произведения о древних божествах мордвы, браках между земными людьми и божествами. Пытаясь объяснить происхождение мира и человека, люди обращались к фантазии, она призвана была дать ответы на основные вопросы: откуда произошли природа и человек? Эти фантастические объяснения были порождены недостатком знаний, бессилием первобытного человека перед окружающим миром. Повествования о возникновении живой и неживой природы у разных народов носят различный характер. Ряд мордовских текстов религиозно-библейского характера, являющихся апокрифами, заимствованы из русского фольклора. Они записаны в том же виде, как и в сборнике А. Н. Афанасьева. Все это может свидетельствовать и о сравнительно недавнем заимствовании произведений у русских и о наличии у мордвы международных сюжетов. Но, несмотря на все это, в своем длительном бытовании они воспринимают некоторые национальные особенности, например, библейские божества с характерными для них чертами и действиями переосмысляются, воспринимаются как чисто мордовские. Нередко изменяются и их имена. Народ сохранил в своей памяти и отдельные произведения о своих древних божествах, которые (исключая былички) можно отнести к легендам, например, «Пурьгинепаз и Сыржа» (№ 139)².

Легенды второй группы более разнообразны и оригинальны. В них говорится о происхождении отдельных видов растений и животных, повадок зверей, птиц, насекомых. При этом используются мотивы как библейского характера (о птице Канюк, № 138), так и приближающиеся к сказочным (№ 7, 8, 9).

¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М., 1967, с. 12—13.

² Здесь и далее даются ссылки на номера текстов настоящего сборника.

¹ См.: Легенда.— Литературная энциклопедия. М., 1932, т. 6, столб. 141.

² Чистов К. В. Легенда.— КЛЭ. М., 1967, т. 4, столб. 90.

³ Там же.

⁴ Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности (с точки зрения разграничения жанров).— В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность. М., 1965, с. 11.

Предания. Предания, как и легенды, создавались с установкой на достоверность. Вопрос в том, взяты ли в основу повествования факты действительные или фантастические. Но нужно учитывать: что изображается в предании или легенде и как изображается. Для преданий характерны: прикрепленность к месту, объекту, порою в них изображаются действительные исторические лица с некоторыми присущими им чертами. Сверхъестественные персонажи и силы не характерны для жанра преданий, но почти всегда присутствуют в легендах.

Говоря о произведениях сказочной прозы, нужно всегда помнить, что одно наличие исторических личностей не придает произведению исторической достоверности. В сказках и легендах герои также могут получать имена исторических деятелей. Но здесь они по-сказочному условны. Как пишет Э. В. Померанцева: «Имена исторических деятелей фигурируют в сказках на тех же правах, как названия городов и сел, легко сменяющих друг друга, как фамилии помещиков и купцов, произвольно даваемые сказочниками их героям»¹. Для того, чтобы произведение стало по-настоящему историческим, оно должно отображать наиболее существенные явления времени.

Таким образом, предание — это «созданный устно, имеющий установку на достоверность эпический прозаический рассказ, основное содержание которого составляет описание реальных и вполне возможных фактов»². Это определение мы считаем наиболее приемлемым.

Тематика и герои преданий часто те же, что и в исторических песнях, но имеются различия в принципах отбора материала и отражения действительности. Назовем наиболее важные различия. 1) Если в песнях действительность изображается более обобщенно, в целом, то в преданиях те же события представляются в несколько ином аспекте, из крупных исторических событий выделяются лишь наиболее важные, отдельные моменты, встречаются здесь фантастические и легендарные мотивы, герои иногда наделяются сверхъестественными чертами, чего нет в песнях. 2) В отличие от песен, распространенных на широкой территории, предания имеют областной характер. Они более локальны, прикреплены к местным объектам. 3) Песни — произведения стихотворные, поются на определенные напевы, предания же — короткие прозаические рассказы, не имеющие канонической формы. Но, несмотря на отличия, предания и исторические песни имеют общие черты и составляют порою одинаковые циклы. Бывают случаи, когда исполнитель либо забывает текст песни и пересказывает ее своими словами, либо песня по характеру сюжета близка к преданиям, и тогда они бытуют параллельно. Например, сравнить: предание

¹ Померанцева Э. В. К вопросу о термине «историческая сказка». — В кн.: Славянский фольклор и историческая действительность, с. 35.

² Азбелев С. Н. Отношение предания, легенды и сказки к действительности, с. 12.

(№ 155) и песню¹. Однако такой переход песни в предание и параллельное бытование песни и предания не характерны для мордовского фольклора и наблюдаются редко.

Говоря о художественных особенностях произведений сказочной прозы, необходимо помнить, что жанровые признаки их выражены нечетко. Границы между легендами, преданиями и быличками условны и зыбки. Установление их отличительных признаков осложняется неоднородностью рассказов, различающихся по характеру сюжетов и слагающих мотивов, по их композиции, стилю и т. д. Предания и былички в отличие от других жанров фольклора не выделяются столь отчетливо из потока бытовой прозы и не отличаются структурной самостоятельностью и законченностью. Рассказываются они к случаю. Форма рассказа — свободная. Но все же они отличаются значительным своеобразием и только им присущими художественными особенностями, которые дают основание говорить о них, как об особых жанрах.

Предания имеют свой круг тем и сюжетов, системы образов, установку на правдоподобность, истинность повествования. Каким бы неправдоподобным и недостоверным ни было повествование, рассказчик всегда старается преподнести предание слушателю таким образом, чтобы в него поверили. Поэтому прежде всего надо было подтвердить достоверность сказанного, во-первых, указанием на давность и общераспространенность произведения (об этом все знают; так старики говорят; слышал от своего деда, а тот в свою очередь — от своего и т. д.).

Во-вторых, достоверность произведения должен подтвердить и возраст тех лиц, от кого рассказчик его слышал. Такого рода ссылки убеждали в важности, истинности повествования, которое передавалось из уст в уста, от поколения к поколению. И чем больше возраст стариков, сообщивших рассказ, тем более правдоподобным, достоверным он считался. Например, встречаются такие ссылки: рассказал восьмидесятилетний старик-мордвин, рассказывавшая предания бабушка жила сто три года, а известная бабка Цебарка (№ 30) прожила якобы двести лет (здесь явное преувеличение, стремление рассказчика выставить как можно более веские доказательства правдоподобности своего повествования). Иногда сведения о возрасте лица, от которого будто известно предание, приобретают фантастический характер (№ 37).

В мордовском фольклоре для подтверждения достоверности повествования привлекаются в некоторых случаях родословные предания, воспроизводимые до восьмого поколения, например, родословная деда Яхима (№ 43).

Иногда достоверность предания подтверждалась пословицей или поговоркой, возникшей, как считали, в связи с описываемым событием. Так, по преданию, один из мордовских проводников

¹ Устно-поэтическое творчество мордовского народа (УПТМН). Саранск, 1977, т. 1, кн. 2, с. 15—16.

Ивана Грозного — Кизай любил нарядно одеваться. С тех пор якобы и осталась в народе поговорка: «Мезе, будто мазы Кизай якат?» («Что ходишь, как красивый Кизай?»; № 20).

Подтвердить достоверность предания должны и различные упоминания о подарках и грамотах (чаще Ивана Грозного), тайных письмах, написанных Разиным, Пугачевым или другими, сообщавших о месте нахождения клада и способах его обнаружения. Но эти реалии, как правило, не сохранились: утеряны, сгорели и т. д.

Приводят и другие доказательства истинности рассказываемого: названия местности, сел, урочищ, связанных с происшедшими когда-то здесь событиями, появление или исчезновение каких-то обычаев. Подкрепление рассказа утверждением его истинности или даже клятвой не столько говорит о вере, сколько о недоверчивости аудитории.

Произведения сказочной прозы очень неоднородны, порой их даже трудно выделить из общего потока обыденной речи. Для них характерна слабая разработанность стилистических средств, отсутствие зачинов, присказок, концовок, своеобразных словесных формул. В результате один и тот же сюжет произведения может излагаться по-разному в зависимости от мастерства сказителя. Однако, несмотря на все это, можно выявить некоторые особенности построения сюжетов.

В преданиях роль зачинов могут исполнять указания на распространенность предания, на возраст людей, от кого слышал его рассказчик, на места и реалии, которые послужили поводом для рассказа, объясняющего их происхождение. Вот один из примеров реплик-зачинов: «Почему река Сура так называется, я еще давно слышал от старых людей...» (№ 190).

В большинстве случаев в мордовских преданиях в конце имеются реплики, как бы подводящие итог сказанному. Они и выполняют роль концовок: «Секс меритькак латконтень Идейка» («Поэтому и называют этот овраг Идейка») (№ 87). Обобщающий смысл предания подчеркивается иногда репликой рассказчика: «Истя Пугачтне весе бояртнэнь повсекшнызь» («Так пугачевцы всех господ перевешали») (№ 30).

Сюжеты мордовских преданий одноплановы, дают простейшую схему развития основных событий. Предание редко бывает развинутым, состоящим из нескольких эпизодов или мотивов, как, например, отдельные повествования о Тюште: избрание, правление, уход за море. Чаще всего сюжет состоит из одного эпизода, по существу даже одного мотива. Но эпизод выбирается важный, кульминационный, позволяющий раскрыть суть события, характер действующего лица, драматические коллизии. Встречаются и бессюжетные предания простейшего типа, имеющие форму короткого сообщения: о качествах героя, времени его жизни, о людях, которые слышали о его необыкновенных поступках.

Часто в преданиях встречаются общие мотивы. Даже в такие, казалось бы, чисто национальные циклы преданий, как о Тюште

и о крещении, проникают широко распространенные мотивы (избрание царя, царь — кум [восприимчик] крестьянина). Отдельные циклы преданий связаны с другими жанрами: поверьями, быличками (предания о кладах) и т. д. Каждый вариант дает, по сути, новый текст. Иногда один и тот же мотив связывают с разными событиями и лицами. Например, традиционный мотив насыпания холмов мифологическими богатырями, великанами-первожителями был переосмыслен и привнесен в более поздние циклы преданий об Иване Грозном, о Пугачеве, в которых высота холмов стала свидетельствовать не о силе великана, а о многочисленности войска того или иного предводителя.

Сюжеты и герои в разных типах мордовских преданий различны. Для исторических преданий характерны свои герои, люди, связанные с важными поворотными моментами истории, оставившие заметный след в жизни государства и народа. В основу сюжета положен наиболее яркий, примечательный эпизод из жизни такого героя, имевший (а иногда только мог иметь) место на данной территории: битва войска Нарчатки с монголо-татарскими завоевателями, поход Ивана Грозного на Казань через мордовские леса, Крестьянская война под предводительством Пугачева на территории расселения мордвы и т. д.

Топонимические предания, повествующие о заселении и освоении края, об основании сел, о происхождении названий сел и урочищ, имеют несколько отличительные от исторических преданий сюжеты и героев. Здесь герои — простые люди, не связанные с «большой» историей, совершают не большие героические дела, а поступки более будничные, житейские, повседневные. Несколько братьев обосновались на жительство в разных местах, потом пришли сюда еще люди, и возникли села, названные в честь их первооткрывателей и т. д. Так или примерно так повествуется в большинстве мордовских топонимических преданий. Сведения о том, откуда пришли первооселенцы, кто они были и т. д., даются кратко. Сюжет топонимических преданий еще более прост, чем исторических. Топонимические предания, как и исторические, могут быть и сюжетными, и бессюжетными. Чаще всего сюжетными бывают топонимические предания тогда, когда одновременно объясняются названия двух или более объектов, находящихся по соседству, когда в предании есть действие, развивающееся во времени.

Развития характеров в преданиях, как и в других жанрах сказочной прозы, нет. Образ показывается в ответственный момент его жизни, часто драматический, остроконфликтный. Герой проявляет себя в действиях, поступках, во взаимоотношениях с другими персонажами. Также характеризуют главного героя его слова, отношение к тому или иному событию. Хотя и редко, но иногда даются прямые характеристики героев, оценки их деятельности, например, в преданиях о Тюште (№ 149). Психологическое состояние героев и в легендах, и в преданиях показывается редко. Как правило, внутренний мир героя, психология, характер выкри-

сталлизовываются в высказываниях и оценках самого рассказчика и других действующих лиц.

Следует сказать, что для произведений несказочной прозы характерна идеализация образов. Если в преданиях герои положительные, то рассказчики и характеризуют их только с положительной стороны, не выделяя явных отрицательных качеств, присущих этим героям: например, Тюштянь оказался недостаточно тверд, но на таких чертах характера героев рассказчики стараются не акцентировать внимание аудитории, хотя они все же проявляются в их рассказах.

Язык мордовских преданий близок к разговорному, не выделяется из обыденной речи, но наиболее талантливые рассказчики, приступая к повествованию, уже имеют в своем распоряжении некоторые каноны, с которыми они не могут не считаться. Однако следует заметить, что художественные средства, используемые в преданиях, немногочисленны.

Художественной выразительности произведений несказочной прозы способствует применение наиболее одаренными рассказчиками распространенных поэтических приемов: эпитетов («сиянь-сырнень шержетне» — «серебряно-золотистые седины» — № 37), сравнений («прок пултт пакясо, уды кулы ирецтэ покш войска» — «спит мертвецки пьяное большое войско, будто снопы в поле валяются» — № 19).

В преданиях определенное место занимают картины природы. При этом дается описание конкретной местности, а не вообще, как это встречается в произведениях некоторых других жанров. Их персонажи тесно связаны с местной природой, которая является не только фоном разворачивающихся событий, от нее во многом зависит исход дела.

Из других средств художественной выразительности можно назвать троекратное повторение событий (№ 27), употребление характерного для фольклора числа семь (№ 37).

Как нами уже отмечалось выше, в мордовских преданиях большую роль играет мастерство рассказчика. Хороший рассказчик поэтические средства большей частью вырабатывает сам, свои. Если язык его красочен, богат эпитетами, сравнениями, речь ярка и эмоциональна, то рассказ примет вид развернутого художественного повествования. Здесь уже нужно говорить о степени художественного совершенства рассказа. Каждый исполнитель рассказывает в сущности свой текст, придавая ему оригинальное словесное оформление. Знатоки, рассказывая предание или быличку, стараются не только сообщить определенную информацию, но и сделать это как можно интереснее, увлекательнее. Как правило, их рассказы более художественны. Нередко в них дается своя оценка излагаемым событиям. Каждый рассказчик исполняет каждое отдельно взятое произведение по-разному: в зависимости от индивидуальных способностей, настроения, характера материала, места исполнения, аудитории.

Характер материала оказывает определенное влияние на манеру повествования рассказчика. Если рассказывается предание об истории возникновения какого-то урочища, то манера исполнения будет приближена к разговорно-бытовой, с местным колоритом, воспроизведением некоторых обычаев, обрядов, традиций и быта. Если же речь идет о событиях более крупного масштаба, например, о Грозном или о Пугачеве, то рассказчик старается придать повествованию более высокий стиль. Голос то повышается, то понижается в зависимости от развития действия. Поэтому мы можем сказать, что рассказчик не является лишь фиксатором событий, сторонним наблюдателем. В процессе всего повествования хороший рассказчик как бы переживает события вместе с героями. Это слияние его личности с действиями и переживаниями героев проявляется не только в языке, но и в драматизации действия: жестах, мимике (особенно это прослеживается при исполнении на конкретной местности). Выражение лица постоянно меняется: спокойствие, удивление, боль, гнев, сожаление, нетерпение, испуг — сопровождают разные эпизоды повествования.

Необходимо отметить также изменения состава рассказчиков преданий. Если раньше это были, как правило, безграмотные старики, реже старушки, то сейчас предания рассказывают люди грамотные, начитанные. Рассказчик сам пытается определить жанр своего повествования, называя легендой или же преданием. Более того, нередки записи преданий от людей высокообразованных, имеющих непосредственное отношение к литературному творчеству. Например, легенда о Дане — пламенном сердце и предание о богатыре Киле записаны от работника газеты, «Предание о возникновении селений Андреевка, Чукалы, Игнатово и Качаево» — от учителя сельской школы, предания о взятии Казани и о селе Большой Толкай — от ученых. Вполне естественно, что стиль, манера повествования, художественно-образительные средства этих рассказчиков будут иными, приближенными к художественной литературе. Предание для них уже — не источник информации, а прежде всего занимательный рассказ о каком-либо событии из жизни предков. Таким образом, с изменением состава рассказчиков, их образования, внутренних духовных потребностей изменяется и само отношение к такому источнику информации, как народное предание. К нему уже начинают предъявлять и другие требования: рассказывать не как можно убедительнее, а более интересно, увлекательно. При этом нередко забываются ссылки на распространенность предания или возраст людей, поведавших об этом. О том, что грамотные и начитанные рассказчики стремятся к своеобразной литературной обработке преданий, свидетельствуют и такие факты, как большой объем преданий, законченное, целостное повествование, иная трактовка некоторых образов, что не является характерным для данного жанра.

По характеру рассказа в международной фольклористике повествовательную прозу делят на три группы:

1. memogat — рассказы о событиях своей жизни, воспоминания, не ставшие традицией и не имеющие определенной формы;
2. chronikat — бессюжетные сообщения, краткие информации;
3. fabulat — сюжетно оформленные, фабульные рассказы¹.

То же самое наблюдается и в мордовском фольклоре. Воспоминания, рассказы о событиях своей жизни сами по себе не могут быть отнесены к устной традиции. Однако они представляют интерес как свидетельство очевидцев и участников о тех событиях, которые выпали на долю народа, как отношение самих народных масс к происходившему. При наличии интереса к такому рассказу со стороны определенных слоев населения он переходит в традицию, изменяясь как в идейном, так и в стилистическом плане. В приведенном материале показателен в этом отношении рассказ бабки Цебарки о пережитом ею в пугачевское время (№ 30). Предания, основанные на меморатах, в мордовском фольклоре встречаются редко.

Некоторые из мордовских преданий оформились в сюжетные, художественные произведения, в которых эстетическая функция является преобладающей по сравнению с познавательной (№ 19, 24, 38, 40, 148, 151, 169 и др.). Фабульные рассказы занимают определенное место в сказочной прозе мордвы, однако большинство преданий, особенно топонимических, бытуют в форме бессюжетных сообщений, всевозможных исторических справок и информации. Меморат, хроникат, фабулат — не жанры, а три формы бытования сказочной прозы. И как отмечает К. В. Чистов: «Каждый жанр... и каждое отдельное произведение могут бытовать (и следовательно, быть записанными) в любой из этих трех форм или форме, сочетающей в себе их элементы»².

Среди многочисленных мордовских преданий условно можно выделить две большие тематические группы: исторические и топонимические предания. Исторические предания повествуют о крупных памятных событиях и известных деятелях прошлого и распадаются на ряд циклов, при выделении которых нами принимается за основу классификация русских преданий, предложенная В. К. Соколовой³. Нами эта система переработана применительно к мордовскому материалу, отличающемуся определенным своеобразием, обусловленным особенностями исторического и эстетического сознания народа. На основе имеющегося материала предания тематически можно сгруппировать так:

1. О великанах.
2. О мордовских племенных вождях.

¹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., с. 11.

² Там же.

³ Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970, с. 6.

3. О борьбе с внешними врагами.
4. О походе Ивана Грозного на Казань.
5. О крещении мордвы.
6. О Разине и Пугачеве.
7. О разбойниках и кладах.

Предания о великанах — наиболее древний слой рассказов о первых поселенцах необжитых земель. Они отражают представления наших предков о начале и развитии человечества. В мордовских преданиях об исполинах выражается восхищение физической силой. Размеры и сила исполинов часто характеризуются при помощи сравнения их с обыкновенным человеком-землепашцем (№ 12) и бросания ими тяжестей на далекое расстояние. Гиперболизация — основной прием, используемый при изображении первожителей в преданиях. Поскольку повествования о великанах являются одним из самых древних пластов мордовских преданий, действительность в них находит символическое отражение. Это еще, собственно, предания доисторические.

Предания о мордовских племенных вождях содержат воспоминания о столкновениях мордвы с князьями других народов. В преданиях, повествующих о периоде разложения первобытнообщинных отношений, мордовский правитель избирается народом. Тюштянь¹, избранный при согласии народа и неба, пользовался всеобщей симпатией (№ 144). Когда иноплеменные князья начинают теснить мордву, Тюштя, спасая народ, уводит часть мордовского населения за море. Предания о жизни ушедшей с Тюштяном мордвы (№ 145) имеют характер социальной утопии. В них отразились надежды и чаяния широких масс населения.

Большинство преданий о Тюштяне древнего происхождения, но до нас они дошли в частично переработанном виде и более позднем переосмыслении. Произведения этого цикла имеют определенную историческую основу. В них художественно отражена историческая обстановка периода крушения устоев родового общества и становления феодальных порядков.

Предания о борьбе с внешними врагами создавались уже как исторические, обобщая действительные факты многовековой борьбы народа. В них традиционная характеристика иноземных пришельцев — они избивали и мучили население, грабили и жгли села. Это вызывало протест не только мужчин, способных носить оружие, но и женщин. В мордовском фольклоре появляется образ девушки, смело вступившей в неравный бой с поработителями (№ 19). Существует ряд преданий о сильных, гордых мордовских женщинах, предпочитавших умереть или превратиться в камень, но не стать добычей ненавистного врага.

Судьба мордовского народа с древнейших времен была свя-

¹ В разных источниках встречается разное написание этого имени — Тюштя, Тюштян, Тюштянь, Тюштень, Тюшьян.

зана с историей русского народа. Вхождение мордовских земель в состав Русского государства — длительный процесс. Это нашло место и в мордовских преданиях. Мордовские предания о Грозном сконцентрированы вокруг одного исторического события — похода на Казань и взятия города. Проводниками царского войска и помощниками царя при взятии города выступают в преданиях представители мордовского народа. Поводом к созданию и распространению таких произведений служила реальная действительность, многие из них сложились на основе рассказов, воспоминаний участников похода на Казань. Но предания — не летопись исторических событий, а оценка их народом, хотя и исторически ограниченная. Поэтому в них всегда присутствует вымысел.

Предания о крещении мордвы немногочисленны, но они довольно разносторонне характеризуют исторический процесс и отношение широких масс населения к правительственным мероприятиям. В ряде преданий прямо говорится, что мордовское трудовое население не желало принимать новую веру (№ 25). Содержание преданий о крещении, их сюжеты и идейная направленность национальны, оригинальны и тесно связаны с историей мордвы, но в некоторых из них ощущается и влияние русского фольклора (распространенный мотив «царь — кум крестьянина» — № 166).

Предания о Разине и Пугачеве складывались и бытовали как в среде повстанцев и их друзей, так и в среде их врагов. И это накладывало отпечаток на интерпретацию образов.

При большой популярности имени Разина у мордовского крестьянства преданий о нем сохранилось немного. Причина этого, по-видимому, кроется в том, что, во-первых, до последнего времени записи преданий велись не планомерно, случайно, и они не представляют всех бытовавших произведений. Во-вторых, долгое время носители рассказов о крестьянских войнах жестоко преследовались, и крестьяне неохотно пели и рассказывали о Разине для записи.

События Крестьянской войны под руководством Разина развевались и на территории современной Мордовии, выдвинувшей много народных героев, среди которых одной из ярких личностей была старика Алена. Она не могла остаться незамеченной и обойденной в творчестве своего народа, но устные сведения о ней довольно скудны (№ 171).

Пугачев в мордовском фольклоре выступает как борец за свободу крестьян. Мордовские предания о Пугачеве составляют особую группу и дают в основном довольно четкую характеристику Пугачева как крестьянского вождя. Произведения эти создавались на исторической основе, но герои в них идеализируются. Обусловлено это любовным отношением мордвы к Пугачеву-вождю, народному герою. Многие из преданий создавались в современную событиями эпоху и передавались затем от поколения к поколению, но некоторая часть их возникла позднее на основе прежних или новых ассоциаций.

Предания о разбойниках и кладах составляют довольно обширную группу сказочной прозы. Местные жители повсюду показывали места, где обитали разбойники. Это, как правило, глухие лесные чащи, глубокие овраги, курганы и прочее. Разбойничьи предания обычно связывались с поверьями о кладах. Такая связь вполне объяснима, т. к. награбленное богатство разбойники должны куда-то прятать. В советское время условия для бытования рассказов о поисках клада исчезают, угасла вера в них.

Топонимические предания могут быть и не связаны с событиями и лицами крупного масштаба, но они всегда связаны с «малой» историей, с историей отдельного села или группы сел. Цель их — объяснить происхождение названия местности, возникновение поселения. У мордвы топонимические предания составляют довольно большую группу, однако они остаются местными, район их распространения ограничен одним или несколькими близлежащими селениями. Каждое село имеет свои предания, поскольку в каждом селе были свои основатели, первооткрыватели, и возникали они в разных условиях.

Ни одно географическое название не возникло случайно, без смысла. Поэтому народ всегда пытался объяснить, как возникло то или иное село, название местности, урочища. Ряд преданий дает реальную этимологию названий местностей. Но в некоторых случаях наблюдается уже поздняя, народная этимология, развивавшаяся на основе наиболее распространенных мотивов, т. е. толкование дается уже имевшемуся названию, как правило, не соответствующее действительным фактам. Поэтому иногда встречаются разные предания об одном и том же селе, по-разному истолковывается одно название, как это можно видеть из преданий, помещенных в данном сборнике.

В мордовских топонимических преданиях, как и в русских¹, топонимы объясняются по-разному:

1. Производятся от имен местных жителей — первых поселенцев, владельцев или лиц, пользовавшихся теми или иными угодьями, от имен лиц, с которыми здесь что-то произошло, иногда вместо имен этих лиц указываются их сословная принадлежность, национальность, откуда пришли и др.

2. Связываются с историческими и местными событиями, случаями с известными людьми, местными жителями или даже с животными, птицами.

3. Производятся от произнесенных в данном месте кем-то слов. Топонимические предания — один из древних видов преданий. В них раскрываются реальные экономические и социальные причины, которые заставили людей обосноваться на том или ином месте. В преданиях дается определенная характеристика первооткрывателей: либо это беглый солдат, либо бежавшие от непосильно-

¹ Соколова В. К. Типы восточнославянских топонимических преданий. — В кн.: Славянский фольклор. М., 1972, с. 208.

го гнета помещика крестьяне, либо пришедшие в поисках лучших земель, мест для охоты, разведения животных. Топонимические предания мордвы раскрывают не только историю края, специфические условия его заселения, но и естественно-природные особенности местности, что в значительной степени обусловило быт и занятия местного населения. Поэтому предания могут оказать неоценимую помощь в изучении истории мордовского народа, его нравов и обычаев.

Основную массу мордовских топонимических преданий составляют рассказы первой группы, в которых топонимы производятся от имен местных поселенцев. Эти предания часто отражают действительные случаи.

Былички. Кроме легенд и преданий к сказочной прозе относятся и произведения, получившие названия былички, бивальщины, досюльщины — всевозможные рассказы о встрече человека со сверхъестественными существами. Термин «быличка» соответствует понятию суеверный меморат, а «бивальщина», «досюльщина» — понятию суеверный фабулат. Данные категории одного и того же жанра чрезвычайно близки друг к другу, легко переходят из одной в другую¹. Термины «быличка», «бивальщина» введены в научный оборот сравнительно недавно, в мордовской фольклористике их пока не употребляли, произведения же, относящиеся к этому жанру, называются либо преданиями, либо легендами; в особый жанр они не выделялись и специально не изучались. Поэтому мы будем пользоваться терминологией русской фольклористики.

Исследовательница мифологических персонажей в русском фольклоре Э. В. Померанцева пишет: «При анализе жанровых особенностей быличек следует учитывать и особые условия их бытования. Рассказывание их никогда не является самоцелью, они возникают «по случаю», вызванные той или иной житейской ситуацией или особой психологической настроенностью рассказчика и его слушателей»². Былички, бивальщины связаны с верованиями народа, в частности у мордвы, хорошо прослеживается связь с древними верованиями и с христианскими, привнесенными позднее, уже в XVII—XIX вв. Такое напластование религиозных воззрений привело к дуалистичности ряда мифологических образов. Например, в устном народном творчестве на равных правах существуют Ведявы, русалки, Юртавы, Кудавы (Кудальти), Куйгорыши (Куйгорожи) и домовые. Причем функции их, описания, если не совершенно одинаковы, то, по крайней мере, мало отличаются.

Главными героями быличек являются человек-свидетель и мифические существа: Вирява, Ведява, Юртава, Куйгорож и другие оборотни. Сюжетная основа былички — описание встречи человека с существами потустороннего мира и исход этой встречи.

Быличка, пожалуй, более, чем другие жанры сказочной прозы, нуждается в доказательстве, утверждении и подкреплении какого-либо верования. «Поэтому быличка всегда носит характер свидетельского показания: рассказчик либо сообщает о пережитом им самим случае, либо ссылается на авторитет того лица, от которого он об этом случае слышал... Своеобразным «лирическим героем» былички является «свидетель», и образ этого свидетеля, его вера в достоверность рассказываемого, его потрясенность встречей с существами потустороннего мира всегда в ней наличествует независимо от того, рассказывается ли она от первого лица или является переложением рассказа соседа, отца, деда»¹.

Желание рассказать как можно убедительнее, достовернее в быличке приводит к введению в рассказ деталей, материально свидетельствующих, что это был не сон. Например, «пелеве шка не маряса, пря вельксэнь кие-бути штерди ды штересэизэ вижны. Панжинь сельмень ды неян шержев баба. Пря черензэ полдазь, ашо руця лангсонзо. Мон седе куроку кундыя пильгедэ, пильгензэ пек эчкты, кирнявтынь, пря черезэнзэ кундынь кавто кедьсэ ды давай кайсеме тензэ...» (в полночь слышу, над головой у меня кто-то прыдет и веретеном визжит. Открыл глаза и вижу седую старуху. Волосы ее распущены, в белой рубашке. Я поскорее поймал ее за ногу, а ноги ее толстые, вскочил, двумя руками вцепился ей в волосы и начал бить...; № 117). В быличке рассказывается о страшной, непредвиденной встрече человека с существами потустороннего мира. Почти каждый рассказ начинается несколькими вводными фразами, предваряющими необычное событие, нарушающее течение нормальной жизни, затем «неожиданно», «вдруг» возникает нечто страшное, передаваемое и словами, и интонацией. «Подобный прием типичен для быличек разных циклов, является своеобразным «общим местом»². Почти в каждой быличке человек, встретившись с нечистой силой, ведет себя по-разному: теряется, пугается, волнуется или, наоборот, хладнокровно вступает в противоборство. Именно психологическое состояние и обуславливает поступки человека в создавшейся ситуации.

Реже, чем в других жанрах мордовской сказочной прозы, наблюдается заимствование сюжетов и мотивов в быличках. Поскольку быличка является как бы свидетельским показанием, то большей частью по объему она невелика и состоит из одного эпизода, из повествования о каком-либо необычном, таинственном случае, происшедшем с самим рассказчиком или его близким родственником, знакомым. Но даже в таких сугубо личных рассказах можно наблюдать усложненные сюжеты (например, № 94, 99). В связи с этим Э. В. Померанцева пишет: «Чем больше деталей в

¹ См.: Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975. с. 6—14.

² Там же, с. 20.

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре, с. 22.

² Там же, с. 22.

быличке, чем сложнее ее сюжет, тем дальше она отходит от мемората, тем ближе она к развлекательному повествованию. В устах сказочника-краснобая она часто теряет основной жанровый и даже видовой признак — доминантной становится эстетическая функция»¹.

К настоящему времени древние мордовские верования ушли в прошлое, христианские воззрения, как более поздние, несколько свежее в памяти народа, но и они безвозвратно уходят. Однако рассказы о мифологических существах, языческих и христианских пережили сами верования и до последнего времени продолжали бытовать. В связи с этим нужно отметить, что в записях последних лет встречаются тексты, в которых звучит сомнение в истинности повествования или делается попытка как-то объяснить то или иное фантастическое явление. Так, еще в 1947 году была записана быличка, в которой рассказчица предваряет свое повествование такими словами: «Вирява — это только малых детей пугать. Я не верю в это» (№ 100). В бывальщине «Атянь он» («Сон старика») говорится, как в конюшне одного крестьянина якобы появился домовый в виде огненного лукошка. «Знающий» человек посоветовал хозяину взять десять веников, подстеречь домового и сильно побить, несмотря на то, что тот может превращаться в разные существа и даже в человека. Сам «знающий» человек решил посмотреть, как будет наказан домовый, пришел туда и... был жестоко избит (№ 107). Так, повествование, начатое как серьезный и страшный рассказ, заканчивается анекдотически, подрывая веру в существование домового. Еще более курьезно заканчивается встреча с Ведявой, когда ею оказывается женщина, решившая поугубить своего односельчанина. И рассказчица приходит к выводу: «Вот что делают, вот тебе и шайтаны! Нет шайтанов. Была как Ведява, наряжена Ведявой» (см. комментарии к № 94). В таких рассказах явно меняется функция, эстетическая функция вытесняет информативную. Утрата веры в рассказываемое ведет либо к забыванию суеверного мемората, либо к его перерождению. Изменения социальных и культурных условий влекут за собой и изменения репертуара устного народного творчества, его функций.

Известные в основном по архивным и рукописным фондам мордовские былички и бывальщины, представленные в сборнике, распределены по следующим тематическим группам:

1. О покровителях леса и воды.
2. О домашних духах-покровителях.
3. О подмененных детях, проклятых людях и мертвецах.
4. О неизвестных страхах.
5. Об оборотнях.

Былички о Вирявах — самые распространенные и многочислен-

ные у мордвы. Образ Вирявы противоречив: в одних случаях она рисуется как обыкновенная женщина с распущенными до пят волосами, в белой одежде или в полном национальном свадебном наряде (иногда обнаженная); в других случаях Вирявы — лесные люди, покрытые шерстью, были у них мужья, дети, обитали они в жилищах из гнилых деревьев и веток, женщины пряли нитки из крапивы; в третьих — Вирява в лесу — высотой с дерево. Проявляет она себя, как правило, хохотом, пугает людей, загораживает дорогу, щекочет и прочее. Почти в каждом рассказе даются какие-то новые, взаимодополняющие или, наоборот, взаимоисключающие черты в образе древней покровительницы леса. Если в некоторых других, наиболее древних жанрах мордовского фольклора, Вирява выступала в роли положительного персонажа, богини, которой поклонялись, совершали жертвоприношения, то в быличках и бывальщинах Вирява — больше отрицательный персонаж, способный на любые недобрые дела. Встреча с Вирявой не предвещает ничего хорошего.

Другой древний мифологический персонаж у мордвы — Ведява. Рассказов о Ведяве по сравнению с рассказами о Виряве немного. Интересна, на наш взгляд, легендарная трактовка возникновения Ведяв, полностью развенчивающая их божественность (№ 101). Единственное, что в какой-то степени может напоминать об их божественности — отголоски о жертвоприношениях Ведяве при строительстве водяной мельницы (№ 102). Образ Ведявы в быличках близок к образу Вирявы, проявляет она себя так же, хохотом.

Раздел быличек о домашних духах-покровителях не менее разнороден. В нем, как ни в каком другом разделе, более четко отразились воззрения, связанные и с древними мордовскими верованиями, и с христианством. Здесь уживаются Юртавы, Кудавы, Куйгорожи и домовые, причем функции их в основном одни и те же. Они — хозяева, хранители домашнего очага, богатства, домашних животных (№ 103—104). Их функция прежде всего хозяйственная.

У мордвы издревле существовало поверье, что во время родов (а раньше женщина рожала в полутемной бане) нередко случалась подмена нечистыми новорожденного: человеческое дитя брали нечистые, а на его место подкидывали своего. Впоследствии такой ребенок, как правило, долго не ходил и наконец умирал. В связи с этим поверьем существовали рассказы об обнаружении таких подмененных детей и способах избавления от них.

Не менее распространено было и отраженное в быличках и бывальщинах поверье, связанное с проклятиями. Когда родители проклинали по той или иной причине своих детей, те пропадали, а по ночам пугали людей. По истечении определенного срока проклятие или проходило само, или родители снимали его; случалось, люди ловили и набрасывали на шею проклятого крест, после чего он становился нормальным человеком.

¹ Померанцева Э. В. Мифологические персонажи в русском фольклоре, с. 25.

Рассказы о видениях и мертвецах связываются, как правило, с умершими недоброй смертью, опойцами или утопленниками. Раньше был обычай — умерших неестественной смертью — самоубийц, опойц, утопленников священник не разрешал хоронить на общем кладбище. Их хоронили где-нибудь в отдаленном, негодном месте, чаще на болоте. В связи с этим существовало поверье, что они могут являться и пугать людей. Подобные рассказы довольно многочисленны в мордовском фольклоре. Как правило, опойцы приходят к людям в своем облике, разговаривают, а затем уходят, утопленники появляются из воды в виде русалок, хохочут и снова исчезают. А чтобы мертвецы не пугали людей, требовалось, по поверью, в могилу вбить, рябиновый кол (№ 112).

Кроме перечисленных рассказов о встречах с разными мифологическими, сверхъестественными существами у мордвы есть немало быличек о всевозможных страхах, которые порой трудно к чему-то приурочить, с чем-то связать: кто-то что-то вдруг услышал, что-то привиделось, мелькнуло и т. д. То это мальчик, то взрослый человек, то седой старик (старуха), то животное, огненный столб или просто шум вдруг появляются и исчезают.

Последний раздел составляют многочисленные рассказы о всевозможных оборотнях, колдунах, вера в существование которых у мордвы раньше была достаточно сильной. В образе каких только животных не выступают, по словам рассказчиков или самих очевидцев событий, оборотни: это овца (баран), свинья, собака, теленок, кошка — можно сказать, все домашние животные. В этих рассказах нередко показывается и активное сопротивление людей, даже борьба с колдунами-оборотнями. Их выявляют, за злодеяния наказывают (125—126).

Как видно из сказанного, былички и бывальщины у мордвы довольно многочисленны и разнообразны. Возникли они на основе определенных религиозных верований, поверий, пропущенных через сознание людей, всегда эмоционально окрашены. И как показывают сами тексты, подобные явления, видения возникали у людей мнительных, быстро поддающихся внушению в состоянии легкой дремоты, усталости, болезни, непогоды, жары и т. д. Такие рассказы интересны как источник для понимания былого мировоззрения мордовского народа, как материал для изучения природы осознанного и неосознанного творчества, рождения и трансформации образов, а также показывают перерождение и отмирание целого жанра устной сказочной прозы.

В наши дни собрание быличек затруднено многими обстоятельствами. Не в каждом селе уже можно найти информаторов, которые знали бы такие произведения. Но и те немногочисленные рассказчики обычно мало верят в правдоподобность ситуаций, в реальное существование мифологических персонажей (Ведяв, Виряв, бесов и т. д.), и не случайно иногда зачинают тексты устоявшейся формулой — «в старину рассказывали...». Нередко также информаторы делают ссылку на то, что рассказываемое произве-

дение слышали от бабушек, дедушек и за правдоподобность рассказа ручаться не могут: «Сам не видел, но от бабушки слышал так...».

* * *

Предлагаемый сборник является опытом отбора, систематизации и комментирования мордовских легенд, преданий и быличек.

При отборе текстов для публикации мы стремились дать по возможности полное представление о сюжетном составе произведений трех жанров сказочной прозы. Сведения о близких к публикуемым произведениям вариантах приводятся в комментариях к текстам.

В сборник вошли как записи советского времени, так и дореволюционные материалы.

Тексты, зафиксированные до Великой Октябрьской социалистической революции, почерпнуты из разнообразных источников: периодической печати, отчетов, описаний путешественников, краеведческой и другой литературы, а также из архивных и рукописных фондов разных городов страны.

Все материалы, собранные в советский период, за небольшим исключением, не публиковались и хранятся в рукописном фонде МНИИЯЛИЭ и других архивах страны. Но, несмотря на такую разнородность материала, составитель стремился по возможности сохранить в публикуемых текстах стиль и индивидуальные особенности повествования рассказчиков.

Заголовки легенд, преданий и быличек в большинстве даны самими рассказчиками, а заглавия, данные составителем, помечены <...>. Если несколько текстов имели одинаковые заголовки, то они сохранены в качестве подзаголовков и взяты в (...), а вновь данное заглавие поставлено впереди и заключено в <...>.

Весь материал распределен на две части: 1. Тексты, записанные на эрзя- и мокша-мордовских языках. 2. Тексты, записанные на русском языке.

Систематизированы тексты по жанрам, а внутри жанра — по циклам. Циклы расположены, насколько это было возможно сделать, в хронологической последовательности.

В комментариях к текстам указываются исполнитель, собиратель, место и время записи. Полнота паспортных данных зависит от тех сведений, которыми располагал составитель. В ряде случаев приводятся и другие сведения о текстах и их ближайших вариантах. В последнее время в фольклористике устной сказочной прозе уделяется значительное внимание. Одной из основных проблем для фольклористов в настоящее время является разработка схемы международной классификации жанров сказочной прозы и составление сводного каталога. С учетом этого составлен «Указатель сюжетов и мотивов легенд, преданий и быличек», учтен-

ных по архивным и рукописным фондам. В настоящее время он хранится в РФ МНИИЯЛИЭ, Л—759.

К сборнику приложены: список сказителей, словарь местных форм русских имен, употребляющихся в текстах сборника, список сокращений, а также географический указатель, дающий представление об ареалах распространения легенд, преданий и быличек. Географический указатель составлен с учетом современного административно-территориального деления.

Часть I

ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ НА ЭРЗЯ- И МОКША- МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ

Раздел I
ЛЕГЕНДЫ

О СОТВОРЕНИИ МИРА И ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ
БОЖЕСТВ С ЛЮДЬМИ

1. Кода тиевсь модась

Васендакиге светть лангса мезевок ашель. Аньцек шкайсь и равженясь. Весть шкайсь ащесь-ащесь ськамонза, мольсь мялец и сельгсь. Тиевсь моря, ою моря. Равженясь ушедсь ваяма. Ваяма ушедсь — зняльгодсь шкайти:

— Тямак шав, шкай, вораташка шкай. Кондястян нинге тейть помощникос.

Ужялькс арась шкайти равженясь, таргазе. Таргазе, и тага скучна арась.

— Давай таргак ил, мода тихтяма.

Чопафтсь равженясь моряти, таргась ил. Шкайсь пргась тянь ланге — тиевсь мода, шувания-шувания: молят и люкай.

Омбоцеда чопафтсь, омбоцеда таргась ил пакш. Шкайсь тага весть пргась — пантне тиевсь.

Вов мес пандть алу валгомста алашати мярьгондихть:

— Тпру, черт.

Лятфнесазь аф чистой силать, а вярн куцемста корхнихть:

— Но-о, с богом.

1. Как возникла земля

Вначале на свете ничего не было. Только бог и нечистый. Однажды бог сидел-сидел, надоело одному и плюнул. Появилось море, большое море. Нечистый стал тонуть. Начал тонуть, взмолился богу:

— Не убивай меня, бог, великий бог. Пригожусь я тебе в помощники.

Жаль показалось богу нечистого, вытащил его из воды. Вытащил и снова заскучал.

— Давай достань ил, землю сделаем.

Нырнул нечистый в море, достал ил. Побрызгал бог илом — появилась земля, тонкая-тонкая: идешь и качается.

Второй раз нечистый нырнул, второй раз достал кусочек ила. Бог снова побрызгал им — появились горы.

Вот почему, спускаясь под гору, на лошадь кричат:

— Тпру, черт.

Так вспоминают нечистую силу. А поднимаясь в гору, говорят:

— Но-о, с богом.

2. Тяшттень тиемасна

Менельть тиезе вярденъ шкайсь, а тяшттне кевнянь кондямокс алотольхть. Шкайсь кочказень синь, курмозьса видежень, и тиевсь Млечной путсь. Тяни сонь корязонза лиендихть сембе нармттне. Ся нармонень кись шаронды сембе светть перьф.

2. Создание звезд

Небо создал верховный бог, а звезды, как камни, были внизу. Бог собрал их, рассеял по небу так, что получился Млечный путь. Теперь по нему сверяют свой полет птицы. Этот птичий путь тянется вокруг света.

3. Васенце ломанць

Атятне азонкшнесть:

— Ульсь-мольсь стама пинге — ломаньфтема. Инголе, мзярдабди, шкайхне эрясть модать лангса. Модась ульсь тяфтама жа: вирьхть, ляйхть, нармттть, зверьхть. Шкайхне кой-мезьда ярхцать масторста: кстыда, марьда, пизелда, лаймарьда, церяда.

Мзярда шкайсь якась масторть эзга, ульсь стама «чуда» — мокорь ащесь: ашельхть кяденза-пильгонза, сельмонзовок аш. Ащесь стак, мезецка ашель, 30 кизот стак ащесь.

Шкайсь вирть эзга якась. Маладсь тейнза. Нйисы: мокорсь, кода ломань.

— Кие тоса?

— Мон.

Мярьги шкайсь:

— Максат аф лама ведня? (Симомас сась).

— Мон аф молеван, аф кярьмодеван.

Шкайсь мярьги:

— Тяряфтка, тяряфтка! Валяй, стьяк!

Кармась шерьхкома — тиевсь тейнза пилькт, и сон стьясь. Нинге кармась шерьхкома — тиевсь кятть, нардазень сельмонзон — панцть сельмонза, кармась няема. И тоса сон кандсь ведь симомс.

3. Первый человек

Старики рассказывали:

— Было такое время — без людей. Когда-то раньше боги жили на земле. Земля была такой же: леса, реки, птицы, звери. Боги на земле ели землянику, яблоки, рябину, черемуху, желуди.

Когда бог ходил по земле, было такое «чудо» — был пенек: у него не было ни рук, ни ног, ни глаз, стоял так пенек, ничего не имея, 30 лет. Шел мимо него бог. Ходил по лесу. Подошел к нему. Видит: пень, как человек.

— Кто там?

— Я.

Бог говорит:

— Дашь немного водички? (Пить он захотел).

— Я не могу ни ходить, ни брать.

Бог говорит:

— Ты попробуй, попробуй! Встань!

Пенек стал шевелиться — появились у него ноги, и он встал. Еще пошевелился — появились руки, протер глаза — открылись глаза, стали видеть. А потом он принес воды напиться.

О ЖИВОТНЫХ, РАСТЕНИЯХ И ИХ СВОЙСТВАХ

4. Колмоце спас

Улить истят кортамкат. Зяро кизэсь кармась ютамо, алашань-скалонь промотне пурнавсть вейс, арсесть модемс Илья Пророк-нень расчет мельга сень кисэ, што кизэнь перть пансесть скоти-натнень. Мольть тензэ ды мерсть:

— Минь ведь кизэнь перть важдинек.

— А мезе тенде? — кевкстни Илья Пророк.

— Кода мезе? Зяро скалт, алашат пансинек? Тень кисэ эряви пандомс тенек.

Илья Пророк мери:

— Тень кисэ а пандан. Азедо, паряк, панды сыре пазось.

Промотне ливтясть сыре пазонтень. Тона аштиль столь экшэ.

— Вана минь сынек тыненк мастор лангсто расчет мельга.

— Кодамо расчет тенк эряви? Мезень кисэ?

— Минь ведь скалтнэнь-алашатнень кизэнь перть пансинек!

Зяро чийнесть-артнесть эйтэнек! Зяро пильгсэст чавсть! Истя вана, миненек эряви расчет.

Пазонть кежензэ састь ды руске мерсь тенет:

— Вот придет последний, третий спас, и не будет вас!

Истя лиськак. Колмоце спаство мейле а неят алашань-скалонь промот.

4. Третий спас

Рассказывают так. Когда лето было уже на исходе, слепни собрались и решили идти к Илье Пророку получить расчет за то, что все лето скот гоняли. Пришли к нему и говорят:

— Мы ведь все лето работали.

— А что вы делали? — спрашивает Илья Пророк.

— Как что? Коров, лошадей гоняли. Нам за это полагается плата.

Илья Пророк отвечает им:

— Я за это не плачу, идите к старшему богу, может он заплатит.

Полетели слепни к старшему богу. Тот сидел за столом.

— Вот мы прилетели с земли к вам за расчетом.

— А какой расчет вам нужен? За что?

— Как за что? Мы ведь коров-лошадей все лето гоняли! Сколько они бегали от нас! Сколько ногами били! За это нам полагается плата.

Бог рассердился да по-русски им и говорит:

— Вот придет последний, третий спас, и не будет вас!

Так и получилось. После третьего спаса уже не увидишь слепней.

5. Гуй тикше

Ангелзэсь ды Гуесь пелькстазевсть. Гуесь мери:

— Мон ломань пупан.

Ангелзэсь мери:

— Мон тикше кастан.

— Мон тикшень прянзо сейса.

— Мон отросткат холдан.

Алкукскак, ули истямо тикше, эрзятне мерить тензэ гуй тикше. Прязо арась, касы отросткасо. Ламо неть отросткатнеде, весе цветить сэнзэ. Прязо тикшень буту сезезь. Кода рускс мерить — а содаса. Эрзятне умок уш лечить эйсэнзэ гуень пупамодо. Истя авам евтнесь.

5. Змеинная трава¹

Заспорили Ангел и Змея. Змея говорит:

— Я человека ужалою.

Ангел говорит:

— А я траву взращу.

— А я ей верхушку сорву.

— А я отростки пущу.

И действительно, есть такая трава. Эрзяне называют ее змеиной травой. Верхушки у нее нет, растет она отростками. Много этих отростков, и все они цветут синими цветами. Верхушка травы будто сорвана. Как по-русски называют — не знаю. Эрзяне давно лечат ею от змеиных укусов. Так моя мать рассказывала.

¹ Русское название этой травы — вероника (Л. С.).

6. Овтось — сюдозь ломань

Вейке бабине евтнесь:

— Овтнэ—сюдозь ломанть. Седикеле ломаненть сюдосызь, сон овтокс велявты, Овтонть пильгензэяк ломанень, пильгалксонзояк.

6. Медведь — это проклятый человек

Одна старушка, рассказывала:

— Медведи — это проклятые люди. В старину проклянут человека, он медведем обернется. У медведя и ноги человечьи, и ступни.

7. Кода теевсь галась

Эрясь-аштесь тейтерька бабанзо ды аванзо марто. Лемезэ Гага, Сонзэ ульнесь ялгазо, аволь пек мазый. Гага ульнесь пек кольневтезь. Сон овсе эзь лездакшно аванстэнь. Авазо мери:

- Гага, азе-ка кандта ведь.
- Кедем васькавтозь, ведень кандомсто синдевить.
- Сайть варьгат.
- Варьгатне каладыть.
- Пандсыть.
- Кедем пунави салмуксонть.

Ды эзь моле ведь мельга Гага. Ялгазо кандсь ведь. Гагань бабазо пансь пачалксеть. Гага веши пачалксе, авазо мери:

- Тонь кедеть васькавтозь, пачалксесь жо пси.
- Мон варьга тонган.
- Варьгась калады.
- Мон пантнеса.
- Васькавтозь кедеть пунавить салмуксонть.

Ды эзь максо пачалксе, макссь ялганстэнь. Гага покордавсь ды тусь лей чирев. Сон кармась ваномо ведентень ды кортамо:

— Ялатеке мон сех мазысь, сех васькавтозевесь, сех вадрясь... Гага-Гага!

Гага прась ведентень ды мекев эзь лисеве. Истя сон теевсь галакс. Нейгак галась ранги: «Гага-гага».

7. Как появилась гусыня

Жила-была девочка с матерью и бабушкой. Звали ее Гага. Была у нее подруга, не очень красивая. Руки у Гаги были очень нежные. Своей матери она никогда не помогала. Мать говорит:

- Гага, сходи-ка, принеси воды.
- У меня руки нежные, ломаются.
- Варежки возьми.
- Варежки порвутся.
- Заштопаешь.

— Руку иголкой уколо.

И не пошла за водой. Подруга принесла воды.

Гагина бабушка напекла блинов. Просит Гага блин, а мать говорит:

— У тебя руки нежные, а блин горячий.

— Я варежку надену.

— Варежка порвется.

— Я заштопаю.

— Иголкой уколешь свои нежные руки.

И не дали ей блин, а подруге дали. Гага обиделась и пошла на речку. Стала она в воду смотреть и приговаривать:

— Все равно я самая красивая, самая нежная, самая пригожая... Гага-Гага!

Упала Гага в воду и не выбралась из нее. Так она превратилась в гусыню. И поныне гусыня кричит: «Гага-гага».

8. Кода каткась ды кискась кармасть а ладямо

Умонь шкане кискась ды каткась пек ладясть эсь ютковасть. Весть емнь састь роботамо ломанентень. Тона кевкстни эйезь, мезть маштыть тееме. Кискась мери:

— Мон кудонь ванстома.

Каткась мери:

— Мон маштан чеерень кундамо, монсь пекем пештьса.

Ломанесь кадынзе сынст эстензэ. Кискась вансты утомонть, каткась кундеи чеерть. Ломанесь сась роботасто ды кевкстни:

— Эрь, мезть тейниде?

Сынсь евтнизь. Ломанесь ванстоманть кис макссь кисканть сывель, катканть жо каясь ансяк ловсо.

— Тон,— мерсь ломанесь,— тонсь пекеть пештьсак.

Каткась покордавсь. Омбоце чистэнтъ таго истя: кисканть — сывель, катканть — ловсо. Каткась седеяк покордавсь. «Ну,— арси каткась,— мон кисканть тонавтса». Ды сон кармась саламо ципакат, ловсо, велькс. Ломанесь кисканть мери, што сон беряньстэ вансты, емсить ципакатне. Кискась отвечась, што салыця эзь нее.

Вейке чистэнтъ кискась редизе катканть ципакань саламсто ды ваткизе боканзо. Каткась куйсь каштом лангс ды а валги тосто. Ломанесь кевкстни:

— Мекс тон, катка, а валгат?

Каткась ответи:

— Сэредян, а валган.

Ломанесь молись кисканть, ды тона витъкстась тензэ: те сон разедизе катканть боканзо. Сестэ ломанесь мерсь, што каткась карми ансяк кудосо чеерень кундесе, кискась жо — ушосо ванстома. Кискась нейгак порови разедемс катканть омбоце боканзо.

8. Как кошка с собакой стали враждовать

В давние времена кошка с собакой жили меж собой дружно. Однажды пришли наниматься на работу к человеку. Тот спрашивает их, что они умеют делать. Собака говорит:

— Я умею дом охранять.

А кошка говорит:

— Я — мышей ловить. Сама прокормлюсь.

Человек оставил их у себя. Собака сторожит амбар, а кошка ловит мышей. Вот человек пришел с работы и спрашивает:

— Ну, что же вы делали?

Они рассказали. Человек дал собаке мяса, а кошке только молока налил.

— Ты, — говорит человек, — сама себя накормишь.

Кошка обиделась. На следующий день все повторилось: собаке — мясо, а кошке — молоко. Кошка пуще прежнего обиделась. «Ну, — думает кошка, — я собаку проучу». И стала она потихоньку воровать цыплят, молоко, сметану. Человек говорит собаке, что та плохо сторожит, цыплята пропадают. Собака же отвечает, что воров не видела.

Но однажды собака встретила кошку, когда та тащила цыпленка, и ободрала ей бок. Забралась кошка на печку и не слезает с нее. Человек говорит:

— Почему ты, кошка, не сходишь с печи?

Кошка отвечает:

— Я больна, потому не схожу.

Человек пошел к собаке, и та обо всем рассказала ему: она разодрала кошке бок. Тогда человек сказал, что теперь кошка будет ловить мышей дома, а собака — охранять двор.

С тех пор собака старается ободрать кошке второй бок.

9. Мекс кавалось ды саразось аволь дружат

Пек умонь шкане саразось ды кавалось ладясть эсь ютковасть. Весть саразось емавтызе салмуксонзо ды мольсь салмуке мельга кавалонтень. Тона мери:

— Максап, ансяк иляк емавто.

Саразось кемевтизе:

— Арась, арась, а емавтса.

Саразось мольсь кудов, стась ды мери ципакинентень:

— Азе, кандык салмуксонть кавал патянтень ды вант иляк емавто.

Ципакинесь тусь. Модемстэ ваны, кинть лангсо налксить ялгапзо. Сонзьяк тердизь. Кармась налксемь ды стувтызе аванзо кармавтоманть. Салмуксось емась.

Кавалось учи — а кандсызь, учи — а кандсызь, ды сонсь сась саразонть. Саразось весе евтнизь. Кавалось жо мери:

— Ну, тень кисэ мон карман ципакат салсеме се шкас, зярс а мусынк салмуксонть.

Ды кармась саразось ципаканзо марто вешнеме. Нейгак яла вешни, кавалось жо яла салси ципакат.

9. Почему коршун и курица в ссоре

В давние времена курица и коршун жили в ладу: ходили друг к другу в гости. Однажды курица потеряла иголку и попросила ее у коршуна. Тот говорит:

— Дам, лишь не потеряй.

Курица уверила:

— Нет, нет, не потеряю.

Пришла курица домой, пошила и говорит цыпленку:

— Иди, отнеси иголку коршуну, да смотри, не потеряй.

Цыпленочек пошел. Видит, на дороге играют друзья. И его позвали. Заигрался и забыл про иголку, а она пропала.

Коршун ждет — не несут, ждет-пождет — не несут. Сам пришел к курице. Курица все рассказала. А коршун и говорит:

— Ну, за это я буду воровать твоих цыплят до тех пор, пока не найдете иголку.

И стала курица со своими цыплятами искать. До сих пор ищет, а коршун все ворует цыплят.

10. Толонь седейть

Тосо, косо Сурась теи пурдавкс, ули сэрейде сэрей отьма. Се отьманть потмакссо пиземе вене марявить кодат-бути лайшемат. Кие тосо лайши, мекс лайши, кияк паро койсэ а содасы. Кевкстия мон теде покштянь, Пургай атянь. Сон пек превей, сядодо ламо иеть эрясь, содасы, мезде нармутне кортыть, мекс ды мезде пуви вармась, тикшетненьгак весе содасынзе. Сон монень мерсь:

— Те отьманть потмакссо лайши тейтерь, толонь седей Дана.

— Кода истя тозонь понгсь? — кевкстия мон.

— Вана кунсолок, кода теvesь ульнесь.

Пек умонь шкане Пурьгиненть мельсь тукшность Ведявась. Вастневсть сынь, ды те вастневемадонтъ мейле чачтась Ведявась тейтерь, мазыйдеяк мазый. Сиянь лавсьсэ сон удось, эрькенть потмакссо сон кассь. Эрьва чине касыль, седеяк мазылгадыль. Весе мари, мезе тензэ кортыть, ансяк сонсь а корты. Мейле чарькодсь Ведявась, што тейтерезэ немой. Пек энялдсь Нишке пазонтъ ике-ле, кортась тензэ:

— Мейс максыть тензэ мазычи ды эзнить максо вайгель?

Кайсь Дана, теvesь тейтерькс, седеяк мазылгадсь. Кодак лиси леентень, уи, весе калтиэ мартонзо налксить, калтнеяк комсить тензэ. Сон пек вечксь аштекшнемс леенть чиресэ чочко лангсо.

Весть ашти лангсонзо ды мари: вирьстэнтъ, пандонтъ прясто, кие-бути сы ды моры; яла седе малав сы, седе малав, ды друк

вирьстэнтъ лиссь мазы цера. Эзь туге Дана эйстэнзэ, кадовсь тарказонзо. Церась мольсь ваксозонзо, лемезэ сонзэ ульнесь Дувар.

— Мезть аштят, паро тейтерь?

Тейтересь мезтькак эзь отвеча каршонзо. Церась таго ушодсь мартонзо кортамо. Тейтересь чатьмони. Истя сынъ, апак корта, кундасть кедте кедь, тустъ якамо вирьганть.

Сы чокшнестэнтъкак церась сась. Ды сынъ кармасть вастневеме. Церанть мельь пек тусь тейтересь. Васня сон арсесь, што тейтересь покшкавтни, а корты мартонзо, мейле чарькодсь, што сон немой, а машты кортамо. Апаркстомсь седеезэ. Дананень жо истя вечкевсь се церась — сонстемензэ эрямозояк арасель. Чинек-венек эйсэнзэ учи. Ютась чи, кавто — церасть а сы. Мейле сась ды мери:

— Кунсолук, Дана, монень пек берянь якамс мартот вирьганть апак корта. Вана улевель бу вайгелеть, паро улевель, урвакстов-линь лангозот.

Кармасть Дана пизьякадокшномо: косто сайсы сень, мезе арась? Но Дуваронь седеезэ ульнесь кевень, мездеяк сон эзь арсе, велявтьсь ды апак корта тусь. Пек апаркстомсь Дана, арсесь эськанзо: «Мезть тейнемс, косто саемс вайгель, штобу мекев саволь теңь Дувар?»

Вестъ чокшне сон аштесь вирентъ чиресэ ды марясь: тона ендо сыть кавто ломанть. Ды истямо мазый вайгельсэ ава серьгедсь моро, весе виресь энгамсь, нармунтнеяк лоткасть морамодо, весе кунсолыть. Данаяк лиссь вирьстэнтъ ды кунсолы. Мольсть леентъ чирес од цера ды тейтерь. Од церась ульнесь ашназа, мазый, сэрей, тейтересь жо кодамо-бути нудей пильге, човине, чамазояк весе пизьгатав, судозо покштурванзояк нолдазь, ну, аволь мазыйтнеде. Но вайгельсэнзэ ульнестъ истят нотат, истямо мазычи, што чинек-венек кунсоловлитъ. Церась мери:

— Эх, Нанда, мазый вайгелеть ды аламошка улевелькак бу эйсэть мазычи, тонъ марто кадовлинек эрямо пингедэ-пингес.

Тейтересь апаркстомсь:

— Косто мон сайса те мазычинть? Ведь а весе мазыйкс чачинть, монденькак а мазыйть улить мастор лангсонть.

Церась эзь карма кунсоломояк, велявтьсь ды тусь. Кадызе тейтерентъ леентъ чирес. Тейтересь пек нусмакадсь, апаро мельть прызонзо састъ: «Седе паро карми улеме, бути мон те леентень чопавтан, ды весе тевеськак ули!»

Ансяк истя арсезевсь, лиссь ваксозонзо Дана ды невтнезь теңзэ мери:

— Давай полавтсынек: мон тетъ мазычинть, тон жо макссак монень вайгелеть.

Чарькодизе теңь Нанда, согласясь. Сестэ Дана яходсь кедьсэнзэ, кепететсь ведень пандо, копачизе прясто пильгс. Зярдо ведесь тусь, Нанда теевсь мазыйдеяк мазыйкс, Данань мазычизэ жо прок араселькак, но сон ранкетась — потстонзо гайгезевсь сиань вайгель. Ды, штобу мезеяк одс илязо полавтово, лиссь седе

курок, чопавтсь отьманть потмос. Нанда тусь кудов. Теде мейле вайгельтемеяк саизе сонзэ паро цера, ды сынъ эрясть пингест пес, ламо эйкакшт трясть, Дана жо меельцпелев кудосо ладсесь гайги моро. Теке жо чокшнестэнтъ лиссь ды кармасть моронть морамо. Мейле сась теңзэ Зэхель вармась, ды сон корты те варманть:

— Варма, кандык Дувариэнь мором ды евтак: вайгелем ней ули, кадык сазо.

Каподизе Зэхель вармась Данань моронть, пандонть трокс кандызе Вечкуз велентень, косо эрясь Дувар. Дуваронькак сестэ мекебути тошначи саизе. Аштесь сон кустимбентъ лангсо ды арсесь Данадо. Маризе Дувар те моронть ды секе басом чиезь ношкстась вирентъ трокс. Каршозонзо чийсь Данаяк. Вастовсть вирьсэнть, ковось жо се шкане вансы, тевесь истямо берянь. Штобу Дувар аволизе нее, што Дана аволь истямо мазый, кодамо ульнесь икеле, кекшсь пельтнеңь экис ды мейле сексень перть эзь лисне. Ды эрва вене Дана марто Дувар вастневкшнестъ. Шкась ульнесь паро, мейле сась сексь. Ветне теевсть кельмть.

Вестъ пелевене Дана корты Дувариэнь:

— Дувар, пачк кельминь, мезть теңзэ аштетяно, адя монень. Эрькентъ потсо ули кудом. Ней чаво. Эрятано тосо тундос ды мейле листяно.

Кавтолдозевсь Дувар, мерсь:

— Эрь, адя.

Саизе Дана Дуваронь кедте, ансяк тейсть вейке эскелькс ведентень, прок толсо пицизе эень кондымо ведесь. Лоткась Дувар ды мери Дананень:

— Арась, Дана, а молян тенк течи. Несак, панаромкак ташто ды пильгэнькак карть. Виськс теңь авать икеле карми. Истя а якить урвакстнеме. Вана кода тейсынек. Мон молян кудов, оршаса паро панаром, карсесынъ од кемем, тевентъ кортаса тетянь-авань марто ды ванды-вандыде мейле сан кисэть, сайтян тов. Кельме телентъ ютавтсынек тосо.

Дана мери:

— Манясамак.

— Вана пурьгинесь кадык ледьсамам, — мерсь Дувар, — бути а сан, а кирдьса валом.

Простаясь. Тусь Дувар кудов. Учи эйсэнзэ Дана вейке чокшне, учи омбоце, колмоце чокшнестэнтъкак мик Дувар эзь са. Апаро мельде кармасть пешкедеме Данань прызо, ушодсь талномо, тердизе варманть ды мерсь теңзэ:

— Азе, варма, велентень ды ваньк, мезе тосо тейни Дувар.

Вармась тусь. Аламо шкань ютазь велявтьсь мекев ды Данань пилес тошки:

— Урвакстсь Дувар, кадынзеть, ней свадьба моли.

Дана пизьякадсь, аварьгадсь, весе виресь кармасть лажномо, леесь кепедсь покш волнат, менельсэнть апак учо появастъ покш пельть, раушкадсть ды тустъ велентъ енов. Мейле кавксть-колмоксть царнозевсь пурьгине. Се таркасонть, косо эрясь Дувар, ка-

довсть ансяк тонол петь. Мейле пурьгинесь велявтьс мекев, се тарканть, косо улынесь Дана, таго царнозевсь Суранть велькссь, кавтов лавовсь лей потмаксось, ды теевсь сэрейдеяк сэрей отьма. Пурьгинесь мерсь виев вайгельсэнзэ:

— Дана, совак те отьманть ды учок, зярдо эзянь масторс чачи тонь кондямо толонь седей од цера. Сень каршо тои листь. Ансяк сень марто муят часия.

Ды Дана совась се отьманть. Те шкас учи се церанть, лайши...

Мон мерян:

— Дедай, паряк, ней се од церась уш чачсь?

Дедам отьечи:

— Ды уш, евтнематнень коряс, сон чачсь. Самаль бу тензэ. Тесэ вана, паряк, курок вастыть.

Тень коряс мон пек арсезевинь: кие жо се церась? Зярдо сон сы тезень, штобу толонь неть кавто седейтне вастовольть, ды улевель мастор лагонь сехте покш вечкема?

10. Пламенные сердца

Там, где Сура делает поворот, есть глубокий-преглубокий омут. Из глубины этого омута в дождливые ночи слышатся какие-то рыдания. Кто там рыдает, о чем рыдает, никто как следует не знает. Спросил я об этом дедушку, старика Пургая; он очень умный человек, более ста лет жил, знает, о чем переговариваются птицы, отчего и почему дует ветер, и травы все знает. Он мне сказал:

— В этом омуте рыдает девушка, пламенное сердце Дана.

— Как же она туда попала? — спросил я.

— Вот послушай, как было дело.

В давние времена Громовику пришлось по душе Ведява. Встретились они, и после этих встреч у Ведявы родилась дочь, красивая-пригожая. В серебряной колыбели она спала, на дне озера росла. С каждым днем становилась прекраснее. Все она слышит, что ей говорят, только молчит. Потом поняла Ведява, что дочь немая. Горячо умоляла она бога Нишке, говорила ему:

— Зачем ты дал ей столько красоты и не дал голоса?

Выросла Дана, превратилась в девушку, еще прекрасней стала. Когда плыла по реке, все рыбы играли с нею, ивы кланялись. Любила она сидеть на бревнышке на берегу реки.

Однажды сидит на нем и слышит: из леса, с горы, кто-то спускается и поет; все ближе, все ближе подходит, и вдруг из леса вышел красивый парень. Не ушла от него Дана, осталась на своем месте. Парень приблизился к ней. Звали его Дувар.

— Что делаешь, девушка пригожая?

Ничего девушка не сказала в ответ. Парень снова попытался заговорить с нею. Та опять молчит. Так они, не разговаривая, взялись за руки, пошли гулять по лесу.

И на следующий день парень пришел. Стали встречаться. Попривалилась девушка парню. Вначале думал, что она стесняется, не

разговаривает с ним, потом же понял, что немая, не может говорить. Не по себе ему стало, а Дана так полюбила парня, не представляла, как жить без него. Днем и ночью ждет его. Прошел день, другой — парня нет.

Потом пришел и говорит:

— Послушай, Дана, мне не нравится молча ходить с тобой по лесу. Был бы у тебя голос, было бы хорошо, женился бы на тебе.

Расстроилась Дана: где же она возьмет то, чего нет? Но сердце Дувара было каменным, ни о чем он не думал, повернулся и, ничего не сказав, ушел. Не по себе стало Дана. Думала про себя, что делать, где взять голос, чтобы вернулся к ней Дувар?

Однажды вечером сидела она на опушке леса и слышала: с другой стороны идут два человека. И девушка запела песню таким красивым голосом, что лес затих, и птицы перестали петь, все слушают. Дана тоже вышла из леса и прислушалась. Пришли к реке молодой парень и девушка, так себе: тонкая, лицо в веснушках, нос большой, губы отвислые, ну, одним словом, не из красивых. Но в голосе ее были такие нотки, такие звуки, что слушал бы и днем и ночью. Парень говорит:

— Эх, Нанда, голос у тебя красивый, но была бы ты сама немного красивей, всю жизнь прожили бы вместе.

Не по себе стало девушке.

— Где же я возьму эту красоту? Ведь не все рождаются красивыми, и некрасивее меня есть на свете.

Парень слушать ее не стал, повернулся и ушел. Оставил девушку на берегу. Загрустила она, недобрые мысли появились в голове:

— Лучше будет, если я в этой речке утоплюсь, и дело с концом!

Лишь подумала так, вышла к ней Дана и знаками объясняет ей:

— Давай поменяемся: я тебе — красоту, а ты мне отдашь свой голос.

Поняла это Нанда, согласилась. Дана взмахнула рукой, поднялась высокая волна, окатила с головы до ног. Когда вода сошла, Нанда стала красивой из красивых, а красоты Даны будто и не было, но она крикнула, и в ней зазвенел серебряный голос. И чтобы ничего вновь не изменилось, поскорее ушла, нырнула в омут. Нанда пошла домой. Потом ее безголосую взял хороший парень, и они жили до конца своих дней, вырастили много детей. А Дана дома разучивала звонкую песню. В тот же вечер вышла и стала петь ту песню. Прилетел к ней ветер Зэхель, и говорит она этому ветру:

— Ветер, отнеси мою песню в село Дувару, скажи: голос у меня теперь есть, пусть приходит.

Подхватил ветер Зэхель песню Даны, через гору принес в село Вечкусы, где жил Дувар. И у Дувара в это время было как-то тоскливо на душе. Сидел он на крыльце и думал о Дана. Услышал

Дувар песню и сразу же бросился бежать прямо через лес. На встречу побежала и Дана. Встретились в лесу, а луна видит, дело-то плохое. Чтобы Дувар не заметил, что Дана теперь не такая красивая, как прежде, спряталась за тучи и всю осень не показывалась. Стали Дувар и Дана встречаться каждую ночь. Была прекрасная пора, затем наступила осень. Ночи стали холодными.

Однажды в полночь Дана говорит Дувару:

— Дувар, я вся ооченела, что здесь стоим, пойдем ко мне. В озере у меня есть дом. Сейчас пуст. Проживем там до весны и выйдем.

Засомневался Дувар, потом сказал:

— Ну, идем.

Взяла Дана Дувара за руку, но только сделали один шаг в воду, словно огнем обожгла ледяная вода. Остановился Дувар и говорит Дана:

— Нет, Дана, сегодня не пойду к тебе. Видишь, и рубашка на мне старая, и обут в лапти. Стыдно мне будет перед твоей матерью. Так не ходят жениться. Давай сделаем вот как. Я пойду домой, надену лучшую рубашку, обую новые сапоги, обговорю дело с родителями и завтра-послезавтра приду, заберу тебя. Холодную зиму вместе проведем.

Дана говорит:

— Обманешь меня.

— Вот громом пусть меня убьет,— сказал Дувар,— если я не приду и не сдержу слова.

Прощались. Пошел Дувар домой. Ждет его Дана один вечер, другой, и на третий вечер не пришел Дувар. Недобрые мысли появились в голове Даны, забеспокоилась она, позвала ветер и сказала ему:

— Лети, ветер, в село и разузнай, что делает Дувар.

Отправился ветер. Немного погодя возвратился назад и шепчет Дана на ухо:

— Женился Дувар, покинул тебя, сейчас свадьба идет.

Закричала, заплакала Дана, лес зашумел, река вздыбилась волнами, на небе неожиданно появились большие тучи, почернели и поплыли в сторону села. Потом два-три раза прогремел гром. В том месте, где жил Дувар, остались только головешки. Затем гром возвратился назад, туда, где была Дана, снова загремел над Сурой, речное дно расколосось надвое, и появился глубокий-преглубокий омут. Гром своим громким голосом сказал:

— Дана, иди в этот омут и жди, когда на эрзянской земле родится подобный тебе парень с пламенным сердцем. К тому ты и выйди. Только с ним ты найдешь счастье.

Дана спустилась в омут. До сего времени того парня ждет и рыдает.

Я говорю:

— Дедушка, теперь уж, наверное, родился тот парень?

Дедушка отвечает:

— Да уж, по рассказам, он родился. Должен прийти. Наверное, скоро здесь повстречаются.

Очень я задумался над этим, думаю теперь, кто же тот парень? Когда придет сюда, чтобы эти два пламенных сердца встретились, и была бы самая большая на свете любовь?

11. Оцю пичесь

Кархчайкать эзда вайгяльбешка вастса ащи Баранка вирсь, ато сята маласа, кие мерсезе. Кодак суват Баранкав, оцю кить эзда кержи ширеса ащи Оцю пичесь. Мзяра киза сон ащи, кивок тьса аф соласы ни. Нинге мон емлалень, а пичесь тяфтамоль ни: оцю и копакшу, Царь-пиче, а перьфканза эхярь келуфт да поюфт. Ды мезе мон? Нинге бабазе азонкшнезе, нинге бта ульсь идь, а пичесь тяфтамоль ни. Заводяйхть пичеть керома, да сонь эдонза вер бта туй шудема. Стаки кадозь апак керхт.

Ульсь ломатть, конат няендсть Оцю пичеть алда пяк мазы стирь. Стама мазы, стама мазы, аш кода ни азондомс; аньцек тифтеди, няфти пря и юмай вишкста.

Кулендесвь нинге, азонкшнезь: стирсь тоса, Оцю пичеть ала, олькси тройцянь карша. Олькси, а валхт аф шарьхкодевихть.

Корхтафнезь, бта эрясь тоса Вишняк атя, а сонь ульсь пяк мазы стирец. Кельгсь ся стирсь пяк цебарь цера, но алясна сиць сюдозь. Кати а ков юмась церась, а стирсь арась мазы пичекс, пичедема.

А тоса ни атясь кулось, изь кенерь простиндамс стиренц, ды и лядсь стирсь тяфтак. А тьяни сон киндинге афи эряви, стак и ащи Кархчайкать ды Пичаевать еткса, келуфнень потмоса. А патретоцтя Оцю пичеть ули мяк Пензаса. Тьяни Оцю пичеть маласа тиевь родник, аньцек ведсь аф шудезь шуди, а путьконьянь лиси.

Тя легендась Кархчайкаса эряй кунара, сонь азондсы любой ломанць. Сята башка, сонь перьфканза улихть нинге лия лама легендат казнатнень колга, од стирень кельгомать колга и стак тов. Виде, Оцю пичеть фкя бокса корянтъ видеса панжевсь бта родник: кольги эдонза сок. Пичесь тянемс касы вирьса кить вакса мазиста и келиста. Керомс сонь аф мярьгихть.

11. Большая сосна

Примерно в километре от Карсаевки есть лес Баранка. А может быть, он ближе, никто не измерял. Как войдешь в Баранку, слева от главной дороги стоит Большая сосна. Сколько лет она здесь стоит, никто не знает. И когда я была маленькой, сосна все такой же была: кудрявая, царица-сосна, а вокруг нее только бе-

резы и осины. Да что я? И бабушка моя рассказывала: когда она была маленькой, сосна такой же большой была. Хотели срубить, да из сосны кровь начинала течь. Так и оставили несрубленной.

Были люди, которые видели под Большой сосной красивую девушку. Такую красивую, такую красивую, что и не описать; только появится — сразу исчезнет.

Еще рассказывали, что под Большой сосной девушка причитывала перед троицей. Причитывает, а слов не разобрать.

Рассказывали, будто жил там старик Вишняк, а у него была красивая дочь. Любила эта девушка доброго молодца, но отец их проклинал. Парень куда-то пропал, а девушка превратилась в большую сосну.

Потом и старик умер, не успев простить свою дочь, так девушка сосной и осталась. А теперь она никому не нужна, так и стоит между Карсаевкой и Пичаевом, среди берез. А снимок этой Большой сосны есть даже в Пензе. Сейчас около корней Большой сосны появился родник, только вода из него не ручьем течет, а каплями выходит.

Такая легенда живет в Карсаевке давно, ее знает любой человек. Кроме того, рассказывают и много других легенд о кладах, о любви молодой девушки и так далее. Сосна и теперь растет в лесу у дороги красиво и раскидисто. Рубить ее не разрешают.

О ВЕЛИКАНАХ

12. Баторонь панда

Баторонь пандть лангса сядонголе эрясть богатырьхть, синь мода ашесть сока-видь, а воявасть, гуляндакшность и яксесть охотас.

Весть фкя богатырень цера якась охотав и нийсь модать лангста унжанят. Сявсь фкя унжания и кандозе зепсонза куду. Кодак сась куду и корхтай тядяницты:

— Мон мунь кати-кодама унжания,— таргазе зепстонза.

Тядяц сявозе унжанять, путозе кядь кучказонза и корхтай цераницты:

— Тя, идняй, аф унжа, а сокай-види ломань. Мзярда кулы минь богатырень пляманьке, ня ломаттне кармайхть соказь-видезь эряма. Нолдак меки и катк работай.

Церась нолдазе унжанять, а сон кармась тага сокама.

12. Баторова гора

На Баторовой горе раньше жили богатыри, землю они не пахали, не сеяли, а только воевали, гуляли и на охоту ходили.

Однажды сын богатыря пошел на охоту и увидел на земле букашек. Взял одну букашку и в кармане принес домой. Пришел домой и говорит матери:

— Я нашел какую-то букашку,— достал из кармана и показал.

Мать взяла букашку, положила на ладонь и сказала сыну:

— Это, сынок, не букашка, а пахарь. Когда исчезнет наше богатырское племя, эти люди будут заниматься земледелием. Отнеси назад, пусть работает.

Парень отпустил букашку, а она опять стала пахать.

13. Баторонь родникне

Тейнтъ азондсть Баторонь пандть колга? Азондсть — эрь пара. Эрясть тьса Баторхт: фкясь — тьса, вона Кяшалть фтала Баторонь калдазсь — тоса эрясь фкя братсь, а омбоцесь эрясь вона коса: тьяни тоса Бораж велесь. Тоса сонь ульсь калдазоц.

Синь стаптольхть ломаттне — богатырьхть. Мзярда Кяшалонь Баторсь мезе-мезе строяй, то венептьсы кяденц мяк Боражень Баторти и сясвсы сянть узерец, лакси.

Весть тяфта Кяшалонь Баторсь мезе-бди лаксесь, а цераняц тейсонза колендсь. Колендсь-колендсь и валгсь мяк лашмоти. Валгсь лашмоти и мусь унжа. Сявозе сон унжать, путозе зепозонза и тусь алянцты. Мольсь и мярьги:

— Аляй, ватт кодама унжа мунь.

Таргазе унжать зепсонза и няфнесы. А Баторсь и корхтай:

— Тя, церай, аф унжа: тя сокай-види ломань. Вов минь Баторонь пляманьке кулы, а тяфтама сокай-види ломаттне кармайтть тьяса эряма, модань сокама да серонь видема. Архт, коста сивить — тоза меки и путк.

Баторонь церанясь кандозе унжать меки паксяв и нолдазе. Смекак, конашкатольхть сищь Баторхне, кда цераняць зепс тьялгондсь сокай алясь алашанек-соканек. Эрясть синь Баторонь пандть прясса. А алува ульсть синь родниксна, коста ведь сявондсть. Родникта ульсь колма али ниле, аньцек фкясь пяк ошоволь: ниле ужеса и крхка, мярьгат, потмакоцка аш.

Азонкшнесь сире ломаттне, лисенкшнесь тя оцю родникти золотань кал: щука аф щука. И тя калсь аф кядьса аф кундави, аф пеелемса аф керови. Налхки-налхки и юмай.

13. Баторовы родники

Вам рассказывали о Баторовой горе? Рассказывали — так хорошо.

Жили тут Баторы. Позади Кяшала был двор Батора, там жил один брат. А другой жил вон где: сейчас там село Барашево. Там был его двор.

Это были люди-богатыри. Когда кяшаловский Батор что-нибудь строит, то протянет руку прямо к барашевскому Батору, возьмет его топор и тешет.

Однажды кяшаловский Батор что-то делал, а сынишка играл около него. Играл-играл и спустился в долину. Спустился в долину и нашел букашку. Взял букашку, положил в карман, пошел к отцу. Пришел и говорит:

— Отец, смотри какую букашку я нашел.

Достал букашку из кармана и показывает. А Батор говорит:

— Это, сын мой, не букашка, это человек-землепашец. Когда исчезнет богатырское племя Баторов, тогда здесь будут жить такие люди-землепашцы, будут пахать и сеять. Иди положи туда, откуда взял.

Сын Батора отнес букашку в поле и выпустил. Вот и представь себе, какими были сами Баторы, если мальчик поместил в кармане пахаря вместе с сохой и лошадей. Жили они на Баторовой горе. А у подножья били родники, откуда они брали воду. Родников было три или четыре, но только один из них был большим: имел

четыре угла и дна не видно, будто бездонный. Старики рассказывали: появлялась в этом большом роднике золотая рыба: щука не щука. И ее ни руками не поймать, ни косой не срезать. Играет-играет и пропадет.

14. Од Толку велень богатырьхть

Од Толку велесь появась пяк кунара, кизоса аф лувови, валса аф азови. Васенце эряйкс ульсь фкя семья, кона аф ошоволь. Тяниень велеть вастса кассь оцю и сери вирь, сонь кучкаванза шудесь ляйня, конань лемоц ашель. Ефси беряксонза строяфоль эчке пичень куд, сонь пряц вельхтяфоль щепкаса. Тя кудса эрясть колма ломатть: тядясь и кафта братт-богатырьхть. Синь колмоцьке эрясть пяк дружнайста. Тядясь работась кудса, переса, пирьфса, кона пяхксель жуватада, а иденза работахнесь кафта разнай вастова вирьса. Фкясь вирь керсь Мокша ляйть тя бокса, омбоцесь — тона бокса. Улемок пяк внихть, синь узерьснон ерялезь Мокша ляйть туркс то тя, то тона боку, а узерьсна кафонест фкяль. Работама тушендольхть рана шобдава, а сашендольхть поздна илять. Мезенди керозь вирть, кивок аф содасы.

Весть фкя богатырьс сась куду шинь кучканяць, эрязета сувась кенкшка и ишкадсь тядянцты:

— Тядяй, ванк, мезе мунь!

Сонць таргась карманцтонза алашаня, конань пулос кильтьфоль соканя, а соканяти кундаф ломанья. Тядясь варжактсь эрек предметниень лаигс и мярьгсь цераниты, штоба сон кандолезень меки ся вастти, коста сявозень. Корхтаманц тьянь мархта ашезе адела, мярьгомек, што ня емла ломаньятне полафтсезь синь, богатырьхнень.

Церась тусь меки работама вастозонза, карманцонза меки кандозень и путозень ингольдень вастозост ломаньяць и алашаняць.

Тя случайда меле курок кулось сембе семьясь. Вастозост появась эряйхть, синь емлатольхть и ровнайхтельхть серес, фкя лацоль вийсна.

14. Богатыри села Новая Толковка

Село Новая Толковка появилось очень давно, когда именно — сказать трудно¹. Первожителями стала семья, которая была небольшой. На месте села раньше рос большой и высокий лес, по середине протекала безымянная речушка. На ее берегу из толстых бревен был построен дом, покрытый щепой. В этом доме жили три человека: мать и два брата-богатыря. Втроем жили они дружно. Мать работала по дому: в огороде, во дворе, полном животными, а ее дети работали в лесу, в двух разных местах. Один рубил лес на одном берегу Мокши, второй — на другом берегу. Бу-

¹ Дословно: ни годами сосчитать, ни словами сказать.

дучи очень сильными, они перебрасывали свой топор то на этот, то на тот берег, а топор был один на двоих. На работу уходили рано утром, а возвращались поздно вечером. Для чего рубили лес, никто не знает.

Однажды к обеду один богатырь пришел домой, быстро вошел в дом и сказал матери:

— Мама, смотри, что я нашел!

Вытащил из кармана лошадку, запряженную в соху, а за соху держался человек. Мать взглянула на живые существа и сказала сыну, чтобы он отнес на то же место, где взял. Еще сказала, что эти маленькие человечки сменят их, богатырей.

Сын снова ушел работать, в кармане отнес и положил на прежнее место человечка и лошадку.

Вскоре после этого случая вся семья вымерла. Вместо них появились маленькие, одинаковые по росту и силе жители.

15. Ошка панда

Минь веленькось эзда ниле вайгяльбешка вастса ши мадома ширеса ули фкя панда, кона фкя вастса пяк сери и, мярьгат, бта кивок маразе. Тя сери панда пряти маластонь велетне мярьгихть кафта лемса: конат — Ошка панда, а конат мярьгихть Ежка панда. Но, монь мяльсон, лемоц Ошка панда.

Тяни ся пандть эзда сисемшка вайгяльбе вастса шуди Мокшесь, конань кержи берякса (ши мадома ширень берякоц) сери пантт — ушедыхть Краснослободск ошть эзда и мянь Ковылкина станцияти модемс. Ня кафцьке панттне ашихть карань-каршек.

Сире атятне и бабатне азонкшихть ня панттнень ланга тяфтама баснят. Пяк кунара, коста нинге ня васттнень эса ашельхть мокшень велет (а тяни пяк лама эздост), састь кафта братт — мокшень богатырьхть и путозь мялезост: тиеме ня кафта панттнень пряс пичень кутт. Ся маласа улихть нинге тянемс пичень и келувонь вирьхть, но тяни аф пяк оцюфт, сяс мес эрь кизоня керсезь.

Азсть эстейст богатырьхне вал и кармасть работама. Фкясь тусь фкя пандть пряс, а омбоцесь илядсь омбоцеть пряс. Кармасть кудонь шапома. Узерьса фкяль, а работайда кафонест. Сяльде синь кармасть узерь фкя-фкянди ерямонза. Фкясь шапи — ердасы омбоцети (тясть юкста сян, шта етксь фкя пандть эзда омбоцети сисем вайгельбет). Ердасы фкясь узерь брадонцы, озай пандть пряс, кармай морама, вайгяленц эзда шуфттнень пряста лопатне пярехть, кода вишке буря пингти.

Путеть кутт и кармасть эряма. Фкясь эздост бта корхтай:

— Тяни дай, брат, яваськ минь алонк ащи моданьконь.

Фкясь арась оязорке Мокшеть шинь стямань пязезонза, а омбоцесь — ши мадома пязезонза. Кармасть кочксема мокшень народ. Кочкасть, штоба араламе пряснон ногайхнень эзда, конат еразь сявомс кядьстост синь масторнон.

Тюрембачк фкя богатырьт шавозь (кона эрясь тяниень Ошка пандть пряс), и мокшень народсь калмазе ся пандть пряс, марасть калмонц лангс пяк оцю мар. И сята меле тя оцю марти бта путфтеть лем Ошка панда.

15. Гора Ошка

Километрах в четырех западнее нашего села есть гора, в одном месте высокая, как будто ее кто-то насыпал. Эту высокую вершину в ближайших селах называют по-разному: кто — гора Ошка, а кто — гора Ежка. Мне она запомнилась как Ошка.

Теперь километрах в семи от той горы течет Мокша. На левом (западном) берегу — высокие горы, начинаются от города Краснослободска и доходят до станции Ковылкино. Эти две горы расположены друг против друга.

Старики так рассказывают. Когда-то давно в этих местах не было мокшанских селений (а сейчас их много). Пришли два брата — мокшанские богатыри — и решили построить на этих двух горах сосновые дома. И до сих пор в этих местах сохранились сосновые и березовые леса, только теперь они не очень большие, потому что каждый год вырубают.

Богатыри дали себе слово и принялись за работу. Один пошел на вершину одной горы, другой остался на вершине второй. Начали строить дома. Топор был один, а работали вдвоем. Тогда они стали перебрасывать топор. Один порубит, бросит другому (а расстояние от первой горы до другой семь километров). Первый бросит топор брату, садится на вершине горы и начинает петь, а от его голоса листья с деревьев осыпаются, будто в бурю.

Построили дома и стали жить. Один из них говорит:

— Давай, брат, теперь поделим мы здешние земли.

Один стал хозяином восточного берега Мокши, а другой — западного. Начали собирать мокшанский народ. Собрали, чтобы защитити себя от ногайцев¹, которые хотели захватить их земли.

В сражении убили одного богатыря (который жил на горе Ошка). Мокшане похоронили его на той горе, а на могилу насыпали большой холм. Позднее этот холм будто бы назвали Ошка.

О МОРДОВСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ВОЖДЯХ

16. Евкс сыре пингедэ

Кев пандо лангсо эрясь атине. Сон кодась карнеть, понась пикскеть. Чинь-чоп атинесь то коды, то яки ведь чирева, ванны ды арси: «Косто весе пандтиз, виресь ды ведесь саевсть?» Чопоньбелев атинесь велятсь кудов. Ваны, кудосонть ашти овто. Атьс гандадсь, кармасть потамо, овтось ломань вайгельсэ корты:

¹ Ногаец — собирательный образ завоевателя, врага.

— Иля пеле эйтэнь, мон тей тонеть кучозян.

Атясь кевкстизе:

— Кие кучинзеть?

— Монь кучимим Паксют атясь. Кортась теь, вешевлинь бу кедьстэть тензэ кши сускомо, сонензэ а косто саемс, чинек-венек моли ловпиземе, паро ломанть а якить тензэ. Куватьс бу кшизэ сатоволь Паксют атянь, но сон монень андызе, сонсь ней вачодо.

Атинесь ютась икелев, муизе ленгень рисьмензэ, таргась тосто цела кши, максызе овтонть ды меря тензэ:

— Кода пачкодят Паксютинь, мерть тензэ, штобу сонсь монень саволь.

Ламо ковт ютасть се шкастонть, кода овтось ульнесь атинень кедьсэ, Паксют жо эзь сакшно атянень. Мадсь атясь ды ней он, butto Паксют толсо палы, овтось вельксэнзэ аварди. Стясь атинесь, якась-пакась, саинзе карензэ, кши сускомо ды тусь Паксютинь. Мольсь тензэ колмо ковт: то пандо ланга, то вирьга, то ведень трокс. Эль-эль пачкодсь. Паксют атянь кудозо аштесь вирь потсо ведь вакссо. Атинесь совась кудонтень ды ней: Паксют атясь кулозь, ваксонзо овтоськак кулозь. Атинесь тандадсь, кармасть лисеме, мельганзо серьгедь авань вайгельсэ:

— Покистякай, илямак монь тезэнь кадо.

Атинесь кевкстизе:

— Кие улят? Костонят?

Авань вайгелесь мери:

— Мон — эрзянь покшонть тейтерезь.

Атинесь варшась перть-пельга ды редизе: тейтересь ашти пекстазь ленге луткосо. Атинесь олякстомтызе ды саинзе мартонзо:

— Адяка монень, дугам. Монь ули церам, лемезэ Мокшене, Паксютось макссь тензэ вийне ды мазычи.

Атинесь тейтерень марто пачкодть кудов. Сон тусь Мокшенень мельга, тейтересь жо зярс кадовсь сыкамонзо. Котоце чистэ атинесь ветизе Мокшенень. Урьвакстынзе, кармасть эрямо Мокшенесь ды Лифта эрзянь тейтересь вейсэ. Чачтась Лифта церыне, путсь тензэ лем Ерзене.

16. Сказка о старых временах

На каменной горе жил старичок. Он плел лапти да вил оборки. День-деньской старичок то плетет, то ходит-бродит у воды, смотрит и думает: откуда появились горы, лес и вода? К вечеру старичок возвратился домой. Смотрит: дома у него медведь. Старик испугался, стал пятиться, медведь по-человечьи говорит:

— Не бойся меня, я к тебе сюда послан.

Старик спросил:

— Кто тебя послал?

— Меня послал старик Паксют. Наказывал мне, чтобы я попросил для него краюшку хлеба, ему негде взять, днем и ночью

идет снег с дождем, люди не приходят. Надолго хватило бы Паксюту хлеба, он мне его скормил, а теперь сам голоден.

Старичок прошел вперед, нашел лубяной кошель, достал оттуда целый каравай, отдал медведю и говорит:

— Как придешь к Паксюту, скажи, чтобы пришел он сам ко мне.

Много месяцев прошло с той поры, как медведь был у старичка, а Паксют все не приходил. Старик лег и видит сон, будто Паксют в огне горит, а медведь над ним плачет. Встал старичок, походил-походил, взял свои лапти, краюху хлеба и пошел к Паксюту. Шел три месяца то по горам, то по лесам, то переходя через воду. Как-как дошел. Дом Паксюта стоял в лесу у воды. Старичок вошел в дом, смотрит: Паксют лежит мертвый, рядом с ним лежит мертвый медведь. Старичок испугался, стал выходить, но слышался женский голос:

— Дедушка, не оставляй меня здесь.

Старичок спросил:

— Кто ты? Откуда?

Женский голос отвечает:

— Я — дочь эрзянского предводителя.

Старичок посмотрел вокруг и увидел: девушка закрыта за лубяной стенкой. Он освободил ее и взял с собой.

— Пойдем-ка, дочка, ко мне. У меня есть сын, зовут Мокшене, Паксют дал ему силушку и красоту.

Старичок с девушкой пришел домой. Он пошел за Мокшене, а девушка на время осталась одна. На шестой день старичок привел Мокшене. Поженил их, стали жить вместе Мокшене и эрзянская девушка Лифта. Родился у Лифты сын, назвали его Ерзене¹.

17. Нарича

Скань монастырь маласа панда пряся ульсь пещера. Кода азондсазь, ся пещерась сядонголе ульсь оборонительная ётама востокс. Пещерась мольсь Норзяфу Мокша лять алга и лисель Норзяфть омба ширезонза, конань эзга Тюштя оязорсь вятнезень мокшетнень тюрема ногайхнень каршес. Тюштянь ульсь дворецоц, пещерать кирдэзь Скань монастырень монахне. Ногайхнень эзда Тюштя воргодсь Рузаевка шири, тоса куць оцю шуфта пряс и тусь вярн.

17. Нарича

Недалеко от Сканского монастыря была пещера. Как рассказывали, она раньше служила для обороны. Пещера начиналась под рекой Мокшей и доходила до противоположной окраины Наровчат. Через эту пещеру, которой пользовались монахи Скан-

¹ Ерзене — от эрзя.

ского монастыря, Тюштя выводил мокшан на борьбу с ногайцами. У Тюшты был дворец. От ногайцев Тюштя бежал в сторону Рузавки, там поднялся на большое дерево и вознесся.

18. Тюштяда азкс

Мекольдень оязорсь эрявь Норзяфть маласа панда пряса. А мзярда ногайхне кармасть сявома мокшетнень кядь алоост, Тюштя оязорсь кадозе эряма востонц. Тюштя озась алашанц-лишмонц лангс ды воргодсь шинь стяма шири. Пачкодсь оцю вири, куцсь шуфта пряс и тусь вяри.

18. Рассказ о Тюште

Последний царь жил на горе недалеко от Наровчата. А когда ногайцы стали завоевывать мокшу, Тюштя покинул свою родную землю. Сел он верхом на коня и поскакал на восток. Прискакал в большой лес, поднялся на дерево и вознесся.

О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

19. Килей

Ульнесь те пек умок, сестэ, зярдэ эрзятне Суранть чиресэ эзьтэ уряк. Кортасть: састь сынь косто-бути чивалгома ендэ. Васня састь эйтэст аволь ламо. Керясть чувтт тесэ касыця вирьстэнтэ, тейсть кудот-кардаст. Мейле, сексия, састь эйтэст еще омбоце партия. Се партиясонть ульнесь вейке ава, Киля, пек мазый ды пек виев. Зярдэ сон ушодыль роботамэ, то весе цератне дивсесть лангозонзо: пивсэмасо весть юхадемстэ пулт чачк кериль. А уш штерди ды коды истямо човине коцт, теке конев. Эриль сон ськамонзо, кить ульнесь тетязо-аванзо — теде тосо кияк эзь сода.

Эрясть эрзятне кавто-колмо неть. Весть валскень зорява нуема ланга каявсь веленть лангс ногаень кежей войска ды повсизь-кери-сизь весе тосонь эрицятнень. Килянть кудос совасть кото церат, сюлмсизь сонзэ пиксэ, пугызь крандазс ды саизь ков-бути.

Вастынзе сынст ханонь войскань ветиясь, неIZE пек мазый аванть ды мерсь эсь пачканзо: «Вана ули казнесь минек ханонтень!» Вельтизь Килянть положсо ды тусть седе тов. Ютасть Суранть прокс, ускеть эйсэинзэ прок штепка. Омбоце или колмоце чистэ чопоньбелев вастынзе сынст сонсь ханось. Мелезэ вадрыль: походост удалась, ламо ули-паро грабасть ды ламо полонскак сайсть. Ды мери воеводась ханонтень:

— Хан, минь тоньгак эзидизь стувто, ускинек теть истямо казне, конадонть онстоткак эзить арсе.

— Кодамо? — кевкстни ханось.

— Вана! — саизе воеводась крандазстонть положонть, ды ханось несэ истямо мазый ава, кодамо сон зярдэ эзь некшне, хоть сонзэ сисем ниизэ мастор лангсонть ульнесь сехте мазыйть.

— Те пек паро! Ну, уш тень кисэ мон тынк симдтядызь!

Ды секе басом лоткасть, тейсть стан, кармасть винадо симеме, морамо. Путсть покш шатер, кандеть тозонь тодовт, перинат,— свадьба моли хоть ков. Ханось арсесь се шкастонть, што мазый ды виев авась карми покшкавтнеме, а лиси тензэ, сави вийсэ мезеяк мартонзо теемс, но авась валгак эзь ефта, ансяк вансь лангозонзо кодамо-бути а содавикс, а чарькодевикс вановтсо. Ногайтне симсть, киштсть, морасть. Шказо уш пелеве. Весе иредеть, пракшность кона козонь — витьстэ вина боцькатнень ваксс.

Пелеветь Килянть ваксс састь сонсь ханось кавто од цера марто, мизолдозь мерсь:

— Ну, течинь чокшнестэ кармат улеме монь никс,— ды мадсь удума таркантень.

Се шкане Киляк ушодсь стамбарнэ кайсеме: каизе пулаензэ, пацянзо, кофтазо, ханось яла учи, а учови, зярдэ мади ваксонзо те мазый авась. Киля кайсесь, мадсь ханонть ваксс ды, було мездеяк апак арсе, истя кутмордызе, ханонть ловажанзоняк мик цятнозевсть. Повизе сонзэ Киля, вельтизе тодовсо.

Мейле, зярдэ лагересь весе эгямсь, Киля саизе ханонь сабялянтэ ды лиссь ушов. Вансы, прок пултт паксясо, улы кулы ирептэ покш войскась. Кармась сон ногайтнень керямо, кодак яходи сабясонть — пря ливти, прок коцен. Валскень зоряс топавтсь авась те стака роботанть, вернишке потсо сонсь теевсь, модаськак весе верь марто човорявсь. Аламо, уш эйтэст кадовкшность, зярдэ сыргойсь воеводась. Черензэ дубушки стясть — весе ирептэчизеяк ютась. Пиже-ожо вайгельсэ серьгедсь:

— Стядо! Весемень маштнесамизь!

Стясть кадовикс ногайтне, сабязост кундасть. Воеводась мери:

— Живстэ саемс! Коське пойс повасынек!

Эцитэ аванть пелев, прок азаргадозь кискат. Сон жо кери чи, кавто, кува яходи — прок пултт ертовить ногайтне. Сонсь воеводась каявсь лангозонзо. Киля яходсь сабясонзо — чачк лазызе. Теде мейле ногайтнень седейс совась покш пелема, кармасть налсо леднеме. Понги налось Килянень, таргасы, ертсы, таго сабясонть кери. Мейле вейке од ногай прась икелензэ кумажа лангс ды пижакадсь:

— Алят! Еминек! Те сонсь эрзянь пазавасть валгсь менельстэ кежень пандомо.

Теде мейле ногайтне ертнизь пикаст-сабяляст ды ношкстасть паксястонть.

Киля кадовсь ськамонзо, варштась — зярдэ ломанть кулость ды сонсь тандадсь эсь тевдензэ. Пезнавтызе модас сабялянтэ ды чиремкшнесь тусь кудов, эсензэ велентень. Эзь пачкоде Киля кудов, Сура леенть чирес прась ды тоско кулось.

Муизь сонзэ эрзятне, калмизь Сура лей чирес. Валске калмонзо ланге кассь кодамо-бути од, а содавике чувто: ашо, пиже ды кудряв, сэрей, мазый, прок те авась — Киля. Максизь те чувтонть аванть лемензэ — Киля, тень эйтэ лиссь валоськак «килей». Ды ней килейтнеде эрва косо ламо. Вана кодамо ульнесь эрзянь авась Киля.

19. Береза

Было это давным-давно, тогда, когда еще эрзяне и не жили на Сура. Рассказывали: пришли они откуда-то с запада. Вначале их было немного. Рубили в лесу деревья, строили дома, дворы. А потом, осенью, пришла сюда вторая группа. И в этой группе была женщина, Киля, очень красивая и очень сильная. Когда она начала что-то делать, то все парни дивились ее силе: на молотье одним ударом цепа сноп пополам разрезала. А уж пряла и ткала такой тонкий холст, как бумага. Но жила она одна, кто были ее родители — никто об этом здесь не знал.

Жили эрзяне здесь года два-три. Однажды, в пору жатвы, ранним утром напало на село злое ногайское войско, порезало-повешало всех мирных жителей. В дом Кили ворвались шесть мужчин, связали ее веревками, положили в телегу и куда-то увезли.

Встретил их предводитель ханского войска, увидел красивую женщину и думает про себя: «Вот будет подарок нашему хану!» Укрыли покрывалом и поехали дальше. Переправились через Суру, везли ее как щепку. Через два-три дня к вечеру встретил их сам хан. Доволен, что поход удачен: много добра награбили и много пленных привезли. Говорит тут хану воевода:

— Мы и тебя, хан, не забыли, привезли такой подарок, о котором ты и во сне не мечтал.

— Какой? — спрашивает хан.

— Вот! — снял воевода с повозки покрывало, и хан увидел такую красивую женщину, какую он никогда еще не видел, хотя и имел семь жен, самых красивых женщин на всем свете.

— Это очень хорошо! Ну, уж за это я вас награжу!

Тут же они остановились, устроили привал, стали гулять, петь. Поставили большой шатер, принесли туда подушки, перины — свадьба в разгаре. Хан думал, что эта красивая и сильная женщина будет капризничать, не пойдет к нему, придется брать силой, но женщина ни слова не промолвила, лишь смотрела на него каким-то незнакомым, непонятым взглядом. А ногайцы пили, пели, плясали. Время уже полночь. Все опьянели, попадали кто где — прямо у бочек с вином.

В полночь к Киле вошел хан в сопровождении двух парней, усмехаясь, сказал:

— Ну, с сегодняшнего вечера ты будешь моей женой, — и лег в постель.

Киля тем временем тоже стала не спеша раздеваться: сняла пулай¹, платок, кофту. Хан ждет не дождется, когда ляжет рядом эта красивая женщина. Киля разделась, легла с ханом и, будто ничего не думая, так сильно обняла, так сжала, что у того даже кости затрещали. Задушила его Киля, накрыла подушкой.

Потом, когда лагерь весь утомился, Киля взяла ханскую саблю и вышла из шатра. Видит: спит мертвецки пьяное большое войско, будто снопы в поле валяются. Она принялась рубить ногайцев, взмахнет саблей — голова летит как капустный кочан. До утренней зари занималась женщина этим нелегким делом, сама вся в крови, земля с кровью перемешалась. Немного уж осталось, когда проснулся воевода. Такой ужас охватил его — весь хмель из головы вышел. Не своим голосом закричал:

— Вставайте! Она нас всех перебьет!

Вскочили оставшиеся ногайцы, схватились за сабли. Воевода кричит:

— Живую надо взять! На сухой осине повесим!

И лезут, напирают на женщину, будто взбесившиеся собаки. Но та рубит день, другой, где взмахнет — будто снопы валяются ногайцы. Сам воевода бросился к ней. Киля взмахнула саблей — пополам рассекла. Пуще прежнего страх охватил ногайцев, начали пускать в нее стрелы. Попадет стрела, Киля вытащит, бросит, опять саблей рубит.

Наконец один молодой ногаец упал на колени и закричал:

— Мужчины! Мы пропали! Это сама эрзянская богиня спустилась с неба, чтобы отплатить нам за все зло.

Побросали ногайцы пики и сабли, бросились бежать с поля.

Киля осталась одна, огляделась, увидела, сколько людей погибло, и ужаснулась от всего. Воткнула саблю в землю и, покачиваясь, пошла домой, в свое село. Но не дошла Киля до дома, упала на берегу Суры и умерла.

Нашли ее эрзяне, похоронили на берегу Суры. Наутро на ее могиле выросло какое-то новое, неизвестное дерево: белое, зеленокудрое, высокое, красивое, как сама Киля. И назвали это дерево именем Кили, отсюда появилось слово «килей», что по-русски означает береза. Теперь берез много везде. Вот какой была эрзянка Киля.

О ПОХОДЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА КАЗАНЬ

20. Предания Андреевка, Чукалы, Игнатова ды Качаева велетнеде

Монень покштятне евтнесть легенда: зярд-бути умок Сюва кудо леентень састь ветенеск братиник эсест семияст марто. Покшонтъ лемезэ ульнесь Чукай, омбоцентъ — Андрей, колмоцентъ —

¹ Пулай — особый женский пояс с бахромой и другими украшениями.

Игнат, нилеценть — Качай, ветеценть — Кизай. Тесэ, евтнить, уль-
несь вирь. Эрясть сын те вирьсэнтъ, те леентъ чиресэ.

Весь марясть шум (фатясть аватне). Зярд лиссть, а васоло
появась народ — сы цела войска. Сыцятне сынст муизь, кармасть
кортамо. Сын пек сизесть, томавьсть: састь вирьга кивтеме, нучк-
пачк. Сын самай евтнестькак, што молить Равонть енов, Казань
ошонть саеме. Покшост (вейке атянтъ мереманзо коряс, Курбай
лемезэ, омбоценть — Курбской) евтни, што Иван Грозноесть тусь
ля княва, сын жо понгсть те таркантен. Ды кист емась. Вешить
леске, штобу братнэ невтевлизь Равонтень кинть. Братнэ мерсть:
— Тов истямо ки арась, но ютамс можна. Минь тона енов яка-
тано сал мельга, пачтятадызь.

Мезе тенст эрявиль, сын тосто рамильть: салт, узереть, пе-
люмат. Содылизь ютамо тарканть. Сыцятне кенярдозевсть, што
муевсь истямо ветия ды кенярдозь евтнесть тенст: сын васия
тандадокшность, што муннзе истямо инязор.

Ветенеск братник кармасть судямо-редямо: кие жо моли ве-
тямост, тарканть невтеме. Покштне ниленеск урвакстозельть, уль-
несь семияст. Кизай — од цера, апак урваксто. Теде башка, сон
ежов, бойка, русксккак машты кортамо. Сексккак решизь кучомс
Кизаень. Тона согласясь ды тусь. Сон ветясь эйсэст вирень, леень
трок, болотань трок. Кись ульнесь стака.

Недлян ютазь или кемень чинь ютазь пачкодсть Равонть чи-
рес. Казанеськак уш неявиль, кода евтнильть атятне. Пачкодсть
Равонь сэрей береконтъ лангс, косто Казанесь ванозь ванови. Кур-
баесть евтась сонензэ покш пасиба ды теде пачтясь Иван Грозной-
нень. Зярд Иван Грозной марясь, што састь, пачкодсть вадрясто,
ды тенень весе виензэ путызе эрзянь церась, конань оршамозояк,
карензэяк каладсть, мерсь Курбайнень, штобу сонзэ каземс тень
кисэ. Но Кизай помнясь делятнень меремаст — добовамс конев
законной эрямонтень. Сон мерсь Иван Грознойнень:

— Минь оргодник вейке бояронь кедьстэ, эрятано салава (ев-
тызе тарканть). Эряви тенек конев, штобу эрямс апак пеле.

— Конев, — мерсь Иван Грозной, — макстанок!

Кизайнень максеть конев, оршизь, ярмакткак тензэ казсть.

Велявьть кудов. Коневонтъ максызе братнэнь, ярмактнеде
жо тенст эзь евта.

Братнэ кармасть явомо. Андрей кадовсь теке таркантен. Чу-
кай кудо кепедсь кавто вайгельбеде седе тей, чивалгома енов. Иг-
нат ды Качай истя жо кепедсть кудот чилисема енов.

Кизай а вечкиль роботамо, вечкиль наряжамо, свал яксиль на-
ряжазь. Зярд муевсть неть ярмактне, сон братнэде тусь. Ков
тусь — братнэяк а содыльть. Ды вана те шкас те лемесь эри на-
родсо: кие а вечки роботамо, нузялды, сенень свал мерить:
«Мазый Кизай» («Мезе, буто мазый Кизай, якат?»)

Истямо вана предания евтнесть эсенек велень атятне. Сын
нейгак эрить. Вейкентъ фамилиязо Мамаев Михаил Федорович,
омбоценть — Мамаев Федор Степанович.

20. Предание о возникновении селений Андреевка, Чукалы, Игнатово и Качаево

Мне старики рассказывали легенду: когда-то давно на речку
Сюва кудо¹ пришли пятеро братьев со своими семьями. Старшего
звали Чукай, второго — Андрей, третьего — Игнат, четвертого —
Качай, пятого — Кизай. Здесь, говорят, был лес. Жили они в этом
лесу, на берегу речки.

Однажды услышали шум (спохватились женщины). Когда вы-
шли, неподалеку появился народ — шло целое войско. Пришедшие
их нашли, стали расспрашивать. Те очень устали, притомились,
шли лесом напрямик, без дороги. Они и поведали, что идут к Вол-
ге, брать город Казань. И руководитель (по словам одного ста-
рика — Курбай, по словам другого — Курбский) рассказал, что
сам Иван Грозный пошел другой дорогой, а они попали в эти мес-
та. Вот и сблизь с пути. Просили помочь, чтобы братья показа-
ли, как пройти к Волге. Братья сказали:

— Дороги такой туда нет, но пройти можно. Мы ходим за
солью в те места и вас проводим.

Братья покупали там все необходимое: соль, топоры, косы.
Знали брод. Они обрадовались, что нашелся такой предводитель,
и с радостью рассказывали об этом пришедшим.

Братья стали совещаться: кто же покажет дорогу. Четверо
старших были женаты, имели семьи. Кизай же — еще холостой
парень. Кроме того, он был хитрым, бойким да мог говорить по-
русски. Поэтому решили послать Кизая. Кизай согласился. Он
вел через лес, речки, болота. Дорога была трудной.

Спустя неделю или дней десять достигли Волги. Как расска-
зывают старики, тут уж и Казань стала видна. Пришли на высо-
кий берег Волги, откуда Казань видна как на ладони. Курбай
поблагодарил его и обо всем доложил Ивану Грозному. Когда
Иван Грозный услышал, что добрались благополучно и что им
очень помог эрзянский парень, одежда которого порвалась, лапти
прохудились, он приказал Курбаю отблагодарить проводника. Но
Кизай помнил наказ братьев: добыть документ на владение зем-
лей. Он сказал Ивану Грозному:

— Мы сбежали от одного барина, живём тайно (указал место).
Нам нужна такая бумага, чтобы жить без боязни.

— Бумагу? — сказал Иван Грозный. — Дадим!

Кизая выдали такую бумагу, одели и еще подарили деньги.
Вернулся домой. Бумагу отдал братьям, про деньги же им ни-
чего не сказал.

Братья стали делиться, Андрей остался на прежнем месте. Чу-
кай поставил дом на два километра западнее. Игнат и Качай по-
ставили дома восточнее.

Кизай работать не любил, любил наряжаться, всегда ходил

¹ Дословно: сюва — мякина, кудо — дом.

нарядным. Когда у него появились деньги, он ушел от братьев. Куда ушел — братья не знали. И до сих пор это имя живет в народе: кто не любит работать, ленится, о нем всегда говорят: «Красивый Кизай» («Что ходишь как красивый Кизай?»).

Такое вот предание рассказали старики нашего села. Они и сейчас живы: один — Мамаев Михаил Федорович, другой — Мамаев Федор Степанович.

21. Каменная брод

Иван Грозный ульсь оязор. Сон егась Темниковаста войскант мархта. Сон ерась егаме Мокшева, кочкафтсь кефт и тифтсь ки. Сяс и мярьгихть «Каменная брод».

Церкавть васте лотксесь «на бивак» — ваймама. Сон тя вастти марафтсь церкав.

21. Каменный брод

Царем был Иван Грозный. Проходил он со своим войском из Темникова. Когда решил перейти через Мокшу, заставил набрать камней и сделать дорогу. Поэтому и говорят: «Каменный брод».

На месте церкви он останавливался «на бивак» — отдыхать. На этом месте он и заложил церковь.

22. Марезь

Зярдо Иван Грозный арсесь изняме татаронь масторонть ды саеме Казань ошонть, пурнась Военной совет, косо мольсь кортамось те ошонть саемадо. Совете тердезтнень ютксто апак учо лиссь эрзянь цера, конань лемезэ ульнесь Марезь, ды мерсь Иван Грозныйнень:

— Казань саеви. Тень туртов эрзяви чувоме Равонть алга Казанень Кремлянтень ютамо тарка. Эйзэнзэ кевердемс порохто пештязь боцькат, конатнень эрзяви кирвастемс ды сеземс. Истя калавтови Казанень крепостесь. Зярдо порксави душмантнень пизэст, сестэ сынь седе шождынестэ изнявитькак.

— Козонь теемс модась? — кевкстизе инязорось.

— Моданть кайсеме Равонтень, штобу татартнэ иляст чарькоде, чувомсонть эрзяви тееме ансяк веть, — отвечась Марезь.

Марезень неть валтнэ пек тусть Иван Грозноень мельс. Сон мерсь чувоме Равонть алга ютамо тарка. Аволь шождыне ульнесь тень теемазо. Чувомсто ве таркасо кармакшнось чудеме ведь. Се варианты, кува менекшнесь ведесь, потомдызь ремень понань кендесэ.

Зярдо чувовсь ютамо таркась, эйзэнзэ кевердясть порох боцькат. Сынст ладизь Кремлянт алов, ветясть фитиль ды кирвастизь. Арсесь, што боцькатне сезевить бойкасто, кода мерсь Марезь. Ютасть зяро-бути минутат. Ушосо свечась далсь, но сезевема яла

арасель. Весе кармасть талномо. Ды сехте пек талнось сонсь инязорось. «Зяро шка ютавтозь, — арсесь сон, — зяро вий путозь! Ды весе те стяко?»

Ютасть еще зярья минутат, сезевема таго арасель. Инязорось пек кежиявтсь ды уш приказыксь казнямс кенгелицянть. Но эзь кенере валонь евтомо, кода Казанень Кремлясь пельксэнь-пельксэ ливтась коштонть. Рузонь войскань отрядтнэ сеске ведь алга ды ведь ланга каявсть татартнень лангс. Ушодовсь виевдяк виевтюрема, валовсь пек ламо верь. Тесэяк Марезь невтизе принзо героекс.

Зярдо саевсь Казаньсь, рузонь инязорось кевкстизе Марезень: — Мейсэ тонь каземс?

— Мезеяк монень а эрзяви, инязор. Казанень саемась — монень сехте покш казне, — отвечась Марезь.

Сестэ инязорось Марезень макссь князень лем ды мерсь тензэ:

— Вана максан теть тройка, ардт ков мелеть. Козонь сиви петькелеть, се таркась карми улеме тонь, сокак мода зяро мелеть.

Инязоронть каретасо Марезь князесь тусть эсензэ чачома масторонтень. Кувать ды васолга артнесь Марезь. Мелезэнзэ тусть се таркась, косо ней Покш Марезь велесь. Но тосо эзь сиве петькелезэ. Сестэ тусть сон чивалгома енов. Ютась сисем-кавксо вайгельбеть ды тапавсь каретазо. Те тарканть Марезь путсь кудотчить тейтеренстнень. Эстензэ путсь кудотчить тозонь, косо ней Покш Марезь велесь. Таркась ульнесь пек мазый: покш кужо вирь кушкосо, кавто лей ютксо: лейтнень лемест Покш лей ды Каж лей. Те таркась — кавтошка вайгельбень туро течинь Покш Марезь велеть эйтэ. Те шкас мерить тензэ — Ташто веле. Мельцпелев ломантне кармасть тееме кудотчить седе васов, келей паксяс, Кумарав лей чирева: керш енто Куторкинень родось, вить енто — Маколкинень родось.

Васенце нетнестэ Марезень семиянт марто вейсэндявсть Куторкинень ды Маколкинень родтнэ, мейле тей кармасть само лятнеяк, конат орголеть бояртнень пельде. Примеркс, Низовкинт састь Низовка велестэ, Ардатова маласто, Сурадинкат састь Сура берексто, Суро баба ускс мик мартонзо нешкть ды велень весе нешке пиретне тусть сеть Суро бабань нешктнень эйтэ. Симдянкинт — калмыкень племасто, Захватовт — киргизень, Кузнецовт — рузонь мастеровойть. Бояр Покш Марезь велесэ арасель, секскак ломантне сыльть тей.

Покш Марезень эрицятне сокасть мода, видеть суро. Сынст ламольть нешке пирест. Нешке пиретне ульнест покшт, кавтошка сядо нешке эрвасонть. Лиясто одтнэ мик а содыльтькак, зяро сынст нешкест. Нешке пиретне вирьсьальть, косяк велеть эйтэ ве ено, кавто-колмо вайгельбень тарка, сэрей тумо ды пекше ютксо кужосо, лей чиресэ. Пиразельть сын илеень пиравкссо. Тесэ жо кудыне, косо эрзясь кодамояк сыре аatine. Сон тесэ роботась ды вантсь нешктнень.

Нешке пиресэнтэ ульнесь ознома нешке, конань вакс ладзель пазавине. Тундонь миколасто свал озность нешке пиресэ. Сакшнось поп, служась молебен те ознома нешкенть-вакссо, мейле весе праздновать, симеть медень пуредэ, брагадо, ярсать кашадо, панжакайде.

Нешке пиресэнтэ ловонть соламсто ловонь прамс кирдсть тувоткак. Сынь якасть вирьга, сокорясть, вешнеть тумо алга сэрят, веть жо сакшность удомо лато алов. Лиясто эзьт сакшнояк. Сестэ кияк лиснесь вешнемст.

Истя появась минек Марезь велетне. Сонсь Марезь, неть модатненъ азорост, эрясь эсенэз семиянзо марто Покшсонть, тейтерезэ — Вишкисенэть.

Зярдэ Марезь атя сыредсь ды маризе эсь прынзо а шумбрасто, чарькодсь: куроқ кулы. Сестэ мерсь семиянстэнь:

— Калмамизь се таркантень, козонь сивсь каретань петькелесь. Модань губорьктинэ нейгак тосо содавить. А стьякэ Вишка Марезь велень эриятне кортыть:

— Тесэ калмазь Марезь князесь, тосо — тейтерезэ. Секс губорьктнэдеяк кавто.

22. Марезь

Когда Иван Грозный решил победить татарское царство и взять Казань, то собрал Военный совет, где вели разговор о взятии этого города. Неожиданно из числа приглашенных на совет вышел эрзянин по имени Марезь и сказал Ивану Грозному:

— Взять Казань можно. Для этого нужно сделать под Волгой подкоп под Казанский Кремль. В него вкатыть бочки с порохом, поджечь их и взорвать. Так можно разрушить казанскую крепость. Когда будет разрушено вражеское гнездо, тогда легко будет их победить.

— А куда девать землю? — спросил царь.

— Землю сбрасывать в Волгу, а чтобы татары не догадались, копать нужно только ночью, — ответил Марезь.

Очень понравились Ивану Грозному слова Марезя. Он приказал делать подкоп под Волгой. Нелегко это было сделать. В одном месте стала просачиваться вода. То место, где прорвалась вода, заделали кошмами из овечьей шерсти.

Когда подкоп был готов, в него вкатили бочки с порохом. Уложили их под Кремль, провели фитиль и зажгли. Думали, что бочки взорвутся быстро, как предсказывал Марезь. Прошло время. На поверхности свеча догорела, взрыва не было. Все заволновались. Но больше всех волновался сам царь. «Сколько времени потрачено, — думал он, — сколько сил положено! И напрасно?»

Прошло еще несколько минут, а взрыва нет. Царь очень рассердился и уж хотел приказать казнить «обманщика». Но не успел он и слова сказать, как Казанский Кремль взлетел в воздух. Русские войска тут же по воде и под водой бросились на татар.

Завязалась жестокая битва, пролилось много крови. И здесь Марезь показал себя героем.

Когда Казань была взята, русский царь спросил Марезя:

— Чем тебя наградить?

— Ничего мне не нужно, царь. Взятие Казани — самая большая для меня награда, — ответил Марезь.

Тогда царь присвоил Марезю княжеское звание и сказал:

— Вот тебе тройка, поезжай, куда хочешь. Где сломается ось, то место и будет твоим, паши землю, сколько хочешь.

В царской карете отправился князь Марезь в свои родные края. Долго и далеко ездил Марезь. Понравилось ему то место, где сейчас село Большое Маресево. Но там не сломалась ось. Тогда он поехал на запад. Проехав семь-восемь километров, разбилась его карета. На этом месте построил Марезь дочери дом и двор. Сам же поставил дом на том месте, где сейчас село Большое Маресево. Это место было очень красивым: большая поляна среди леса, между двух речек: Большая и Каж¹, километрах в двух от современного села Большое Маресево.

До сих пор называют его Старое село. Позднее люди стали ставить дома дальше, на широком поле, вдоль речки Кумарав²: слева — род Куторкиных, справа — род Маколкиных.

В первые годы к семье Марезя примкнули род Куторкиных и род Маколкиных, потом и другие, те, кто скрывался от бояр. Например, Низовкины пришли из села Низовка, из-под Ардатова, Суродины пришли с берега Суры. Суро баба привезла с собой даже пчел, и маресевские пасеки пошли от тех пчел, привезенных Суро бабой. Симдянкины — калмыки, Захватовы — киргизы, Кузнецовы — русские мастеровые люди. Барина в Большом Маресеве не было, поэтому люди и шли сюда.

Большемаресевцы пахали землю, сеяли хлеб. Было у них много пасек. Пасеки были большие, насчитывали до двухсот ульев в каждой. А молодые иногда даже не знали, сколько у них на пасеке ульев. Пасеки находились в лесу: в двух-трех километрах от села, на поляне у ручья среди высоких дубов и лип. Огорожены были хворостяным плетнем. Здесь же, в домике, жил какой-нибудь старичок. Он работал и охранял пчельник.

На пасеке был улей для молений, к которому прикреплялась иконка. Весной, на николау, на пасеке служили молебен. Приходил поп, у этого улья служил молебен, потом все праздновали, пили медовое пуре³, брагу, ели кашу, пироги, панжакай⁴.

На пасеке с весны и до первого снега держали свиней. Они ходили по лесу, разрывали землю, искали под дубами желуди, а на ночь приходили под навес. Иногда и не приходили. Тогда кто-то шел их искать. Так появились два села Маресево. Сам Марезь,

¹ Каж лей — Шумная речка.

² Кумарав — лопушиная, лопух.

³ Пуре — хмельной напиток.

⁴ Панжакай — большого размера ватрушка с картофельной начинкой.

хозяин этих земель, жил с семьей в Большом, его дочь — в Малом.

Когда старик Марезь состарился и почувствовал себя плохо, понял: близок конец. Тогда сказал своим близким:

— Похороните меня на том месте, где сломалась ось.

Холмики земли заметны и сейчас, Недаром маломаресевцы говорят:

— Здесь похоронен князь Марезь, там — его дочь. Потому-то и холмиков два.

23. Марезь ды Эрмезь

Мон марсинь сыре ломанень пельде, што ульнесть кавто братт — Марезь ды Эрмезь, конатне молекшнесть Иван Грозной инязоронть марто походе Казань ошонть лангс. Казанесь куватьс зь саевкшне. Марезь мери инязоронть:

— Мон содан, кода саемс Казанесь.

— Сень кис, — мери инязорось, — бути тейсак те теветь, мон максан тетя мезе эряви.

Марезь братонзо марто кармась тееме Казанень алов чувовкс, вешсь ламо взрывчатка. Куватьс сынст мезеяк зь лисне. Инязорось уш кармась кежиявтнеме, што а теви тенст теветь. Арсесь уш мик повамоств. Но се шкастонть марявсь сезевема. Ошонь стнатне сезевств-янгавств. Теде мейле Казанень саизь. Сень кис Иван Грозной сынст казинизе: макссь тенст алашат, повозкат ды мерсь:

— Козо мезеяк мартонк теви: яжави повозканк или еще мезе, се таркастонть саеде мода ды кармадо эрямо.

Вана сынь пачкодсть тов, косо ней Марезь велесь. Тесэ сынст яжавсь петькелест. Марезь кадовсь те тарканть, братозо тусь седе васов. Сонзэ мартояк теевсь кодамо-бути зыян, кодамо — мон а помияса. Сон кадовсь эрямо тосо, косо ней ашти Эрмезенка велесь.

Марезень ульнесь семязо. Покш тейтерензэ явизе эсь эйстэнзэ, макссь тензэ тарка кев пандо ало, конанень кармасть мереме Вишка Марезь веле.

Вана кодамо мон содан Марезь веледенть евтнема. Эрмезьгак кармась эрямо тосо, косо янгавсь повозказо. Сонзэ эйстэ туськак Покш Эрмезенка велесь.

23. Марезь и Эрмезь

Я слышал от стариков рассказы о том, что были два брата Марезь и Эрмезь, которые участвовали в походе царя Ивана Грозного на Казань. Долго не могли овладеть городом. Марезь говорит царю:

— Я знаю, как можно взять Казань.

— За это, — говорит царь, — если исполнишь, я дам тебе все, что ни пожелаешь.

Марезь вместе с братом начал делать подкоп под Казань, запросил много взрывчатки. Долго у них ничего не получалось. Царь уже начал сердиться за то, что дело не выходит. Уж хотел их повесить. Но в тот момент раздался взрыв. Стены города были разрушены, и Казань взята. За это Иван Грозный дал братьям по коню и повозке, сказав:

— В том месте, где с вами что-нибудь случится: повозка сломается или еще что, там занимайте землю и селитесь.

Вот добрались они туда, где сейчас село Маресево. Сломалась у них ось. Марезь остался здесь, а брат поехал дальше. Но и с ним что-то приключилось, что именно — я не помню. Остался он жить там, где сейчас село Ремезенки.

У Марезя была семья. Старшую дочь отделил, поселил у подножья каменистой горы, это место стали называть Малое Маресево.

Вот какое предание я знаю о Маресево.

Эрмезь тоже обосновался там, где сломалась повозка. И возникло село Большие Ремезенки.

24. Кода Казанень сайсть

— ... Мезе тон, дедай, содат, кодат седикелень койть?

— Сырян, керам, сырян. Кавксоньгемень умок уш тем топодсть, а содангак ней зяро нем.

— Ну, мезе тон кезэрень теде евтнят?

— Мон марсинь эрва кодат тамашат, кезэрень шкадо евтнемат. У-умонь шкатнеде! Мезде бу, цера, кунсолувлить?

— Монень мезе евтнят, дедай, сень евтнек.

— Вана мезе, — корты сон тем, — евтнян. Несыть виренек?

— Несынь, дедай, вадрят. Пичень.

— Вана тия, зярд-бути кизна, якасть Иван Грозноень войсканзо, ютасть те вирьганть. Мон тень мария дедань пельде, дедам мери, маризе дедань деданзо пельде. Вана истя те евтнемась пачтявсь иеде нес, пингед-пингес. Мон ней сыре атян, лецтнеса мельс вана тень ды мерян: кодат минек парт ломаненек, кодат вадрят тарканок! Дедам тем евтнесь истя:

— Умонь шкасто инязорокс ульнесь Иван Грозной. Тон, паряк, марсить, керам, те инязордонть?

— Марсинь, книгастояк ловнынь, школасояк тонавтниек.

— Те инязоронть ланга минек народось евтня истя. Зярд Иван Грозной сыргась Московсто, пачкодсь Пичалеев, мартонольть ламо войскат. Сон ульнесь азорост. Минек велес лоткасть солдатонзо: кие пангт кочки, кие лишме анды, кие лишме кильди. Инязорось мерсь пурнамс велень весе атятнень. Пурнавств шержей сакало атятне, ды инязорось кармась мартоств кортамо. Мери:

— Кие содасы Казанев кинть?

Атятне тей-тов, ваннать сельмеде сельмс, кортнить:

— Тесэ, паряк, арась а содыця, инязор покштяй, эрвась содасы Казанев кинть.

— Содат, церам, ведь минек эйтэ сон аволь васоло. Кода-бути венчсэяк укшнынек лейганть ды пачколинек Казанев, ды истякак: то панго марто, то чакш марто ардтнинек те ошонтень.

Инязорось мери:

— Кие содасы Казанев кинть, се моли мартонок.

Аламо атят кадовсть, конатнень арасель мелест модемс инязоронть марто. Теке шкастонть инязорось мери:

— А зяро максовлиде солдатт мартонок?

Атятне кортыть эськаст:

— Ну, атят, минек велестэ ды лия велетнева пурнатано зяро-як, паряк, полк?

Сынсь ваннать сельмеде сельмс.

— Паряк, пурнатано, эряви шка.

Колмошка чи истя инязорось аштесь минек велесэ. Одс пурнавсть атятне, сон кевкстни:

— Кодат Казанень стенатне? Кодамо тосо крепостесь?

Весе атятне евтасы, што Казанень стенанзо токить менельс, сэрэйт, а кузеват эгаст кустемасо, а саевить орудиясо.

Инязорось мери:

— Содан теде. Стака ули саемс миненек. Ну, кие евты, кода лездамс монень?

Весе атятнень лездамонть коряс вейкинель мелест. Стясь сэрэс а покш атя ды мери:

— Монь койсэ теема истя: сеземс минек эрзянь содавикс орудиясонть.

Инязорось кевкстни:

— Кодамо жо ули эрзянь орудия, конадо мон а содан?

Атясь евтызе эсензэ планонзо. Пенгедемс боцькат, пештемс чапамо ловсодо, путомс сынст улавс ды сыргамс инязоронть марто. Инязорось а кемезь (васня эзь кеме) мери:

— Паряк, кадык истя улезэяк.

Истя тейстькак. Омбоце чистэнтъ, или жо колмоцестэнтъ, пурнызь весе велетнестэ чапамо ловсонть, тейсть ниленьгемень боцькат, чапамо ловсонть пештизь боцькатнес, боцькатнень пенгедизь, пугызь улавс ды сыргаст истя Казанень саеме эрзятне рузтинь марто човор.

Секе жо чистэнтъ ульнесь пурназь эрзянь полк, солдатнэ виевть. Сынст истя жо ветясь рузонь инязорось. Сыргаст виевть пачк. Икеле ветия атясь ульнесь минек велень, Пичалеень. Озась улавс, мартонзо сайсь еще вейке атя, вансть тей-тов ды тусть виевть пачк витьстэ Казанень енов. Инязорось шнынзе эрзятнень мелест:

— Те народонть марто а емат.

Истя сыргаст эрзятне човор рузтинь марто аволь покш ки ланга, но се кияванть, кува сынсь якить. Неть китнень эйтэ кияк

а соды Пичалеень эрзятнеде башка. Мольсть куватьс, чинек-венек апак лотксе. Зяро пачкодть Казанень малас валске марто, атятнень ульнесь вейке пелемаст: мезе, бути ушодыть боцькатне сезневеме, зяро чапамо ловсось карми бутордомо? Те пелемась ульнесь секс, што содасызь чапамо ловсонть покш виензэ. А уш карми бутордомо, сырги тосто, сези аволь ансяк боцькат, но теи покш зыян войскатнененьгак. Пачкодть войскатне валске марто Казанень бокас, ды неизь, кодат сэрэйт ошонть стенанзо, якстереть, менельс токить. Инязорось чарькодсь: стенатне истят сэрэйт, што кустемасо а кузевить. Теде башка, мезеяк эзь нее. Косо Казанесь? Икелест ульнестэ стенат, лия мезеяк эзь неяво. Варятнестэ жо ло тесэ, то тосто секе тев леднестэ лангозонок ружиясо или налто. Инязорось лоткавтызе кибитканзо, мерсь войскатненень лоткамс ды срадомс стенанть перька. Сетненень жо, кинь ульнесь мелезэ, кекшемс. Зяро минек эрзятне ды рузтинь лоткасть стенанть ваксс, инязорось пурнынзе атятнень, солдатонь прывтинь ды мерсь:

— Эряви чувомс стенанть алов варят, эйзэст путомс чапамо ловсо марто боцькатнень.

Мон кевкстия:

— Дедай, книгасо аволь истя сермадозь. Тосо евтневи, што Казанень стенатнень алов путозь аволь чапамо ловсо марто боцькат, но порох.

— О-о, церам, порох! Мезе сермадозь книгасо, те а весе виде. Казанень стенатнень алов путозь минек эрзянь чапамо ловсо.

— Ну, паро энэ,— дедась кармась евтнеме седе тов.— Зяро чувсть ниленьгемень варят стенатнень алов, чапамо ловсо марто боцькатнень тулкадизь неть варятнес, стенатнень алов. Инязорось ды весе атятнеяк ушодеть учомо, зяро жо сын кармить сезневеме. Учость час, или, паряк, кавтодо ламо. Весень потс кармась аламонь-аламонь появамо а кемема.

— Эрзятнень орудияст аволь виев! А сезневить боцькатне! — кайсетететь сееремат.

Ды курок боцькатне ушодеть сезневеме. Пукшт! — тосо, лакшт! — тесэ. Аволь сеске — ве друк. Эрва кува, вансынек, тосо стенась сявири, тесэ сявири. Ды зяро весе ниленьгемень боцькатне сезневсть, стенась каладсь. Минек икеле появась мазый ош. Те ульнесь Казанесь. Инязорось аволдась кедьсэнзэ, ды весе войскатне совасть ошонтень. Татартиэ эзь сода, што истямо кеме эрзянь орудиясь. Ды секскак мерить народсонть, што чапамо ловсось Казань янги.

24. Взятие Казани

— ... Что ты, бабушка, слышал? Какие знаешь старинные обряды?

— Стар я, сынок, стар. Восемьдесят давно уже минуло, и не знаю, сколько мне лет теперь.

— Ну, а что ты мне скажешь о старине?

— Я слышал про разные дела, рассказы о старине. О давних временах! О чем бы, сынок, послушал?

— Мне что хочешь, дедушка, то и расскажи.

— Вот что,— говорит,— расскажу. Видишь наши леса?

— Вижу, дедушка, хорошие. Сосновые.

— А вот здесь когда-то прошли войска Ивана Грозного, шли через этот лес. Я слышал об этом от своего дедушки, а дедушка, говорит, слышал от своего дедушки. Вот так этот рассказ передавался из года в год, из века в век. Сейчас я, старик, вспоминаю и говорю: какие хорошие у нас люди, какие хорошие места! Дедушка так мне рассказывал:

— В давние времена царем был Иван Грозный. Ты, должно быть, сынок, слышал о нем?

— Я слышал, и в книгах читал, и в школе изучал.

— А вот в народе об этом царе идет такой рассказ. Когда Иван Грозный двинулся из Москвы, дошел до Налитова, с ним было много войска. Он был их предводителем. В нашем селе остановились солдаты: кто грибы собирает, кто коня кормит, кто лошадь запрягает. Царь приказал собрать всех сельских стариков. Собрались седобородые, и стал с ними он беседовать:

— Кто знает дорогу на Казань?

Старики туда-сюда, переглядываются, переговариваются:

— Государь, здесь, наверное, нет незнающих, каждый знает дорогу на Казань.

— А знаешь, сынок, ведь от нас она не так далеко. Бывало, и на лодке доплывали до Казани, да и так, то с грибами, то с горшками ездили в Казань.

Царь говорит:

— Кто знает дорогу на Казань, тот пойдет с нами.

Лишь некоторые старики не захотели идти с царем.

Царь спрашивает:

— А сколько дали бы мне солдат?

Рассуждают старики меж собой:

— Ну, седобородые, из нашего села да из соседних соберем сколько-нибудь, возможно, с полк.

А сами все переглядываются:

— Наверное, соберем. Нужно время.

Дня три войско стояло в нашем селе. Снова собрались старики, царь спрашивает:

— А какие стены казанские? Какая их крепость?

Старики говорили, что стены Казани высокие, достают до неба, по лестнице не подняться, орудиями их не разрушить.

Царь говорит:

— Знаю об этом. Тяжело нам будет город брать. Ну, а кто подскажет, кто поможет?

У всех была одна мысль. Встал невысокий старик и говорит:

— У меня есть такая задумка: взорвать стены нашим эрзянским оружием.

Царь спрашивает:

— Какое же у эрзян оружие, о котором я не знаю?

Старик рассказал, что задумал. Нужно надеть на бочки обручи, заполнить их кислым молоком, погрузить на телеги и доставить под стены.

Вначале царь не поверил, а подумав, говорит:

— Пожалуй, пусть будет по-вашему.

Так и сделали. На другой день, а может и на третий, собрали кислое молоко со всех сел, сделали сорок бочек, молоко залили в бочки, бочки закупорили, погрузили их на телеги, и двинулись русские и эрзяне брать Казань. В тот же день был набран эрзянский полк. Их вел русский царь. Шли через лес. Проводником был мужик из нашего села, из Налитова. Сел он на телегу, взял с собой одного старика, посмотрел вокруг и двинулся через лес в сторону Казани.

— С таким народом не пропадешь,— похвалил царь эрзян.

Пошли русские и эрзяне не по большаку, а по тайной дороге. Об этой дороге никто, кроме самих налитовцев, не знал. Шли они долго, и днем и ночью. Когда к утру подошли к Казани, старики забеспокоились: вдруг забродит молоко и бочки станут рваться? Знали, кислое молоко имеет большую силу: забродит — разорвет не только бочки, но и погибнет много войска.

Утром войска приблизились к Казани и увидели, как высоки стены города, красивые, до самого неба. Царь понял: стены так высоки, что по лестнице не поднимешься. Кроме этого ничего не видел. Из отверстий же, то оттуда, то отсюда в нас стреляли либо из ружья, либо из лука. Царь остановил свою кибитку, приказал войскам расположиться вокруг стены. А тем, кто пожелает, и спрятаться. Когда эрзяне и русские остановились у стены, царь собрал стариков, предводителей солдат, и сказал:

— Надо вырыть под стены отверстия и в них положить бочки кислого молока.

Я спросил:

— Дедушка, в книге написано не так. В книге написано, что под казанские стены заложили бочки не с кислым молоком, а с порохом.

— О-о, сынок, порох! То, о чем написано в книге, не все верно. Под казанские стены было положено наше эрзянское кислое молоко.

— Ну, ладно,— дедушка стал рассказывать дальше.— Когда вырыли сорок отверстий под стены, втокнули туда бочки с кислым молоком. Царь и все старики стали ждать, когда будут рваться. Ждали час, а может, больше двух. Понемногу все стали сомневаться:

— Эрзянское оружие несильное! Не взрываются бочки! — слышались возгласы.

Но скоро бочки стали взрываться. Пукшт! — там, лакшт! — тут. Не все сразу. Смотрим, там стена валится, тут стена рушится. Ког-

да же взорвались все сорок бочек, стена разрушилась. Перед нами предстал красивый город. То была Казань. Царь взмахнул рукой, и войска вошли в город. Татары не знали, что так сильно эрзянское оружие. Не зря в народе говорят, что кислое молоко Казань рушит.

О КРЕЩЕНИИ МОРДВЫ

25. Кода лемдясть эрзятнень

Кода тезэнь (те масторонть лангс) састь эрямо Титя Кураев, Нихороши Бигаев, Яков Сабаев, Уйкин, Вельмискин, сынь строясть кудот-чить. Тесэ, масторонть лангсо, эрять атак лемдть. Зярдо нись карми чачтомо, тетясь туй вивев, эйкакшонтень путыть лем Вириальте, паксяв туй — Паксяльте. Истя яла сынь лемдякшность. Мейле сась тенст поп, макссь закон. Весе авардить, а лемдить. Велесэт ули селт. Тозонь вийсэ панизь. Авардить, лайшить — авольть лемдя. Се селтонть народонть панемадо мейле тейсть церькова. Кармасть пазинь озномо. Азорокс теевсь попось. Кармасть венчинема, лемдямо, тейсть праздникть...

25. Как эрзю крестили

Как пришли сюда (на эту землю) жить Титя Кураев, Нихороши Бигаев, Яков Сабаев, Уйкин, Вельмискин, сразу же они построились. Здесь, на этой земле, жили некрещеными. Если во время родов отец уедет в лес, то ребенка назовут Вириальте¹, если в поле уедет — Паксяльте². Такие тогда давали имена. Потом пришел поп, установил закон. Все плачут, не желают креститься. А в селе был пруд. Насильно согнали к пруду. Плачут, причитывают — не хотят креститься. Как тот народ согнали к пруду, потом уж и церковь построили. Богу стали молиться. Хозяином стал поп. Начал венчать, крестить, установили праздники...

26. Покш Эрмезенка веледеньт предания

Покш Эрмезенка веленть историйдонзо мой маринь истямо предания. Авам, тетям евтнильт:

— Эрзянь семиятне састь Вишка Эрмезенка велес Нижнойстэ. Сестэ пансть православной религияс, эрзятне куватьс эзть сова. Кода кармасть улеме барщиinat, Покш Эрмезенкав Вишка Эрмезенкасто састь седе ламо ломанть. Вишка Эрмезенка велентень икеле мерильт Ташто веле. Сон аштесь седе вере, тесэ ульнесь болота. Истямо ладсо Нижнойстэ састь эрзянь семият, конат

¹ От слова «вирь» — лес.

² От слова «пакся» — поле.

оргодеть секс, што пансть эйсэет религияс. Састь Вишка Эрмезенка велес. Вишка Эрмезенкасто или Ташто велестэ оргодеть мекев тей, Покш Эрмезенкав, оргодеть барщиinado. Тесэ ульнесь бояр Эмеров. Тосо жо минек барщина арасель. Тезэнь састь ламо. Секс мерить Покш Эрмезенка. Тозонь кадовсть седе аламо, секс мерить Вишка Эрмезенка.

26. Предание о селе Большие Ремезьнки

Об истории села Большие Ремезьнки я слышал такое предание. Мать с отцом рассказывали:

— Эрзянские семьи пришли в село Малые Ремезьнки из Нижнего Новгорода. Тогда заставляли принять православную веру, эрзяне долго не принимали. Когда началась барщина, в Большие Ремезьнки из Малых Ремезьнок пришла большая часть людей. Малые Ремезьнки раньше называли Старое село. Оно расположено было повыше, здесь же было болото. Вот так из Нижнего пришли эрзянские семьи, которые бежали, потому что их крестили. Пришли в село Малые Ремезьнки. Из Малых Ремезьнок, или из Старого села, от барщины возвратились снова сюда, в Большие Ремезьнки. Был там барин Эмеров. У нас же барщины не было. Многие пришли сюда. Поэтому говорят — Большие Ремезьнки. На прежнем месте осталось мало, поэтому говорят Малые Ремезьнки.

27. Лемдемадо предания

Зярдо велесь кармасть пуромомо ды покшолгадсь ветесядт ломаньс, сестэ кармасть вийсэ лемдявтомост. Тейсть церькова ды мерсть эрицятнень:

— Рамседе пазават.

Сынь весе рамсавть Миколат ды мернесь тензэ рузонь верепаз. Попось кармавтнесь эйсэет озномо, сынь жо эзть озно. Истя тевесь куватьс мольсь. Попось понамарензэ марто мезть арсесть? Вана кода сынь тейсть. Сонсь сови кудос ломанентень, понамарензэ кекшсы пазава уголонть экшс. Соби кудонтень, кевкстьсы кудазоронть:

— Ознокшинат рузонь вере пазонтень?

Те мери:

— Ознокшинат.

— А манчат эйсэнь?

— Арась, кевкстик сонсензэ.

Попось ары кумажа лангс, чеки-поки ды серьгеди:

— Микола милостивый, скажи мне, молится тебе сей раб с чадами или нет?

Понамаресь уголонть экштэ ответи:

— Нет!

Сестэ попось кудазоронть пельде саи вете целковойть сень кис, што сон а озны. Бути жо омбоцеде сы, сестэ — кемень.

Вейке ломань мезе тейсь? Зярдо пополь тусь кедьстэнзэ, сон кежень пачк Миколанть сельмензэ таргинзе. Пополь сась, вань: Миколанть сельмензэ таргазь. Сестэ сон сайсь пельдензэ комсь-ветее целковойть ды тусь. Рамавтсь од пазава. Те рамась од. Пополь сась, ваньзе:

— Рамить?

— Раминь.

— Ознокшиат?

— Ознокшнан.

Пополь таго кевктисе Миколанть, уголстонть каятотсь:

— Нет!

Кеветее целковойть пельдензэ сайсь. Те ломанесь мейле мезть тейсь? Саизе пазаванть ды ливтисе кардазов. Сонзэ андовсть колмо тувонзо. Сон се пазаванть тувонь пильге алов каизе. Пополь сась, пазаваь арась. Кевктни:

— Ды косо пазават?

— Кие содасы? Мон, чей, эйсэнзэ а кирдяи, сонсензэ пазонь олязо, ков арси — тов моли.

Пополь педясь эйсэнзэ:

— Бути,— мери,— а кандсак тей, сядо целковойть пельдеть саяи.

— Ды косто мон сайса? Ведь мон вере пазонть марто а якан. Кие содасы, ков сон тусь? Неизь буто сонзэ, исяк якась кардазга, ков жо тусь — а содан. Адыдо бути вешнесынек.

Лиссь, кармасть вешнеме, арась косяк. Пополь мери:

— Кода содат вешник, но муик, бути а мусак, сядо целковойть пельдеть, макссыть нейке.

Те вансы — тевть а парт. Мольсь кардазонть малас ды серьгедсь:

— Ванта, бачка, оно се лаз уголинь рудайсэнтэ аволь сон?

— Таргика.

Таргизь. Ваньть: алкукскак сон. Пополь мери:

— Ды тои мекс тезэнь каик?

— Арась,— мери ломанесь.

— Эно мекс сон тесэ?

— Ды ведь мон а содаса, паряк, гуляясь веть ды кудов самсто кудо кенкшесь эзь муеве, совась ирептэнь пачк те кенкшентень ды прась рудазонть, тувотне жо кодат! Сынь шайтянкак чалксить. Мон жо дивсян, кода еще эзизь сэве кормилецтэ?

Пополь мери:

— Мезть манчат? Минек вере пазоньк винадо а сими.

— Ну, паряк, угориясь ды лиссь венелев.

— Таго манчат, ведь сон чувтонь, ансяк сермадозь ломань ликекс, сон а сими, а ярсы, а угории, а яки.

— Мекс эно корты, чувтиэ а кортыть, сон жо манчи тонеть, буто мон тензэ а ознан.

Седе мейле пополь истя эзь кевктне.

Когда село стало расти и увеличилось до пятисот человек, тогда начали их крестить. Построили церковь и сказали:

— Покупайте иконы.

Все они купили иконы св. Николая и называли его русским богом. Поп заставлял молиться, а люди не молились. Долго так продолжалось. Что же придумали поп с пономарем? Вот как они сделали. Поп в дом к человеку войдет, а пономаря спрячет за угол, где икона. Войдет в дом, спросит хозяина:

— Молишься ты русскому богу?

Тот скажет:

— Молюсь.

— Не обманываешь меня?

— Нет, спроси его самого.

Поп станет на колени, перекрестится и крикнет:

— Никола милостивый, скажи мне, молится тебе сей раб с чадами или нет?

А тот из-за угла и скажет.

— Нет!

Тогда поп возьмет с хозяина пять рублей за то, что он не молится. А если придет в другой раз, то — десять.

Что же сделал один человек? Когда поп ушел от него, он в сердцах взял и выколол у Николы глаза. Пришел поп, видит, что глаза у Николы выколоты. Поп взял с него двадцать пять рублей и ушел. Заставил купить новую икону.

Хозяин купил новую. Поп пришел, осмотрел ее:

— Купил?

— Купил.

— Молишься?

— Молюсь.

Поп снова спросил Николу, тот опять говорит:

— Нет!

Взял пятнадцать рублей. Что же потом этот человек сделал? Взял икону и вытащил ее во двор. Там у него откармливались три свиньи. Бросил икону свиньям под ноги. Пришел поп, иконы нет. Спрашивает:

— А где твоя икона?

— Кто ее знает? Чай, я ее не держу, своя божья воля, куда задумает — туда и пойдет.

Поп пристал к нему:

— Если,— говорит,— ты ее не принесешь сюда, то возьму с тебя сто рублей.

— Да откуда я возьму? Ведь я не хожу с богом. Кто знает, куда он ушел. Кажется, видели его вчера, ходил по двору, а куда ушел — не знаю. Пойдем, пожалуй, поищем.

Вышли, стали искать, нигде нет. Поп и говорит:

— Как знаешь ищи, но найди, а если не найдешь, то сто рублей с тебя возьму, давай сейчас же.

Хозяин видит — дело плохо. Подошел к хлеву и закричал:

— Смотри-ка, батюшка, вот этот уголок доски в грязи, не он ли?

— Вытащи-ка!

Вытащили. Смотрят: и вправду икона. Поп говорит:

— Да ты зачем ее сюда бросил?

— Я не бросал, — отвечает тот.

— Так почему же она тут?

— Не знаю, видно, гулял ночью да, идя домой, не нашел двери избы, вошел в эту дверь спяща и упал в грязь; а свиньи ведь какие! Они шайтана и того затопчут. Я еще дивлюсь, как они его, кормильца, не съели?

— Зачем клеветешь? Наш бог не пьет вина.

— Ну, может быть, угорел и вышел во двор.

— Опять клеветешь, ведь икона деревянная, только расписана по образу человека, она не пьет, не ест, не угорает, не ходит.

— Так как же тогда говорит, ведь деревья не говорят, а она вот клеветает тебе, будто я ей не молюсь.

После этого поп перестал так спрашивать.

28. Кода Платон попокс арась

Седикелень шкатнестэ, зярдо эрзятне ульнестэ апак лемдть, велетнес появась крепостной правась. Кармасть вийсэ эрзятнень панеме лемдеме. Зярдо истямо лацо лемдизь, кармавтсть, штобу эрва велесэ улесэ поп.

— Бути поп а мутадо, то весень плетьсэ керятадызь.

Эрзятненень кодамо поп а кучить, сынь а сайсызь. Сестэ мерсть тенст:

— Тыньсэ вешнеде эстенк поп.

Кармасть эрзятне эстест попонь вешнеме.

— Кодамо ней поп мутано?

— Дайте варштатано истямо, конань лемезэ моли поп енов.

Ве атысь мерсь:

— Монь койсэ вана кинь лемезэ моли поп енов. Игань Платон карми улеме попонок.

Платон ответи:

— Мон ведь сермас а содан.

— Ну, чей, кодаяк тонадат. Аволь уш весе поптне сермас содыцят.

Алкукскак, кармасть Платон церьковасо служамо. Пуромсть весе эрзятне церьковав, Платонь кунсолосо, кода сон карми служамо. Платон саизе книжканть ды мери:

— Вана те эрзянь книжканть содасынк?

Эрзятне мерить:

— Содасынек.

— Бути содасынк, а мезть тенк ловномскак.

Обедняськак прядовсь. Эрзятне лисеть ды мерить:

— Ну уш теяк идемевсесь а поп.

Сынь арсесть-тейсть ды прасть ве мельс: бути омбоцеде сыть церьковав, мерить — а содасынек.

Алкукскак. Састь тронянь чистэ весе церьковав, анокстызь прят Платонь кунсолосо. Тона саизе книжканть ды мери:

— Вана, содасынк ли Лукань сермадома книжканть?

Эрзятне таго серьгедсть:

— Содасынек.

— А бути содасынк, сестэ а мезть ловномскак.

Лисеть эрзятне ды мерить:

— Ялатеке берянь попось. Эрзяви кучомс архирейненень пеняцямо Платонь лагс, што сон а служи миннек обедня.

Видеяк, кучть тензэ пеняцямонь серма. Архирееь тосто Платонь сермады:

— Бути а кармат служамо, куломозот плетьсэ керятадызь.

Платон согласясь служамо. Весе народось пуромсь петровонь чистэ обедняв. Кармасть кунсолосо, кода Платон карми служамо.

Платон кевкстни:

— Вана содасынк ли Лукань сермадома книжканть?

Народось весе чатьмони. Сестэ Платон мери:

— Пекстадо вальматнень-кенкштнень. Обеднясь ули колмо недлят.

Ванька мери:

— Серега, тон кши санть?

Тона ответи:

— Эзинь.

— Монгак ведь эзинь.

— Сестэ сон куловтсамизь вачодо.

Ломантне седе курокке лисеть церьковастонть ды адя чийть кудов. Сестэ Платон сермадовтсь пеняцямо, кучизе архирейненень. Сермасонть пачтысь, народось а кунсолы эйсэизэ.

Архирееь ответчась: «Тынь Платонь кунсолосо. Мезе сон теи, тыньгак сень теде».

Платон таго кармасть служамо. Саизе кадиланть, ушодсь эйсэизэ юхаеме. Ливтясь кадиластонть сятко ды прась пильге лапанзо лагс. Платонь пильгесь пицевсь, сон кармасть пильгэизэ топаеме. Народось, лагозонзо ванозь, кармасть истя жо топаеме. Платон марясы, пильгесь седеяк пек кармасть сэредеме пицевемадонть. Сон прась кунст ды ушодсь сятконть правтомо. Ломантне, лагозонзо ванозь, весе пракшность, истя жо кармасть пильгэист юхаеме...

Ве аты мерить:

— Вана те тык обедня. Седе паро ули, бути лисяи церьковастонть.

Сергей аты лиссь ды ашти церькова боксо. Юты ваксанзо нишей ды мери:

— Курок ли обеднясь лиси?

Атясь мери:

— Стуканиясь ютась, дрягания моли. Паряк, курок обеднясь-как прядови.

28. Как Платон попом стал

В былые времена, когда эрзяне не были крещены, в селах появилось крепостное право, и плетью стали гнать на крещение. Эрзян насильно окрестили, стали им говорить, чтобы в каждом селе был поп:

— Если не найдете попа, то всех кнутом запорем.

Эрзянам какого попа ни пришлют, они не берут его. Тогда сказали им:

— Ищите сами себе попа.

Стали эрзяне сами выбирать попа:

— Какого же попа нам найти?

— Давайте такого присмотрим, у которого имя похоже на поповское.

Один старик сказал:

— По-моему, вот у кого имя похоже на поповское. Игнатов Платон будет у нас попом.

Платон отвечает:

— Я ведь грамоты не знаю.

— Ну, как-нибудь научись. Не все уж попы грамотные.

И вправду, стал Платон в церкви служить. Собрались все эрзяне в церковь слушать Платона, как он будет служить. Платон взял книжку и говорит:

— Знаете ли вы эту эрзянскую книжку?

Эрзяне говорят:

— Знаем.

— А коль знаете, нечего вам и читать ее.

И кончилась обедня. Эрзяне вышли и говорят:

— Ну, уж и этот идол не поп.

Они думают, что если во второй раз придут в церковь, то скажут — не знают.

И вправду. На тронцу все пришли в церковь, приготовились слушать Платона. Тот взял книжку и говорит:

— Знаете ли вы книжку писания Луки?

— Знаем, — снова крикнули все.

— А коль знаете, то нечего и читать.

Эрзяне вышли и говорят:

— Все равно плохой поп. Давайте пошлем архиерею жалобу на Платона, что он не служит нам обедню.

И правда, послали письмо-жалобу архиерею. Архиерей пишет Платону:

— Если не будешь служить, то до смерти тебя плетью засекут.

Платон согласился служить. Весь народ собрался на петров

день к обедне. Стали слушать, как Платон в церкви будет служить.

Платон говорит:

— Знаете ли вы книжку писания Луки?

Народ молчит. Тогда Платон говорит:

— Закрывайте окна-двери. Обедня будет идти три недели.

Ванька спрашивает:

— Серега, ты хлеб взял?

Тот отвечает:

— Нет.

— И я ведь не взял.

— Тогда он уморит нас с голоду.

Как выскочат люди из церкви, и давай бежать домой. Тогда Платон попросил написать жалобу, отослал архиерею. В письме сообщал, что народ его не слушает.

Архиерей пишет: «Вы Платона слушайте. Что Платон делает, то и вы делайте».

Платон снова стал служить. Взял кадило, стал он им махать. Вылетела из кадила искра и упала ему под ступню. Нога обожглась. Платон загопал ногой. Народ, глядя на него, тоже начал топтать. Платон чувствует, что ногу еще сильнее обжигает. Он упал на спину и начал искру вытряхивать. Люди, глядя на него, также попадали, все начали ногами размахивать...

Один старик говорит:

— Вот так обедня. погоди, лучше выйду из церкви.

Старик Сергей вышел и стоит около церкви. Мимо проходит нищий и спрашивает:

— Скоро ли обедня отойдет?

Старик говорит:

— Стуканье прошло, дряганье идет. Наверное, скоро и обедня отойдет.

О РАЗИНЕ И ПУГАЧЕВЕ

29. <Разин ды эрзятне>

Помняса, ульнесь истят кортиемат Стенька Разиндэ. Те ульнесь еще Каменкасо. Весть тостонь атя евтнize. Фамилиянзо ней уш а содаса, стувтыя.

— Вот, — мери, — Степан Разин ульнесь атаман! Те алкукская атаман ульнесь! Воинственной!

Мои кевкстиян:

— Кода эрзятне кандовсть Степан Разиннэнь?

Мери:

— Пек вечкелизь. Зярдэ, — евтни, Степан Разин появась. сынь печксть барант, скалонь сывель усксесть сонензэ, медь парть войскань андомс. Ламо медест эрсесь, ламо скотинаст. Сыре ло-

манть евтнить, что Степан Разин пек вечксь эрзятнень. Вана, бу-
вала, пурнасынзе сынст ды мери:

— А ну-ка, мордва, споем мордовские песни.

Вечксь ды кунсолось эрзянь моротнень.

29. <Разин и эрзяне>

Помню, так рассказывали о Стеньке Разине. Было это еще
в Каменке. Каменский старик говорил. Его фамилию уже не знаю,
забыл.

— Вот,— говорит,— Степан Разин был атаман! Это действи-
тельно атаман! Воинственный!

Я спрашиваю:

— Как эрзяне относились к Степану Разину?

Говорит:

— Очень любили. Как,— рассказывает,— появился Степан Ра-
зин, они зарезали баранов, говядину привезли ему, бочонки с ме-
дом войско кормить. Много меда у них было и много скота. Ста-
рые люди рассказывают, что Степан Разин очень любил эрзян.
Вот, бывало, соберет их и скажет:

— А ну-ка, мордва, споем мордовские песни.

Любил и слушал мордовские песни.

30. Пугачевец

Вейке баба вана мезе евтнесь:

— Ух, церакай! — мери бабась. — Ульнесь монь помнянга Це-
барька баба: кулось кавтосядт иесэ. Сон Пугачень иетнень пар-
сте помнилинзе. Седикеле лиси Цебарька баба ульцяв, озы кудо
бокас ды мери:

— Вай, пурнаводоак ваксозон, кунсолонизьгак, мезть евтнян
теик Пугачень иетнеде.

Народось пуроми, арыть весе Цебарькань перька ды кунсо-
лыть. Тона карми евтнеме:

— Зярдэ сыть Пугачтне, минь весе кекшиетяно. Сынь варш-
тыть, кияк арась, кармить минек манчеме:

— Мазый ават, паро ават, лиседе! Пугач мекев тусь.

Минь содасынек, сон манчи, а листяно. Мейле тонадынек, кар-
минек Пугачтнень марто ве таркасо эрямо. Сынь крестьянинт эзь
токше, бояртнень пек эзизь вечке. Ансяк Пугачесь муи бояр, пры-
но керясы ды ертсы. Бояртнэ вансызь тевтне берянтъ, кармасть
крестьянкс оршнеме. Крестьянтнэ жо бояртнень лангс кежейть,
евтасызь бояронтъ Пугачтненень. Сынь молитъ бояронтень ды
кевкстьсызь:

— Тон кият?

— Крестьянинан,— ответи боярось.

— Невтитя кедеть! — мери Пугачесь.

Боярось невьтсынзе.

— Тонь кедеть пек ашот, эриват повамс,— ды повасызь боя-
ронтъ.

Истя Пугачтне весе бояртнень повсекшнызь. Сень кувалт сы-
нект пасиба: кува паз мери теиет якаmodo, сия паро неест.

30. Пугачевцы

Одна старуха вот что рассказывала:

— Ух, сынок,— говорит старуха.— На моей памяти была баб-
ка Цебарка, умерла двухсот лет. Она хорошо помнила пугачевское
время. В старину, бывало, Цебарка выйдет на улицу, сядет на за-
валинку и скажет:

— Эй, собирайтесь-ка близ меня, что я расскажу вам о пуга-
чевском времени.

Народ соберется, станет вокруг Цебарки и слушает. А она нач-
нет рассказывать:

— Когда придут пугачевцы, мы все прячемся. Они видят, что
никого нет, начнут нас манить:

— Хорошенькие женщины, добрые женщины, выходите! Пуга-
чев ушел назад.

А мы знаем, что они обманывают, не выходим. Потом привыкли,
стали жить с пугачевцами в одном месте. Пугачевцы крестьян не
трогали, они очень не любили господ. Лишь только Пугачев най-
дет барина, казнит его. Господа видят — дело плохо, начали оде-
ваться по-крестьянски. А крестьяне сердиты на господ, скажут
Пугачеву про барина. Те подойдут к барину и спросят его:

— Кто ты?

— Я крестьянин! — ответит барин.

— Покажи-ка свои руки! — скажет пугачевец.

Барин покажет.

— Твои руки больно белые, тебя надо повесить.

И повесят барина.

Таким образом пугачевцы всех господ перевешали. За то спа-
сибо им, пугачевцам. Куда бог прикажет им идти, там пусть уви-
дят хорошее.

31. Пугачевонь ютамсто

Зярдэ ютась Пугачев Ядрин ошто, тесэ, Ало велень паксясо,
Раужо букань ки чиресэ, сынь весе войсканзо марто обедасть.
Обедамоде мейле Пугачев мерсь эсь войсканстэнь, штобу эрьвась
кандоволь ветень-ветень картуз мода. Тейсть кавто март, конатне
нейгак целат, аштитъ се самай Раужо букань кинть лангсо.

Тестэ, Ало велестэ, сон тусь Турдаков, Турдакто — Сутянкань
Курмыжинь ки ланга, Сутягасо повась поп ды бояр. Боярось уль-
несь Гагарин. Народось попонть эзь шна, ды ортань вере чувтос
кирьяго поводитъ. Бояронтъ а содан кода повизе, паряк, поводи-
зе попонть вакс.

31. Когда проходил Пугачев

Когда Пугачев проходил из города Ядрина, то здесь, на поле села Алово, у дороги Черного быка, они всем войском обедали. После обеда Пугачев приказал всему своему войску принести по пять картузов земли. Насыпали два бугра, они и сейчас стоят у той самой дороги Черного быка.

Отсюда, из села Алова, он пошел в Турдаки, из Турдак — по дороге Суягина Курмыша. В Суягине повесил попа и барина. Барин тот был Гагарин. Народ не хвалил попа, и его повесили на верхней перекладине ворот. А барина не знаю, как убил, наверное, повесил рядом с попом.

32. Пугачевской ки

Атятне кортасть, што Скрипникстэ Сухоев кинтень мерить Пугачевской ки. Кода сон, Пугачев, кармасть тей само, атятне вастызь сонзэ кши-сал марто.

— Тынк,— мерсь Пугачев,— саразонкак а еми.

Мельганзо пансть оцязоронть слуганзо. Сынь калмасть-валясть лугантень сырнесэ пештызь боцька. Кинть эйтэ ве енов онкстасть тарка. Мейле, эрва нестэ, тейнесть кинть лиява. Истя вана полавтнизь. Паряк, боцькась нейгак тоско, княк сонзэ эзизе нее.

Пугачев тия ютась. Вана сон кись Полудневсто тей валги. Тосо хохолонь веде, сисем-кавказо вайгельбеть улить тестэ. Сон вана тей валгсь Сухоенть малав.

32. Пугачевская дорога

Старики говорили, что дорогу из Скрипников до Толкая называют Пугачевской. Когда Пугачев стал сюда подходить, старики вышли встречать его с хлебом-солью.

— У вас,— говорит,— и курица не пропадет,— так отвечал Пугачев.

А за ним гнались царские слуги. Из боязни они закопали на лугу бочку с золотом. От дороги отмерили расстояние. Потом же каждый год дороги по лугу меняли, в этом году — здесь, на будущий год — в другом месте. Так вот меняли. Наверное, бочка и сейчас там, никто ее не видел.

А Пугачев здесь прошел. Вот дорога из Полуднева сюда спускается. Там украинское село, семь-восемь километров отсюда будет. Дорога сюда вот спустилась, ближе к Толкаю.

О РАЗБОЙНИКАХ И КЛАДАХ

33. Казналяйбрия

Тя ляйбрия эрясть разбойникт. Тоса ульсь синь кудсна. Разбойникнень ульсь пяк лама ярмакса. Синь кочказь ярмакнень

марс и еразь калмамс. Мусть васта и калмазь. Сяда меле ня разбойникне ульсь шавонфт. А тя ляйти кармасть мярьгома Казналяйбрия.

33. Родник-клад

У этого родника жили разбойники. Там был их дом. У разбойников имелось много денег. Они собрали все деньги и решили закопать. Нашли место и закопали. Потом эти разбойники были убиты. Родник же стали называть Родник-клад.

34. Казнадо

Минек велесэ кемить казнас. Кортыть, можна сонзэ муемс, бути алтамс ломань пря.

Вирьсэ, минек веледенть а васоло, ули лисьма. Те Вор лисьманть вакссо эряеть икеле салыцят. Сынь карызьгак лисьманть. Сондензэ а васоло нейгак еще содавить салыцятнень землянкаст. Се Вор лисьмасонть, кортыть, боцькасо ули казна. Бути, кинь ули мелезэ саеме сонзэ, алтазо тосо ломань пря эсензэ семиясто. Кода алтасак прянть, таргасак казианть. Минь ламоксть се Вор лисьмантень якинек или лиясто ковгак лияв. Кода тозонь мольтяно, симтянок васня, мейле нолдасынек жердянть ведентень, токше-сынек, карми веденть ало стукамо. «Бум! Бум!» — каюты веденть алдо, теке боцькасто. Се боцьканть эйтэ моли рисьме, кие соды, ков венстязь.

Вана кода ломань пря эсеть семиясто путат, сестэ лисняк, ды таргави сестэ те казнась.

34. О кладе

В нашем селе верят в клады, будто можно найти, если принести в жертву человеческую голову.

В лесу, недалеко от нашего села, есть колодец. Рядом с этим Воровским колодцем раньше жили воры, они и вырыли его. Недалеко от колодца еще заметны места землянок. В нем, говорят, в бочке есть клад. Если кто желает его взять, то должен принести в жертву голову человека из своей семьи. Когда пообещаешь человеческую голову, тогда достанешь клад. Мы много раз ходили к Воровскому колодцу или в другое место. Как придем туда, поьем воды и жердью потрогаем, под водой начинает стучать: «Бум! Бум!» — отдается, как в бочке. От той бочки идет цепь, куда-то протянута.

Когда пожертвуешь голову человека из своей семьи, тогда и выплывет этот клад.

35. <Казань вешниядо>

Тевесь ульнесь веть алаша ваномсто.

— Ваня леляй, кода можна казна муемс?

— Ох, эйкакшт, те тевесь стака! Казна муи се ломанесь, конатанень алтасы азорось.

Вана, примеркс, мон содан истямо тев. Вейке розбойник казань валямсто мерсь: «Киненьгак иля муеве, монь казнам, муевть московонь васенце симицянть». Зяро ломанть майсесть, конатне вешнесть казанть, ялатеке сонзэ муизе московонь те симицясь.

Вана, примеркс, минек таркасо истя жо ульнесь интересной тев. Вейке ломань несь он. Удоманзо пачк сась тензэ ломань ды мерсь:

— Истямо чистэ кемгавтово чассто веть тон мольть истямо лейс, тосто муят казна.

Се ломанесь истя тейськак. Весь ульнесь чопода-чопода! Кода пачкодсь те леентень, сеске появась валдо, весе цильдерды. Ваны: икелензэ — модасо варя. Кишинь кенкш эйзэнзэ теезь, сисем панжомасо пекстазь. Икелензэ ашти часовой сырнень шашка марто. Те ломанесь кода эшкевсь часовоенть эйс, тандадсь. Часовоесь мери:

— Мезде тандадыть? Совак модасо варянтень ды сайт казна.

Те жо мери:

— Кода мон сован, зяро кенкшесь сисем панжома экшес?

— А тонь тевесь. Тонеть эряви совамс ды саемс казанть. Кенкштне — диньк, панжовсть, панжоматне ертовсть. Сон ваны: модасо варясонть сырнеденть — пандт. Таго тандадсь.

— Ну, мекс а соват? — кевкстни часовоесь.

— Ды кода мон сован? Потолоксо чова сурине вельде нурьги сырненть вельксэ яжамо кев. Сезеви суресь, яжамо кевесь лепштасамам.

— Иля пеле, совак!

Ломанесь совась тозонь, нейке кенкштне зэрнезь селговсть, ды тосто марявсь калмонь страшной вайгель:

— Вейксэце!

— Ваня леляй, те мезе вейксэцесь?

— Те, паряк, вана мезе: уш вейксэ ломанть емасть те казанть вешнемстэ. Конанень сон саеви — пазось содасы: паряк — кеменцентень, паряк — сядоцентень, паряк — тежанцентень, паряк — тежань васенцентеньгак...

35. <О кладоискателях>

Дело было в ночном.

— Дядя Ваня, как можно клад найти?

— Ох, ребята, трудное это дело! Клад найдет тот человек, которому завещает хозяин (тот человек, который этот клад положил). Вот, например, я знаю такой случай. Один разбойник, за-

рывава клад, сказал: «Никому не доставайся, мой клад, а достанься первому московскому пьянице». Сколько человек намаялось при поисках этого клада, а нашел его все же московский пьяница.

Вот, например, в наших местах тоже был интересный случай. Один человек увидел сон. Во сне пришел к нему человек и сказал: «Такого-то числа в полночь ты иди на такую-то речку, там найдешь клад».

Тот человек так и сделал. Ночь была темная-темная! Как пришел на эту речку, сразу появился свет, все блестит. Смотрит: перед ним пещера. С железной дверью за семью замками. Перед пещерой стоит часовой с золотой шашкой. Этот человек наткнулся на него, испугался! Часовой говорит:

— Чего ты испугался? Давай заходи в пещеру и бери клад.

А этот и говорит:

— Как я найду, когда дверь заперта за семью замками?

— Это не твое дело. Твое дело зайти и забрать клад. Двери — диньк, открылись, замки слетели. Смотрит: в пещере золота — горы! Слова испугался.

— Ну, что же ты не заходишь? — спрашивает часовой.

— Да как я найду?! С потолка на тонкой ниточке висит над золотом жернов. Нитка порвется, жернов меня задавит.

— Не бойся, заходи!

Он зашел туда, двери сразу же с грохотом захлопнулись, и оттуда послышался страшный гробовой голос:

— Девятый!

— Дядя Ваня, а что такое девятый?

— А это, наверное, вот что: пропало уже девять человек в поисках этого клада. Которому он достанется — бог знает: может десятому, может — сотому, может — тысячному, а может быть — и тысяча первому...

36. Казна

(Ульнесь алкукс)

Сядошка неде теде икеле эрясь Саранцелесэ, неень Атяшевской районсо, вейке пек бедной Гусев Тиша атя. Од шканзо ютамс сон яла роботась годовой работникекс Тяньковкань бояронть кельсэ. Ульнесть сонзэ кавто церанзо: покшось — Сема, вишкнесь — Иван. Кода цератне кайсть ды урьвакстнесть, сынь полавтызь Тиша атянь бояронть кельсэ. Атясь кармась роботамо кудо юткова урьванзо ды вейке церанть марто. Сокасть, видсть суро, омбоце братось, кода евтынек уш, роботась бояронть кельсэ тетяст таркас. Братнень юткова, штобу сынст козякатне иляст севно, Тиша атя яла истя теиль: кона братось роботы кизна бояронть кельсэ, сень тельня тердсьс кудов, кудосось туй тарказонзо бояронть, штобу бояронть кельстэяк илязо мене роботамо таркась, коната теист жаль марявсь кадомс. Тосо сынь важдость бояронть

кучерэкс. Бути кадомс тень, мейле истямо таркас а понгат: роботась аволь стака, питнесь жо вадря ды одирьватнененьгак илязо уле досадна. Вейкенть мирдесь кизна кудосо, а омбоценть — тельня. Истя полавтнезь сынь роботась ды ютавтеть стака нужасо эрямо шкаст-порасть. Лиякс а кода.

Весть, зярдэ бояронть кедьсэ роботась самай Сема братось, боярось арсесь молеме Нижноев ярмункав, коната се шкастонть эрва секеня тосо эриль колмо ковт. Сема тусь бояронть марто кучерэкс Нижноев. Тосо боярось эрясь цела ков. Вейке чистэнть сон максь Семанень ярмакт ды мери:

— На вана, азе рамак цела улав калацят ды усковтыть тюрьма икелев, явшить весе тюремщиктненень, мерть тенст, поминаст кулозь цераanzo Ванянь лемензэ.

Те чистэнть самай кулокшнось зярдэ-бути бояронть церазо. Вана лететьс мелезэнзэ, што течи цераanzo кулома чизэ, ярмункасо жо лиякс поминамс а мейсэ. Сема мольсь, рамась улав калацят, усковтынзе тюрьма икелев ды кармась тосо вальмава калацятнень явшеме, эрва тюремщиктненень мери:

— Поминак кулозь Ванянь лем.

Вейке тюремщикесь калацянть саемадо мейле кевкстнзе:

— Костонят, цера?

Сема евтязе: бояронь кучер, сась бояр марто ярмункав, толковнзе, кодамо губерниянь, уездэнь, велень эрицясь. Тюремщикесь мери:

— Коли тон товолоксонь ломанят, еван тетя паро тев. Зярдэ велявтат кудов, мольть Ордатова вирев, тосо ули ташто нешке пире. Се нешке пиренть бокасо ули пултазь пенька; се пенькадонть аволь васоло, обед енов, калмазь пек покш казна, конань минь тосо валинек. Сон калмазь аволь пек алов. Ярмактнень ланга кавто рядт вельязь кирпичь. Кирпичтне колмо уголсот, минь сынст янгинек ды ускинек Ждамеровонь паксясто, тосо ульнесть кадозь мальчикень кудот.

Васня ульнесть кодат-бути мальчикть паксятнева. Мальчикесь сонсь уш а эриль кудосонть. Еще мери, што сон ней уш зярдояк а мени оляс.

— Мон ульнинь самай главной розбойникесь. Судязян куломозон тюрьмас розбойничамонь кис, ды весе ялгангак пекстазь, ки содасы кува аштить, мон вана кода-бути понгинь тезэ. Умок появась мель евтамс тень, но киньгак тюрьмастонть а савкшны монень неемс. Вана бути тезэнь понгить тон, часнязот калаця явшеме молить, таргить ярмактнень, улят сюнав.

Те казнадонть умок уш кортась весе народось, эйсэнзэ ламоткак вешнесть, но кияк а содыль, кона таркасонть сон валязель.

Розбойникенть валтнэ кирвастизь Семань потмонзо, ютавтызь удоманзо, домкасто кармась арсеме, кода ней таргамс ярмактнень. Састь бояронть марто кудов, арси Сема, кода теемс теветь, конань вадрясто евтязе сонсь розбойникесь. Ноки евтамс теветь братонтень. Досадна маряви тензэ, сонгак сюпалгады. А евтамс

кудосо братонтень — кода таргамс? Ды сон арсесь а евтамс киненьгак. Сонензэ жо, кода лов пры, молема кудов. Иван братось сы тарказонзо, но тельня ведь казна а таргат лов потсто. Сон мери эськанзо: «Ужо, мон тейса истя, конань кияк а чарькодьсы. Еще тельнтькак монсь роботаса, кудов апак яка, кизэ ланга Иван полавтсамам; монгак мерян, хоть вейке кизэ ютаван кудосо, ато яла свал монень кизэсь понги печтямс бояронь кедьсэ, вейкеяк мазый шка арасян кудосо, кие арси, мезть монь потсон. Мейле, кизна, мон тейса уш те теветь, кияк а карми содамо». Ды, видеяк, сон кучсь тетянтень кудов ломань вельде вал, што илязо кучо братонтень полавтомонзо, вестешка арси, келя, молеме кудов кизна. Тетясь ды братось мерить: «Ладна, ве кизэ кадык сон эри кудосо».

Сась тундось. Иван братось мольсь боярнень, Сема сась кудов, кармась тетянтень марто яровой сюронь видеме, сокамо. Видевсть, сась аштема ков. Сема арси молема казнантень варштамо, конадэ ансяк пек салава евтась эсензэ козяйкантень. Тетянтень жо мери:

— А мезть теемс монень нуематнень кенеремс кудосонть стяко, молян недля-кавто ютан Ордатова ошканть, а муян ли костояк работа: тикше ледема или лия тев; зярояк роботан, ярмактне расход маштовить.

Атась мери:

— Азе-азе, бути мелеть ули.

Те самай Семанень эрявськак. Сайсь сон пелюма ды тусь Ордатовав, бояронть кедьстэ самодонть мейле сон бабантень максокшнось салава вете целковойть, конатнень ней саинзе мартонзо. Тосо кармить эрявома сонензэ ярмакт.

Пачкодсь Ордатовав, варштась квартира ды ушодсь кевкстнеме-бакулямо, косо сынст Ордатова вирьсэнть кадозь ташто нешке пиресь. Кона евтасы тесэ, кона — тосо, парсте жо кияк арась содыцязо. Сема чийнесь-чийнесь вирьганть, уш цела недля, мукшнось истят таркат, но а содасы, те или аволь таркась. Сон таго ушодсь якамо Ордатова юткава ды кевкстнеме. Мусь пек сыре атя, конань симдизе винадо ды кармась мартонзо кортамо теветь ланга. Атась мери:

— Мон содаса те нешке пиренть ды палозь пенькантькак, — ды те атась толковнзе тензэ, кува молема ды косто муемс.

Сема пек кецясь, сайсь койме ды тусь вирев, се таркантень, конань атась евтязе. Муизе нешке пиренть ды палозь пенькантькак. Кода евтазель, кармась чувомо пенькань обед ено бокасто. Васня теись крест конязонзо ды мерсь:

— Господи, баслави, боже!

Чуви ды чуви, ковгак а ваны, сонсь арси, што, евтнить, казнань таргамсто яла тандалить ломанть, сон жо съкамонзо чаво вирь куншкасо. Зяро-бути шкань ютазь коймезэ вачкодевсь мезес-бути калгодос. Арси: пачкодсь казнантень. Седе курок урядызе чувозь моданть, ваны — неявить кирпичь. Седеяк кецясь, алкукс, мери, те казнась. Кода евтязе розбойникесь, неть кирпичь

ряднэ. Сема пек сизесь чувомадонть. Лись латконтъ ды озась чувозь моданть лангс оймсеме. Кепедизе прызо, ней: латконтъ омбоце бокасо моданть лангсо каршонзо ашти озадо псака пулонзо лангсо. Ваны витьстэ Семань сельмс, сонсь псакась истяшка, кодамо костояк Сема масторонть лангсто икеле зь некшне, ансяк псаканть усанзо кувалмост ниленьгеменьшка сажень. Псакась ваны ды сонсь мурны. Семань превензэ маштеть, арси: латконтъ лисинь, мезеяк арасель, ней жо косто вирь куншкасо тезень понгсь псака ды меке сон ломанень иезь зь мявкстнеяк. Эськанзо арси: те аволь псака. Кармасть сонзэ черь петне прысонзо стямо, рунванть валовсь кельме ливезь. Ансяк, мери, кадовозан живстэ те псакадонть. Казнаськак а эряви. Зярс истя сон арсесь эсензэ пачка — псакась а тесэ, а тосо, буто зь ульнеяк. Ваны: латкоськак, конань чувсь, весе мекев вейкендясь, буто мезеньгак чувовкс арасель. Кода тень неIZE, седеяк дивазевсь: пасиба, мери, хоть латконтъ лисевинь, а то бу тоско валявлинь. Казнанть таргазь понксот лавшометь.

Кода сон сась квартирас, кода тусь вирьстэнтъ — мезеяк мельсэнзэ зь кадово, помиясы ансяк покш уса псаканть, кода пачкодсь сон квартиразонзо а помни: сонсь сась или кияк тезэ ускизе. Ну, мери, ней а молян, кулат — казнаськак а эряви.

Кавто недлядо мейле сон сась кудов, мери тетянтень:

— Арась, эзинь муе роботамо тарка.

Козыйкантень жо салавине евтнize, кода сон мукшнызе казанть ды кода тандадсь. Мейле козийканть яла сайсь мартонзо таргамо. Тона мери:

— Казнат мартояк, мон бути мездеяк тандадан — сеске кулан.

Сась нуема ланго, пултт ускома, Семань потео жо яла палы казна, кода ансяк таргамс, ней уш эсензэ прызояк севны, аволь эряво туемс тензэ, мезе улевель, таргамаль.

Мейле сась сексь, маштеть тевтне, курок Семанень туема Ивановь полавтомо бояронтень, казнась жо кадомс жаль. Семанень, кода зь ежовгале, савсь евтамс тетянтень казанть ланга:

— Дай, тетяй, Ивановьгак кудов тердьсынек ды сонзэ марто кавтоненек таргасынек.

Прась лов, Ивановь тердизь кудов ды мерсть варштамс сынст таркас лия роботник. Сыннь ней а кармить роботамо, арсить, кодак таргасызь казанть — пек сюпалгадыть.

Недья-кавто ютась, сась кудов Иван, сонсь аламодо севны, мейс лоткасть роботамо, мезть истя кудосонть арсестъ тейнеме тетят-перат? Или мелеззет тусь кудосо эрямось? Тосо мерить тензэ:

— Иля пижне, васня кунсолок, мейсэ тевесь, — евтнize Ивановь весеметь ды сеньгак, кода Сема уш якась таргамонзо.

Иван мери:

— Ладна, кавоненек молнидерятано, таргасынек.

Парясть банясо, кавто-колмо чи Иван оймсесь, ды кавонеск братнэ таго, кияк илязо чарькодть, тустъ Ордатовав базаров.

Сайсть мартост узереть, коймть ды еще мезе эрявсь. Ней сыннь киньгак эзь кевкстне, мольсть витьстэ нешке пирентень ды палозь пеньканть бокас. Зярдэ пачкодсть тозонь, несть: тосо ансяк чувовкс мода ды ве бокасо ертнезь кавтошка улавт кирпецть. Ваныть: кирпецтне колмо уголсот, кода евтize розбойникесь. Несть латко, совась тозонь — чаво. Сема мери:

— Ков теевсь казнась, паряк кияк таргизе?

Ванность, ванность чаво латконтъ вирь куншкасо ды прынь нолдазь сась мекев кудов. Кода тустъ шумбрасто, истяко састыкак шумбрасто, кияк эзинзе сэве. Прасть горядост комадо, ризнить ды арсить, кие таргизе казанть.

Эрясть-аштестъ зярс-бути, марясть, што кодамо-бути рузонь охотник таргась Ордатова вирьстэ ламо казна, кортаветь эйстэнзэ, кода сон лыжа лангсо ускинзе ярмактнеь кудов, ламо, натой, ломанть некшнызь сонзэ, но а содыльть, мезе сон ускесь нилеве веть. Те ломанесь ульнесь алкуке руз Буда, неень Атяшевской райононь Шейн-Майданонь охотник. Фамилиязо Дурченков, казанть муемадо икеле эрясь беднойстэ. Кудыкельксэзяк арасель, пингензэ эрясь сон — ансяк яксиль охотав, сыннь нищеельть. Весе именияст ульнесь ансяк киска ды ружия. Пингензэ ютавтсь охотасо. Сонгак уш умок содыль казнадонть ды ламоксть вешнесь эйсэнзэ, но а содыль, копа таркасонть нешке пиресэнтъ валязель. Зярдэ сексия прась васене од ловось, Дурченков тусь охотав, пачкодсь нешке пирентень ды ваны. Мусь кодамо-бути чувовкс, кона лов порошасонть эзь вельтявткак. Арси: кодат неть чувновкстнэ, аволь чей тесэ казанть таргизь? Совась латконтень, кармась тосо стучамо ружия ложасо ды сокоромя палкасо. Ваны: тосо кирпецть. Кармась тарксемест ды тосто муize казанть, конань усксизе кудов аламонь-аламонь. Ярмактонть, евтнестъ, ульнестъ вете-кото мешокишка. Тень марямодо мейле давай Иван братось тетянтъ марто Семань севномо, мейс сон зь евта тенст казнадонть икеле:

— Дурак, шайтян, — мерить, аламодо куломозонзо эзизь чавт.

Зярдэ сонсь Сема якась ськамонзо казанть таргамо, сестэ пек пельсь ды арсесь ансяк секеде: илязо тандадо мездеяк, а эряскалезь чувсь, пек сизекшнесь, мейле оймсестэ ансяк уочсь, вана мезеяк тандавтсь. Сонзэ сельмс пелеманть пачк появась ды неявь тензэ кодамо-бути ломанень сэрсьэ покш псака, ниленьгемень саженьшка кувалмосо уса марто ды конадонть истя тандадсь, натой эзь неяво чувозь латкоськак. Ансяк варштась: псакась арась ды латкоськак мекев вейкететсь, ады чийть ков понги куломадонть, а бути кияк сестэ мезеяк серьгедевел, ломань или кодамояк нармунь, то куломозояк тесэ улевель пельсь таргазь казанзо бокасо. Те охотникесь жо эзь пельть псакадожак, кискадожак.

Теде мейле кармась торговамо лавкасо ды строясь бояронь коидят красянь кудот, конат нейгак кадовсть. Истя кармасть Дурченковонь содамо пек васоло, аволь кода охотникень, но кода пек сюпав купецтень. Еще те пингень 1927—28 иетнестэ нэп-нэ

шкастонть сонзэ ульнисть Атяшевской ды Дубенской районтиэва панжозь сисем-кависо лавканзо, конатнесэ торговасть приказчикензэ, ды сон эшелонсо усксесь калт Астраханьстэ, Сема жо куломозонзо ризнесь эсь дуракчинзэ кувалма. Отказась максозь тензэ часиядонть.

36. Клад

(Быль)

Лет сто тому назад жил в селе Сабанчееве, которое находится теперь на территории Атяшевского района, один бедный старик, Тихон Гусев. В свои молодые годы работал у Тяньковского барина. Были у него два сына: старший — Семен, а младший — Иван. Когда сыновья выросли и поженились, они заменили старика Тихона у барина. Старик стал работать по дому со снохами и одним сыном. Пахали, сеяли хлеб, а второй брат, как мы сказали, работал у барина вместо отца. А чтобы жены не ругались, старик сделал так: который брат работает у барина летом, того зимой зовет домой, а тот, который был дома, идет к барину, чтобы не пропало рабочее место, которым дорожили. Были они барскими кучерами. Если это оставить, потом на такое место не попадешь: работа нетяжелая, а плата хорошая, и невесткам не досадно. У одной муж летом дома, а у другой — зимой. Так, меняясь, они работали и проводили в тяжелой нужде свое житье-бытье. В добром согласии, а иначе никак дело не идет.

Однажды, когда работал брат Семен, барин задумал ехать в Нижний на ярмарку, которая в то время проводилась каждую осень по три месяца. Семен поехал в Нижний с бариним. Там барин жил целый месяц. Однажды дал Семену деньги и говорит:

— На вот, иди купи целый воз калачей и отвези к тюрьме, раздай всем заключенным, скажи им, чтобы поминали умершего сына Ваню.

В этот день когда-то умер боярский сын. Вот он и вспомнил, что сегодня день смерти сына, а на ярмарке по-другому поминать нечем. Семен поехал, купил воз калачей, привез к тюрьме и стал в окна раздавать калачи; каждому заключенному говорит:

— Поминай умершего Ваню.

Вот подал в окно калач одному заключенному. Тот смотрит и говорит:

— Откуда будешь, парень?

Он ответил, что боярский кучер, приехал с бариним на ярмарку. Поведал он, какой губернии, уезда и села. Заключенный говорит:

— Если ты тамошний человек, скажу тебе доброе дело. Когда поедешь домой, иди в Ардатовский лес, там имеется старый пчельник. У того пчельника — обгорелый пенек; недалеко от пня к югу есть большой клад, который мы там закопали. Зарыт он не очень

глубоко. Поверх денег наложены два ряда кирпичей. Кирпичи трехугольные, мы их выщербил и навозили со Ждамеровского поля, где были оставленные дома мальчиков.

Раньше были на полях какие-то мальчики. Сам мальчик в этом доме уже не жил. Еще добавил, что он теперь уже никогда не будет на свободе.

— Я был самым главным разбойником. За разбой осужден на всю жизнь, и мои друзья в тюрьме, кто знает, где сидят, а я как-то угодил сюда. Давно хотелось сказать, но в тюрьме мне никого не пришлось увидеть. Вот если ты угодил, на свое счастье пришел калачи раздавать, вытаци деньги, будешь богат.

Об этом кладе весь народ уже давно говорит, и многие его искали, но никто точно не знал, в каком месте он зарыт.

Слова разбойника зажгли душу Семена, лишили сна, крепко стал думать, как теперь достать деньги. Вернулись домой с бариним, думает, как сделать дело, которое так хорошо рассказал разбойник. Хотел сказать об этом брату. Досадно ему показалось, что и тот разбогатеет. Не сказать дома брату — как достать? И решил никому не говорить. А ему, как выпадет снег, зимой идти домой. Брат Иван придет вместо него, но зимой ведь из-под снега клада не найдешь. Он про себя думает: «Погоди, я сделаю так, что никто не поймет. Еще и зиму сам отработаю, не уезжая домой, а на лето Иван меня сменит; скажу, хоть одно лето проведу дома, а то всегда мне летом приходится у барина работать, ни одно прекрасное время не бываю дома. Кто разгадает, что у меня в душе. Потом, летом я уж сделаю это дело, никто и знать не будет». И верно, он шлет отцу домой с человеком весточку, чтобы не послал брата на смену, один раз надумал, мол, пойти домой летом. Отец и брат говорят: «Ладно, одно лето пусть поживет дома».

Настала весна. Иван пришел к барину, а Семен пошел домой, стал вместе с отцом пахать, сеять яровые. Отсеялись, настал месяц передышки. Семен думает пойти посмотреть клад, о котором по секрету сказал только своей жене. Отцу говорит:

— До жатвы дома мне нечего без дела сидеть, пойду неделю другую похожу по Ардатову, не найду ли где работу: сено косить или другое дело, сколько-нибудь подработаю, деньги пригодятся.

Старик согласился:

— Иди, иди, коль охота.

Семену того и надо. Взял косу и пошел в Ардатов. После прихода от барина жене он потихоньку дал пять рублей денег, которые и взял с собой. Там ему деньги будут нужны.

Пришел в Ардатов, присмотрел квартиру и стал спрашивать про старый заброшенный пчельник в лесу. Кто скажет — здесь, кто — там, а точно никто не знает. Семен бегал, бегал по лесу, целая неделя уже прошла, находил такие места, но не знает, это именно место или нет. Снова стал ходить по Ардатову и спрашивать. Нашел старика, напоил его вином и заговорил с ним о деле. Старик отвечает:

— Я знаю тот пчельник и горелый пенёк,— и он растолковал, где и как найти.

Семен обрадовался, взял лопату и пошел в лес. Нашел пчельник и горелый пенёк. Как было сказано, стал копать с южной стороны пня. Сначала перекрестился:

— Господи, благослови, боже!

Копает и копает, по сторонам не смотрит. Сам думает: рассказывают, доставая клад, люди пугаются, он же один в пустом лесу. Через некоторое время лопата стукнулась обо что-то твердое. Думает: добрался до клада. Поскорее убрал выкопанную землю. Смотрит: видны кирпичи. Еще больше обрадовался, вправду говорит, это клад. Как и сказал разбойник, рядки кирпичей. А он очень уж устал копать. Вылез из ямы и сел отдыхать на вырытую землю. Отдыхает и как-то вдруг поднял голову, видит: на другой стороне ямы, напротив, сидит кошка. Смотрит Семену прямо в глаза, а сама такая, какой он нигде на земле не видел, только торчат усы у кошки, почитай, в сорок саженей длиной. Кошка смотрит, и сама мурлыкает. Семен обезумел, думает: из ямы вышел, ничего не было, а теперь откуда в этот лес попала кошка и почему она, увидев человека, не мяукает. Про себя думает: не кошка это. Волосы на голове поднялись, на теле выступил холодный пот. Только бы остаться живым. И клада не нужно. Пока он так думал, кошки ни тут, ни там, будто и не было. Смотрит: и яма, которую копал, снова сравнялась, будто и не копал. Когда увидел это, еще больше удивился: спасибо, говорит, хоть из ямы вышел, а то бы там завалило. Доставая клад — испугался¹.

Как ушел из леса, добрался до квартиры — ничего не помнит, помнит только кошку с большими усами. И вот он на квартире: или сам пришел или кто привез его сюда. Решил: больше не пойду, умрешь — и клад не нужен.

Через неделю пришел домой, говорит отцу:

— Нет, не нашел работы.

Жене же по секрету рассказал, как он находил клад и как испугался. Потом все звал ее с собой клад копать. Жена отказывается:

— Не нужен твой клад, если чего-нибудь испугаюсь — тут же умру.

Подошла жатва, снопы надо возить, а у Семена в душе все клад горит. Как только его взять? Теперь и себя ругает, не надо бы тогда ему уходить, что было бы, то и было, надо бы достать.

Потом наступила осень, дела закончились, Семену скоро уходить к барину Ивана подменить, а клад жаль оставлять. Семен, как ни крутился, пришлось рассказать отцу о кладе:

— Давай, отец, и Ивана домой вызовем и вместе с ним доставим.

Выпал снег, Ивана вызвали домой и велели подыскать на их

¹ Дословно: *штаны ослабли*.

место другого работника, а они больше не будут работать. Думают: когда добудут клад — разбогатеют.

Через неделю-другую домой пришел Иван и ругается: зачем перестали работать, что надумали дома отец с сыном? Или поправилось дома жить? А дома говорят ему:

— Не кричи, сначала выслушай, в чем дело,— и рассказали Ивану обо всем. И то, как Семен уже ходил его доставать.

Иван согласился:

— Ладно, если вдвоем пойдем — доставим.

Попарились в бане, два-три дня Иван отдыхал и снова, чтобы никто не догадался, пошли в Ардатов на базар. Взяли с собой топоры, лопаты и все необходимое. Теперь они никого не спрашивали, сразу пошли на пчельник к горелому пню. А пришли туда, видят: только вскопанная земля да в стороне воза два кирпичей. Смотрят: кирпичи треугольные, как сказал разбойник. Увидели яму, спустились туда — пусто. Семен говорит:

— Куда же подевался клад, наверное, кто-то достал?

Смотрели, смотрели в пустую яму и, понурив головы, вернулись домой. Как ушли благополучно, так и пришли, никто их не съел. Повалились ничком от горя, переживают и думают, кто же достал клад.

Пожили некоторое время, услышали, что какой-то русский охотник достал в Ардатовском лесу большой клад. Когда он на лыжах вез домой много денег, люди, конечно, видели, но не знали, что он возил четыре-пять дней. Этим человеком оказался Буда, охотник из Шейн-Майдана, ныне Атяшевского района. Фамилия — Дурченков, до того, как нашел клад, жил очень бедно. И сеней даже у него не было, ходил только на охоту, был нищим. Все именные было — собака да ружье. Время проводил на охоте. Он давно знал об этом кладе, много раз искал его, но не ведал, в каком месте пчельника зарыт. Когда осенью выпал первый снег, Дурченков пошел на охоту, дошел до пчельника и смотрит кругом. Нашел какое-то разрытое место, его не прикрыла даже снежная поросль. Думает, что же здесь разрыто, не клад ли отсюда достали? Спустился в яму, начал стучать прикладом и раскапывать палкой. Смотрит: там кирпичи. Начал их вытаскивать, потом нашел клад и понемногу перевез домой. Денег, говорят, было мешков пять-шесть. Услышав об этом, Иван с отцом принялись Семена ругать, почему не сказал им о кладе раньше.

— Дурак, шайтан,— ругают, чуть до смерти не прибили.

Когда Семен один ходил клад доставать, тогда очень боялся и думал только о том, чтобы ничего не испугаться. Копал торопясь, устал, потом отдыхал и только ждал, вот что-нибудь его напугает. От страха и привиделась какая-то кошка в человеческий рост, с усами почти в сорок саженей, он ее так испугался, что даже не увидел выкопанной ямы. Только посмотрел: кошки уже нет, и яма сровнялась, и он бросился бежать куда глаза глядят от смерти. А если тогда кто-нибудь крикнул бы, человек или птица, то и

умер бы здесь, у наполовину вытасченного клада. Этот же охотник не боялся ни кошки, ни собаки.

После этого он стал торговать в лавке, построил крашенные дома, похожие на боярские. Они и сейчас сохранились. Так далеко от этих мест стали знать Дурченкова не как охотника, а как богатого купца. Еще в 1927—28 годах, во времена нэпа, у него были открыты лавки в Атяшевском и Дубенском районах. В лавках торговали приказчики, а он эшелонами привозил рыбу из Астрахани. Семен же до самой смерти переживал из-за своей глупости. Отказался от данного ему счастья.

37. <Розбойникень казнадо>

(Ульнесь алкукс)

Зярдо седикеле минек таркатнесэ эрсильть вачо неть, сестэ Поводимова велестэ (ней Дубенской район) тукшность ламо семият ало пелев нуеме (се шкастонть ало пелькс мерильть неень Куйбышевской областентень, Равонь томбальксень стептнеде), косо сын роботыльть нуеманть прядомс. Вейке велесэ прядовить нуематне, молить омбоцес.

Весть Поводимовань нуциятне ютыть велера ды кевкстнить нуема тарка. Вейке кудонт бокасо, вишка эйкакш ютксо, озадо ашти пек сыре баба. Прячерензэ ульнесь, теке лов, кургозонзо ве пей пазгак эзь кадово; кода мерить, нупониясь, пангиясь, сисем рядсо пейть каясь, куломасьяк сисем станонь чарот калавтсь сонзэ мельга яказь, кодаяк а кулы; ней, нать, отказась эйстензэ или стувтызе сонзэ. Весе мир-масторонть веельтнесь, сон жо кадовсь сильдей пряс ськамонзо — истямокс неявсь бабанть сыречизэ. Ансяк сон весе ломантнень икеле. Чинть каршо пек цвтердсть сиянь-сырнень шержетне. Кода те бабась неинзе аволь сынст енксонь ломантнень, кармась эйсэст кевкстнеме:

— Костонядо тынь?

Поводимовань ломантнень ютксто вейке атясь озась бабанть бокас оймсеме, зяре ялганзо кевкстнесь велеванть нуема тарка, сон кармась евтнеме бабанть:

— Минь васолдонь, — мери, — ломантне, Симбирской губерниянь Алатырской уездэнь Дубенской волостень Поводимова велень.

Бабась мери:

— Мон парсте содаса тынк веленк, ламоксть савкшнось ютамс эзганзо.

Атясь дивазевсь, косто сон понгокшнось тозонь ды кодамо те бабась? Тона авардезевсь ды ушодсь евтнеме атянтень эсь зрямондонзо.

— Монь монсеньяк шачомам тынк енксонь, Ало велень (неень Атяшевской районь). Ульнинь пек вадря, мазый од тейтерь. Мазычим кувалма салымизьяк эсенек велестэ розбойникть, кеветее несэ, ды сын якавтеть эйсэнь эсест марто.

Бабась корты, сонсь аварди. Кармась евтнеме, кува сын яксесть, кува салсесть, косо уцесть, эрясть. Сон содасынзе, кодат улить велеть Дубенской ды Атяшевской волостнесэ, кодат паксятнень лемест, кува кодамо ки, кодамо веель чуди, лугатнень ды виртнеьяк весе содасынзе. Атясь мери:

— Алкукс, кода евтнят — истя аштияк теvesь.

Сын эрсесть Кеидянь вирьсэ, Крутой бугорсо, Вор латксо. Ламо шка ютась, Вор латкось жо нейгак теке лемсэнт лемдязь, колхозниктне истя мерить тензэ ды евтнить ланганзо эрва кодат легендат, будто тосо ульнесь розбойниктнень мода потмова салавань ян марто кевень кудост. Буто ламо сын кунсекшность Сабанцевав чить вирь чирева модемстэ ломанть, конатне мейле эзьт мухшиновояк, кие соды ков сынст тейнекшннись. Ней вирьсэнт ансяк покш латкось ды бокаванзо аштить зяря кадозь латкт.

Кода бабанть евтневсь теvesэ-валозо, мери атянтень:

— Коли тои Поводимовань ломанят, еван теть казна, конадокьяк а соды. Азе таргик. Сонзэ минь калминек розбойниктнень марто Сабанцеле вирь алов Жулин латко прамонтень, сон путозь истяк, апак сюдо. Монь ульнесь эйкакшом, кона кулось, ды миненек сон кодаяк эзь калмаво калмазырьс. Калминек сонзэ те латко прамонтень ды сонзэ лемс путынек лангозонзо казна. Кунсоломак ды мольть таргик. Ярмактнеде тосо байтяк.

Евтннесь атянтень, кода таргамс казнанть.

— Служавт эйкакшонт лемс (евтызе, кода эйкакшонт лемезэ) колмо церьковава колмо обеднят ды теде мейле лемезэнзэ куваз¹, пидеде кшить-салт. Модеде латко прамонтень заутреня ды обедня ютксто кавто ломанть: тейтерь ды цера. Троицянь чистэ кшитнень-салтнень андсынк, кирвастеде свечат.

Весе евтннесь, кода теемс. Мейле казнась таргави.

— Молят кудов, иляк стувто. Теде башка, еван тонеть ламо ярмакт. Паряк, муевить нетеяк, конатне миненек савсть кадомс. Зярдо минь ютынек тынк велеть икеле паксяванть, молилик Морга велев, пачкодинек мазый лугас, тосо жо се шкастонть ульнесь покш болота. Шкась сексель. Те болотанть куншкас сивсь минек петькеленек. Сон кодаяк эзь теewe, крандазось жо пешксель ярмакто. Тосо пек кельминек, шкась уш кармакшнось ашолгадомо. Савсь весе неть ярмактнень сявордемс болотанть куншкас. Веельтнек алашань кедьсэ ды алгасткак ульнесь алашань кедь, аламодо рудайсэ валянек ды кадынек, штобу ломанть илямнись нее. Тосто куроку туннек. Бути эзде маря, кияк эзинзе муе неть ярмактнень, модеде кинь мартояк ды таргик. Ансяк ламо сави вешнемс. Лугась покш, кона видьсэть — монень а евтавить вадрясто, теvesь ульнесь веть, эзь неяво таркась. Ярмактнеде ламольть, эрва кодат: пижеть, снят ды сырнеяк ульнесь. Неть ярмактнеде кияк а соды. Теде мейле мон еще эрва кува якинь саламо розбойниктнень марто, меельце пелев жо, зярдо сырединь ды

¹ Поза — квас.

тевинь мезекскак а маштовиксэкс, санмизь ды вана тезэнь кадмизь. Ней вана уш умок тесэ, эрян-трякшнан прям эйкакшонь ванозь, цюлкань кодазь. Эсенек ендю киньгак ломань эзинь нее. Пасиба тон,— мери,— ней понгить, тонеть евтынь, ней кулангак— а карман ризнеме, содат ярмактнеде, модас а кадовить емамо, монсь жо ней уш кодаяк а пачкодян эсенек енов.

Еще ламо сон атянь марто бакулясь², кода Поводимовасо салсесть, эсест Ало велеваяк ламоксть саламодо мейле савкшнось тензэ веньберть ютнемс розбойниктнень марто, но эйстэст кодаяк эзь оргодеве. Савсь пингензэ эрямс, паро шанзо ютавомс марто. Ней ансяк текель бажамозо, кода евтамс киненьгак неть ярмактнеде. Пингесь емась, кадови седейсэнтъ кеярксокс — ломанесь, кона таргасынзе ярмактнень, карми лемензэ поминамо ды евты тензэ пасиба. Сонсь таго авардзевсь ды наказась: кодак сы кудов, кадык таргасынзе ярмактнень. Атясь сонськак пек кемсь ды седе нкелеяк марсесь неть ярмактнеде, ансяк а содыль—алкукс—аволь ды кона видьсэ путозельть.

Атясь сась нуематнень прядомадо мейле, киненьгак мезтькак эзь евтне. Кода бабась мерсь, истя тейськак. Мольсь Жулин латко прамонтень. Тосто мезде-бути пек тандадсь; кода пачкодсь кудов — а помнясы. Ярмактне эзь таргаво. Ламо неть ютасть седе мейле, ды сон евтнize весементъ тень ломантненень, ней весе содыть неть ярмактнеде, но кияк а вешни эйсэст. Мазый лугась ней уш умок коськсь, колхоз сокизе луганть тракторсо, видить эйзэнзэ мушко, мон ламоксть кортнинь колхозниктненень кучомс вейке бригада казнанть вешнеме, паряк муевель, но кияк эйсэм а кунсола, мерить: те весе стяко. Кона атясь жо евтнize, кортась: те весе тевесь алкукс, ды ярмактне пейгак тоско кадовсть...

37. <О разбойничьем кладе>

(Быль)

Раньше, в далекие времена, в наших местах были голодные годы. Тогда из села Поводимова (ныне Дубенский район) много семей уходило в нижнюю сторону на жатву. Нижней стороной тогда называли Заволжские степи нынешней Куйбышевской области. Там работали до окончания жатвы. В одном селе закончат — переходят в другое.

Однажды поводимовские жнецы проходят через село и спрашивают, кому нужно жать. Около одного дома среди маленьких детей сидит очень старая женщина. Волосы ее были словно снег, во рту не осталось даже ни одного признака зуба, как говорят, замшевила, покрылась плесенью, семь раз зубы роняла, и смерть семь телег поломала, пока за ней ездила: никак не умрет, а теперь, наверное, отказалась от нее или забыла. Всю землю-матушку вода

² Бакулясь (диал.) — кортась.

покрыла, а она осталась одна на кочке — так выглядела ее старость. Только она одна перед людьми. Сильно блестели на солнце серебряно-золотистые седины. Увидела эта старуха проходивших незнакомых, неместных людей, стала спрашивать:

— Откуда вы будете?

Один из поводимовских стариков сел рядом со старухой отдыхать, пока его друзья искали по селу работу, он стал рассказывать старухе:

— Мы издалека,— говорит,— люди, из Симбирской губернии Алатырского уезда Дубенской волости села Поводимова.

Старуха ему в ответ:

— Я хорошо знаю ваше село, много раз пришлось через него проходить.

Старик подивился, как она попадала туда и кто такая эта старуха? Она заплакала и стала рассказывать старику о своей жизни:

— И сама я родом из ваших краев, из села Алова (ныне Атяшевского района). Была очень хорошей и красивой девушкой. Через эту красоту в пятнадцать лет меня похитили разбойники и заставили ходить с ними.

Старуха говорит, а сама плачет. Стала рассказывать, где они ходили, воровали, ночевали, жили. Она знает, какие села есть в Дубенской и Атяшевской волостях, как называются поля, где какая дорога, какая вода течет, луга и леса все знает.

Старик говорит:

— Правда, как говоришь — так и есть.

Они жили в лесу Кендя¹, на Крутом бугре в Воровском овраге. Много времени прошло, а Воровской овраг и сейчас так называется. Колхозники рассказывают о нем разные легенды, будто там у разбойников были каменные дома с тайными подземными ходами. Будто они много женщин ловили, когда те шли мимо леса в Сабанчеево. Потом этих женщин не находили, кто знает куда их девали. Теперь в лесу только большой овраг, и по сторонам еще несколько оврагов.

Когда старуха кончила свой рассказ, говорит старику:

— Если ты поводимовский, то укажу тебе клад, о котором никто не знает. Иди достань. Его мы зарыли с разбойниками у Сабанчеевского леса в устье Жулина оврага. Положен он просто так, без заклатья. У меня был ребенок. Он умер, и нам никак не удавалось похоронить его на кладбище. Мы хоронили в устье этого оврага и в честь него сверху положили клад. Послушай меня, иди и достань. Денег там изрядно.

Рассказала старику, как достать клад:

— Отслужи в память ребенка (назвала имя ребенка) в трех церквах три обедни, потом сделайте для него квас, приготовьте хлеб-соль. Съешьте хлеб-соль на троицу, зажгите свечи. Идите в

¹ Кенде — войлок, кошма.

устье оврага между заутреней и обедней два человека: девушка и парень.

Все рассказала, как сделать. Потом клад можно взять.

— Пойдешь домой, не забудь. Кроме этого еще укажу тебе много денег. Может быть, найдутся и те, которые пришлось оставить. Направлялись мы в Моргу, прошли через поле, расположенное перед вашим селом, дошли до красивого луга, а там тогда было большое болото. Время осеннее. У нас среди этого болота сломалась ось телеги. Сделать мы ничего не смогли, а телега была полна денег. Очень там замерзли, время близилось к рассвету. Пришлось эти деньги свалить в болото. Накрыли лошадиной шкурой, немного грязью закидали и оставили, чтобы люди нас не увидели. Оттуда скоро мы ушли. Если вы не слышали, никто не нашел те деньги, идите с кем-нибудь и достаньте. Только долго придется искать. Луг большой, а в каком месте зарыли — мне точно не указать, дело было ночью, места не видно. Денег много, всяких: медных, серебряных да и золотых. О них никто не знает. После этого я везде ходила с разбойниками на воровские дела. А потом состарилась, стала никуда не годной, взяли да и бросили меня здесь. Теперь уже давно я здесь живу-кормлюсь, ухаживаю за детьми, вяжу чулки. С родной стороны ни одного человека не видела. Спасибо ты, — говорит, — угодил, тебе сказала, теперь и умру — не буду переживать, ты знаешь о деньгах, не останутся пропадать в земле. Сама же теперь уж не попаду в родную сторону.

Долго еще она беседовала со стариком, как в Поводимове воровали, много раз и через свое село Алово приходилось ей ночью проходить с разбойниками, но от них никак не сумела сбежать. Пришлось прожить, скоротать лучшие годы с ними. Теперь у нее было одно желание, как бы кому-то рассказать об этих деньгах. Жизнь прожита, только остается в душе радость — человек, который достанет эти деньги, будет вспоминать и скажет ей спасибо. Сама снова заплакала и наказывала: как только придет домой, чтобы достал деньги. Старик верил и еще раньше слышал о деньгах, только не знал, правда это или нет, и в каком месте положены.

Пришел он после окончания жатвы, никому ничего не стал говорить. Как старуха рассказала, так и сделал. Пошел в устье Жулина оврага. Но там чего-то испугался и как добрался до дома — не помнит. Не смог взять деньги. Много лет прошло с тех пор. Он рассказал людям о словах той старухи, и теперь все знают об этих деньгах, но никто не ищет. Красивый луг уж давно просох, колхозники тракторами распахали его, сеют там коноплю. Я много раз предлагал колхозникам послать одну бригаду на поиски клада, наверное, нашли бы, но никто меня не слушает, говорят: все это напрасно. А старик, который мне рассказывал, утверждал: что все это верно, деньги до сих пор там лежат.

Вейке атянть ламольть ярмаконзо. Бабанть мери:

— Ков ней теемс ярмактне?

Бабась мери:

— Азе вивев, чувт латко ды валить казнакс.

Мольсь атясь вивев. Сайсь мартонзо койме ды ружия. Чувизе латконть ды мадсь кунст. Ледсь верев ружиястонть.

— Соваст ярмактне алов моданть зяронь сэрсь, зяронь тарка ружиясь ледсь верев! — мерсь сон.

Ярмактне сиятольт, котелсот. Вализе сон латконть, мадсь кунст ды сюды эйсэст:

— Сестэ лиседе, зярдэ тезэнь сядо ломанть чавить.

Вейке ломань кунсолы ды салава корты:

— Аволь сядо ломань чавома: сядо колия чавома латконть перька, ды, зярдэ кармить сокамо атякшо, сестэ лиседе.

Атясь мери:

— Ну, эно сядо колия, тык сядо колия, зярдэ атякшо кармить сокамо, сестэ лиседе.

Кунсолыця церась тейсь налкшкенъ сокине, кильдизе атякшкенть ды мольсь латконть чирес. Керясь сядо колия, чавинзе латконть перька. Атякшонть лангсо соки, колмоксть ютась латконть ланга ды казнась лиссь атякшо сокицянтень.

Те пештизе казнанть (сиянь ярмактнень) мешокс ды сась мартоост кудов. Церакайнесь мери:

— Мезть кандат, тетяй, мешоксо?

— Ярмакт, — мери, — кандан.

— Опенкат бути кандат?

— Аволь опенкат, ярмакт кандан, церам.

38. Предание о кладе

У одного старика было много денег. Говорит своей старухе:

— Куда теперь деньги девать?

Старуха советует:

— Иди в лес, вырой яму и закопай кладом.

Взял он ружье, выкопал яму и лег на спину. Выстрелил из ружья вверх.

— Пусть деньги уйдут на такую глубину, на какое расстояние вверх выстрелило ружье!

Деньги были серебряные, в котле. Засыпал яму, лег на спину и заклинает их:

— Выйдите тогда, когда здесь убьют сто человек.

Один человек слушает и потихоньку говорит:

— Не сто человек убить, а сто колов вокруг ямы забить, и, когда будут здесь пахать на петухе, тогда и выходите.

— Ну, сто колов так сто колов. Когда на петухе будут пахать, тогда и выходите.

Слушавший сделал игрушечную соху, запряг петуха и пошел к яме. Срубил сто колов, забил вокруг ямы. Пашет на петухе, трижды проехал по месту ямы, и клад вышел ему.

Он положил серебряные деньги в мешок, взял его и пришел домой. Сынишка спрашивает:

- Что несешь, отец, в мешке?
- Деньги, — говорит, — несю.
- Наверное, опять несешь?
- Да не опята, деньги несю, сынок.

39. Казнада

Фкя ломань якась лугава, няезе казна вастть, но тона анась ломань пря, штоба нолдамс казнати. А казна вастсь наряжафоль ладнек важнайкс. Тевсь петруть перьфоль. Атясь мольсь куду, тердезе мархтонза племянниконц и тусть тов, но мрдасть меки: узялькс арась емла идень ваймось, сяс сон кадозе церокшкять, ашезе получа казнать.

А фкя баяр сявсь мархтонза сходста содай ломань да тусь казнань вешема. Казнать музь. Марась тейнза ярмакт.

39. О кладе

Человек ходил по лугу, увидел место клада, но тот «просил» в жертву человеческую голову. Место клада было разукрашено. Дело было к петрову дню. Пошел старик домой, позвал с собой племянника и направился туда, но по дороге раздумал: жаль стало ребенка. Поэтому он оставил мальчика, не получив клада.

А один барин взял с собой со схода знающего человека и пошел за кладом. Клад нашли. За это дал помощнику деньги.

40. <Казнась прась>

(Казнадо предания)

Вейкень кудо потмарсо теевсь страсть. Азоравась тень терди орожиямо, тонань терди, кудо потмарсо жо казна веть ранги:

— Праи! Праи!

Те авась кудонзояк кадызе, тусь шабрав. Сась ломань, вешки кшьтэнзэ (сон жо сонськак шабрасо ашти):

— Дай-ка кши.

— Мон монськак шабрасо аштян, кадыя кудом — страсть тосо.

— Адя-ка, — мери, — косо тонь страсть эри? Адя, мон паньса.

— Се паро бу улель, адя.

Сась кудонтень, церась мадсь киякс куншкас, авась тусь шабрав, пели.

— Мон орожияса съкамонгак, а пелян.

Казнась кармась рангомо.

— Праи! Праи! — сеери, ава лемсэ кармась кроймо, — а жадят!

— Прак!

Тосто: «Жой!» Казна прась, цела сиянь оровт! Те стась, мешок пештизе. Бабась сась ды мери:

— Орожиик, церам?

— Орожиия, вестькак икелепелев а рангсты.

— Ну, — мери, — адя, ярмакт теть максан.

— Монень а эриви орожиамонь кис питне.

— Ну, эно ладна, пасиба теть, коли а карми рангомо.

40. <Клад упал>

(Предание о кладе)

У одного в доме на чердаке появилась страсть. Хозяйка дома то одного приглашает ворожить, то другого, а на чердаке клад по ночам кричит:

— Упаду! Упаду! — все кричит.

Женщина и дом свой оставила, ушла к соседям. Пришел как-то раз человек, просит у нее хлеба:

— Дай-ка хлеба.

— Я и сама-то у соседей сижу, дом свой оставила — там страсть поселилась.

— Пойдем-ка, — говорит, — где живет твоя страсть? Пойдем, я ее прогоню.

— Это было бы хорошо, пойдем.

Пришли в дом, мужчина лег на пол посреди избы, женщина же ушла к соседям — боится.

— Я и один не боюсь ворожить.

Стал клад кричать:

— Упаду! Упаду! — кричит, ругается. — Не жалеешь!

— Упади!

Оттуда: «Жой!»¹ Клад упал, целый ворох серебряный. Человек встал, насыпал в мешок. Баба пришла и спрашивает:

— Заворожил, сынок?

— Заворожил, ни разу больше не крикнет.

— Ну, — говорит, — пойдем денег тебе дам.

— Мне не нужно платы за ворожбу.

— Ну, тогда ладно, спасибо тебе, коль не будет больше кричать.

41. <Лтякш>

Бабам евтнекшнесь: колмонеск, мери, мольсть вирев тейтерь-эйкакшт умбравс, лисеть кужос. Ваньть: кужонть куншкасо ашти

¹ Звукоподражание, передающее звон, стук падающих предметов.

якстере атакш. Вейке тейтерькась смел ульнесь, сайсь палка ды вачкодизе атакшонть пря ланга. Кода кепететь зэртъ, шум, весе масторось лыки. Емась атакшось. Сестэ сынъ фатясть, што те ульнесь казна.

Вейке тейтерькась превеель. Валске рана стясь ды тусь вивев казнань мельга. Мольсь се кужонтень ды мери:

— Лиссь монень, казна!

Казнась мери:

— Алтак сядо колият, сестэ лисян.

Сон отечи:

— Алтан сядо колият.

Серьгедсь истя колмоксть, синтресь тарадт, ловнось сядо колият ды пезнавтинизе. Сестэ лиссь казнась колиясо пирявтонть юткс. Тейтерькась саизе. Мейле пек сюпалгадсь. Оршась парсте, вадря кудот-чить строясь ды кармась эрямо бояравакс.

41. <Петух>

Моя бабушка рассказывала. Три девочки, говорит, пошли в лес за щавелем. Вышли на поляну. Смотрят: посреди поляны стоит красный петух. Одна девочка смелая была, взяла палку да и стукнула петуха по голове. Какой шум, гром поднялся, вся земля закачалась. Пропал петух. Тогда они догадались: это был клад.

Одна из них была посмышленее. Встала утром рано и пошла в лес за кладом. Пришла на ту поляну и сказала:

— Выйди ко мне, клад!

Клад говорит:

— Пообещай сто колов, тогда выйду.

Она отвечает:

— Обещаю сто колов!

Трижды так крикнула, наломала веток, отсчитала сто колов и воткнула их. Тогда клад вышел в огороженное колыями место. Девочка взяла его, потом очень разбогатела. Хорошо оделась, построила прекрасный дом и стала жить как барыня.

О НАЗВАНИЯХ СЕЛЕНИЙ И УРОЧИЩ

42. Велень таркань кочкамодо предания

Вана мезть кортась ве баба:

— Монень тень евтнize Салда атясь, сон Пугач нетненьгак содылинзе. Тесэ велесь арасель, веле алов таркась жо паро. Колмо атят тусь орожиянень. Орожиясь мерсь атятненень, велень таркантень теемс колмо столть. Састь атятне, мольсть Олешка латков, тейсть столъ. Ансяк ойсесть ярсамо, валгсь ажия пряс сезьган. Стясть атятне, тусь колмо ведень прамонтень. Тейсть атятне столъ. Ансяк ойсесть ярсамо, валгсь ваканонть крайс гуль-

кинуть ды клюкить. Таго тусь атятне орожиянень. Тона мери:

— Омбоце таркась седе паро, озадо колмо ведень прамонтень.

Мейле кармась народ пуромомо, ды велень строизь,— мери бабась.

42. Предание о выборе места под поселение

Вот что говорила одна старуха:

— Мне это рассказал старик Салда, он знал и пугачевское время,— говорит старуха (Салда умер двухсот лет).— Села здесь не было, а для села место красивое. Три старика пошли к ворожее. Она приказала старикам на месте села накрыть три стола. Пришли старики в Олешкин овраг, приготовили обед. Только сели есть, опустилась на оглоблю сорока. Встали старики, пошли к устью трех рек. Второй раз приготовили обед. Только сели есть — опустились на край чашки две голубки и клюют из нее. Снова пошли старики к ворожее. Та говорит:

— Второе место лучше, селитесь у устья трех рек.

Потом народ стал собираться, и возникло село,— заканчивает старуха.

43. Кода появась Ключевкась

Тесэ сестэ эрясть башкирт. Тосо ульнесь штабосткак. Кавто юртат теезельть Бориз пандо лангсо, кавто — лия пандо лангсо. Бути лангозост кодамояк каявома лисиль — ласте тов ардыть.

Сынек тезень Пензенской губерниясто Саранской уездстэ, мованть рамниек Тархан башкирэнть кедьстэ. Наум атя рамизе. Тархан башкиртнэ тусь тестэ, кармась неть таркатнесэ эрямо минектне. Наумонь ульнесь Микиша церазо, подушноензэ эзинзе пандокшно. Сонзэ тосо, Саранской уездсэ, кармавтызь стада ваномо. Зярдэ ушодеть тесэ эрямо, Лукериясь мольсь саламонзо. Тосто сон салызеяк. Чить кекшнезь молить-чить, веть удить чувто прясо. Бедноельть. Арасельть прясонзо зяро черть, зяро сийть-сяркт.

Микишань ульнесь Якушка церазо. Урьвакстызе. Сень ульнесь Петрушка церазо. Тонань ульнесь Омеля церазо. Сень ульнесь Сергей церазо. Сергеев ульнесь Микилай церазо. Микилаенть жо — Яхим церазо.

— Яхимесь кие? Тон?

— Мон.

Васняк озынек Ташто велесэ: Покш Кинеленть ды Вишка Кинеленть ютксэ заннек тарканть. Мейле тосто явинек колмов: Ключевкав, Сухоев ды Толканов. Эринек яла Ключевкасо, ней уш поселкасо, Бобрасо.

Ключевкантень икеле мернесть Архангельские Ключи, ней — Красные Ключи. Лемдизь истя секс, што тосо, секте тона песэ, лиси ведне, эрьке.

43. Как появилась Ключевка

Здесь жили башкиры. Тут находился и их штаб. Две юрты были на Борисовой горе, две юрты — на другой. Если какое-нибудь нападение на них — верхом туда скачут.

Пришли сюда из Пензенской губернии Саранского уезда. Землю купили у башкира Тархана. Старик Наум купил. Башкиры Тарханы отсюда ушли, остались здесь жить наши. У Наума был сын Никита; у него подушные не были заплачены. В Саранском уезде Никиту заставили пасти стадо. Когда поселились здесь, Лукерья пошла красть Никиту. Оттуда она его и выкрала. Днем идут-бегут украдкой, а ночью спят на дереве. Бедные были. На голове столько волос не было, сколько вшей-гнид.

У Никиты был сын Якушка. Женил. У того был сын Петрушка. У того — сын Емеля. У того — сын Сергей. У Сергея — сын Николай. У Николая же был сын Ефим.

— Ефим кто? Ты?

— Я.

Вначале поселились в Старом селе: заняли место между Большим Кинелем и Малым Кинелем. Потом оттуда разделились на трое: в Ключевку, Малый Толкай и Большой Толкай. Жили в Ключевке, а теперь уже в поселке, в Бобрах.

Ключевка раньше именовалась Архангельскими Ключами, теперь — Красными Ключами. Назвали так потому, что там, в самом конце, пробивается вода, озеро.

44. Од Толку

Сире Сомайста и Сире Толкуста ветешка аля тусть вирень ва-нома. Синь якасть-якасть и эрьгодсть. Кизонь лямбе шинясь валгсь туцятнень фталу, менельти появасть сентчади емла тяштенят и тарвазкс ковсь.

Алятне лоткасть ваймама паргана пиче вакс. Озасть модать ланге, котфонь сумкастост таргазь кеднек пидеф модамарьснон, салснон и кши кочамснон. Ашезь сатне анычек ведня. Сяда однясь стясь вастстонза и тусть ведень вешема. Тейнза савсь якамс аф ламос сяс, мес куроқта инголенза появась киня и вьезде лянняти.

Алясь кеярдсь тя чудати, амолдась вель и мрдась ялганзонды, конат удость ни и няезь аф васенце онть. Сон ашезень стяфта ялганзон, кадомоқ азондоманц шобдавати. Симсь кантф ведьтонза и мадсь ялганзон еткс.

Шобдава сембе сргозеть сяда рана ведень кандыть коряс и дивандазевсть, коста сявовсь ведсь. Симомда меле стяфтозь ялганзон, кона азондозе, што аф ичкезе шуди лянняти. Иляды ведть мархта штазь шамаснон и тусть ляйть шири.

Малость аф пачкодемко лянняти, инголест панжевсь шава васта, бта сандезь кати-кит. Сяда фтала ульсь аф кунардонь строяф кутт.

Алятнень пяк тусть мялезост веленясь и, кода содазь, сонь ашель нинге лемоцка. Тяса ламоль шуфтга, конатнень эзда шаповихть мазы и цебарь кутт.

Кярьмодемко тевти, синь кядь алдоет куроқта кармасть касома, кода панкк лямбе пизежда меле, кутт.

Пингонь етазь, алятне ускозь лемфтема веленяти эсь семьяснон. Тяда меле лама ломань Сире Толкуста и Сире Сомайста етазь эряма тоза. Сире алятне явозь веленянь пачк, кучказонза строясть церькав. Явф пакшинь лемдезь: коса кармасть эряма сире толкеряйхне — путсь лем Од Толку, а коса кармасть эряма сире сомаряйхне — Од Сомай. Велетнень лемсна илядсть тянемс. Сяка алятне лемдезь лянняти Ряпкакс, тейнза тянемс тяфта и мярьгихть.

Ряпка — валсь мокша ломанти азомс ульсь стака, сяс кармасть мярьгондема Раяця. Тяни тя валсь аф собственной, а нарицательнай, арамоқ диалектнайкс, сон моли «ляй» валонь значеняса. Тяфта появась Од Толку велесь.

44. Новая Толковка

Из Старой Самаевки и Старой Толковки человек пять пошли смотреть лес. Ходили они, ходили и заблудились. Теплое летнее солнце закатилось за тучи, на небе появились маленькие мерцающие звездочки и месяц серпом.

Мужчины остановились отдыхать у раскидистой сосны. Сели на землю, достали из холщовых сумок сваренную в мундире картошку, соль и хлеба горбушку. Не хватало только водицы. Самый молодой встал и пошел искать воду. Ходить ему пришлось недолго. Пред ним появилась тропа, которая и привела к речке.

Мужчина обрадовался этому чуду, зачерпнул воды и вернулся к друзьям. Те уже спали и видели не первый сон. Он не стал будить друзей, а решил, что все расскажет утром. Напился воды и лег меж друзей.

В сумерках все проснулись раньше того, кто принес воду, и удивились, откуда взялась она. Напившись, они разбудили друга. Он рассказал, что недалеко протекает речка. Оставшейся водой ополоснули лицо и пошли к речке.

Немного не доходя до нее, увидели открытое место, будто кто-то раскорчевал. Дальше были дома, построенные недавно.

Мужчинам понравилась деревенька, и, как узнали, у нее не было еще и названия. Здесь было много деревьев, из которых можно было построить немало красивых и добротных домов.

Принялись за дело. И быстро стали расти дома, как грибы после теплого дождя.

Через некоторое время мужчины привезли в безымянную деревеньку свои семьи. После этого много людей переселилось туда из Старой Толковки и Старой Самаевки. Старики поделили село пополам, а в центре построили церковь. Частям дали названия:

где были старотолковцы — стали называть Новой Толковкой, а где старосамаевцы — Новой Самаевкой. Эти названия так и остались до нашего времени. Те же старики называли речку Ряпкой, и так ее до сих пор называют.

Слово Ряпка мокшанину произнести было трудно, поэтому стали произносить Рапця. Ныне это слово — не собственное, а нарицательное, стало диалектным, употребляется в значении слова «речка».

Так появилось село Новая Толковка.

45. Покш Толкан веледенть предания

Покш Толкан веледенть мон маринь предания Виталий Захарович Радаевень пельде. Сонгак ломанесь те вельень.

Толкан вельень сехте васене эрицятне састь Пензенской губерниянь кодамо-бути веледэ. Неть модатне, конатненъ лангс сынь састь эрямо Пензенской губерниясто, ульнестъ башкирэнъ ханонъ кедьсэ. Лемезэ ульнестъ Талхан. Те валонть эйстэ лиссь Толкан вельень лемезэ.

Штобу занямс неть таркатненъ, эрявсь рамамс моданть башкирэнъ ханонть кедьстэ. Башкирэнъ ханось кодаяк эзь мне моданзо. Алтась миёмс моданть аняк сестэ, бути те таркантень сыця эрзятне макссызь сонензэ никс се тейтеренть, конась тусь сонзэ мельс. Тейтеренть арасель мелезэ лисемс мирденень те башкирэнъ ханонтень (паряк, сон сырельгак, низзяк ульнестъ). Мезть тейнемс? Эрзятне кочкасть эсь юткетост цера, конанъ ули дипломатической колчизэ ды конась кортавлize ханонтень мельс туция тейтеренть. Те ежов ды вал муекшев церазь кортызе тейтеренть, ды сон алтась лисемс мирденень башкирэнъ ханонтень. Вана те видь евтилизе Толкан веледе преданиянтъ Радаев. Мон мария преданиянтъ полатксонзо лиянь пельде.

Толкан вельень од цератне яксильть алаша ваксс (веть алашанъ ваномо веледенть ве енов). Сынст станост Вишка Кинель лейденть а васололь, лушмосо, конанть лангсо ульнестъ лисьмапря.

Весть сынь вануть: лисьмапрянтъ ваксс сась шержей-шержей бабине, конась амолькшнестъ коморсонзо лисьмапрянтъ ведь ды симсь, штобу начтомс ченгезь кургонзо. Алаша вакссо аштицятне мольсть бабинентъ малас ды кевкстизь: кне сон ды косто сы, ков моли. Алкукс те ульнестъ самай се тейтересъ, конанъ максызь мирденень башкирэнъ ханонтень. Сон отвечась, што оргодсь ханонть кедьстэ ды сыредема-маштома пелев сайсь мель велявтомс мекев ды куломс эсь велесэ. Нать, эрямозо ханонть кедьсэ берянель ды стакаль, паряк, сон ульнестъ ханонтень колмоце или сисемеце никс ды эзь кирдеве нарьгамотне, секскак бажась менстямс эсь прянтъ урексчиде ды самс эсь велес, конанъ эрицятненъ кис умок уш мольсь мелезэ.

45. Предание о селе Большой Толкай

Предание о селе Большой Толкай я слышал от Виталия Захаровича Радаева. Родом он из этого же села.

Самые первые жители в Толкай пришли из какого-то села Пензенской губернии, какого села — в предании нет. Земли, на которые они переселились из Пензенской губернии, были в руках у башкирского хана. Звали его Талхан. От этого и произошло название села Толкай.

Чтобы занять эти места, нужно было купить землю у башкирского хана. Но башкирский хан никак не уступал своей земли. Он согласился продать землю лишь при условии, если переселившиеся эрзяне отдадут за него замуж понравившуюся девушку. Но та никак не хотела выходить замуж за башкирского хана. Наверное, он был стар, и жены у него имелись. Что же делать? Эрзяне выбрали из своей среды ловкого парня, который мог бы уговорить понравившуюся хану девушку. Этот хитрый и находчивый парень уговорил девушку, и та согласилась выйти замуж за башкирского хана. Вот до этого места предание о селе Толкай рассказал Радаев. Продолжение предания я услышал уже от других.

Толкайские парни ходили в ночное пасти лошадей вдалеке от села. Их стаи находились недалеко от реки Малый Кинель, в пойме, где был родник.

Однажды видят: к роднику подошла седая-седая старушка. Она брала пригоршней воду и лила, чтобы смочить пересохший рот. Находившиеся около лошадей подошли к старушке и спросили: кто она и откуда идет. Это оказалась та самая девушка, которую выдали замуж за башкирского хана. Она отвечала, что сбежала от хана и ближе к старости, к смерти, захотела вернуться назад, умереть в своем селе. Наверное, жить у хана было плохо и трудно, возможно, она была у хана третьей или седьмой женой. И, не выдержав надругательства, решила избавиться от рабства, вернуться в свое село, по жителям которого она так соскучилась.

46. Атерь атя

Мокшетне думандасть кучемс Москувонь оцязорти прошения мархта сядя якаф и еню атя, кона машты корхтама рузкс. Тя атять прозвищац ульсь Атерь. Москуву модемс народьс каея атяти лама ярмакта. Атерь атя якась Москуву колмоксеть, мекольденть модемстонза тейнза удалась максомс прошениянтъ эстейнза оцязорти. Сяда меле тя атять лемса лемтьфоль Атерь велес.

Мзярда-бди ульсь тьеса кафта велянт: Вярде Атерь, коса тяни Коммунистической ульцясь, и Алда Атерь — тяни Пушкинский ульцясь. Валомне кизоста-кизос населениясь кассь, строясть од

кутт. Тяфта кафта веленятне арасть фкя оцю велекс, а земельнай угодиятне ашесть прибавакшне. Эста Атерь велень эряйхне думандасть туме эряма од васте, коса ульсь апак видек шава мода. Переселенецне тисть од веле, конань лемоц ульсь Теризморга, и конац ванфтозе тя лемть тянемс. Тя велесь сувси Старошайговский районти.

46. Старик Атерь

Мокшане задумали послать с прошением к Московскому царю более опытного и мудрого старика, умеющего говорить по-русски. Прозвище этого старика было Атерь. На дорогу до Москвы народ собрал старику много денег. Атерь ходил в Москву трижды, и только в последний раз ему удалось передать прошение самому царю. После этого именем старика назвали село Атюрьево.

Когда-то здесь были два села: Верхнее Атюрьево, где сейчас улица Коммунистическая, и Нижнее Атюрьево — сейчас улица Пушкинская. Постепенно из года в год население росло, строили новые дома. Так два села стали одним большим селом, а земельные угодья не увеличивались. Тогда жители села Атюрьево решили переселиться на новое место, где были свободные земли. Переселенцы основали новое село, назвали Теризморга, сохранившее это название и поныне. Оно относится к Старошайговскому району.

47. Каньфкуж велесь

Каньфкуж велеть лемоц появась «каньф» и «кужа» валхнень эзда, конат рузкс стафневихть: «Конопляная поляна». Тя лемсь путфоль сяс, мес тяза инголи пяк шачель-касоль каньфсь. Мянтьячнень шис улихть перева стама каньфт, конатнень потмоса аф няеви сери ломанцьке. Сяс и путозь тяфта лемонц.

Васендакиге велеть вастса эрясь фкя козя татар. Ульсть сонь солдатонза, войскац. Ламоль сонь козяшидонза, модац. Вирьдонзовок ламоль. Витцекшнесь сон каньфке. Лемоц ульсь Каньшир князь. Сяда ингольдень народсь ульсь пяк бойка, мярьгомс. Сяс сон кирдсь войска, а меле тись-марась эстейнза и крепость, штоба кивок афолезе токсе. Тя Каньшир князь кармась эстейнза салсема ломатть, коста-коста ильне целай велет. Ся велетнень и ломаттнень еткс угадявкшнесь мокшетка. Тевсь пачкодсь тоза, што сон еразень эстейнза сямомс мокшень велетнень: Вяльдьярмоть и Синдрут. Эста ня кафта велень мокшетне арьсесть шавомс или панемс Каньшир князь и строямс сонь вастозонза. Синь стане и тисть. Срхкасть Каньшир князь лангс. Но модемс видеста ашель ки: сембе вастова ульсть болотат и туста вирь. Фкя пингоня пуромсть азор велень мокшетне и срхкасть князь лангс панттнень прява, каряснень ланга, Починка велеть кувалмова мольсть мокшетне. Пачкодсь сонь владениянзон малас, Кань-

ширсь лихтезень войсканзон и лама юмафтсь мокшетнень эзда. Ламоксть тяфта тюрендсть мокшетне князь мархта, но ванцазь, што тяфта тевсна аф лисенди. Эста арьсесть мирнайста корхтамс князь мархта и самс эряма. Стане и тисть. Васенда тяза строясь ниле кутт Синдру велеста эряйхне и кота кутт Вяльдьярманнетне. Арась сембоц кемонь кутт. Ламос тя кемонь кудонь мокшетне бороцясть Каньшир татаронь князь мархта. Но мокшетнень лувкссна кизода кизос кассь и панезь татаронь князь. Кармасть тяза эряма-ащема, но велеть лемонц кати-коста сязовь: или «каньф» валть эзда, кона тяза модазонк пяк шачи, или татарть лемонц эзда — Каньшир князь. Сянть лацкас и костовок мон изине марьсе.

Ульсь веленьконь колга лама книга, но синь сязовень псаломщиксь, кона эрясь велесонок и пяк ладяль мархтон. Кой-мезе сонга азондсь.

47. Село Каньгуши

Свое название село Каньгуши берет от слов «каньф» и «кужа», что означает «Конопляная поляна». Это название дано потому, что здесь в старину хорошо росла конопля. Даже и в наши дни в некоторых огородах растет конопля, в которой не видно и рослого человека. Поэтому и дали такое название.

Вначале на месте села жил князь. Были у него солдаты, войско. Много у него было богатства, земли. Леса тоже было много. Сеял он и коноплю. Звали его Каньшир. Раньше народ был, можно сказать, бойким. Князь имел войско, а потом соорудил себе и крепость, чтобы никого не бояться. Каньшир начал воровать людей, кое-где прихватывал целые села. Среди тех сел и людей нередко попадали мокшане. Дело дошло до того, что он готов был захватить мокшанские села: Вертелим и Синдрово. Тогда жители этих двух сел задумали убить или изгнать князя Каньшира и обосноваться на его месте. Они так и сделали. Двинулись на князя. Но идти прямо — нет дороги: везде были только болота и непроходимый лес. Собрались сельские старики-мокшане и двинулись по горам, по холмам¹, шли через село Починки. Дошли до его владения, вывел князь свои войска и много мокшан уничтожил. Несколько раз вступали в противоборство мокшане, но видят: так дело не получится. Тогда решили мирно переговорить с князем и переселиться сюда. Так мокшане и сделали. Вначале построили четыре дома жители села Синдрова и шесть домов вертелимские. Стало всего десять домов. Долго эти десять мокшанских домов противостояли Каньширу. Но число мокшан из года в год увеличивалось, и изгнали князя-злодея. Стали здесь жить-поживать, а название села взяли непонятно откуда: или от слова «каньф» (ко-

¹ Дословно: по горным хребтам.

нопля), которая очень родится на наших землях, или от имени князя Каншира. Этого я точно не знаю и нигде не слышал.

Были о нашем селе книги, но их взял псаломщик, который жил здесь и очень ладил со мной. Кое-что и он рассказывал.

48. Вару

Ляйти Вару мярьгихть сяс, мес, мзярда етасть русне тияне, ляйса муськсь стирь, сонь лемоц ульсь Вара. Ну, русне путеть тя ляйти лем Вару. Мокшетне тейнза мярьгихть Варма.

48. Вару

Реку Вару называют так потому, что когда здесь проходили русские, на речке стирала девушка, которую звали Варой. Ну, русские и назвали эту речку Варой. Мокшане ее называют Варма¹.

49. Подляз веле

Велети Подлясова мярьгихть сяс, мес васенце кудть путозе аля, конань фамилияц ульсь Подлясов. Тя алясь ульсь долгу козя алянди, а пандомс ашель мезьса и ворьгодсь семьянц мархта вири.

Условиятне ульсь пяк цебарьхть: вирь кучкаса, ведь шуди. Охотендакшность вирьса, калхт кунчекшность. Кармасть молема тоза лия ломаттне, керозь вирть, ушедеть видема-сокама.

Подлязъ велеть лувозь Тамбовской губерниянь Спасской уездонь Анаевской волостень велекс.

49. Подлясово

Село Подлясово так называется потому, что первый дом построил мужик по фамилии Подлясов. Он задолжал богачу, а платить было нечем. Вот и сбежал со своей семьей в лес.

Условия были хорошие: лес, речка протекает. Охотились в лесу, ловили рыбу. Стали переселяться туда другие люди, вырубали лес, начали пахать-сеять.

Село Подлясово относилось к Анаевской волости Спасского уезда Тамбовской губернии.

50. Темяшева велеть колга преданият

Темяшева велеть колга документальной сведеният ефси аш. Сире ломаттне эсь велесной колга азонкшнихть аньчек преданият.

Инголи Темяшева велесь, кода азондсазь сире ломаттне, сувсь Нижегородской губерниянь Лукояновской уездти, сяс мянь

¹ Варма — в переводе на русский язык означает ветер.

тячинь шить самс сире ломаттне шачемань свидетельстваснон коряс Починканнет или Лукоянова районть эзда.

Сире ломаттне азондсть велеть колга тяфтама преданият. Велети путф Темяшева лем сяс (азондови фкя преданияса), мес мзярда-бди велеса ульсь цера-богатырь, конань лемоц ульсь Тимош. Сон аралакшность мокшетнень эса ваксстост эряихнень врьгатнемаснон эзда. Вов мес тя велети мярьгихть Темяж веле.

Омбоце преданиясь корхтай, што пяк кунара Темяшевань модатне ульсь заняфт туста вирьса, сянь няфнесазь коряттне, конат штаткшнихть ляй берякнень каладомста. Ломаттне керсезь вирть, тарксезь пенекнень, соксекшность модать, витцезь серот. Яксекишность охотас, кочксекишность дикай мешень медь. Водендакшность унду очконь нешке мешт.

Аф ичкозе Темяшевать эзда Горьковской областьса ули мокшень веле Пашад. Тостотне састь зярда-бди северста и занцезь панда прянь кальдяв модатнень Криушать мархта Ирсетть етка. Перьфяле ульсь лия велет, конатнень эзда врьгатнень мокшетнень лагс, яжсезь нешкснон, сявонделезь паршиснон. Афольхть мярьге калмамда лия мода лагс кулыхнень. Таркселезь кулыхнень и ерялезь вири зверьхненди сивомс.

Пашадонь мокшетне тиендсть калмот туста вирть потмос. Тяниень шити самс Темяшева велеть эзда колма вайгяльбет шири улихть калмот, конатненди мярьгихть Пашадонь калмот.

Мзярда врьгатнень мокшетнень лагс соседсна, тя пингть Пашадонь мокшетнень аралама лисендсь Тимош богатырьс Сире Ирсетть велеста. Курок Пашад велень мокшетне етасть Тимошень шири эряма. Народсь полафтозе велеть лемоц. Путозь велеть лемоц Тимош богатырьт лемса — Темяж веле.

Лия ломаттне кармасть тушендома Темяж велеста сяс, мес мокшеда ульсь сяда лама. Тяфта кармасть строяма Од веле Ирсетть ляйть кувалма аф ичкози Темяшевать эзда. Сяда меле Од веле лемть полафтозь, путозь велеть лемоц Ирсетть ляйть лемса. Тячемс тя Од велеть лемоц Ирсетть.

50. Предания о селе Темяшеве

Документов о селе Темяшеве нет совсем. Старые люди о нем помнят только предания.

Как они рассказывают, село Темяшево раньше подчинялось Лукояновскому уезду Нижегородской губернии, поэтому-то до настоящего времени старые люди в свидетельствах о рождении записаны починковскими или из Лукояновского района.

Старики о селе рассказывали следующее. Темяшево так назвали потому, говорится в одном предании, что когда-то в селе жил мокшанский парень-богатырь по имени Тимош. Он защищал мокшан от нападавших соседей. Поэтому и назвали село Темяшево.

В другом предании говорится, что когда-то давно темяшевские земли были покрыты густыми лесами. Это заметно по корням, которые обнажаются вдоль рек при обвалах берегов. Люди вырубали лес, раскорчевали пни, распахали землю, засеяли. Ходили на охоту, собирали мед диких пчел. В дуплянках разводили пчел.

Недалеко от Темяшева в Горьковской области есть мокшанское село Пошаты. Они пришли когда-то с севера и заняли на холмах плохие земли между Криушами и Ирсетью. Вокруг были другие села, жители которых нападали на мокшан, ломали ульи, грабили добро. Не разрешали хоронить мертвых в земле. Выкапывали мертвых и бросали в лес на съедение зверям.

Пошатская мошпа делала кладбища в густых лесах. До сих пор в трех километрах от Темяшева сохранились могилы, которые называют — Пошатские могилы.

Когда нападали на мокшан соседи, в защиту пошатских мокшан выходил Тимош-богатырь из села Старая Ирсеть. Вскоре мокшане из Пошат переселились к Тимошу. Село назвали по имени Тимоша-богатыря — Темяшево.

Другие стали уходить из Темяшева потому, что мокшан было здесь больше. Так стало строиться неподалеку от Темяшева на берегу реки Ирсеть село Новое. Позднее Новое переименовали, назвали его, как и речку, Ирсеть. И поныне оно называется Ирсеть.

51. Мамолаева велеть историяц

Инголе, кода азондыхть тянь колга сире ломаттне, Мамолаева велеть вастса ульсь тайга. Аф ичкозе сонь эздонза эрясь козя аля, конань ульсь колма церанза. Мзярда сон срхкась кулома, тердезень сембе колма церанзон и корхтай:

— Тон, сембода оцюсь и енюсь, илятт монь вастозон, а тон, омбоцесь — тейнза помощниккокс, а тон, Малай, архт тоза, коза нияхть сельмотне.

Кода аф ужаялста няевсь браттненди эсь емла браткасна, но сякокс тисть стане, кода мярьгсь алясна. Кочкасть Малайть мархта ярхцамбяль и нолдазь. Малай тусь тайгав. Тяса сон путсь эстейнза аф оцю кудня. Тяка вастса мусь лихтибряня, конань лемдесе Рапцякс. Тя пингть вирьге якась лама ломань, синь мушен-долезь Малайнь кудняц и иляткшнелхть мархтонза. Ломаньда кочкавь пяк лама. Малайнь руководстванц вельде синь путсь эстейст кутт. Строясть шуфтонь кафта этажса куд и нолдазь тязя Малайнь семияц мархта. Ломаттне аф лама пингта меле, путсь лесопилка. Тя сембе хозяйствать вятезе Малай. Тайгась—машть эрь шиня, а вастозонза шачсь Малайнь лемса веле. Рапця родниксь арась аф пяк оцю ляйнякс. Мекпяли Малай арась козя лесопромышленниккокс, а велесь сембе кассь. Велети строясть церькав, и тязя сашендоль лама ломань лия велетнень эзда.

51. История села Мамолаева

Раньше, как рассказывают старые люди, на месте села Мамолаева была тайга. Недалеко от него жил богатый мужик, у которого были три сына. Когда пришло время умирать, позвал он всех трех сыновей и говорит:

— Ты, самый старший и умный, останься на моем месте, а ты, второй, — ему помощником, а ты, Малай, поезжай туда, куда глаза глядят.

Жалко было им своего младшего братца, но сделали так, как велел отец. Собрали Малаю еду и отпустили. Малай ушел в тайгу. Здесь он поставил небольшой домик. В том же месте нашел родник, который назвал Рябкой. В те времена по лесу ходило много людей. Они находили домик Малая и оставались с ним. Людей собралось очень много. Под руководством Малая они ставили дома. Построили деревянный двухэтажный дом и поселили в нем Малая с семьей. Через некоторое время поставили лесопилку. Всем этим хозяйством управлял Малай. Тайга с каждым днем убывала, а на ее месте родилось село, названное именем Малая. Родник Рябка превратился в небольшую речку. Потом Малай стал богатым лесопромышленником, а село все росло: построили церковь, и сюда приходило много людей из других сел.

52. Малышева

Тя вастса, коса тyani ащи Малышева велесь, ульсь тумонь вирь: кувалмоц котоска и келец колмошка вайгяльбе. Колмошка сяда кизода инголе колма братт вешендсть апак заняк модат. Сембодонга од брадсна лоткась тя тумонь роцать крайс и строясь тязя куд.

Ся брадти, кона лоткась тязя, мярьгонькшность Малыш. Сяда меле ни, мзярда кармась касома тя велесь, емла брадснон лемса путозь велеть демоньца. Малышева лемда башка велети мярьгить нинге Дубровка. Тяфта велети мярьгонькшность, улема, сянкса, мес сон ульсь тумонь роцать потмоса. Валом-валом Малышева велесь сяда касондсь, а тумонь роцась сембе сяда емлаготкшность. Роцать васте тиевсть паксят, а тоса ни миром сонь керозь. Велеть маласта мекольдень ниле тумотне керфт аньцек 1934-це кизоня.

52. Малышево

На том месте, где сейчас расположено село Малышево, был дубовый лес: длиной километров шесть и шириной километра три. Лет триста тому назад три брата искали незанятые земли. Самый младший из братьев остановился у этого леса и построил дом.

Того брата, который остановился здесь, звали Малыш. Уже потом, когда село начало расти, назвали его в честь младшего

брата. Село Малышево называют еще и Дубровкой, видимо, потому, что оно находилось в дубовой роще. Постепенно село Малышево росло, а дубовая роща все уменьшалась. На ее месте появились поля, а там и совсем деревья вырубали. Последние четыре дуба, которые росли недалеко от села, были срублены только в 1934 году.

53. Шугур велеть историязо

Нижегородской эрзянь ламольть церанзо. Зярдо эрямось кармась улеме стака, сонзэ церанзо тусть эрва енов. Кавтотне састь Равонтъ кувалт, мейле жо — Сура леенть эзга ды пачкодеть иеть таркатнес. Сынъ кавонеск эрсеть кадовомс теск. Вейкенть ульнесь лемезэ Шу, омбоценть — Гур. Сынъ кадоветь Дожга леенть бокас, косо ней Вейсэ поселкась. Кадоветь тезэнь секс, што модась пек вадра, ламо лейть ды вирть. Истя теевськак минек велесь, конань лемезэ Шугурова.

Мейле, зярдо кармасть эрямо вадряето, эсест эйтэ теевть розбойникть, конат эрясть вирьга ды эрва вене кайсевсть эрицятнень лангс. Зярдо эрямось берякадсь, пелест тусть велеть эйтэ ды путнизь кудост пандо пряс, косо неень Шугур велесь ашти. Пелест эрицятнень эйтэ тусть Пензенской губернияв. Косо ней вана эрятано, ульнесь а ютавике болота, кайсть тумот ды пешкет. Секс нейгак Санджей лейсэнтъ ведесь кизна коськени ды лиснить ил потсто пеште ды сэря лучкт. Мейле те болотась аламонь-аламонь коськесь, виренть керизь ды урядасть пакся. Сех ваенцеке болотань тарконтень путсь кудо велень старостась. Теде мейле пандо прясэ эрямо валгсть алов. Секс ней Шугур велесь ашти ало.

53. История села Шугурова

У нижегородского мордвина было много сыновей. Когда жизнь стала очень тяжелой, сыновья ушли в разные стороны. Два его сына пошли по Волге, а потом — по Суре и дошли до этих мест. Вдвоем они задумали обосноваться здесь. Одного звали Шу, а другого — Гур. Остановились на реке Дожге, где сейчас поселок Вейсэ¹. Остались тут потому, что земля плодородная, много рек и лесов. Так появилось наше село Шугурово.

Потом, когда жизнь наладилась, среди них появились разбойники. Они обитали в лесах и каждую ночь нападали на жителей. Когда же жизнь ухудшилась, половина людей ушли из села и построили свои дома на горе, теперь здесь село Шугурово. А половина жителей ушли в Пензенскую губернию. Где сейчас мы живем, там было непроходимое болото, росли дубы и орешник. Поэтому и сейчас вода в реке Санджей летом высыхает и появ-

¹ Вейсэ — вместе.

ляется из ила скорлупа желудей и орехов. Потом болото постепенно пересохло, лес вырубали и раскорчевали. Самым первым на месте болота построился сельский староста. Позднее спустились с горы жить сюда. Поэтому теперь село Шугурово находится внизу.

54. Байт ды Миш

Тесэ ульнесь латко. Эйсэнзэ — ведь урямо. Кавто пандо прява ульнесь кавто братт-татарт Бай ды Миш. Мейле малазост сась эрямо эрзя, Менжаев. Сонзэ ульнесь мелезэ саемс те тарконтъ. Иеть кавто братизэ изнизь сонзэ, татартиэ ульнесь сюпавт. Байт ды Миш, сеть валтиэнь эйтэ шачсь веле лем Байтермиш. Появась сон пек умок, а солангак кодамо шкасто.

54. Байт и Миш

Здесь был овраг. В нем — топь. А на двух горах жили два брата-татарина — Байт и Миш. Потом к ним поселился эрзянин Менжаев. Он хотел завладеть этим местом, но два брата осилили его, богатые были татары, Байт и Миш, от этих слов появилось название села Байтермиш. Возникло оно давно, и не знаю даже в какие времена.

55. Легенда Кобай велеле

Эрясть-аштеть аят-бабат, сынст ульнесь колмо цераст: Кобай, Алой ды Алтай. Кобайнень, сех покшонть, топодекшнесь кемень иеть, зярдо кулось авазо ды тетязо. Кассть братизэ пек виев церакс, но эсест юткова эзь ладя. Мейс сынъ явокшность — кияк а содасы.

Кобай кадовсь тетязо-аванзо юртонтень. Алой ды Алтай тусть васов шачома таркаст эйтэ.

Кобай пек виевель. Сонзэ моданзо яла ламолгадсть. Ломанензэ кармасть улеме пек ламо.

Нейгак ули Спорной луга, конань кисэ пек ламо иеть тюрсть Тьргак ды Кобай. Нейгак ули Тюрема луга, конань кисэ пек кувань тюрекшность Усад ды Кобай. Кобай свал лиснесь изницякс. Умок кулось Кобай, но велесь, косо сон эрясь, нейгак теске.

55. Легенда о селе Кабаево

Жили-были старик со старухой, были у них три сына: Кобай, Алой и Алтай. Кобаю, самому старшему, было десять лет, когда умерли отец с матерью. Выросли братья сильными парнями, но меж собой не были дружны. Почему они разделились — никто не знает.

Кобай остался на месте своих родителей. Алой и Алтай ушли далеко от родимого места.

Кобай был очень сильным. Земли его все прибавлялись, людей становилось больше.

И сейчас есть Спорный луг, за который много лет спорили Тыргак и Кобай. И сейчас есть луг Тюрема¹, за который так долго боролись Усад и Кобай. Кобай всегда выходил победителем. Давно умер Кобай, но село, где он жил, осталось до сих пор.

56. Паксядо предания

Эрясть колмо братт. Вейкенть лемезз ульнесь Анай, омбоценть — Кутяз, колмоценть — Градок. Тетяст куломадонть мейле тусть сынь вирев ды кармасть пенгень керямо. Керить, керить ды ертыть штепкат. Кона енов ливитить эрванть штепканзо, се паксянт лемдсызь эсест лемез. Сынст лемез колмо паксят: Градок пакся, Анай пакся, Кутяз пакся.

56. Предание о полях

Жили три брата. Одного звали Анай, другого — Кутяз, третьего — Градок. Когда умер их отец, пошли они в лес и стали рубить дрова. Рубят, рубят и бросают щепки. В какую сторону у каждого летят щепки, то поле и называют своим именем. Их именами названы три поля: поле Градка, поле Аная, поле Кутяза.

57. Адаж велесь

Адаж велесь тяниень вастсонза эряй ни лама кемотть, а, пади, и сядот киза. Атятнень и бабатнень азондомаснон коряс, Адаж велесь нилешка-ветешка сяда кизода инголе ульсь аф тя вастса.

Сонь историянц марьсезь тяфта. Эрясть-ащесть колма братт-охотникт вирь кучкаса. Эрясть сынь пяк дружна и фкя-фкянь пяк кельгольхть. Мзярда сынь рвяясть, шачсть стирьсна-цёрасна. Сятнеге макссезь-рвяяфнезь. Семиясна оцолготкшность и арьсезь явомс. Кармасть явома ладязь. Браттне явозь васенда паршиснон-эряфснон, а тоса вирьснон, модаснон. Лемсна ульсь: фкяць — Навляй, омбоцеть — Атерь и колмоцеть — Адаж. Мекольцеть лемонц каннесы тичемс минь веленьке. Явозь вирьснон, модаснон. Адаж братти сатсь ся васть, коса тяни строяф Кадошкина станциясь — перьфканза вирнясь и тяниень модатне. Строясь-тись тоза, заводясь эряма-ащема ши, кочкась эсьтейнза пирьфкя, шувсь эшня. Эрясь да эрясь, ашель кашт молиянц.

Иляды брадонза — Атерсь и Навляйсь тусть эсь участкиснон ланс, и улихть тичемс велет, конат лемтьфт сынь лемсост.

¹ Тюрема — борьба, драка.

Адаж атянь эшнянц тичемс нинге содаф, а минь атяньке-бабаньке яксекшность эшнянц ваксс шкай мархта озондома.

Адаж атянь куломда меле церанзон мяльсь изь ту тя вастсь. Мес изь ту, синць содасазь, аныцек аляснон вастонц кадозь и строясть Исса ляйть тона ширезонза. Эрясть сынь тоса пяк куваться. Эрясть сынь стане, што сембе перьфпяле эряйхне каясть сельме и кармасть вешема, штоба синьге прималезь. Я эста модада ульсь лама, вирьда — пропасть, и кармасть пуромома перьфкаст. Синць раштайхть, лияста сайхть, и стане пуромсь целай веле. Лемонц ульсь аляснон лемса — Адаж. Тяфта эвондась Адаж велесь. Што ульсь веле, ся аф трудна няемс, кодак етамс Адажста Исса ляйть омба шири. Тоста муят калмот, пандснон, кядьгонянь пялькст и лият-месть. Тя вастса эрясть ламос. Тоса ушедсь смутна пингсь, мокшетнень кармасть теснаидамость. Вийхца бта эцезь верас, и сась Адаж велетиге очередь. Попне, баярхне састь вели и служба служба шкаенъ и оязоронь никса. Кувать народсь бороцясь и паньцесь попнень и баярхнень эса, но сась ся пингсь, мзярда войска мархта, тага жа попне и баярхне Адаж эряйхнень панезь Исса ляйть туркс, коза ваясь аф фкя кемонь ломань, и строясть тяниень велеть васте. Кие изь ера строямс, сян панелезь тястовок. Ся пингти, азондыхть, колмошка сяда киза.

Вага тяфтама ки етась минь веленьке, тяфта строявсь-шачсь сон. Кода ефксса азондсазь, Казанский церковать строясзь-строясзь — аф строяви, калады. Миньге веленьконь эса инголе нефтеть-сязендсть.

57. Адашево

Село Адашево на этом месте находится десятки, а может, и сотни лет. По рассказам стариков, село Адашево четыре-пять сотен лет назад было не здесь. Его история такова.

Жили-были в лесу три брата-охотника. Жили дружно и друг друга очень любили. Все они поженались, родились дочери, сыновья. Их тоже выдали замуж, женили. Когда семьи стали большими, то задумали они разделиться. Меж собой договорились: «Разделимся мирно и справедливо».

Сначала эти три брата разделили имущество, жилье, а потом начали делить леса, земли. Их звали: одного — Навляй, второго — Атерь и третьего — Адаж, имя которого до сих пор носит наше село. Разделили леса, земли. Адажу досталось то место, где сейчас построена станция Кадошкино, окружающие ее лес и земли. Построился там, стал жить-поживать, выбрал себе место для огорода, вырыл колодец. Жил да жил, не тужил.

Остальные братья — Атерь и Навляй ушли на свои участки, и до сих пор существуют села, названные их именами.

Колодец старика Адажа замечен, наши дедушки-бабушки ходили к колодцу с иконами молиться.

Потом, после смерти старика Адажа, его сыновьям место не понравилось. Почему не понравилось, сами не знают, а только отцовское место покинули и построились на том берегу реки Иссы. Жили они там долго. Жили так, что все окружающие завидовали им, и стали просить, чтобы и их приняли к себе. Ну, тогда земли было много, лесов — пропасть, и стал народ вокруг них собираться. Появлялись новые семьи, и собралось целое село. Названо было по имени их отца — Адажа. Так появилось Адашево. Нетрудно заметить, что здесь было село. Если перейти из Адашева на другой берег Иссы, там найдешь могилы, холмы, осколки разной посуды и многое другое.

На этом месте жили долго. Потом началось смутное время, мокшан стали теснить. Будто силой навязывали веру. Дошла очередь и до Адашева. Попы, бояре пришли в село, отслужили службу за бога и царя. Долго народ боролся, выгонял попов и бояр, но настало время, когда уже с войском попы и бояре погналы жителей Адашева через реку Иссу, где утонул не один десяток человек. Наконец построились на месте нынешнего села. Кто не хотел строиться, того изгоняли совсем. Это было, как рассказывают, лет триста назад.

Вот такой путь прошло наше село: родилось наше село, строилось. Как рассказывается в сказке: Казанскую церковь строят, строят — не строится, рушится. Так и наше село раньше рвали-терзали.

58. Карцак, Даньча, Каштан да Нявежа

Кати-мзярда киза ни сянди, кода мокшетне тязя састь Варонать кувалмос якшам ширеста. Эста ня васттнень эса нинге кивок изь эрсе.

Састь васенда сей Нявеж атя, Каштан атя, Даньча атя ды Карцак атя. Састь синь семьянек. Кармасть синь эряма ляхнень кувалмос, коса ульсь ведь. Варонать малас лоткасть Нявеж атя ды Карцак атя, Даньча атя Цембарть перьф, а Каштантне Седь лять малас. Тяни Седь лятьсь коськсь и Каштанкась ядсь ведьф-тома. Каштанкаты эзда лись нинге фкя Каштанка и лоткась эряма Варонать ланге Нявежатнень да Кархцакнень кучкас.

Эстоньбере и тусть тязя мокшетне. А васенда ульсь аныек Кархцайкась, Каштанкась, Данченясь да Нявежканясь. Тяни ни няк Нявежканясь арась рузонь велекс. Да и Кархцайкасонга од ломаттне няк рузкс ни корхтайхть.

58. Карцак, Даньча, Каштан и Невежа

Уж сколько лет прошло, как пришли мокшане сюда, к берегам Вороны, из холодных мест. Тогда здесь никто не жил.

Первыми пришли сюда старики Невежа, Каштан, Даньча и Карцак. Пришли они с семьями. Поселились на берегах рек. На

берегу Вороны обосновались старики Невежа и Карцак, старик Даньча поселился у речки Цембар¹, а Каштан со своими — у речки Седь². Теперь речка Седь высохла, и Каштановка осталась без воды. Из Каштановки выделилась еще одна Каштановка и расположилась на реке Вороне, между невежками и карсаевцами.

Отсюда и стали расселяться мокшане. А вначале были только Карсаевка, Каштановка, Даньчино и Невежино. Теперь Невежино обрусело. Да и карсаевская молодежь тоже по-русски говорит.

59. <Вете братт>

Минек велентень мерить Атякшина веле. Тесэ икеле ульнесь ташто юр, косо эрясть вете братт: Атякш, Помел, Паркай, Аркай, Шамкай. Сынст тетяст явинзе. Атякш сась эрямо пандо пряс. Паркай тусь промыслав, Аркай тусь торговамо. Сынст лемест максозель вете веленень: Аркай веле, Помел веле, Шамкай веле, Атякш веле, Паркай веле. Аркай велесь рузьясь. Эрзятне тезень кадовсть Стенька Разинень отрядсто.

Минек велесэ улить ламо порядкат: Вере пе, Ало пе, Кривуло, Од порядка, Крестовка, Аксуб. Ульнесь ломань, прозвицазо Аксуб, сон васенце эрицяль те порядкасонтъ. Ивановка — кавто Ивант строясть. Кавто енга минек велентень маласо улить пандт. Ош пандо — лангсонзо бувала ульнесь покш ош. Песэ пандо — те пандосонтъ ульнесь Разинень складозо. Нейгак тестэ мукшнеть ловажат, ломанень пря пакарть.

59. <Пять братьев>

Наше село называют Атякшино. Раньше здесь жили пять братьев: Атякш, Помел, Паркай, Аркай, Шамкай. Отец их разделил. Атякш пришел жить на гору. Паркай ушел на промысел, Аркай — торговать. Их именами названы пять сел: Аркаево, Помаево, Шамкино, Атякшино, Паркино. Село Аркаево теперь обрусело. Эрзяне здесь остались из отряда Стеньки Разина.

В нашем селе много порядков: Верхний конец, Нижний конец, Кривуло, Новый порядок, Крестовка, Аксуб. Первожителем этого порядка был человек по прозвищу Аксуб. Ивановка — там построились два Ивана. С двух сторон к нашему селу примыкают горы. Гора Ошка — на ней раньше был город. Конечная гора — на ней у Разина был склад. И сейчас на этой горе находят кости, черепья черепа.

¹ Этимология слова не установлена.

² Седь — мост.

60. Чапай пандо

Зярдэ мольсь гражданской войнась, Чапаев минек таркатнесэ эрва косо окопт тейнекшнесь. Ве таркасо пек содавкшнось окопозо. Ней валявсь. Тюрэзь эзьт тюрэ. Ашотне потасть, якстеретне ветясть наступления. Кода тосо ютавсть, мейле сэденть ашотне сезизь, минектне эзьт ютаво. Шкась валске мартоль. Пулеметсо кармасть леднеме. Мон вальманть панжия, ванан: овсе вальмало леднить. Тетям кундымим пильгеде:

— Мадть масторов, прах саензат, мездеак а пелят!

Мадинь масторов. Мейле уш, шкань ютазь марян:

— Нету белых здесь, нету!

Кудонк келес панжизь. Совасть зярыянест. Чапаев уш ваясь. Недляшка, кода ваякшнось. Ды вана, кува ютасть чапаевецтнэ,— мерить Чапай пандо.

60. Гора Чапая

Когда шла война, Чапаев здесь понаделал окопы. В одном месте очень заметен был его окоп. Теперь завален. А биться здесь не бились. Белые отступили, красные перешли в наступление. Белые там прошли, потом мост взорвали, красные же не смогли пройти. Дело было утром. Застрочили пулеметы. Я окно открыла, смотрю: за окном стреляют. Отец схватил меня за ногу:

— Ложись на землю, прах тебя возьми, ничего не бойсья!

Легла на землю. Потом уж, через некоторое время:

— Нету белых здесь, нету!

Дверь настезь распахнули. Много людей вошло. Чапаев уже утонул. С неделю как утонул. Место, где прошли чапаевцы, называют горой Чапая.

61. Бурнай колка, пандо, латко

Кие эрзятненъ ютксто а содасы Покш Толканонть! Те велесь пек умок эри, ды веленть ламо преданиянзо. Монгак маринь дедань пельде истямо евтнема.

— Тон, церам, содасак, мекс вана те пандонтень мерить Бурнай пандо? Мекс мерить Бурнай колка? Мекс мерить Бурнай латко? Тень ули историяно.

Зярдэ еще эйкакшокс ульнинь, монь бабам евтнесь те Бурнай атядонть. Ломанесь сон пек покшоль, виевель. Черензэ тюжат, сынь касеть лавтовонзо ланга гривакс. Виезэ истямошь, што цидярдсь алашань каршо. Ансяк истямо виензэ марто сон эрясь беднойстэ. Кудось, кона кадовсь тетянзо пельде, таштомсь, эрявсь путсмс од. Ды сон кармасть арсеме, кода те тевесь теемс.

Толканонть эйстэ колмо-ниле вайгельбенъ тарка ульнесь тумо вирь. Покштояк покшоль те виресь. Вана сон яла яксесь се вирентень, штобу керямс чувтт. Керилизе, пугылизе лавтовонзо лангс,

ды кандылизе-ускилизе чувтонть эстензэ пандонтень алов. Тень сон тейсь аволь весть. Аволь весть якась колкантень, аволь вейке чувто тосто кандсь, зярс эзизе прыдо кудонтень. Кува усксесь чувтинзень, теевсь латкине, бороздыне. Пиземе ведесь ушодсь чудеме се латкиневанть ды кармасть сонзэ саеме алов. Мейле теевсь седе покш латко, минек пораво жо — пек покш латкоке, конань эйстэ мерить Бурнай латко. Колкадонть, тумо вирденть, косто кантлесь покш чочктненъ Бурнай атя, нейгак мерить: Бурнай колка. Пандонтень алов, козонь сон пугызе кудонтень — те сех покш пандонтень — путсть лем Бурнай пандо. Толкан велесэнтъ те сехте мазий, сехте вечкевиця пандось.

Еще евтнить атятне, куватьс аштесь се кудось, мик помнясызь. Сонзэ пингстэ те кудонтень розоризь. Ульнесь кудонтень ве вальмазо, каштомось — турбавтомо. Но те шкас Бурнай атядо Покш Толкансо моли паро куля.

61. Лесок, гора, овраг Бурная

Кто из эрзян не знает Большого Толкая! Это село древнее, и много о нем преданий. И я слышал от дедушки такой рассказ:

— Ты, сынок, знаешь, почему вот эту гору называют горой Бурная? Почему говорят лесок Бурная? Почему — овраг Бурная? Это имеет свою историю.

Когда я был еще маленьким, моя бабушка поведала о старике Бурнае. Человек он был большой, рыжеволосый, волосы гривой росли до плеч. Сила его была такова, что мог состязаться с лошастью. При такой силе он все-таки жил в бедности. Дом, который достался ему от отца, стал старый. Нужно было ставить новый. И он задумался, как все это сделать.

От Толкая в трех-четыре километрах был дубовый лес. Огромный лес. Вот он все ходил в тот лес, чтобы рубить деревья. Срубал, брал на плечи, а конец дерева тащился по земле, и нес-вез его под гору. Он это проделывал не раз. Не раз ходил в лесок, не одно дерево оттуда принес, пока не закончил строить дом. Где тащил деревья, там образовалась лощинка, бороздка. Дождевая вода потекла по этой лощинке и стала размывать все глубже. Потом образовался овражек, а в наше время — большой овраг, который называют оврагом Бурная. О дубовом лесе, откуда старик Бурнай носил большие бревна, и сейчас говорят: лесок Бурная. Ту самую гору, у подножья которой он поставил дом, назвали горой Бурная. В селе Толкай это самая красивая, самая любимая гора.

Еще рассказывают старики, дом тот стоял долго, даже помнят его. Снесли этот дом уже при нашей жизни. Был он с одним окном, печь — без трубы. До сих пор о старике Бурнае в Большом Толкае идет хорошая слава.

62. Критынькань мозавтось

Евтнize ине дедам Бурькай (Крел) атя. Сон сядо кото неть эрять. Атясь сырель, евтнесь эрва мезде. Икеле еще, зярдю виш-кинелинь, макснесь тем сырнень целковой. Сон монень евтнесь: ульнесь зярдю-бути Критай атя, ней уш сон кулось. Сабаевасо покшоль племазо: нуцьканзо, правнуцьканзо. Атясь ульнесь пек внев, вечксь алашат. Вана весть сонензэ савсэ молемс ниче вивев. Сайсь тосто пичеть, керясь килей чочкт. Сестэ онктнесь аршинсэ, лиссть а кото ли полтинна марто. Вачкизе роспусктнень ды адя уск! Усксь заводонть ало бокава (Сабаевансетне весе сода-сызь), тосо ули мозавт. Зярдю икельце чаротнень эйсэ се мозав-тонть ютызе алашась, удалцетне ваясть. Сон алашанть весть ноц-ковтызе, омбоцеде, а савезить. Локшонть эйсэ вачкодизе, алашась ноцковтсь, ашконть сезнзе. Санзе алашанть, сонсь Критай атя ажитнень кундынзе, нежедсь, ускнзе пандонть пряс ды мери:

— Дурак ломань, эстень кой-кода таргавсь, а еще алаша ча-ван! Превтне арасть!

Алашанть а усковить, сонстензэ кой-кода усковеть. Вана теле мейле Сабаевасо меритькак — Критынькань мозавт.

62. Харитонов проезд

Мне рассказывал прадедушка старик Бурькай (или старик Фрол). Он прожил сто шесть лет. Стар был, рассказывал обо всем. Еще раньше, когда я был маленьким, давал мне золотой рубль. Вот он мне рассказывал: был когда-то старик Харитон, ныне уже умер. А в Сабаеве у него большое потомство: внуки, правнуки, праправнуки. Старик был сильным, любил лошадей. Вот в одно время ему пришлось поехать в сосновый лес. Взял от-туда сосны, нарубил толстые бревна. Тогда измеряли аршинами, получилось не в шесть ли с половиной. Погрузил на роспуски и повез по нижней стороне завода (сабаевские все знают), там есть проезд. Когда передние колеса миновали тот проезд, задние застряли. Он один раз дернул лошадь, второй — не взять. Ударил кнутом, лошадь рванула и порвала хомут. Выпряг лошадь, сам впрягся в оглобли, уперся, отвез роспуски с бревнами на гору и говорит:

— Дурак-человек, сам кое-как вытащил, а еще лошадь бью! Ума нет!

Лошади не довести, сам кое-как довел. Вот после этого в Са-баеве и говорят — Харитонов проезд.

63. Татаронь мозаф

Алькинатъ юго-западной ширесонза ули лотка, конанди мярь-гихть Городок ляй.

Кода азондсазь алькинскый сире ломаттне, тя лоткса кя-

шендсть кати-кодама ломатть, кати Пугачевонь армиястонь, ка-ти-конатнень мельге паньцекшнесь оцязоронь правительствась. Но улихть тага тяфтама азонкшнемат, бта тьса эрять татархт. Сире ломаттне, да и оттневок, ся вастса удобнай ётамати мярь-гихть Татаронь мозаф.

Азонкшнесазь, што тя ляить перьф ульсть кяшендикнень кардсна, тинге лангсна, подвалсна и лия кяшема вастсна. Нинге корхнить, бта синь тьса ули тайниксна, кона киндиге ашезь мув. Тянемс тоса катф синь добрасна. Ульсть стамотка, конат якасть казнать вешема, но кати-мезе шорсесь и илядсь тянемс апак мук.

Кона азондомась виде — апак содак и иляткшни.

63. Татарский проезд

К юго-западу от Алькина есть овраг, который называют реч-кой Городок.

Как рассказывают старые люди из Алькина, в этом овраге скрывались какие-то люди, то ли из армии Пугачева, то ли пре-следуемые царским правительством. Говорят также, что здесь жи-ли татары. Старые люди да и молодые это удобное для проезда место называют Татарский проезд.

Рассказывают: по берегам этой речки были их дворы, ток, под-валы и другие укромные места. И сейчас, говорят, будто у них здесь есть тайник, который никому не удалось найти. И до сих пор находится там оставленное ими добро. Были любители, кото-рые ходили искать клад, но им что-то помешало и вернулись ни с чем.

Который рассказ вернее — никто не знает и пока остается за-гадкой.

64. Петровской поп

Зярдю еще велесь арасель, тесэ эрять розбойникть, Петров-скоесь жо ульнесь. Розбойниктне тесэ гравасть, ошсо ульнесь истят ломанест, конат усксесь теист вина, порох, ружият, сывель. Бути жо солдатт сыть розбойникень вешнеме, неть ломантне сы-ненст икелев уш пачтить. Тон арсят кить ульнесь ялгасть? Попось ды головась. Вана попось ды головась пельдест пек сюпалгадсть ды арсесь кодаяк кадомост. Попось сась ды мери:

— Вана мезе, ялгат, азедо тесэ, ато сыть солдатт, кундсетя-дызь, миненекак голованть марто а менемс; бути а кунсолоса-мизь, пеняцядо эсь лангозонк, мон жо эйстэнк отказан.

— Кода отказат?

— Истя отказангак.

— Минь евтатадызь.

— Тынк а кемтядызь.

— Кемсамизь.

— Мон молян ды нейке жо евтатадызь; вана тынк и кундсетадызь.

Разбойниктень кежест састь, саниз ды повизь попонтъ. Секкак мерить: Попонь нешке пире латко. Сонзэ нешке пирезяк теске ульнесь. Головась жо мезть тейсь? Усксь боцькине пуре, усксь пива ды юткост спирт каясь, сась тенет ды кармасть мартост гуляемо. Истя симдинзе, весе пракшность кулы ирцтэкс. Сои санизе ды керсинзе прят. Ансяк ванстыщяет, кона ульнесь ве пеле, се кадовсь. Се пандонтень, косо керсинзе, мерить Божадом.

64. Петровский поп

Когда села еще не было, здесь жили разбойники, а Петровск уже существовал. Здесь разбойники грабили, а в городе у них были такие люди, которые привозили им вино, порох, ружья, мясо. А если солдаты начинали искать разбойников, то эти приходили предупреждать. А кто, ты думаешь, были их друзьями? Поп и голова¹. Вот тот поп и голова сильно разбогатели от них и решили как-нибудь их оставить. Поп пришел и говорит:

— Вот что, братцы, идите отсюда, не то придут солдаты, истребят вас, и нам с головой не вырваться; а если вы меня не слушаете, пеняйте на себя, я от вас отрекусь.

— Как ты отречешься?

— Так и отрекусь.

— А мы скажем про тебя.

— Вам не поверят.

— А я пойду да сейчас же скажу про вас, вас и переловят.

Они рассердились, взяли да повесили попа. Вот поэтому и называют враг Попова пчельника. У него там и пчельник был. А что сделал голова? Привез бочонок пуре, пива и еще влил спирт, пришел к ним и стал угощать. Так напоил, что все попадали мертвечки пьяными. Он взял и порубил им головы. Только караульный, который был в отдалении, остался. Ту гору, где он их зарубил, называют Божадомом.

65. Мес лемтьф Салазгорькс?

Мокшекс тейнза мярьгихть Саласкань кярьге. Сире ломатне корхтайхть тяфта, што тя велеть вастса васенда ульсь вирь. И вов фкя времать састь тязя Польдязета ниле атят. Синь састь тялонда саласка мархта. Ня атятнень лемсна тяфта: Пахмос Копасов, Иван Самагаев, Ведяс Суторма, Яков Сабаев. Тяся ульсь пяк мазы луганя, тейнза мярьгихть Кярьгоня. Тя луганятя стяфтозь синь саласкасион, тисть костер и пидеть шонгарямня. Ужнамда меле синь мадсть удома. И вов шобдава стясть и фкяфкянь кизефнихть, кие кодама он няйсь. Фкя атясь торай², што

¹ Вероятно, имеется в виду сельский староста.

² Торамс (диал.) — говорить, сообщать.

тяся ули оцю козя веле, сяс мес онцтонза няйсь мешть, конат лийсть тя васту и кармасть кандома медь. И тя онть няезь сембе нилецьке атятне. Тя онць няфтезе, што тя вастти можна строяем оцю веле, кона ули пяк козя.

И мзярда атятнень сатозень тяся тундась, синь ускозь тя вастти семьясно и кармасть строяма веле, конань лемонц путозь Салазонь Кярьге. А мес? Вага мес, што саласкатне ащесть Кярьга луганяса. Сяс и путозь Салазгарьге, а рузкс Салазгорь.

Пахмос атянь лемса путф фкя ульцять лемонц — Пахмос, омбоцеть — Могиловка, сяс мес маласот калмотне, улихть — Горлановка, Од ульця, Пленка, Тащиловка.

65. Почему село назвали Салазгорь?

По-мокшански называют Саласкань кярьге¹. Старики говорят, что на месте этого села раньше был лес. И вот однажды пришли сюда из села Подлясова четыре старика. Они пришли зимой с салазками. Стариков этих звали: Пахмос Копасов, Иван Самагаев, Ведяс Суторма, Яков Сабаев. Здесь был очень красивый лужок, его называли Кярьгоня. На этой лужайке они оставили салазки, развели костер и сварили суп. После ужина легли спать. И вот, когда рассвело, встали и спрашивают друг друга, кто какой сон видел. Один старик говорит, что здесь будет богатое село, потому что во сне видел пчел, которые появились на этом месте и принесли мед. Оказывается, что этот сон видели все четверо. Сон предвещал, что на этом месте можно построить большое село, которое будет богатым.

Когда настала весна, старики перевезли на это место свои семьи и стали строить дома, село назвали Салазонь кярьге. А почему? Потому, что салазки были оставлены на лужайке Кярьга. Так и назвали Салазгарьге, а по-русски Салазгорь.

По имени старика Пахмоса названа одна улица — Пахмос, другая — Могиловка, потому что могилы близки, Горлановка, Новая улица, Пленка, Тащиловка.

66. Кода ветясть чугункань кинть

Зярдю кармасть ветямо чугункань кинть минек таркатнева, станциянтъ теиксэлизь Марезь велесэ, аволь Огаривасо ды Чаунзасо. Но минек велень сюпав атятне эзь мере тень теемадо. Синь пельсть, бути тесэ карми улеме чугункань ки, то эрямось велесэ беряньгады, а косо ули кирдемс скотина. Секс теизь станциянтъ Чаунзасо.

Мейле чугункань кинь мастерэсь Ордатовасо налксесь карта-со ламо ярмакт. Сон вешсь Ордатовань атятнень кедьстэ ярмакт

¹ Саласкань (салазонь) — салазкин, кярьге — этимология не установлена, вероятно, устаревшее, вышедшее из употребления слово.

долкс, сынъ эзть максо. Мастеръсь кежиявтьсь ды чугукань кинть ветизе те веленть эйтэ ве пельга. Секс станциясь ней Ордатованть эйтэ ве пеле. Истя яла евтнеть сыре атятне.

66. Как вели железную дорогу

Когда в наших местах стали вести железную дорогу, то станцию хотели сделать в Маресеве, а не в Огаревке и в Чамзинке. Но богатые старики из нашего села этого делать не разрешили. Они боялись, что если здесь проведут железную дорогу, то жизнь в селе станет хуже, нельзя будет водить скот. Поэтому сделали станцию в Чамзинке.

Потом железнодорожный мастер в Ардатове проиграл в карты много денег. Он попросил у ардаатовских стариков денег в долг. Те не дали. Мастер рассердился и провел дорогу далеко от этого села. Поэтому станция теперь находится в стороне от Ардатова. Так все рассказывали старики.

67. Сапожкино

Пензасто Од паксаяв састь колмо семият. Тесэ ульнеть дикой селтт ды покш вирть. Виресь ней маштсь. Веленть лемезэ ульнесь Од веле. Зярдо сынъ састь, эрявьсь тердемс землемер. Алтасть тензэ рамамс хромовой кемть. Но эзизь топавто валост, сон жо онкстызе моданть истямо формасо, кона мольсь кем енов: голеништьсь — суходол ено, весе велесь — кемалкссо. Землемеръсь рузоль. Сон мерит:

— Вот вы мне сапоги не купили, поэтому нарезал вам землю в форме сапога, и будет село ваше называться — Сапожкино.

67. Сапожкино

Из Пензы на Новое поле пришли три семьи. Здесь были дикие пруды и большие леса. Теперь леса не стало. Село называлось Новым. Когда люди пришли, понадобилось пригласить землемера. Обещали купить ему хромовые сапоги. Но обещания своего не выполнили, он же отмерил землю в форме сапога: голенище — в стороне суходола, все село — в подошве. Землемер был русский. Он говорит:

— Вот вы мне сапоги не купили, поэтому нарезал вам землю в форме сапога, и будет село ваше называться Сапожкино.

68. Проликаша

Икеле, зярдо явьсь модатнень, ульнеть государственной землемерт. Сынент обществась максь ломанть: Уремсто — колмо, Проликашасто — колмо, конатне ванкшность, кува стятнемс столбинеть. Уремсто ульнесь атя, Сумагин, Проликашасто жо а

содан кие. Эрявьсь пидемс ярсамсель. Зярдо валгеть, несть кувака эрьке, лаймот. Сынъ мольсь седе алов. Проликашасо пидеть каша, уремскойтне мерить:

— Мезекс кашась? Минек ули винанок, утканок, потсонзо сырне.

Ульнесь сексь, якшамо. Землемеръсь чарькодсь, што ули коймезе кашадонть седе вадря. Уремскойтненень моданть онкстась седе ламо, кашанть жо валызь эрькентень, ды мерить ней тензэ Проликаша.

68. Проликаша

Раньше, когда делили земли, были государственные землемеры. Общество им выделило людей: из Урюма — три человека, из Проликаши — три человека, которые следили, где ставить столбики. Из Урюма был старик, а из Проликаши — не знаю кто. Понадобилось приготовить еду. Когда спустились, увидели длинное озеро, долины. Пришли вниз. В Проликаше сварили кашу, урюмские говорят:

— Зачем каша? У нас есть вино, утка, в ней золото.

Была осень, холодно. Землемер догадался, что есть кое-что получше, чем каша. Урюмским он отмерил земли больше, а кашу вылили в озеро, и называют его теперь Проликаша.

69. Кода ветякшность губерниянь границанть

Зярдо Рузонь государствась явшевсь губерниява, уездга ды водостька, кармасть ветямо границанть. Покш Марезь велесь понгсь Симбирской губерниянь Ардаатовской уездс, Вишка Марезь велесь, малацек Вишка Эрмезенка велесь, Мокшолой велесь ды Покш Эрмезенкась понгсь Пензенской губерниянь Саранской уездс.

Границанть ветямс эрьва велестэ пурнавкшность содыця атят. Покш Марезь велестэ кучозельть превей атят Мамай ды Алют.

Покш Эрмезенка веле марто границась мольсь васняк живой межава пелеве енкстэ обед енкс пелев, Лисьма ош леенть чирева. Зярдо государственной межевоесь пачкодсь лей приятень ды эрявьсь туемс тензэ коське таркава, то мольсь сон истя малав вайгельбешка. Пензенской губерниянь атятне Марезь велень атятнень Мамаень ды Алютонь эйтэ салава максть межевоентень ярмакт, ды тона пурдызе границанть юго-восток пелев. Истя колмошка-нилешка вайгельбеть мольсь. Мейле аламонь-аламонь пурдызе границанть чилисема пелев. Ветешка вайгельбень ютазь пурдызе северо-восток пелев.

Сестэ Марезь велень атятне фатясть, што манчить эйсэст, границась жо мольсь свал вирьга. Марезь велень атятне севиозевсть, кармасть онкстине лентанть, пракшномо троксканзо ды а нол-

дамо икелев межевоенты. Тевесь пачкодсь тюрьгадомас. Мамай ды Алют мерить межевоенты пурдамс границянь эрзянь карень келешка северо-востоку юго-восток пелев. Те пурдамо тарканть течиме чис лемезэ Чала пря, секс што тозонь чалакадокшность. Коськева границянь эзга жо чувозь канава, тарканть мерить Канава пря. Мольсь те границясь Пичаур веле малас, мейле, Пичаур маласто, Симбирской атятне велявтызь мекев, юго-запад пелев, Мокшолей велеть енов.

Чалноманть ды тюрьгадоманть кис межевоесь Алют ды Мамай атятень максызе судс. Мамай атятень савсь аштемс тюрьмасо, Пенза ошо. Тосо сон аштесь а пек куватьс. Сась варштамонзо Алют. Мамай мери:

— Мон тонеть а идеван, тонь жо мон идетья. Давай, тон кадовт тезень.

Кадовсь тюрьмас Алют. Мамай лиссь тосто ды лыты Пензава. Ежоволь атясь. Арси, кода жо идемс Алютонь?

Сась Пензав сюнав атя. Усксь ламо ули-паро: поидо медь, овтокедь ды лия кой-мезе. Сась роднянзо тюрьмасто идеме. Мамай мери:

— Давай ули-парот, идеса малавиксэть, монень весе тюрьмань начальниктне содавикст.

Ускинзе весемень тень тюрьмань начальниктненень, идизе Алютонь, тонань жо кадызь учомо.

69. Как вели губернскую границу

Когда Русское государство делили на губернии, уезды и волости, то стали проводить границы. Большое Маресево попало в Ардатовский уезд Симбирской губернии, а села Малое Маресево, Малые Ремезенки, Мокшалай и Большие Ремезенки — в Саранский уезд Пензенской губернии.

Чтобы установить границу, из каждого села собрались знающие старики. От села Большое Маресево были посланы умные старики Мамай и Алют.

С селом Большие Ремезенки граница вначале шла по природной меже с севера на юг, по реке с названием Лисьма ош¹. Когда межевой достиг истока реки и нужно было ему идти по сухому месту, то он прошел так около километра. Старики Пензенской губернии втайне от маресевских стариков Мамай и Алюта дали межевому деньги, и тот повернул границу на юго-восток. Так шли три-четыре километра. Потом он потихоньку повернул на восток. Через пять километров — на северо-восток.

Тогда маресевцы догадались, что их обманывают, граница-то все время шла лесом. Маресевские старики разругались, стали измерять ленту, падать поперек нее и задерживать межевого. Дело дошло до драки. Мамай и Алют требуют от межевого повер-

¹ Лисьма ош — родниковый город.

нуть границу на ширину эрзянского лаптя с северо-востока на юго-восток. Это место поворота до наших дней называют Чала пря¹, потому что старики там повздорили. А по сухой части границы вырыта канава, место же это так и называется Канава пря². Шла она до села Пичеуры, а от Пичеур симбирские старики повернули назад, на юго-запад, в сторону села Мокшалай.

За раздоры и драку межевой Алюта и Мамай отдал под суд. Мамаю пришлось сидеть в тюрьме в городе Пензе. Там он сидел не очень долго. Его приехал навестить Алют. Мамай говорит:

— Тебе меня не выручить, а я тебя выручу. Давай, ты останься здесь.

Остался в тюрьме Алют. Мамай вышел оттуда и бродит по Пензе. Хитрый был старик. Думает, как выручить Алюта?

Приехал в Пензу богатый старик. Привез много добра: пуд меда, медвежью шкуру и кое-что еще. Приехал выручать из тюрьмы родственника. Мамай предлагает:

— Давай добро, выручу твоего родственника, мне все тюремные начальники знакомы.

Привез его добро тюремному начальству, выручил Алюта, того же оставил ждать.

✓ 70. Ордаж

Кати-коста састь кафта атят. Фкясь арась эряма фкя эшить бокс, а омбоцесь — омбоцеть. Ся вастти мярьгихть тьяни — эряма васта.

Синь кати-мезенкса спорсесь, ордашкоткшность фкя-фкянь лангс. Сяда меле мирондасть и кармасть мярьгома велети Ордаж.

70. Ардашево³

Откуда-то пришли два старика. Один стал жить на одной стороне родника, а второй — на другой. Сейчас это место называют поместье.

Они о чем-то заспорили, рассердились друг на друга. Потом помирились и село стали называть Ардашево.

✓ И. Баторонь панда

Кяшал велеть эзда аф ичкезе ули панда, тя пандти велень эрзяхне мярьгихть Баторонь панда. Пяк лама кизот тьяда инголе тя пандть лангса эрять ногайхть. Синь перьфпяльдень мокшет-ненди ашеть макссе эряф: розарясть хозяйстваснон, сявон-дельхть работама эстейст мокшень стирьхть, церат. Тянь сюнеда

¹ Чала пря — место, где поссорились, подрались старики.

² Канава пря — начало канавы.

³ Ордаш (Ардаш) — видимо, от слова «ордашкоткшемс» — сердиться, капризничать, обижаться.

мокшетне кяшендельхть вири, Баторонь пандть алда шайти. Тянь эзда лиссь и велеть лемоцка — Кяшендсь алу — Кяшал.

71. Баторова гора

Недалеко от села Кишалы есть гора, жители села называют ее Баторовой. Много лет тому назад на этой горе жили ногайцы. Они не давали покоя окружающим мокшанам: разоряли хозяйства, забирали к себе в работники мокшанских девушек и парней. Поэтому мокшане прятались в лесу, в болоте под Баторовой горой. Отсюда и появилось название села — Кяшендсь алу¹ — Кяшал.

72. <Бессоновка>

Бессоновка мерить секс, што ульнесь ногайт, ды сынь веть каявкшныльть эрзянь народонть лангс. Секс меритькак Бессоновка. Появась велесь, зардо лепштизь Пугачевонь восстанянтъ. Весе лиятне срадсть, эрзятне жо кадовсть тезень. Васня эрзясть Покш кинть тона пеле, ногайтнеде ютасть тей.

72. <Бессоновка>

Бессоновкой называют потому, что были ногайцы, и они по ночам нападали на эрзянский народ. Поэтому и называют Бессоновка. А появилось село в те времена, когда разгромили пугачевское восстание. Все другие рассеялись кто куда, эрзяне же остались здесь. Вначале жили по ту сторону Большой дороги, а потом от ногайцев перебрались сюда.

73. Ногайнь ки

Тиевсь кись татаро-монгольскый нашествянь пингста. Тяне этнесь татарскый войскатне, и таргави тя кись мянь Татар-Юнков. Тяни тя кись емла, и лемоцка ламотне юкетазь ни.

73. Ногайская дорога

Возникла дорога во времена татаро-монгольского нашествия. Проходили здесь татарские войска. И тянется эта дорога до Татарских Юнков. Сейчас она маленькая, и название-то многие уже забыли.

74. Велеть историязо

Чумаеванть мерильть васня Архангельское. Инязоравакс ульнесь сеть шкатнестэ Екатерина II. Сестэ ломантне эрзясть Кось-

¹ Кяшендсь алу — прятались внизу.

ке латксо ды Сянграв латксо. Тосо кармасть сэредеме чумасо. Ташто тарканть весе кадызь, тусть лияв. Седе мейле велеть лемезэ истяк кадовськак — Чумаево.

Лемдяместо, кортасть атятне, весе якасть Порозовань веден-ть. Чумаеванть ведесь вишкинель. Тосо, ведеть маласо, уль-несь тумонь покш крест.

74. История села

Чумаево раньше называлось Архангельским. Правила в те времена Екатерина II. Люди жили тогда в овраге Коське¹ и овраге Сянграв². Там заболели чумой. Старое место все оставили и перешли на другое. После этого название села так и осталось Чумаево.

Во время крещения, рассказывали старики, все ходили к воде Порозова. У чумаевцев воды было мало. Там, у воды, стоял большой дубовый крест.

75. Сал лисьма

Тетясь церанзо кучизе ошов сал мельга. Мекев самсто церась сизесь ды озась лисьма чирес оймсеме, копордась ведь. Сон марявсь тензэ салтомокс. Сестэ саинзе ды чукадинзе мешоконзо лисьманть. Народось седе мейле кармасть мереме Сал лисьма.

75. Сал лисьма³

Отец послал своего сына в город за солью. На обратном пути парень устал и сел отдохнуть у колодца, хлебнул воды. Показалась она ему несоленой. Тогда он взял да высыпал мешки в родник. Народ с тех пор стал называть Сал лисьма.

76. Баба лей

Обед ено Вармазейка велень модатнень границяст лангсо ашти котелонь формасо латко — Баба лей. Преданиянь коряс, вельгеменце иетнестэ ютазь пингстэнтъ Аржадеева велесэ эрзясь скрипичник — вор Пьетка. Ардтиль ниленьгемень вайгельбень тарка ульцяв тейтертненень Папулева велев. Папулевасо ладясь эстензэ вейке тейтерь. Аванзо-тетянзо тейтеренть эзь максо ваволонь таркав. Сестэ одтиэ эсь ютковаст кортасть-тейсть, што Пьетка саласы тейтеренть. Чокшине тейтересь мольсь ялганзо юткс хороходс, сыре авазо жо мадсь тарказонзо коник лангс. Ульцясонть пек якшамоль. Тейтересь сась кудов, кельмесь ды мадсь

¹ Коське — сухой.

² Сянграв — этимология слова не установлена. Можно предположить, что имеет значение — разветвленный.

³ Сал лисьма — соленый колодец.

каштом лангс эжнеме, тоско матедевськак. Пьетка вень куншка-ва совась кудос, каподизе тулуп поте бабанть ды тусь ардозь.

Пачкодсть Баба леенть видсь, ды бабинесь макссь вайгель:

— Кие те ломанесь, ков эйсэнь уски?

Пьетка штавызе тулупонть ды неизе эсензэ «добычанть». Сон ертызе нурдстонть бабанть, сонсь жо тусь. Бабась кадовсь вейке панарсо глухой якшамо вирьс. Прянь чавозь юксизе карксонзо ды понгавтызе прынзо чувтс. Секскак те латконтень макссть лем— Баба латко, Баба лей.

76. Бабья речка

У южной стороны границы земель села Вармазейка есть котлообразный овраг— Бабья речка. По преданию, в пятидесятые годы прошлого века в селе Аржадеево жил скрипач вор Пьетка. Ездил за сорок километров в село Папулево к девушкам на улицу. В Папулево сосватал себе одну. Мать и отец не хотели выдавать ее далеко. Тогда молодые между собой договорились, что Пьетка украдет девушку. Вечером та пошла к подругам в хороовод, а ее старая мать легла вместо девушки на кровать. На улице было очень холодно. Девушка пришла домой с улицы, замерзла и легла погреться на печку и заснула там. В полночь зашел в дом Пьетка, схватил в тулуп старуху и поспекал.

Доехали до Бабьей речки, и старушка подала голос:

— Что за человек, куда меня везет?

Пьетка распахнул тулуп и увидел свою «добычу». Он сбросил старуху с саней, а сам уехал. Старуха осталась в одной рубашке в глухом холодном лесу. В отчаянии она развязала пояс и повесилась на дереве. Поэтому-то овраг называли Бабий овраг, Бабья речка.

77. Истя ульнесь

Тавласо икеле тейтерть салсесть. Мейле лоткасть салсемеде.

Чокшне ялаксоь маризе: паксясто нуемстэ патянзо саласызь мирденень. Вана сын, патят-ялакст, мошьть нуеме. Нусть обеде, мейле обедасть. Ялаксоь мери:

— Патяй, тонь течи салатадызь. Давай кайсить одежатнень, монсетнень жо тон оршить. Истя мадтяно.

Ды сын полавтызь оршамост: ялаксоь наряжась тейтерькс, патясь — церакс. Мадсть оймсеме. Ардсть парасо, баяга марто, саизь ялаксонть крадзонтень ды ускизь церькова икелев. Попось венчинзе. Одирьванть ускизь женихенть кудов ды аравтызь пецька икелев, икелензэ путсь сывель, стряпня, мезть ансяк арасть. Одирьвась смелстэ пори, вина кандыть — весе симсы, фатанть алдо а неяви.

Арсить фатанть штавтомо, удалов пря сьулмамо. А теде икеле ярке (тейтерне) озавтнить. Сон тердизе яркенть ды мери:

— Ветямак кардайс.

Свадьбась каладсь. Теде мейле лоткасть тейтерень саламодо.

77. Так было

В Тавле, бывало, крали девушек. Потом же перестали красть. Вечером брат услышал: во время жатвы с поля должны украсть в жены его старшую сестру. Вот они, брат с сестрой, пошли жать. Жали-жали до обеда, пообедали. Брат говорит:

— Сестра, тебя сегодня украдут. Давай сними мне свою одежду, а мою ты надень. Так и ляжем.

Вот они поменялись одеждой: брат нарядился девушкой, а сестра — парнем. Легли отдыхать. Подъехали на паре, с бубенцами, забрали брата в повозку и привезли к церкви. Поп их обвенчал. Невесту привезли в дом жениха и оставили перед печкой, дали ей мяса, угощений, чего только нет. Невеста смело ест, вина поднесут — пьет по всей, под фатой не видно.

Думают фату снять, девичий головной убор сменить на женский¹. А перед этим сажают девочку. Подзывает девочку и говорит:

— Веди меня во двор.

Свадьба разладилась. После этого перестали девушек красть.

78. Таразбуе эрзянь веленть историязо

Таразбуе — эрзянь веле. Сон ашти районной центренть эйстэ кемголмово километрнень тарка чилисема ено. Сыре ломантнень преданияст коряс Таразбуесь ульнесь аволь те таркасонть, косо сон ашти ней. Нейгак сыре ломантне кортнить:

— Мольтяно ташто юртка.

«Ташто юртось» — те икелень веленть тарказо, кона аштесь кавто лей прамо ютксо: Кочкамка лей ды Чурька лей.

Сыре ломантне евтнить, тесэ эрзясть кавто братт: Тарас ды Сабан. Пожардо мейле сын кармасть строямо башка. Тарас семиянзо марто ушодсь кудонь тееме Веле лей ды Чурька лей беректнес, вирь чирес. Велесь вирь потсоль, секскак эрицятнестэ ламотне ульнесть охотникекс.

78. История эрзянского села Тарасово

Тарасово — эрзянское село. Оно расположено в тринадцати километрах к востоку от районного центра. По преданиям старых людей, село Тарасово находилось не там, где сейчас находится. И сейчас старые люди говорят:

¹ Часть мордовского свадебного обряда.

— Идем по старому месту.

Старое место — это место, где раньше было село, находившееся в устье двух речек: Кочкамка¹ и Чурька².

Старые люди говорят, что здесь жили два брата: Тарас и Сабан. После пожара они со своими семьями стали строиться по отдельности. Тарас с семейством начал ставить дома у леса на берегах речек Веле³ и Чурька. Село было расположено в лесу, поэтому-то жители занимались охотой.

79. Овто лисьма

Тосо ульнесть нешке пиреть. Овтось сась ды весе нешке кудотнень яжинзе. Нешке пиренть бокасо ульнесть лисьма. Овтось симсь тосто. Те лисьмантень кармасть мереме Овто лисьма.

79. Овто лисьма⁴

Там были пчельники. Пришел медведь и все ульи переломал. Около пчельника был родник. Медведь из него напился. Тот родник стали называть Медвежьим.

80. Ривезень пултамо

Эрькенть чирева кассть эчке тумот. Вейке удоволь. Се ундосонть кекшнильть ривескеть. Арсесть, се волшебник. Кодамо-бути ломань смелгась ды тумонть кирвастизе. Ривезесь буто палсь. Секс эрькенть лемдизь — Ривезень пултамо.

80. Ривезень пултамо⁵

У озера росли толстые дубы. Внутри одного из них было дупло. В том дупле прятались лисички. Люди думали, что это волшебник. Какой-то человек осмелился зажечь дуб. И лиса будто бы сгорела. Поэтому озеро называли Ривезень пултамо.

81. Ознома латко

Седикеле эрва иестэ шкань-шкань эйкакшонь пес яксильть озномо. Молить паксясо покш латкос. Мерильть эйстэнзэ Ознома латко.

Атятне рамить раужо бука, аватне пидить вадря пия. Буканть тоско пексызь, лосмаконь-лосмаконь керсесызь узересэ ды пидесызь котелсо, штобу весеменень сатозо. Кодак сывелесь пия, эрь-

¹ Кочкамс — собирать.

² Чурька — лук.

³ Веле — село.

⁴ Овто лисьма — медвежий родник.

⁵ Ривезень пултамо — сожжение лисы.

ва сядос максыть зяро сави сывелъ ды весень ланга явшить кружкасо пия. Ярсак-симть, зяро пекезеть кельги.

Симемадо, ярсамодо икеле сыре ломантне кшинть, пиянтъ озноссызь:

— Шкипаз, верепаз, ознок кисэнек, штобу чачозо суро, скотина. Весеменень таркась улезэ ламо; кшинть-салот седейс педяст, шумбрачис молест. Покштят-бабат, пельденек паро арседе, тыненк жо — тоначинь вадря эрямо, минек паро валонь евтамо.

Чинзэ валгома шкане лоткить озномадо, весе срадыть кудова. Котелонть, пенчтнень-вакантинень укссызь лишмесэ.

81. Овраг для молений

Раньше каждый год время от времени все, и даже ребяташки, собирались на моления. Приходили в большой овраг. Называли его Овраг для молений.

Старики купят черного быка, женщины сварят хорошее пиво. Быка там же зарежут, разделят на куски. Разрубят топором и сварят в большом котле, чтобы всем вдоволь хватило. Когда мясо сварится, на каждую сотню выдадут, сколько придется мяса, и кружкой разносят всем пиво. Ешь-пей, сколько влезет.

До начала трапезы старые люди святят хлеб и пиво:

— Господь, владыка, молись за нас, чтобы родился хлеб, скот, всем бы хватило места; хлеб-соль по сердцу бы пришлись, пошли б на здоровье. Прародители, от нас хорошее ожидайте, а вам хорошую жизнь на том свете, наше благопожелание.

На закате солища кончают моление, расходятся все по домам. Котел, чашки-ложки привезут на лошади.

82. Насакина

Насакина велеть шачеманц колга улихть тяфтама азондомат. Корхтайхть, што сяка ломаттне — «павазонь вешендикне» повсть тя вастти, строязь эсь кудиясон, а лемоц велеть ашель. И кармасть арьсема атятне, кода пудома велеть лимонц. Кочкавсть атятне, а фкясь нинге коданга аф сави. Тейнза пешкодеть:

— Ну, сак ина, думандасась марса.

Тяфта и тусь: «Сак ина» — Сакина. И Сакинять лангса (Насакина) кась тяниень велесь.

Азонкшнесазь и лиякс. Ульсь баярава, фамилияцоль Сакина. Тяниень Сакинять вастса ульсь оцю луга (вирть потмоса) и пяк цебарель лугать лангса тишесь. Сакина баяравась сязозе лугать эстейнза. Сире велесь сембе кась и кась, и кой-мзяра семия ерасть пудома кудсон тя лугать лангс. Шачсь веленясь Сакинять луганц лангса, «на Сакина» или тяниень Насакина.

Конашкава видет азондоматне — кивок аф содасы.

О происхождении села Насакино рассказывают по-разному. Говорят, что те же люди — «искатели счастья» попали в эти места, построили домишки, а названия села не было. И стали старики думать, как назвать село. Собрались старики, а один никак не идет. Ему кричат:

— Ну, сак ина¹, подумаем вместе.

Так и пошло: «Сак ина», т. е. Сакино. И на Сакино (Насакино) выросло нынешнее село.

Рассказывают и по-другому. Была барыня по фамилии Сакина. На месте нынешнего Сакина был в лесу большой луг, и хорошая трава росла там. Барыня Сакина захватила этот луг себе. Старое село все росло и росло, и несколько семей решили построить дома на том лугу. Появилось на Сакином лугу селенье, т. е. теперешнее Насакино.

Насколько верны эти предположения — никто не знает.

✓ 83. Сире Пичеморга

Пяк кунара тя велетнень вастса ульсь оцю вирь. Перьфпяле ульсь шай. Шудесть ляхть. И вов тяза кати-кода повсь катимзяра семия — «павазонь вешендихть». Перьфпяле мезевок ашель, анышек вирь и вирь. Пачкодеть ломатне губор пряняти и лоткасть. А мархтост ульсь ава идня мархта. Авати аш коза путомс идняц. А губор прясса кассь оцю сире пиче. Фкя атя ванць-ванць авать ланге и мярьгсь:

— Повфтак идняцень урямяниц сире пиче мортти.

Тяфтак и тусь велеть лемоц: Сире пиче морга, т. е. Старая Пичеморга. Тя сяс, мес валть «сире» етафтозь рузкс, а «пиче морга» валть значенияц ашезь сода или юкстазь и сон лядсь тяфтак.

Пичесь касса сембода мазы вастса, и тяза строять церькв. Кармась касома велесь. Тяни совь эсонза лама ульцяня: Батуровка (васенцеда строязе эсь кудонц Батур), Ташиловка, Каштановка. Строять завод и ся вастти тяфтак и мярьгихть — Пенькозавод.

83. Старая Пичеморга

Очень давно на месте этих сел был большой лес. Вокруг раскинулось болото, текли реки. И вот сюда каким-то образом попало несколько семей «искателей счастья». Вокруг ничего не было, только лес. Дошли люди до бугра и остановились. А с ними была женщина с малышом. Ей некуда положить ребенка. А на бугре росла большая старая сосна. Один старик смотрел-смотрел и сказал:

¹ Сак ина — ну, иди же.

— Повесь зыбку с ребенком на сук старой сосны.

Отсюда и пошло название села: Сире пиче морга, т. е. Старая Пичеморга. Это потому, что слово «сире» перевели на русский язык, а значения «пиче морга» либо не знали, либо забыли, оно так и осталось.

Сосна росла в самом красивом месте, и здесь построили церковь. Село стало увеличиваться. Сейчас в нем много улиц: Батуровка (первым построил свой дом Батур), Ташиловка, Каштановка. Построили завод, и это место так и называют — Пенькозавод.

84. Ташто Найман велеть эрямодонзо

Умоколь те шкась, зярдэ эрзятнень марто кармасть воевамо ногайть. Сынъ яла бажасть эстет саемс эрзятнень паксяст ды вйрест. Истя аламонь-аламонь сравтнизь эрзянь ды мокшонь народонть, конат тукшность натой Равонть тона бокав, неень Горьковской краентень, ды лия таркав.

Се шкадонть мейле ютасть ламо неть. Рузонь кучозь ломанть, или, меремс, путешественникть, ютасть неень минек эрямо таркань виртнень пачк. Пачкодеть сынъ Верь вальма угол латкс (ней истя лемдтяно эйсэнзэ, икеле а содан кода мерсть). Те латкостонть мусть лисьма. Сон ульнесь мазый яндавинесэ. Се яндавинесэнь мусть ломанть, кемготово семият, эйкакшнек-мезнек. Неть ульнесь эрзят.

Кучозь ломантне кевкетизь: кить сынъ ды косто тезэнь састь. Сеть рускс кортамо эзть машто. Мезеяк тенст эзь етавто. Мерсть ансяк вейке вал:

— Найман.

Найманось ульнесь эрзянь вейке атя. Те, монь койсэ, ульнесь — покшост. Неть кучозь ломантне састь инязоронть пельде. Сынъ ловеть, зяро тесэ виресь ды модась. Санзь тосто эрзянь кемготово семиятнень ды ветизь те таркантень, косо ней Найманось. Найманонть таркасо сестэ ульнесь вирь. Ансяк косо ней колхозонь гаражось, велень Советэсь, клубось, кооперациясь ды малава кудотне, ульнесь покш кужо, эйсэнзэ ульнесь лаймо, куншкасонзо листь ламо лисьма прят.

Тесэ кармасть сынъ эрямо. Леентень, конась ней чуди Найман велеть кувалт, путсть лем Ине лей. Веле пенть коряс латконтень путсть лем Мокшо лей секс, што те латконтень чирес мейле ойсесть эрямо мокшот, конат аламонь-аламонь эрзятнень.

84. О жизни села Старые Найманы

Давно это было, с эрзянами начали воевать ногайцы. Они хотели забрать себе мордовские поля и леса. Так понемногу и рассеяли эрзю с мокшей. Они уходили даже за Волгу, в нынешнюю Горьковскую область, и в другие места.

Минуло много лет. Русские посланники, или, лучше сказать, путешественники, прошли через леса в наших краях. Дошли они до угла оврага Верь вальма¹. Сейчас так называется, как раньше называли — не знаю.

В овраге нашли родник. Он был в красивой лодинке. В той же лодинке нашли людей, шестнадцать семей. Это были эрзяне.

Посланники спросили: кто они и откуда сюда пришли. Те не могли говорить по-русски. Ничего они не могли выговорить. Сказали только одно слово: Найман.

Найманом звали одного старика-эрзянина. Это, по-моему, был их старейшина. Эти посланцы пришли от царя. Они подсчитывали, сколько здесь лесов и земель. Пришедшие забрали оттуда те шестнадцать мордовских семей и привели на то место, где сейчас Найманы. На месте села Найманы был лес. Только там, где сейчас колхозный гараж, сельский Совет, клуб, кооперация и ближайшие дома, была большая поляна, долина, где было много родников.

Здесь они стали жить. Реку, протекающую через Найманы, называли Ине лей². Овраг в конце села называли рекой Мокшей, потому что позднее тут поселились мокшане, впоследствии же они понемногу стали эрзянами.

85. Сяляй

Лама кизода тядя инголе тя вастса тумонь пяк ошо вирьхельхть. Весть кочкавсь марс пяк лама атя и синь арьсесть вешемс апак заняк васта. Синь мошьть-мошьть и вдруг фкясь атятнень эзда пешкодсь:

— Ванода, да ся ляй!

Тядя меле тя вастти строясть кутт, и велеть лемдезь — Сяляй.

85. Сяляй³

Много лет тому назад в этих местах был большой дубовый лес. Однажды собрались вместе старики и решили искать свободное место. Шли-шли, и вдруг один из стариков закричал:

— Смотрите-ка, ведь это речка!

После этого здесь построили дома, и назвали село Сяляй.

86. Авакай вирь

Сонь колганза ули легенда.

Вирсь пяк ичкозе велетнень эзда. Тоза панцезь ломаттнень работама, тоса ульсь пяк стака и киньге ашель мялец повомс тоза.

¹ Верь вальма — кровавое окно.

² Ине лей — великая река.

³ Ся ляй — эта река.

И кие повондоль, пешкоткшнесь: «Вай, авакай!» Тяфта и кадозь лемонц — Авакай.

86. Лес Авакай¹

О нем есть такая легенда.

Лес расположен вдалеке от сел. Туда посылали людей работать, и было там очень трудно. Никому не хотелось в те места попадать. А кто попадал, кричали: «Вай, авакай!» Так и осталось название — Авакай.

87. Идейка

Вейке ава вишка эйденээ марто якась инзеень, лемзеронь ды кстыень кочкамо. Эйкакшось мадсь оймсеме. Авась тусь ве енов ды емавтызе эйденээ. Кода эзь вешне, эзь муеве. Виресь кармась лажномо. Авась колмо чить вешнесь идейкань ды рангсь:

— Идейка! Идейка!

Секс меритькак латконтень Идейка.

87. Идейка²

Одна женщина ходила собирать малину, черемуху и землянику. С ней был маленький ребенок. Он уснул, а женщина ушла в сторону. Снова ребенка она уже не могла найти. Лес начал шуметь. Три дня мать искала дитя и звала:

— Идейка! Идейка!

Поэтому и называют этот овраг Идейка.

88. Ишаки

Минек Чамзинской районсо ули веле Ишаки. Те леменьт по-явамодо мон маринь истямо евтнема. Кортыть, Ишаковасо ульнесь бояр, кона микшнесь эсенээ уренээ, сокицяно-видицяно. Вейке истямо миёмстэ сон пек шнась сонсенээ сокицяно-видицяно: пек уш вадрят, вневть, шумбрат, пек седейшкава роботыть. Рамицясь пейдезевсь ломаттнень лангс ванозь ды мерсь:

— Неть, — мери, — а ломанть, ишакт.

Се валонть эйтэ тусь Ишаки велень лемеськак.

Ну, те велеть лемезэ аволь пек вадря, путозь скотинань лемекс. Ней сонээ полавтызь, максеть тенээ лем — Красные Горки.

88. Ишаки

В нашем Чамзинском районе есть село Ишаки. О появлении этого названия я слышал такой рассказ. Говорят, что в Ишаках

¹ Авакай — матушка.

² Идейка — дитяtko.

БЫЛИЧКИ

О ЯЗЫЧЕСКИХ ПОКРОВИТЕЛЯХ ЛЕСА И ВОДЫ

91. Вирявадо

Мольсь тейтерь вирев латко чирес. Тосо — эрьке, минень-сюнонь кальть. Бурнай пандонть маласоль се таркась. Ды вана неи веденть чиресэ каль мукорь лангсо ашти покш ава. Приизо судри. Тейтересь ваны лангозонзо ды мери:

— Вай, Нишкепаз, мекс истя тесат, чаво вирьсэ?

Авась жо яла ашти ды приизо судри ведь чиресэнь. Тей сяцясь арси эськанзо, што те аволь ломань, пек уш покшокс неявсь тензэ. Ды тандадсь, ношкстась чиезь.

Те ульнесь Вирява. Сон бути ломанень кундасы, кутькавтозь куцтасы.

Кода Вирявась цяхазеви, вирьсэнь весе лопатне кармить прамо. Истя бабам евтнесь. Сон вирьсэ пензе Виряванть.

91. О Виряве¹

Пошла девушка к лесному оврагу. Там — озеро, разные ветлы. У горы Бурная было то место. И вот видит: у воды на пенке сидит большая женщина, волосы расчесывает. Девушка смотрит на нее и говорит:

— Господи, почему ты здесь, в пустом лесу?

Женщина же все сидит и волосы расчесывает у воды. Пришедшая сюда думает, что это все же не человек, очень уж большим кажется. Испугалась и бросилась бежать.

Это была Вирява. Она, если человека поймает, защекочет.

Как Вирява захохочет², в лесу все листья начинают падать. Так бабушка рассказывала. Она Виряву в лесу видела.

92. <Мезе тейни Вирявась>

(Вирявадо)

Монь тетям охотникель, мерильть тензэ Галькень Васятя (Василий Герасимович Горнов). Якась охотав. Лиссь икелензэ нумо-

¹ Вирява — мифологическая покровительница леса.

² Дословно: по-жеребьячи заржет.

был барин, который торговал своими рабами-пахарями. Во время одного такого торга он так хвалил своих крепостных: очень уж хороши, сильны, здоровы, усердно работают. Покупатель, глядя на этих людей, рассмеялся и сказал:

— Это, — говорит, — не люди, а ишаки.

От того слова и пошло название села — Ишаки. Ну, название его не очень хорошее, в честь скота дано. Теперь его переименовали, назвали Красные Горки.

89. Уром велеть историязо

Пек умок велесь тесэ еще арасель. Састь кавто атят, сынь мусть яксярго, потсонзо ярмакт. Атятне кедест цяподизь:

— Вай, ярмактне цела уром!

Теде мейле путеть лем Уром.

89. История села Урюм¹

Когда-то давно села еще не было. Пришли два старика, они нашли утку, внутри нее деньги. Старики всплеснули руками:

— Вай, денег целый ворох!

Впоследствии и дали название Урюм.

90. Сырятино

Минек Покш Марезь велеть эйтэ а васоло ули рузонь веле, лемезз Сырятино. Атятне кортасть, што тесэ ульнесь бояронь усадьба. Но сынсь бояртнэ тосо эзть эря. Эрясь сыре атинь, кона лововсь управляющеекс или сторожокс. Минек велень эрзятне мереть се таркантень сыре атинень тарка. Истя туськак: сыре атинень ды сыре атинень. Появась лем — Сырятино. Нейгак содави, косо ульнесь бояронь усадьбась. Тосо кой-кува кадовсть пичеть, ней уш сыре чувтт. Шкась ютась ламо.

90. Сырятино

Неподалеку от нашего села Большое Маресево есть русское село, называется Сырятино. Старики говорили, что здесь была барская усадьба. Но сами бояре в ней не жили. Жил старичок вроде управляющего или же сторожа. Мордва нашего села называла то место помещьем старичка². Так и пошло: сыре атинень да сыре атинень. И появилось название Сырятино. И сейчас заметно то место, где была барская усадьба. Кое-где остались сосны, теперь уже старые деревья. Прошло времени много.

¹ Уром (Урюм) — вероятно, искаженное мордовское слово «орувт», что означает по-русски — ворох, большая куча.

² Сыре атинень тарка — помещье древнего старичка.

ло. Ветексть ледсь лангозонзо, ды тона эзь чавово. Нумолось вавов а туиль. Котоцеде зарядизе ружиянзо, мери: чавоват а чавоват? Нумолось теевсь ломанькс, покш чувтонь сэрьсэ. Мейле тетям несь, што те — ава, човинька.

— Мезть мельгам пансят,— мери авась.— Монстемень вирьстэнтъкак а лисеват.

Ды тетям цела сутка якась вирьга, кудов кинзэ кодаяк а мусы. Саезель кизэ. Виренть лемезэ Покш кужо.

Мейле сась кудов, недля уютко сэредсь. Те ульнесь революция-донть икеле. Монень сестэ топодекшнесть кавкошка иеть.

92. <Что может Вирява>

(О Виряве)

Мой отец был охотником, звали его Галькин Василий (Василий Герасимович Горнов). Ходил однажды на охоту. Выскочил ему навстречу заяц. Пять раз стрелял в него и не мог убить. Заяц далеко не убежал. В шестой раз зарядил ружье, говорит: «Убью тебя или не убью?» Заяц превратился в человека, ростом с большое дерево. Потом отец увидел, что это женщина, тоненькая.

— Ты что меня преследуешь?— говорит эта женщина.— Без меня и из леса не сможешь выйти.

И отец целые сутки ходил по лесу, домой дорогу никак не найдет. Дорога его была взята.

Потом пришел домой, неделю болел. Это было до революции. Лес тот называют Большая поляна. Мне тогда было семь-восемь лет.

93. Авань евтнема

Ве нестэ ульнесть пек ламо пештть. Ансяк пек сеетьстэ эрсиль истя, што кундатадызь ды пештетъ нельгсызь. Минь ялатеке туинек веть ды веть сылинек.

Весь пек чоподаль, сельме нерькстак — мезеяк а неят. Минь авань марто чоп кочкинек кавто покш мешокт. Аштинок чокшнес, чопотемадо мейле туинек. Молинек-молинек, песь яла арась. Мезе, мерян, авай, минь веть лытатано, мезе теят вирьсэ вемберть? Яла мольтяно седе тов ды понгинек истямо тусто вирьс, што пазось илязо максо. Марясынек, эйзэнек кие-бути сы ды пештеде ярсы, бую кодамояк машина, вирьсэ цеторсо пильгалонзо, эндонзо варма пуви. Минь авань марто а живть а кулозь аштегяно чувто ало. Вантано: покш ава сы ашо панарсо, кувсезь лайши. Кода ютась — мон уш а помнян, ансяк аламос аштезь авам мери:

— Леса, те Вирява ютась.

93. Рассказ матери

Один год уродились орехи, а в лесу караулили. Никак не выйдешь оттуда незамеченным, поймают тебя и орехи отберут. А мы все равно ночью уходили и ночью приходили.

Вот такая же была темная ночь, хоть глаз коли — ничего не видно. Мы с матерью за весь день насобирали два больших мешка. Посидели до вечера, когда стемнело, пошли. Шли-шли, а конца все нет. Что, говорю, мама, мы ночью плутаем, что сделаешь ночью в лесу? Идем дальше, и попали в такой густой лес, что не дай господи. Слышим, сюда кто-то идет и орехи ест, будто какая-то машина, а лес трещит под ногами, от него ветер дует. Мы с матерью сидим под деревом ни живы ни мертвы. Смотрим: немаленькая женщина идет в белой рубашке, плачет со стоном. Как прошла — я уж не помню, только немного погодя мать говорит:

— Александра, это Вирява прошла.

94. Виряванть тевензэ

Вейке ава якась вирев кстыйс. Мартонзо саннзе кевейкее несэ кавто тейтернензэ. Зярсая кочкасть кстыить. Друк апак учо эйзэст кармась молема вашо. Тусь пиземе, керязь кери. Тейтернетне мерить:

— Авай, те мезе?

— Илядо пеле,— мери,— те вашине. Сон чарькодсь, те истя Вирявась тандавтни эйсэст, вашинекс лисни. Сон цера икелевгак лиснекшнесть.

Весть тетям сыргась ласте пиче вирень керямо. Вирявась алашантень ки а максы. Моли ды моли, моли ды моли. Алашась стясь дубушки.

— Мекс,— тетям мери,— истяня? Но-о, адя, но-о! Тпру, аштека, варштан, мезень тамашат.

Алашась «фырк!» фырксты, дубушки сти. Мейле варштань тетям керш енов: ашти теке чувто, черензэ сэрьс весе ланганзо нолдазь, понав. Те ульнесь ломань, чувтонь сэрьсэ сэрезэ, мода човарт баксори. Вана сон мезе тейни. Алашантень кинть пиризе. Тетям мери:

— Мекев велявтан, мезть теят? Маштсамам алашантень. Арась, а велявтан, седе тов туян, мезе ули.

Ды вана сон мери:

— Нишкепаз, мезекс пирик икельксэнь? Макст ки монень.

Тона рангстась:

— Иго-го-го!

Чувтось пукштор-пакштор!— сивсь. Истя сон тусь вирьганть. Аволь тетянь мельга, ве енов тусь. Чувтнэ а сяворить, но весе цятордыть-лыккордыть. Моли — мода баксори. Чувтнэ жо — пукштор-пакштор, пукштор-пакштор. Тень вана тетям сонсь неIZE.

94. Прделки Виравы

Одна женщина пошла в лес, две девочки с ней, по одиннадцатому лет. Ну, собирают-собирают землянику. Жеребенок ржет, к ним приближается. Пошел дождь, сечет. Девочки говорят:

— Мама, что это?

А она не сказала им, не стала пугать.

— Не бойтесь,— говорит.— Это жеребенок.

Виравя только пугает, ее очень-то не увидишь, жеребенком по-является. Она и к мужчинам выходила.

Однажды мой отец поехал верхом рубить сосны. Виравя лошади хода не дает. Идет и идет, идет и идет. Лошадь встала на дыбы.

— Почему,— отец говорит,— так? Но-о, поехали, но-о! Тпру, стой, посмотрю, что же случилось.

Лошадь «фырк!» фыркает, на дыбы встает. Потом отец посмотрел налево: стоит как дерево, волосы по ней распущены, вся заросшая волосом. Это был человек, ростом с дерево, комья земли швыряет. Вот что она делает. Лошади дорогу загородила. Отец говорит:

— Назад вернись, что поделаешь? Убьет на лошади. Нет, не вернись, дальше поеду, будь что будет.

И вот он говорит:

— Господи, зачем не даешь пути? Дай мне ход.

Она крикнула:

— Иго-го-го!

Дерево пукштор-пакштор!¹— сломалось. Так она пошла по лесу. Не за отцом, а в сторону ушла. Деревья не валятся, а хрустят-качаются. Идет — землю роет. Деревья — пукштор-пакштор, пукштор-пакштор. Вот это мой отец сам видел.

95. <Вирьэ одирьва>

(Виравя)

Эрзянь вейке ава сырғась мазый чине вирев ягодас. Еще нуеме эзть лисекшне. Пачкодсь вирьс. Вирь чирева луганть ланга ягодатне аштить пелькс. Авась кодак неинзе ягодатнень, истя рождомсь, а кепси прызояк. Сонсь яла сови ды сови вирентень, а фаняк. Друк кода-бути кепедевсь прызо, варшавсь ве енов. Ку-жосонть, пилязь тумо корен лангсо, ашти озадо одирьва, сонсь аварькшни. Лентасо, рудясо, котова таргань панарсо. Истя пек лайши, мик гайгезь гайги весе виресь. Эрзянь аванть, кона кочки ягодат, прачерензяк стясть дубушки, ды эсь пачканзо арси:

— Мезень те лайшиця одирьва? Течи чизэ а праздник, а мезе, гесэ жо лайши одирьва.

¹ Звукоподражательное сочетание, передающее хруст, треск ломаемых предметов, деревьев.

Ягодань кочкицясь кармась састыне потамо яла удалов. Ансяк лисевсь виренть потсто, лайшицясь теевсь толкс ды увнозь тусь виренть ланга ливтямо. Весе виреськак мик увнозевсь. Кода сась авась велес, евтнize те забаванть ломантенень, ды весе кармась кортамо:

— Те самай ульнесь Виравась.

Кона жо неинзе Вираванть, те а парс.

95. <Невеста в лесу>

(Виравя)

Однажды в ясный день одна эрзянка пошла по ягоды. Еще жать не выходили. Пришла в лес. На опушке леса ягоды тучей. Женщина как увидела эти ягоды, так и увлеклась, головы не поднимает. А сама все в глубь леса заходит, не замечает этого. Вдруг как-то подняла голову, взглянула в сторону. На поляне, на дубовом пне, сидит невеста, а сама плачет. Одета она в мордовскую одежду. Так причитывает, что весь лес звенит. У эрзянки, которая ягоды собирает, и волосы на голове дыбом поднялись, думает про себя:

— Что это за причитывающая невеста? Сегодня день никакой не праздничный, а здесь причитывает невеста.

Собиравшая ягоды стала потихоньку пятиться назад. Только сумела выйти из леса, причитывающая превратилась в огонь и с гулом полетела над лесом. Даже лес весь загудел. Как пришла женщина в село и рассказала эту забаву людям, все стали говорить:

— Это самая была Виравя.

А кто видел Вираву, не к добру.

96. <Кувака> Виравя

Кемгавтово иеть тень топодекшнесть. Мон ульнинь нешке пиресэ, дедань марто ванстынь нешкть. Маряса, ломанень вайгель, прок ундосто.

Нешке пирестэнтъ аволь васоло аштить кавто латкт: Любай латко ды Сардо латко. Ведь эйсэст эрси ансяк тунда. Сынь прыть вейс. Латктнень се прамостонтъ маряви:

— Вай, патякай, патякай!

Мон чиниь те пижнемантень. Ванан: латконтъ ве берексонть омбоцентень ашти ава, комадо. Пильгензэ те берексонть, кедензэ нежедезь тона берексонть. Колмошка саженень кувалмосо. Пилексэнзэ нуьргить колмошка ваксонь кувалмосо. Панарозо эзь приметяво тень, или руця, или панар.

Мон пек тандадынъ ды ношкстынь мекев нешке пирев. Маряса: пижакадсь колмоксть:

— Ху!.. Ху!.. Ху!..

Седе мейле кепететсь давол. Эчкезэ аволь пек эчке, истяк тусь виренть куншкава пандонть енов.

Тень некшнись лияткак ламот.

Вейке атя якась вирев. Марясы, сеериця, кудов тердиця. Мейле саизе керязь ленге канстонзо ды сыргась. Варштась: удалонзо ленге кантсонть кундазь ава, сельмензэ сувтемешкат. Атясь пек тандадсь. Седе мейле кавто недлят эрясь ды кулось. Те истямось ульнесь Вирява.

96. <Длинная> Вирява

Мне исполнилось двенадцать лет. Я был на пасеке, с дедушкой охранял пчельник. Отец ушел. Слышу, человеческий голос, будто в дупле.

Там есть два оврага: овраг Любай и овраг Сардо¹. Вода в них бывает только весной. Они сливаются вместе. Оттуда слышится:

— Ой, тетушка, тетушка!

Я прибежал на этот крик. Смотрю, от одного берега до другого лежит ничком женщина. Ноги ее на этом берегу, руками оперлась о другой берег. Сажени три длина ее. Серьги почти на три четверти² длиной. Рубашку мне не пришлось приметить, не знаю шушпан, не знаю рубашка.

Я очень испугался и бросился назад на пасеку. Слышу: трижды прокричала:

— Ху!.. Ху!.. Ху!..

Потом поднялся вихрь и пошел через лес на гору.

Это видели и многие другие. Один старик на охоте налетел на него. Кое-как вырвался.

Другой старик ходил в лес. Слышит, кто-то кричит, домой зовет. Потом взял вязанку заготовленного лыка и пошел. Оглянулся: сзади за вязанку лыка держится женщина, глаза с решето. Старик очень испугался. Потом две недели пожил и умер. Это была Вирява.

97. Мезде пели Вирявась?

Цера мархта тят яка вири. Вирявась котьфттянза куломс. Мярьгихть: вирьге етник — Вириявада потнек. Весть Вирявась ащи вирьса, да етай ломань, кизефнесы:

— Каф-каф ули или аш?

— Ули.

— А чив-чив ули?

¹ Сардо — заноза.

² Четверть — старая русская мера длины, равная четвертой части аршина (17, 775 см), приблизительно соответствует расстоянию между раздвинутыми указательным и большим пальцами.

— Ули.

— А мяв-мяв ули?

— Ули.

Пели пинеда, локшеда, катада. Тянь кадозе. Етай омбоцесь, кизефни:

— Каф-каф ули или аш?

— Аш.

— Чив-чив ули или аш?

— Аш.

— Мяв-мяв ули или аш?

— Аш.

Кундазе сонь и давай котьфтеме и куломс котьфтезе.

Вириявать атясь марьсезе юватькшнемда, ювади шуваняста. Стане терди. Сон ювади, кда кие уторонза ювади, тейнза моли и сянь котьфтсы — сяс аф эряви ювадемс. Вирьста Вириявась паксянь кить аф содасы.

Вага коса Вириявась удось, вагот сонь руцянза, тьса кесакоц повфтафоль шуфтти. Сон удь, потяниц прылонза путы, серец сери, шуваня.

97. Чего боится Вирява?

С парнем в лес не ходи. Вирява защекочет до смерти. Говорят: по лесу ходи, Вирияву обходи¹. Однажды Вириява сидит в лесу, проходит человек, она спрашивает:

— Гав-гав есть или нет?

— Есть.

— А чив-чив есть?

— Есть.

— А мяу-мяу есть?

— Есть.

Бонтсь собаки, кнута, кошки. Этого не тронула. Проходит другой, спрашивает:

— Гав-гав есть или нет?

— Нет.

— Чив-чив есть или нет?

— Нет.

— Мяу-мяу есть или нет?

— Нет.

Поймала его и начала щекотать и до смерти защекотала.

Старик слышал, как Вириява кричала. Кричит она тоненьким голосом, зазывает так. Она крикнет, а если кто-то откликнется, то идет к нему и щекочет, поэтому не нужно кричать. Лесная Вириява полевых дорог не знает.

Здесь Вириява спала, вот ее платки, моток ниток на дереве повешен. Она спит, груди под голову кладет, а ростом высокая, тонкая.

¹ Дословно: от Вириявы пяться.

98. Вирява

Ломанесь мольсь вирев пенге. Лиссь каршонзо Вирява ды давай сонзэ кутькавт. Ломанесь пенгенть лазызе узерьсэ, путовтызе тозонь Виряванть кедензэ ды узеренть таргизе. Вирявантень кармась улеме пек, сон кевкстни церанть:

— Кода тонь леметь?

— Мелят,— мери ломанесь.

Церась оргодсь, куйсь чувто пряс, Вирявась жо ранги:

— Мелят! Мелят!

Виресь гай моли. Пуромсть Виряватне, пешкедсь се таркась. Кармасть кевкстнеме, кие истя теизе. Вирявась мери, што теь теизе ломань. Вейкесь эйтэет кевкстни:

— Ды кие эно сон, кона шкане сакшнось?

— Мелят!— отвечась те Вирявась.

— Ней косто сайсынек, бути мелят те ульнесь?

— Ды сынъ тусть, тона жо кадовсь ды ранги:

— Мелят! Мелят!

98. Вирява

Человек пошел в лес за дровами. Вышла к нему Вирява и давай шекотать. Человек бревно расщепил топором, попросил, чтобы Вирява сунула туда руку, а сам вытащил топор. Виряве стало больно, она спрашивает мужика:

— Как тебя зовут?

— Мелят!,— говорит человек.

Мужчина убежал, влез на дерево, а Вирява кричит:

— Мелят! Мелят!

Весь лес шумит. Собрались Вирявы, полно их на том месте. Стали спрашивать, кто так сделал. Вирява говорит, так с ней поступил человек. Одна из них спрашивает:

— И кто же он такой, в какое время приходил?

— Мелят!— ответила эта Вирява.

— Где же теперь его возьмем, если это случилось в прошлом году?

И они ушли, а та осталась и кричит:

— Мелят! Мелят!

99. <Полавтозь тейтерька>

(Вирява)

Эрзянь церат пурнасть васов вирев ленгень ваткамо. Тосо сынст теезель землянка. Эрильть землянкасонть. Чоп роботыльть. Сынъ ульнесь ламонеск, кеветее ломанть, весе одт. Кортыть, раксить зьскаст. Конась мери:

¹ В переводе означает — в прошлом году.

— Тейтерь саволь.

Конась пшкади:

— Одирьва.

Землянкась срубонь, потолок марто, керень кенкшке эйсэнзэ. Кудонтъ куншкосо — толбадянь тарка. Толнэ теить — каша пидить.

Ды вана колмоце чокшнестэнтъ сась тейтерь. Сон кундызе ушосто кедензэ кавто косякс. Тейтересь мазый, паро, мештезэ сэрей. Вейке ве сась, омбоце — раки. Кортамонть а корты, сонсь раки. Колмоце вестэнтъкак сась.

Монь ульнесь тосо двоюродной племянником Сема, шуморке. Сон мери ялгатненень:

— Ялгат, вана мезе: сы вестэнтъ мон лисян ушов, вальманть ало улян, кодак сы, вальмава евтатадо теь, мон салава молян тейтеренть удалов, тутмадса лавтовдо землянкантень, тынь жо те шкане каподеде.

Вана церась мольсь салавине тейтеренть удалов, тейтересь жо велявтьс, каподизе церанть лавтов лангс ды тусь.

— Ай-ай-ай, ай-ай-ай!

Но княк эзь лисе. Вана сон и тусь мартонзо чиезь, салызе. Кото недлят марявсь кода пижнесь од церась. Княк эзь моле вешнемэнзэ. Сон апак урвакстозельгак.

Вана самай теке таркасонть ульнесь атя. Монь прадед, Нестер дедаьнъ дедазо. Атясь керясь тумот. Те атясь керизе ды сявордизе ниле аршинэнь кувалмосо комельканть. Тумось ульнесь кемнилеешка вершкат. Сон кармась кавтов лазомонзо. Лаксесь тумонь тулыне. Васня чавизе тумо пентень узеренть — теевь ласкс. Ласксонтень путсь туло, тейсь истямо покш палка, те тулонтъ чавомс. Колоньгеменьшка фунт сталмозо палканть. Кеменьшкаксть вачкодизе ды ласксось теевь покш, узересь таргавсь.

— Вана аштек ней, таргавсь,— мери.

Озась тумонтъ лангс.

— Васня пухадян, а уш мейле тумонтъ лайса.

Стясь, еще туло путсь ды теь кеменьшкаксть токизе, ласксось теевь покш. Друк мари:

— Бог помочь, дедай!

— Пасиба,— мерсь атясь.

Варшась, удалонзо покш тейтерь. Пря пацязо покш, мештезэ сэрей, сонсь страшна. Тейтересь мери:

— Дедай, тон мезе теят?

— Гармониясо седян,— ответи атясь.

— Дедай, тонавтомак моньгак седямо.

— Сак. Сак малав, тонавттан.

— Ды кода тонавтсамак?— кевкстни те тейтересь.

— Сак вана малав, кедеть тонгить тей.

— Ды ков?

— Вана те ласксонтень. Кавонеск кедеть тонгить.

Тейтересь мольсь, кедензэ тонгинзе.

— Ну, кирдть,— мери,— аштек аламос.

Атысь кармась тулонть таргамонзо ласксонть эйтэ. Тарги тулонть, кавто пелев стуки обушканть эйсэ. Тейтересь мери:

— Вай, дедай, пек.

— Аштек аламос, аштек — тонадат.

Атысь таргизе тулонть, омбоценть кармась таргамо. Тейтересь мери:

— Вай, дедай, пек. Вай, дедай, пек!..— виевстэ уш пижни.

— А пек, а пек, аштек — тонадат.

Кода атысь кадовикс тулонть таргизе, ласксось плотявсь, тейтерень кедтне понгсть. Ноцковтни эйсэст — арась, аштек. Паланть мик кепеди, кедтне а таргавить. Вана те Вирявань тейтересь кармась авардеме, пижнеме. Атысь саизе кедезэизэ узерензэ ды ушодсь потамо. Вирявань тейтересь аварди ды мери:

— Дедай, тонь кода леметь?

Сон уш кармась туеме кудов, потамо удалов. Атысь ответи:

— Монь лемем Мелят-маньть.

Атысь истя потась лей чирес, ниленьгеменьшка саженень туро. Вана леенть чиресэ тарадов покш куз. Атысь куйсь кузонть пряс. Вирявань тейтересь пиже-ожо вайгельсэ аварди, пижни. Атысь ваны кузонть прясто, тей сыть Виряват, цела полк эйтэст. Састь тейтеренть ваксс ды давай тейтеренть кедензэ таргамо. Тей-тов те плаханть тарновтыть, кедтне жо а таргавить. Таргасть-таргасть, эзь таргаво: кедь лапатнень сезизь, тоско кадовсть, ласксонтень. Сезизь кедтнень ды тусть кандомонзо эсест кудов. Лайшить, авардить, шумить.

Атянть мартонзо ульнесь ружия. Сон кузонть прясто кода ле-ди Виряватнень лангс: еще вейке Вирява чавсь ружиянтэ эйсэ. Те чавозентькак санзь.

Сынь ламонеск ульнест. Кавтошка част учось атысь, валгсь кузонть прясто ды тусть следгаст. Тосо жо верь чудевкст. Те следэнть кувалма мольсь атысь кавтошка вайгельбе. Тосо покш лей. Атысь валгсь леентень. Лей берекось болотаволь. Ваны: леенть бокасо варя. Варясь покш. Атысь кунсола: арась, костояк шум а маряви. Сон ледсь ружиясо те варианты потс. Аламос кунсолось — мезеяк а маряви.

— Аштек, сован вариантень.

Сон совась вариантэ эзга тов, косо Виряватнень кудост. Кудось покш. Ваны: тол палы эзем прясо, ды Вирявась эзем прясо ашти. Вейкенть жо тусть калмамо. Мольсь седе малав, Виряванть вакссо ашти тейтерь, вансты. Сон мери:

— Вай, дедай! Вай, дедай! Тон косто?

— Ды мон истя-истя, варштамонк сын. А мекс ськамот?— кевкстни атысь тейтеренть.

— Тусть вейкень калмамо,— мери тейтересь.— Дедай, азе, ато курук сыть калмамсто, сезнетядызь!

— Тон, левкскем, кода тей понгить?— таго кевкстни дедась тейтеренть.

— Монь апошкева, дедай, лешейтне полавтымизь. (Тейтерентень ульнест кевтеешка иеть). Дедай,— мери,— саемак мартог, туян. Ансяк седе курук, ато сыть, сезнесамизь.

Атысь кевкстни:

— Ярмакост улить — арась?

— Дедай,— ответи тона.— Ули сырнест.

— Адя,— мери атысь,— невтить, косо эно.

Тейтересь кундызе атянтэ кедте, ды сын лиссть кудостонть кудыкелев. Тосо теезель цюланнэ. Тейтересь панжизе цюлан кенкшенть, тосо — покш сундук. Панжизе сундуконть, сундукось пешксе сырнеде. Атысь сырнеденть малахаензэ пешксе пештизе, тейтересь — элезэнзэ каясь. Пек ламо саят — а меневат, а кандовать. Атысь зепензэяк пешксе пештинзе.

Тейтересь мери:

— Дедай, адя. Самонь шкаст. Сыть — сезнесамизь.

Лиссть варястонть ды давай чиеме-мене. То чинть, то седе састо молить. Тейтересь мери:

— Дедай, сасасамизь.

Сетне жо мельгаст панить. Атысь мери:

— Тон, левкскем, иля пеле.

— Вай, дедай, маласот уш.

Атысь неи — эль сасасызь. Сон перть-пельгаст тейсь тол, буто голонь лей, пиринзе. Тейтересь ды атысь толонть куншкасо аштить, перькаст жо эрва косо тол. Сетне сасызь, састь толонть ваксс. Толонть малав валяасть-валяасть, но атысь ды тейтересь эзь саеве, велявтсть кудов. Атысь ды тейтересь таго тусть эсест кудост пелев. Чинть, молить. Вана уш пакся малав пачкодсть сын.

— Дедай,— мери тейтересь.— Таго эль сыть. Маласот. Таго эль сасасамизь.

— Иля пеле, тейтерем, кадык сыть.

Атысь таго кругсо тол тейсь, сынсь куншкас кадовсть. Атысь ежоволь. Сетне велясть-тейсть, мезеяк сынст эзь лисе, таго велявтсть кудов. Атысь ды тейтересь лиссть паксяв.

— Ну, ней,— мери,— левкскем, уш адя, иля пеле.

Паксява мольсть ветешка вайгельбе веленть видьс. Пачкодсть атысь ды тейтересь велентень. Атянтэ лемезэ ульнесь Иван Ватушкин. Здороволь сон. Тейтеренть ветизе эсензэ кудов. Атысь бабанзо кевкстни:

— Матря баба, кеветее не, келя, ютасть, а помнясак, кинь полавтозь эйкакш полавтсть?

Бабась куватьс арсесь.

— Кведоркань Квилень, келя, ульнесь полавкс. Тейтерензэ полавтызь, цера каясть. Покш пря ульнесь церась.

Кведоркань Квилень ульнесь ве тейтерь тяказо. Авазо — Марка баба. Атысь мольсь Кведоркань Квилень, тейтеренть тетянтэнь. Сон кевкстни Марка бабань, тейтеренть аванзо:

— Тонь, келя, эйкакшот полавтызь?

— Да,— мери,— Иван атя, полавтызь, полавтызь. Покш
прянь,— мери,— нехшинок минек? Те самой полавкось. Мелят
минь калминек сонзэ, те полавксонть.

— Мон, Марка баба, тейтереть муня,— мери атясь.

— Вай! Ды косто, Иван атя, мунок?

— Виряванть кедьстэ,— отечи,— муня.

— Ды кода истя тов молить тон?

Евтнize Иван атя теветь, кода ульнесь.

— А эно косо тейтернесь?

Иван атя отечи:

— Минек кедьсэ тейтернесь.

Кведоркань Квиле ды Марка баба Иван атянь марто тусть
тейтеренть кисэ. Мольсть Иван атянень. Совасть кудос. Тейтернесь
ашти вальма ало. Раужо, пря черензэ покшт. Марка баба мери
тейтернентень:

— Тон, тейтерне, монь эйдесь.

— Мекс, Марка баба,— кевкстни тейтернесь,— сонсь «авай»
а мери.

— Вана мекс, левкском, тонь полавтыдизь. Монь ваксто тонь
салыдизь, тарказот ваксозон путсть полавкс, покш пря. Кемнилес
иеть тринек, мелят калминек.

— Вай, авакай,— мери тейтернесь,— ды те кода истя?

— Истя вана,— мери.— Полавтыдизь. Те, левкском, тетят,
мон — ават. Ней адя мартонок эсенек кудов.

Тейтернесь мери:

— Иван дедам бути тень мери — моляи мартонок, а мери — а
моляи. Мон а содатадызь: те тетям или авам. Монь вана Иван
дедам — тетям. Монь тосто сон салымим.

Марка баба энялды Иван атянень:

— Тон, Иван атя, эно максык миненек.

Иван атянь жо эйдесэ арасель. Сон отечи:

— Мон а содан: моли — а моли. Кевкстинк тынсь.

Лемезэ тейтеренть арасель. Квиле атя ды Марка баба мерить:

— Тон, тейтернем, адя, тон минек эйдинесь. Адя, миень шлята-
дызь-нардатадызь. Оршамо статано теть, кемть раматано, лембе
шаль, сарафан.

Иван атя мери:

— Ну, эно азе, коли тетят-ават тердить. Тон сынст веть.

Тейтернесь а моли съкамонзо, пели.

— Адя,— мери,— Иван дедай, ильтямак, тонь марто а пелян.

Кведоркань Квиле ды Марка баба тусть ветямонзо, Иван атя
жо ильти тетянзо-аванзо. Ветинизе Иван атя кудос, тейтернесь та-
го а кадови Иван атянь эйтэ. Сон мери тензэ:

— Левкском, ней теске эряк. Вана те — тетят, те — ават.

— Аволь,— мери,— мон марто туян.

— А уш чизэ эль чопоти.

— Удок,— мери тейтересь,— теск — а туян. Туят — монгак мар-
тот.

Марка баба таргась бутылка вина Иван атянь каванямс. Си-
мизе тона винанть, веселгадсь ды мери:

— Тейтерентень рюмкине кандодо, седе матедеви, мон жо
туян.

Тейтернесь мери:

— А симан, еще вишкниян.

Иван атя отечи каршонзо:

— Бути а симсак — кадтан, симсак — мекев сайтян.

Тейтернесь рюмканть симизе. Сиземадо мейле, сердяга, иредсь.
Марка баба кустизе печька лагс. Тейтернесь матедевь, Иван
атя жо тусь кудов. Валске сыргойсь тейтернесь, вансы — Иван
дедазо арась.

— Иван дедам косо?

— Тусь кудов, тонеть, мерсь, кемть канды.

Кецязевсь тейтернесь. Сынст жо кемест анокт.

— Вана Иван дедаст кемть теть кучсь.

Тонгинизе пильгезинзэ.

— Вай, авай, кодат парт!

Мейле совавтсь тензэ суманть-зборат, якстере стамескань
шаль, сарафан губовой. Жаль тензэ тейтересь. Оршавтызь сара-
фанонть, сумантнень, шалентькак прызонзо сюлмизь. Овсе паро
тейтерь. Вансть-вансть, ней уш наряжась. Авазо мери:

— Адя, васня шлятадызь еще, ато пек раужат.

Шабратнень ульнесь баняст. Эсест арасель. Шабрань баняв
саизь. Экшелить-нардызь, прынзо пезызь, кувака чертнень черьбу-
лос кодызь, пилекст пилезинзэ поводить. Кирьгазонзо вельме вель-
де крест понгавтсть. Сестэ кармась мереме: «Тетяй ды авай».

Колмо иеть ютасть, максызь урвакс. Тейтересь мазмель. По-
пось венчамсто тензэ лем макссь. Женихенть лемезэ ульнесь Иван,
тейтерентень жо попось макссь лем Ольга. Лемесь мазый. Мак-
сызь мирденень сюнав кудос. Иленонькат мерить теист. Атявонть
лемезэ Григорий, ававтонть — Анна. Венчизь поп марто, састь же-
нихентень.

99. <Подменная девочка>

(Вирява)

Эрзянские парни собрались в дальний лес лыко готовить. А
там у них была сделана землянка. В ней и жили. Весь день рабо-
тали. Их было много, пятнадцать человек, все молодые ребята.
Разговаривают, смеются меж собой. Кто скажет:

— Девушка пришла бы.

Кто промолвит:

— Молодуха.

Землянка была рубленая, с потолком, дверка лубяная. В се-
рдине домика — место для костра. Разведут огонек, сварят кашу.

Вот на третий день пришла девушка. Она снаружи схватилась
руками за оба косяка. А сама красивая, пригожая, груди большие.

Одну ночь пришла, другую, хохочет. Говорить не говорит, а хохочет. И на третью ночь пришла.

У меня был там двоюродный племянник Семен, здоровый. Он друзьям и говорит:

— Друзья, вот что: в эту ночь она придет, а я выйду. Как придет, я буду под окном, мне через окно скажете, что пришла. Я, — говорит, — потихоньку подойду к девушке сзади, за плечи втолкну в землянку, а вы хватайте.

Вот он потихоньку подкрался сзади к девушке, а девушка обернулась, схватила парня на плечи и пошла.

— Ай-ай-ай, ай-ай-ай!

Но никто не вышел. Вот она с ним побежала, украла его. Шесть недель все было слышно: кричит парнишка. Никто не идет искать. А он был еще неженатым.

Вот на этом самом месте был старик. Мой прадед, дедушка деда Нестора. Рубил он дубы. Этот старик срубил и свалил в четыре аршина комель. Дуб был вершков в четырнадцать. Начал колотить его пополам. Вытесал дубовый клинышек. Вначале вбил в конец дуба топор — появилась щель. В щель вложил клин, сделал такую большую палку этот клин забивать. Фунтов сорок весила палка. Раз десять ударил, и щель стала большой, топор смог вытащить.

— Вот погоди теперь, вытащил, — говорит.

Сел на дуб.

— Погоди, покурю, а потом уж дуб расколю.

Встал, еще вложил клин и раз десять стукнул по нему, щель стала большой. Вдруг слышит:

— Бог в помощь, дедушка!

— Спасибо, — ответил дед.

Посмотрел, позади него большая девушка. Платок на голове большой, груди тоже большие, страшная. Девушка говорит:

— Дедушка, ты что делаешь?

— На гармошке играю, — отвечает старик.

— Дедушка, научи и меня играть.

— Иди. Иди поближе, научу.

— Да как научишь? — спрашивает девушка.

— Иди вот поближе, руки вложи сюда.

— Да куда?

— Вот в эту щель. Обе руки вложи.

Девушка подошла, вложила свои руки.

— Ну, держи, — говорит, — погоди немножко.

Старик начал клин из щели выбивать. Клин выбивает, в обе стороны стучит обухом. А девушка говорит:

— Вай, дедушка, больно.

— Погоди немного, погоди — научишься.

Старик выбил клин, стал второй выбивать. А девушка говорит:

— Вай, дедушка, больно. Вай, дедушка, больно! — очень уж кричит.

— Не больно, не больно, погоди — научишься.

Когда старик выбил оставшийся клин, щель сузилась, руки девушки застряли. Девушка дергает — нет, погоди. Столбы даже поднимает, руки не вытащить. Вот эта дочь Вирявы стала плакать, кричать. Старик взял топор в руки и начал пятиться. Дочь Вирявы плачет и говорит:

— Дедушка, как тебя зовут?

А он уж стал уходить домой, пятится. Старик говорит:

— Меня зовут Мелят-манить¹.

Старик так пятился до берега речки, саженной сорок. Вот на берегу речки большая развесистая ель. Он влез на вершину этой ели. А дочь Вирявы не своим голосом плачет, кричит. Старик смотрит с ели, идут сюда Вирявы. Целая толпа Виряв. Вот подошли к девушке и начали ее руки вытаскивать. Туда-сюда эту плаху дергают, а руки не вытащить. Вытаскивали-вытаскивали, не смогли вытащить, кисти рук оторвали, там и остались, в щели. Оторвали руки и понесли ее к себе домой. Плачут, причитывают, шумят.

У старика было с собой ружье. С ели он как выстрелит в Виряв: еще одну убил из ружья. И эту убитую тоже забрали.

Их было много. Часа два подождал старик, спустился с ели и пошел по их следу. А там — кровь. По этому следу шел старик километра два. Дошел до большой реки. Спустился он к реке. А берег был болотистый. Смотрит: на берегу речки дыра. Дыра большая. Старик слушает: нет, нигде шума не слышно. Он выстрелил из ружья в эту дыру. Немного послушал — ничего не слышно.

— Погоди, залезу в эту дыру.

Залез он через эту дыру туда, где у Виряв дом. Дом большой. Смотрит: огонь горит в конце лавки, и на лавке Вирява лежит. А одну ушли хоронить. Пошел туда поближе, около Вирявы сидит девушка, охраняет. Она говорит:

— Вай, дедушка! Вай, дедушка! Ты откуда?

— Да я вот так и так, вас навестить пришел. А почему ты одна? — спрашивает старик девушку.

— Пошли одну хоронить, — говорит девушка. — Дедушка, иди, не то скоро вернутся с похорон, разорвут тебя.

— А ты, детка, как сюда угодила? — снова спрашивает старик девушку.

— Меня еще маленькой, дедушка, лешие подменили (девушке было лет пятнадцать). Дедушка, — говорит, — возьми меня с собой, уйду. Только поскорее, не то придут, разорвут нас.

Старик спрашивает:

— Деньги у них есть — нет?

— Дедушка, — отвечает та, — есть у них золото.

— Пойдем, — говорит, — покажи, где же.

¹ Мелят-манить — в прошлом-позапрошлом году.

Девушка взяла старика за руку, и вышли из дома в сени. Там был сделан чуланчик. Девушка открыла дверь чулана, там — большой сундук. Открыла сундук, тот полон золота. Старик насыпал золота полный малахай, а девушка — в подол. Очень много возьмешь — не убежишь, не донесешь. Старик и карманы полны насыпал.

Девушка говорит:

— Дедушка, пойдём. Время прийти им. Придут — разорвут нас!

Вышли из дыры и бросились бежать-убегать. То бегут, то по-медленнее идут. Девушка говорит:

— Дедушка, догонят нас.

А те за ними гонятся. Старик говорит:

— Ты, детка, не бойся.

— Вай, дедушка, близко уж.

Старик смотрит — настигают. Он вокруг сделал огонь, будто огненная река их опоясала. Девушка и старик в середине сидят, а вокруг огонь. Прибежали те к огню, настигли, вокруг огня валялись-валялись: старика и девушку не смогли достать, возвратились домой. Старик и девушка снова пошли. Бегут, идут. Вот уже и до поля добежали они.

— Дедушка, — говорит, — снова догоняют. Близко, опять догоняют.

— Не бойся, доченька, пусть идут.

Старик снова вокруг сделал огонь, сами в середине остались. Старик хитрый был. Те повалялись-повалялись, ничего у них не вышло, снова вернулись домой. Старик и девушка вышли в поле.

— Ну, теперь, — говорит, — детка, уж пойдём, не бойся.

Полею до села шли километров пять. Пришли старик и девушка в село. Старика звали Иван Ватушкин. Здоровый был он. Девушку привел к себе домой. Спрашивает у своей старухи:

— Баба Матрена, пятнадцать лет вроде бы прошло, не помнишь, у кого ребенка подменили?

Старуха долго думала.

— У Федоркина Фили вроде был подмененный. Девочку подменили, мальчика подбросили. Большеголовый был мальчик.

У Федоркина Фили была одна дочь. Мать — баба Марка. Старик пошел к Федоркину Филе, отцу девушки. Он спрашивает бабу Марку, мать девушки:

— У тебя вроде ребенка подменили?

— Да, — говорит, — дед Иван, подменили, подменили. Большеголового нашего, — спрашивает, — видели? Это самый подмененный. В прошлом году мы похоронили его, этого подмененного.

— А я, баба Марка, твою дочь нашел, — говорит старик.

— Вай! Да где же ты так, дед Иван, нашел?

— У Вирявы, — отвечает, — нашел.

— Да как ты туда попал?

Все, как было, рассказал дед Иван им.

— А где же девочка?

Дед Иван отвечает:

— У нас девочка.

Федоркин Филе и баба Марка с дедом Иваном пошли за девушкой. Пришли к деду Ивану. Вошли в дом. Девочка сидит у окна. Черная, волосы длинные. Баба Марка и говорит девочке:

— Ты, девочка, моя.

— А почему, баба Марка? — спрашивает девочка, сама не называет мамой.

— А вот почему, детка: тебя подменили. Тебя от меня взяли, на твое место положили подмененного, большеголового. Четырнадцать лет растили, в прошлом году похоронили.

— Вай, маменька, — говорит, — да как же так?

— Так, — говорит, — подменили. Это, детка, твой отец, а я — твоя мать. Теперь пойдём с нами, в свой дом.

А девочка говорит:

— Если дедушка Иван велит мне — пойду с вами, не велит — не пойду. Я вас не знаю: это мой отец или моя мать. У меня вот дедушка Иван — отец. Он меня оттуда выкрал.

Баба Марка просит деда Ивана:

— Ты, дед Иван, уж отдай нам.

А у деда Ивана своих детей не было. Он отвечает:

— Я не знаю: пойдет — не пойдет. Спросите сами.

А имени ведь у нее нет. Дед Филе и баба Марка говорят:

— Ты, дочка, пойдём, ты наша девочка. Пойдём, мы тебя искупаем. Одежду справим, сапоги купим, теплую шаль, сарафан.

Дед Иван говорит:

— Ну, иди же, коль мать с отцом зовут. Ты их ведь.

Девочка не идет одна, бонется. Она думает, что Вирявы за воротами.

— Пойдём, — просит, — дедушка Иван, проводи меня, с тобой я не боюсь.

Вот Федоркин Филе и баба Марка повели ее, а дед Иван провожает. Привел он их в дом, девочка опять не остается без деда Ивана. Тот говорит девочке:

— Детка, теперь живи здесь. Вот это — твой отец, это — твоя мать.

— Нет, — говорит, — я с тобой пойду.

А уже вечерет.

— Ночуй здесь, — просит девушка, — тогда не пойду. Ты пойдешь — с тобой снова уйду.

Баба Марка вытасила бутылку вина деда Ивана угостить. Выпил тот вина, повеселел и говорит:

— Девочке рюмку поднесите, лучше уснет, а я уйду.

Девочка говорит:

— Не буду пить, еще маленькая.

Дед Иван отвечает ей:

— Если не выпьешь — оставлю тебя, выпьешь — назад возьму.

Девочка рюмку выпила. От усталости, сердешная, опьянела. Баба Марка подняла ее на печку. Девочка уснула, а дед Иван пошел домой. Утром проснулась девочка, смотрит — дедушки Ивана нет.

— Где дедушка Иван?

— Пошел домой, тебе, сказал, сапоги принесет.

Обрадовалась девочка. А у них, деда с бабой, сапоги уже готовы.

— Вот твой дедушка Иван сапоги тебе прислал.

Обула на ноги.

— Вай, мама, какие хорошие!

Потом принесла ей зипун со сборами, шаль стамедную, сарафан черно-красный. Жаль ей девчонку. Заставила надеть сарафан, зипун, и шаль на голову повязали. Совсем хорошая девушка. Смотрели-смотрели, теперь уж наряжена. Мать говорит:

— Пойдем, сначала вымоем тебя, а то очень ты черна.

У соседней была баня. Своей у них не было. Взяли в соседскую баню. Искупали-вытерли, голову вымыли, длинные волосы в косу заплели, к ушам серьги подвесили. На шею крест накиннули. Тогда стала говорить: «Мама и папа».

Три года прошло, выдали замуж. Девушка красивая была. Поп при венчании имя дал. Жениха звали Иваном, а девушке поп дал имя Ольга. Красивое имя. Выдали в богатый дом, Иленинками называют. Свекра звали Григорием, свекровь — Анной. Обвенчал их поп, приехали к жениху.

100. Вирявадо евтнема

Вирява — те вишка эйкашонь тандавтнама. Мон а кеман сон-зе эйс.

Монень евтнесь шабранок, Иванянь Андрей атя. Вирявась эри вирьсэ чувтонь сэрсьэ, бути паксява моли — жнивьянь сэрсьэ. Атятне арсесь кундамонзо. Сон сьль велев, тандавтниль ломанть, кона понги — куцтысы. Вана тусть атятне вирев кундамонзо. Вирявась совась ундов пекшес, пекшесь эчке. Атятне керясть лия пекше, лутызь керензэ, пекстызь ундо вариант ды тапаризь пиксэ, штобу илязо лисе Вирявась. Сон лисиксэль — а лисеви. Керенть аламодо кепедизь, лисеть пильгть. Вирявань пильгтнень кеместэ сьолмсизь пиксэ, кепедизь керенть седе верев ды сьолмсизь куманжава. Мейле кепедизь седеяк верев ды сьолмсизь кедензэяк.

Лангсонзо кедесь вельтязь калонь лукшсо, прок белугань лукш, сельмезэ вейке, сеяк прят куншкосо, кургозо ломанень, пеензэ покшт, кода изамо пейть, прят черензэ лавтовозонзо новольсть — эрва енов.

Мейле ветясть пекшеть алов роспускт ды таргизь, путьзь Виряванть роспуск лангс. Атятне кодак мерить: «давайте чавсы-нек» — сон карми авардеме, кодак мерить: «давайте нолдасы-нек» — сон карми пейдеме, раки ды цяхи.

Мейле ускизь велес, пурнасть промкс, састь весе веленек. Лия велестэяк мольсть, судить: мезе мартонзо теемс. Конат мерить нолдамс, конат — чавомс. Кодак мерить чавомс — сон аварди, кода мерить нолдамс — сон пейди, раки, цяхи. Мейле полдызь. Сон истя тусь чиеме (аволь ардомо, ардыть ниле пильге лангсо, но чиеме кавто пильге лангсо) мик весе модась зэрни, виресь лажны, кепететь буря мельганзо. Сонсь истя раки ды цяхи, што виресь зэрни. Тедэ мейле сон емась, ээ сакшно те велентень вестькак. Тусь лия таркав. Виряваськак ломанде пели, аволь ансяк звертне пелить. Весемень лангсо ломань покш, азор, весень изнясынзе: левть, тиграт — сетькак прят максыть тензэ.

100. Рассказ о Виряве

Вирява — это только малых детей пугать. Я не верю в это.

Мне рассказывал старик-сосед, Иванов Андрей. Вирява живет в лесу: в лесу — ростом с дерево, по полю идет — ростом со жниву. Старики задумали поймать ее. Она приходила в село, пугала людей, кто попадет — защекочет. Вот и пошли старики в лес ее ловить. Она, Вирява, залезла в толстую дуплистую липу. Старики пришли и окружили эту липу. Срубили другую липу, содрали луб, закрыли вход в дупло и закрутили веревками, чтобы Вирява не вылезла. Вирява хотела вылезти — не может. Луб немного приподняли, появились ноги. Ноги Вирявы крепко связали веревкой, приподняли луб чуть повыше и связали по колено. Потом приподняли еще выше, связали и руки.

Кожа на ней покрыта рыбьей чешуей, будто чешуя белуги; глаз один, и тот на макушке, рот как у человека, зубы большие, похожи на зубья бороны; волосы по плечам распушены — в разные стороны.

Потом подвели под липу роспуски и вытащили, положили Виряву на роспуски. Старики как скажут «давайте убьем» — она начинает плакать, как скажут «давайте отпустим» — она станет смеяться, хохотать и ржать по-жеребьячи.

Потом привезли в село, собрали сход, пришли всем селом. Из других сел пришли, судят: что с ней делать. Кто скажет — отпустить, а кто — убить. Как скажут убить — она плачет, а как скажут отпустить — она смеется, хохочет, ржет по-жеребьячи. Потом отпустили. Она так побежала (не поскакала, скачут на четырех ногах, а бегают на двух ногах), что вся земля задрожала, лес загудел, за ней буря поднялась. Потом пропала, не приходила в это село ни разу. Ушла в другое место. И Вирява людей боит-

ся, не только звери. Над всеми человек властелин, хозяин, всех победит: львы, тигры — и те покоряются ему.

101. Кить Ведяватне?

Зярд пазось тейсь менель лангс престол, шайтяноськак арсесь теэмс менель лангс престол. Пазось тейсь — сонгак. Пазось кучсь ангел сонзэ панеме — эзь паневе. Михаил Архангел тосто правтынзе! Меченьт пезэ — крест, крестось жо сыненет пек уш страшной.

Прасть: кона ведьс — се Ведява, кона коське таркас — шайтянкс теевсь.

101. Кто такие Ведявы?

Когда бог сделал на небе престол, то шайтан тоже задумал сделать на небе престол. Бог сделал — и ему надо. Бог послал ангела, чтобы их изгнать — не изгнал. Михаил Архангел их оттуда столкнул! На конце меча — крест, а крест им очень страшен.

Упали: кто в воду — то Ведява, кто на сухое место — шайтаном стал.

102. <Ведява марто кортнемат>

Минек бояронть ульнесь ведьгевезэ. Ведьгевенть путомсто сон сиведи ломань ведьс чопавтнеме, Ведява марто кортнеме. Се ломанесь алты, кевкстьсы Ведяванть: кие тензэ эряви — тейтерь или одирьва. Эряви одирьва — кадык ваи. Мейле кортыть: те вана алтазь Ведявантень. Те, мерить, кода мольсь экшелямо — сонзэ кундызе Ведявась ды повизе. Секс, штобу Ведявась илясо сезе селтонть, ато ведьгевенть а ули ведезэ. Мерить: ванодо, ломань пряталтасть Ведявантень.

Боярсь истямо ломань кочки, кона седе бойка, ули колчизэ кортамо ведьсэнтэ Ведява марто, кона машты парсте уеме. Боярсь панды тензэ ярмаксо. Зяро панды — а содан, но ламо панды. Те ломаненть боярсь сиведьсы. Бояр а мельсэ, но панды, зяро веши кортницясь. Кода ваи ломанесь, сестэ мерить:

— Вай, ваясь, алтазь ульнесь.

102. <Переговорить с Ведявой>

У нашего барина была водяная мельница. При ее строительстве барин нанимает человека нырять, разговаривать с Ведявой. В разговоре с Ведявой тот спросит: девушку или молодую сноху нужно ей. И пообещает, если нужно молодую сноху — пусть утонет. Тогда скажут: вот эта была обещана Ведяве. Пошла купаться, ее поймала Ведява и задушила. Все это потому, чтобы Ведя-

ва не сорвала запруду, иначе у водяной мельницы не будет воды. Говорят: смотрите, человеческую голову пообещали Ведяве.

Барин такого человека выберет, который может хорошо плавать и который пошустрее, может переговорить в воде с Ведявой. Этого человека барин нанимает. И платит ему деньгами. Сколько платит — я не знаю, но много. Барин противится, но платит столько, сколько запросит ведущий переговоры. Когда человек утонет, тогда скажут:

— Вай, утонул, был обещан.

О ДОМАШНИХ ДУХАХ-ПОКРОВИТЕЛЯХ

103. Куйгорожь дейканза ✓

— Мезе стамсь Куйгорожьс? — кизефтезе Алда бабань соседдавац.

Вов мезе азондсь Алда баба:

— Тяни аш Куйгорошт, тяни ломаттне хитрайхть, враз кундалезь Куйгорошнень. Шачендеть Куйгорошне бта тундань васень алста. Ня алхнень эзда сонць ломанць нарвай кавлалонза Куйгорож и нолдасы калдазу. Ну, козякады ся ломанць и калдазоц пшкоди жуватада, кудоц — добрувада. Куйгорожьс каннесьне. Сонць Куйгорожьс лиси то ломанькс, то жуватаке, мезькс пови.

103. Прodelки Куйгорожа

— Что такое Куйгорож? — спросила у бабки Авдотьи соседка. Вот что рассказала бабка Авдотья.

— Сейчас нет Куйгорожей, сейчас люди хитрые, сразу поймут Куйгорожа. Рождались они будто бы из первого весеннего яйца. Из этих яиц сам человек выводит под мышкой Куйгорожа и выпускает во двор. Ну, разбогатеет тот человек, и двор наполнится скотом, дом — богатством. Куйгорож натаскает. Сам Куйгорож выходит то человеком, то в образе животного, как придется.

104. Куйгорожьс юмась ✓

Явихнень семьясна срадсь-каладсь, кивок изь ляда. Лядсь аньцек авасна. А сон Куйгорожьс мархта тев изь сотце. А Куйгорожьс таки аф туй, таки аф туй. И вов илять ушеды авась тракс потяма, а сон ламбафтови ортаняти и учи: кантт.

— Ворьть тон тяста, тейнь аф эриват, ворьть! — ювади авась, а сон аф туй.

Ламос тяфта учесь, а тоса юмась ков-бди. Юмась, и аватьке хозяйстванц сембонь разориндазе.

104. Куйгорож пропал

Семья разделилась, и все разъехались, никто не остался. Осталась только одна женщина. А она с Куйгорожем дел не имела. Куйгорож так и не уходит, так и не уходит. Женщина начинает корову доить, а он повиснет на воротах и ждет: налей.

— Иди ты отсюда, не нужен ты мне, иди!— говорит женщина, а он не уходит.

Долго так ждал, а потом куда-то пропал. Пропал, и все хозяйство женщины разорилось.

105. Куйгорож

Весть тяфта сембе явихнень семьясна ульсь степса, куд-сольхть аньцек бабась да атясь. Тяни степса урмаськодсь рвя-нясна, и ускозе сонь куду работниксна. Илять ни ужендасть, и атясь прважазе работникть алаша ваноме Седь лаяи. Тусь ни тяни работниксь, а нят мадсть удома: атясь да бабась удыхть кудса, рвянясь уды лапаз ала.

Мзяра ни пинге етась, рвянясь марясы: эци ваксозонза удома работниксь. Рвянясь нолдазе, сонць ни шашть плетениять ваксе и мялецоля ашкордамс кядьса работникть. Венептезе кяденц рвянясь, ашкордазе работникть, а тонань копоц аш ефси. Эводсь рвянясь ды ласькозь куду. Стяфтозень атять да бабать, азондсы ни: стане-стане.

— Ах, извоц сявольхце! Мезе тейнза эряви тонь эздот? Ожу, мон сонь молян мирендафтса!— ювади бабась.

Тусь ни, етась мзяра пинге, сувась меки:

— Ну, архт, рвяня, матт, аф токатаиза. Архт.

А ульсь тя аф работниксь, няк, а Куйгорожсь. Сон фалу кармай зарничендама, мзярда юмама пингоц ни сай.

105. Куйгорож

Однажды отделившаяся семья была в степи, дома остались только старик со старухой. В степи заболела сноха, и ее привез домой работник. Вечером уже поужинали, старик проводил работника пасти лошадей на речку Седь. Работник уже уехал, а эти легли спать: старик со старухой спят дома, а сноха спит под навесом.

Сколько уж времени прошло, сноха слышит: ложится рядом с ней работник. Она пустила его, сама уже подвинулась к плетню и хотела было обнять работника. Протянула руку, обняла работника, а у того спины нет вовсе. Вскочила сноха и бросилась бежать домой. Разбудила стариков, рассказала: так и так.

— Ах, извоз его побрал бы! Что ему надо от тебя? Погоди, я пойду его усмирю!— кричит старуха.

Ушла, прошло сколько-то времени, пришла снова.

— Ну, иди, сноха, ложись, не тронет тебя. Иди.

А был это и не работник совсем, а Куйгорож. Он всегда начинает озоровать, когда смерть свою почувствует.

106. <Домовоеь алашань кардсо>

Весть боясь неизе домовоенть. Сонсь ашо, чомболкс енов моли. Алашанть сиве черензэ поны. Алашась ашти, вечки сон ашонть. Ульнесть очксо ава тешть. Бодясь мольсь, а сынь очк-стонть ертозь масторов. Вансты домовоеь алашанть. Ава теште-денть ярсазь алашанть кургсто човт лисить. Кона алашанть а вечксы домовоеь, сень а кодасы сиве черензэ. Бути алашась куц-тяви — сонзэ домовоеь куцтясы куломозонзо ды каясы очко уда-лов, пильгензэ верев. Минек вейке алашанок истя кулось.

106. <Домовой в конюшне>

Однажды дедушка увидел домового, тот заплетал лошадиную гриву. Сам белый, на ласку похож, и гриву лошади заплетает. Лошадь стоит, она любит белое. В колоде была чемерица. Дедушка пришел, а чемерица из колоды выброшена на пол. Охраняет домовой лошадь. От кормления чемерицей у нее на губах появляется пена. Которую лошадь домовой не любит, гриву той не будет заплетать. Если лошадь боится щекотки, то домовой заще-кочет ее до смерти и бросит за колоду ногами вверх. У нас одна лошадь так пала.

107. Атянь он

Эрясть-аштесть атят-бабат кавонест. Бабась валске марто стясь, кармась чекамо. Ансяк кедензэ конязонзо кепедизе, атясь прынзо полок крайга ливтизе ды мери:

— Эх, баба, кода мон брединь.

— Кода, атя?

— Ашти покш ведь, ведеть куншкасо — палмань, мон кар-минь ливтямо, палманенть пряс ливтинь.

— Те ведесь, атя,— сельведь, ливтямось — зьянс, азека, атя, алашанть варштыка, жив?

Атясь стясь ды кепе лиссь кардазов. Ули кискинезэ, кискась алонзо эци, сонсь онги. Мольсь алашань кардазов. Кардсонть аш-ти тол парго. Совась ды бабантень евтни:

— Тосо, баба, алашанть икеле тол парго.

— Атя, паряк те нолдань домовой, алашанть чавсы. Ней ло-мань варштама костояк. Азе, атя, Федятянень, паряк, машты до-мовоенть панеме?

Атясь тусь седе куроц Федятянень. Совась ды мери:

— Федор Михалыч, мезть мон якан!..— ды евтнize тензэ, што алашань кардайсэ тол парго теевсь ды алашанть перька яки.

Федятя мери тензэ:

— Те нолдань домовой, тон тейть истя: молят кудов, чокшне совак алашань кардонть, сайть кедезэть кемень тенсть. Сон тееви эрва мезекс: кискаккак, псакаккак, ломаньккак, ды кортамояк карми, хоть кода энялдозо, иляк нолда, чавт эйсэнзэ.

Атясь тусь кудов, чокшне сайсь кедезэнзэ тенсть ды совась кардонть.

— Ушка, теи а теи, ушка молянгак варштамонзо,— мери Федятя.

Совась кардонть, сонсь истя корты. Атясь тенстень марто кода кундасы ды давай паравт.

Федятя энялды:

— Инескеть, иля чаво эйсэнь, те мон, Федятя.

Сон жо чави эйсэнзэ. Менсь Федятя кедьстэнзэ ды чнезь тусь.

Федятя макссь лангозонзо судс: мекс чавизе. Кода евтнизэ Федятя, судось мерсь:

— Тонсь тонавтык истя.

Ды мезеяк тензэ эзть судя.

107. Сон старика

Жили-были старик со старухой вдвоем. Встала утром старуха, стала молиться. Только руку ко лбу подняла, старик голову с полостей высунул и говорит:

— Эх, баба, как я бредил во сне.

— Как, дед?

— Стоит большая вода, посреди воды — столб, я полетел, прилетел на столб.

— Эта вода, дед,— слезы, летел — к беде, пойдика, дед, лошадь посмотри, жива?

Старик встал и вышел босиком во двор. Есть у него собачка, она к ногам жметя, сама лает. Пошел в конюшню. А там стоит огненное лукошко. Зашел и старухе рассказывает:

— Там, баба, перед лошадью огненное лукошко.

— Дед, это, наверное, пущенный домовый, лошадь убьет. Теперь человека где-то нужно искать. Иди, дед, к Федору, часом не сумеет домового выгнать?

Старик побыстрее пошел к Федору. Зашел и говорит:

— Федор Михалыч, что я хожу!..— и рассказал ему, что в конюшне появилось огненное лукошко и ходит вокруг лошади.

Федор говорит ему:

— Это пущенный домовый. Ты сделай так: придешь домой, вечером зайди в конюшню, возьми в руки десять веников. Он превратится во что угодно: и в собаку, и в кошку, и в человека, и разговаривать будет, хоть как пусть просит, не выпускай, бей его.

Старик пошел домой, а вечером взял в руки десять веников и вошел в конюшню.

— Погоди-ка, пойду посмотрю его,— говорит Федор.

Вошел в конюшню, а сам так разговаривает. Старик с веником там как его поймают и давай пороть.

Федор просит:

— Пожалуйста, не бей меня, это я, Федор.

А тот все бьет. Вырвался Федор из его рук и убежал.

Федор подал на него в суд: зачем избил. Как рассказал Федор, в суде сказали:

— Сам научил так.

И ничего ему не было.

108. Кудальтине ды Паксяльтине

Од Пурнянь паксясо ломанть вачкасть кснавт колмо улавс. Колмоце улавонть вачкизь уш чинь валгозь. Се шканть межасто рангетась вайгель:

— Евтадо Кудальтиненень, Паксяльтиненень покш тейтерезэ кулось.

Састь ломантне кудов, чамдызь улавтнень, ойсесть ужинамо ды кармасть кортамо:

— Туемстэник вейке межасто каятотсь вайгель,— ды евтнизь истя, кода ульнесь тевесь.

Се шкастонть каськасто пижакадсь човине вайгель:

— Кулось...

Мезе-бути вармакс ливтясь каськастонть, панжизе кенкшенть ды ертовсь ушов, кенкшентькак панжадо кадызе.

Семиясь абунгадсь, ды весе аштить столь экшэ чатьмонезь. Монь койсэ, те истя Юртавась — Паксяванть роднязо сакшнось.

108. Кудальтине¹ и Паксяльтине²

На поле села Новая Пырма люди складывали горох на три повозки. Третий воз сложили уже в сумерках. В это время на меже послышался голос:

— Скажите Кудальтине, у Паксяльтине старшая дочь умерла.

Приехали люди домой, освободили повозки, сели ужинать и разговаривают:

— Перед нашим уездом на меже послышалось,— и рассказали так, как это было.

В это время из-под печки раздался тонкий голос:

— Умерла...

Что-то, словно ветер, вылетело из-под печки, открыло дверь и улетело, и дверь открытой оставило.

По-моему, это Юртава³ — родственница Паксявы⁴. Семья перепугалась, и сидят все за столом. Другого ничего не было.

¹ Кудальтине — мифологический покровитель дома.

² Паксяльтине — мифологический покровитель поля.

³ Юртава — мифологическая покровительница дома, домашнего очага.

⁴ Паксява — мифологическая покровительница поля.

О ПОДМЕНЕННЫХ ДЕТЯХ, ПРОКЛЯТЫХ ЛЮДЯХ И МЕРТВЕЦАХ

109. Полавкс

Эрясь-аштесъ вейке семия. Атятнень-бабатнень ульнестъ урь-вакстозъ цераст ды урьвасть. Сынъ шкасост-порасост ютавтестъ эря-мо чинть парсте, ансяк ульнестъ семиясост пек покш: апаро теъ, ко-нань кувалт свал савкшнось севномс: сынст емсильть кудосост праздник чистэ паро стряпязь ярсамопелест. Ков сон емсиль ды кие сэвилize — кияк аздыль. Сыре ломантне а кемильть одти-нень, одтиэ — сыретенень. Натой савкшнось тюремскак, но салы-цясь ялатеке кадновсь апак реда, апак сода: паряк те ульнестъ шабрань ломань, паряк — эсест ютксо конаяк урьвась. Кияк а со-дыль, думастъ-арсестъ сынъ модемс ды евамс попонтень. Бабась мольсь попонтень, евтнизэ тевест-валост. Тона мери:

— Тынк кудосо лавсьсэ ули вишка эйкакш, «Полавкс», ко-на-тась сэвияк весе паро стряпняк, берянде жо сон а ярсы, сон — бес левкс, конань чачомстонзо полавтызь бестнэ. Тынк вадря ло-мань эйкакшонть саизь эстет, тень жо каизь тарказонзо. Кода молят кудов, мезтькак иля корта, лавсьсэ полавкось весе чарь-коди, мезть кортатадо, а кода сы недлячись, атятнень мерть:

— Дайте недлячинть кис рестатано туляка. Тынь туляканть таркас печкеде псака, рестынк ды путынк каштомс. Кудонтень са-лавине кадодо эйкакшонь ванстыця. Сэвсы а сэвсы рестань пса-канть?

Сась недлячись. Кода мерсь пополь, истя тейстькак. Эйкак-шонть кадызь чаво кудос, вейкесь жо салавине кекшсь полок уда-лов ванстомо, мезе тен. Алкукс, лавсьсэ аволь эйкакшось аламос аштезь семиянтъ туемадо мейле стясь, мольсь, панжизе столь пот-монтъ, ваны тозонь ды корты:

— Тесэ мезеяк арась.

Ванстыця церась кода варштась, эйкакшонть прызо токась по-толокс, ды пек тандадсь: «Кодак несамам тестэ, ойдем сайсы». Лоткась лексемедаяк, ансяк кадоволь живстэ. Тона жо мольсь шу-ланс, ваны ды корты:

— Мезеяк эзь стряпаяк.

Панжизе каштомонтъ, мери:

— Тесэ а содан мезе ули.

Таргизе чугунканть, ванызе — эйсэизэ ям, мекев евкстызе, тар-гась омбоце чугун, ванызе, таго аволь туляка, мери:

— Эно косо рестаэ тулякась? Кортасть: рестатано туляка, а косо — а муеви.

Ваны: каштомсонть черепка, таргизе сонзэ.

— А-а,— мери,— вана косо тулякась,— штавызе вельтяк-сонть, ваны, мекс-бути мелезэизэ эзь тые. Сон кармась кортамо:

— Туляй а туляй, макай а макай! Мезе те истя рестаэ?

Велявтызе омбоце боканзо лангс, вансь лангозонзо ды корты:

— Те некак аволь туляй, но макай.

Прызо чаравтызе ды евкстызе мекев, мери:

— Мон теде а нянян.

Ды мадсь лавсентень мекев эйкакшокс. Полок удало вансты-цясь жо понксонзояк ваднинзе. Сась весе семиясь. Кармась обе-дамо. Варштызь: тулякась цела. Обедтэ мейле ванстыцясь евтни-зе, кода ульнестъ тевестъ. Весень семиянек пелемачи саинзе. Баба таго тусь попонтень.

— Мезть ней тейнемс эйкакшонть марто?

Пополь мери:

— Сонзэ эряви апак фатя саемс покш ведь крайс или эрьке бокас ды тозо ертомс, ванодо ансяк, сон илязо сода, ато тынсенк эрькентень валятадызь, лиякс жо сон а емавтови.

Бабась евтнизэ цератненень.

Сась сексь. Цератне мерить: молема мушконь ваявтомо ды ве-се аватнеяк саемат. Мушкось ламо ваявтомс. Аватне мерить:

— Эйкакшось а козо кадомс, кудось чаво.

Церась корты:

— Сайсынек мартонок, берек лангсо лавсезэ ашти ваявтомо-зонок.

Цератне кильдестъ вадря алаша. Эйкакшонть саизь мартост. Лавсесь потмакстомо. Пачкодсть мушконь ваявтома эрькентень. Эрькентъ чиресъ вейке церась кирдсь алашанть, омбоцесь жо було кармась эрькентъ бокас лавсь чувтонть пезнавтомо, сонсь кодак эйкакшнек, лавсь чувтонек мезнек шокадизе лавсентъ эрькентень, седе курока прастъ крадзонтень ды тустъ ардозь. Эйкакшось ко-да лия эрькстэ, кода напусти чезь мельгасть. Чийсь-чийсь, кода-як эзьт сасаво тензэ. Остаткадо сергедсь мельгасть:

— Паро, што эзинь чарькоде икеле, чарькодиде тынь, ойменк сайневлинь!

109. Подмененный

Жила-была семья. У стариков были женатые сыновья и снохи. Жизнь их проходила хорошо, только в семье одна неприятность, из-за которой случались частые ссоры: в праздничные дни в доме пропадало все вкусное. А куда оно пропадало и кто его съедал — никто не знал. Старые люди не верили молодым, молодые — старым. Иногда возникали и драки, но вор все равно оставался в тайне, неизвестным. Возможно, был это кто из соседей, возможно, кто-либо из своих снох, никто не знал. Думали-гадали они пойти и рассказать попу. Старуха пошла к попу, рассказала о своих делах. Поп говорит:

— У вас в доме в зыбке есть маленький ребенок, подмененный, он и поедает все вкусное, а плохое не ест. Он — бесенок, которого бесы подменили при рождении. Ваше человеческое дитя взяли себе, а этого бросили на его место. Как придешь домой, ничего не говори, в зыбке подмененный все понимает, о чем вы говорите, а

как наступит воскресенье, старику скажи: «Давайте в честь воскресенья зажарим поросенка». Но вместо поросенка зарежьте кошку, зажарьте и поставьте в печь. Дома кого-нибудь тайно оставьте охранять ребенка. Съест или не съест жареную кошку?

Наступило воскресенье. Как поп сказал, так и сделали. Ребенка оставили в пустом доме, а один потихоньку спрятался на полати проследить, что тот будет делать. И вправду, вскоре после ухода семьи ребенок встал из зыбки, пошел, открыл стол, смотрит туда и говорит:

— Здесь ничего нет.

Наблюдавший парень как посмотрел, у ребенка голова до потолка достала, тот за полатами обезумел, думает, как увидит меня здесь, погубит. И дышать перестал, только бы живым остаться. Пошел он в чулан, смотрит и говорит:

— Ничего и не настряпали.

Открыл печь:

— Здесь что-то есть.

Вынул чугунок, смотрит — в нем суп, назад задвинул, достал другой чугунок, посмотрел, опять не поросенок, размышляет:

— Где же зажаренный поросенок? Говорили: зажарим поросенка, а где — не найти.

Смотрит: в печи жаровня, достал ее.

— А-а, — говорит, — вот где поросенок, — снял крышку, смотрит, почему-то не понравилось. Продолжает:

— Поросенок не поросенок, макай не макай¹. Что такое изжарили?

Перевернул на другой бок, посмотрел на него и решил:

— Это никак не поросенок, а макай.

Покачал головой, сунул назад и говорит:

— Я этого не ем.

И снова лег в зыбку. А сидевший за полатами сильно испугался. Пришла вся семья. Стали обедать. Посмотрели, поросенок цел. После обеда наблюдавший сказал, как было дело. Всех в семье страх охватил. Старуха снова пошла к попу.

— Что теперь делать с ребенком?

Поп говорит:

— Его нужно взять, чтобы он не догадался, к большой воде или к озеру и там бросить. Только смотрите, чтобы не знал, а то вас всех в озеро покидает. А иначе никак от него не избавишься.

Старуха рассказала сыновьям.

Наступила осень. Сыновья говорят: надо идти коноплю мочить и всех женщин надо брать. Коноплю много мочить. Женщины в ответ:

— Ребенка негде оставить, дом пустой.

¹ Такого слова в мордовском литературном языке нет. Возможно, это мало распространенное диалектное слово или искаженное «максазей» — крот, суслик. Судя по смыслу, это должно быть название какого-то зверька, домашнего животного.

Сын предлагает:

— Возьмем с собой, на берегу зыбка побудет, пока мы замочим.

Сыновья запрягли хорошую лошадь. Ребенка взяли с собой. Зыбка без дна. Доехали до озера, где замачивают коноплю. Около озера один сын держит лошадь, а другой будто стал устанавливать опору для зыбки, а сам как со всем — с ребенком, с опорой для зыбки — швырнет ее в озеро, побыстрее сели в телегу и помчались. Ребенок как выскочит из озера и пустится бежать за ними. Бежал-бежал, никак не мог их догнать. Напоследок крикнул вслед:

— Ладно я раньше не догадался, поняли, сгубил бы вас всех.

110. Сыре катка

Од Пурнясо ульнесть кавто межава кавто кудот. Эрва вене скотинань кудостонть лиснесь одирьва. Берянь мезеяк а тейниль киненьгак, ансяк аварькшиль. Се шкатнестэ велетнень ланга як-силть овтонь ветият. Совасть се кудонтень, удомо кевктеть.

— Козонь мадстьсынек овтонть?

— Оно, — мери, — се кудонтень, — ды невтеть скотинань кудонтъ ланге, косто лисни одирьвась.

Совавтызь тозонь овтонть. Удось тосо овтось, одирьвась сестэ тензэ мезеяк зь тее. Седе мейле одирьвась лоткась лиснемеде. Эзь лисне цела не.

Иень ютазь семиясь ужиньль. Се шкастонтъ вальманть алов сась ава ды кевктинизе:

— Сыре каткась кудосо?

— Кудосо, — мерсть каршонзо.

Сон сестэ мери:

— Вестькак а сан ней.

Седе мейле одирьвась зь лисне вестькак. Овтось кадстызе те одирьвань лиснеманть.

110. Старая кошка

В Новой Пырме на двух межах стояли два дома. Каждую ночь из скотного двора выходила молодуха. Плохого она никому не делала, только плакала. В те времена по селам ходили вожатые с медведями. Зашли они в этот дом, попросились переночевать.

— Куда определим на ночлег медведя?

— Вон, — говорит, — в тот дом, — и показал на скотный двор, откуда выходит молодуха.

Завели туда медведя. Переночевал медведь, молодуха тогда никакого вреда не причинила ему. После этого она перестала выходить. Не выходила целый год.

Через год семья сидела за ужином. Под окно пришла женщина и спросила:

— Старая кошка дома?

— Дома, — отвечают ей.

Тогда она говорит:

— Больше ни разу не приду.

После этого молодуха ни разу не выходила. Медведь отучил ее выходить.

111. <Ваясть Сураc>

Те ульнесь стада ваномсто: шкась ютась уш нилешка иеть. Мон весть кодан просексэ картъ, порась — самай нуема ланга, ськамон. Друк неса: овто умартнень бокава молить Суранть пелев од церат, кемгавтовонест, весе вейкетъ чамаскак, сэрьскак, сынсь штапот, одежаст жо кедьсэст. Мельгаст моли сыре атя. Пачкодсть монь видьс, лоткасть ваксозон ды кевкстнить:

— Дедай?

Мон мерян:

— Мезе?

— Или уш скалтизнь панить Сурав обедамо?

Мон отвечинь:

— Еще а панить, сынь еще вирьгат.

Сынь мерить:

— А минь арсетяно: нать, уш Сурантькак мутизь.

Мон мерян:

— Арась, эзизь мутя.

Сынь мерить:

— Минь мольтяно экшелямо.

Мон Сурав молян мельгаст. Молинь Суранть ды ванан: сынь весе совасть ведентень. Атянтень мерить:

— Я-я, дедай, тон молят?

Атясь отечи:

— Арази мон кадтадызь емамо, тынь монстемень ематадо.

Атясь, кона яла моли сынст марто, кармась совамо мельгаст Суранть. Кода сон совась, весе эйкакштне рангить:

— Ай, дедане! Ай, дедане! Ну, ней минь тутано, дедане, чопавтяно.

Кода сынь мирем чопавтсть, монь береконть лангсо черем дубушки стясть. Весе емасть. Туинь береконть эйтэ ды натой прынь. Эх, пек уш мазыйть эйкакштне ульнесь, чамасткак весе однэть. Неть ульнесь шишигат. Сынь састь Наксадо куросто, козо усксесть икеле опоецт. Те историянтъ мон неия монсень сельмсэ.

111. <Утонули в Суре>

Времени прошло года четыре с тех пор, как я пас стадо. Однажды на просеке плету лапти, самая пора жатвы, я один. Вдруг вижу: мимо кустов шиповника идут в сторону Суры парни, двенадцать человек. За ними идет старик. Поравнялись со мной, остановились и спрашивают:

— Дедушка?

А я говорю:

— Что?

— Иль уж коров в обед гонят к Суре?

Я сказал:

— Еще не гонят, они в лесу.

Они говорят:

— А мы думаем: наверно, уж и Суру замутили.

Я отвечаю:

— Нет, не замутили.

Они говорят:

— Мы идем купаться.

Я иду за ними к Суре. Подошел и смотрю. Все они зашли в воду. Старика спрашивают:

— Ай-ай, дедушка, ты пойдешь?

Старик в ответ:

— Разве я вас оставлю на погибель, вы без меня пропадете.

Пришедший с ними старик начал входить за ними в реку. Как старик вошел, все ребята кричат:

— Ай, дедушка! Ай, дедушка! Ну, теперь мы, дедушка, пойдем, нырнем!

Как они все вместе нырнули, у меня даже волосы дыбом поднялись. Все пропали. Отошел я от берега и даже упал. Эх, очень уж красивые ребята были, и на лицо все молоденькие. Это были шишиги. Пришли они с Гнилого куста, куда раньше возили опойцев. Все это я видел своими глазами.

112. Калмсто айгор лиснесь

Весть кавто од церат, вейкесь овсе одоль, кузильть кияванть калмазырь енов. Пелеве шкане марясызь, айгор. Вейкесь мери:

— Салань айгор ветить, дай учосынек.

Кода сынь учизь, айгорось пачкодсь видезэст, одрасо арды, кодак рангсты, истяк тол кургстонзо лиси. Айгорось ютась сынст икельга ды тусь порядкаванть, лангсонзояк одрасо ломань. Цератне кавонеск тандадсть. Айгорось ютась веленть перька, шкань ютазь сон уш арды окольцяванть мекев. Эйтэст икелев тусь, калмтнень пелев. Ансяк ранкстась, те шкане атякштнэ моразевсть, айгорось сеске емась.

Мейле, секе недлянтэ эйтэ, те порядкань тейтертне лиссть ульцяв пандонть лангс. Аштеть-тейсть, од цератнень эйтэ княк эзь са тенст.

— Ну, аядо кудов, шкась ней позда.

Марясызь, окольцянь кияванть сы айгор.

— Дайте, — мерсть, — учосынек. Салань айгор ветить.

Пачкодсть видезэст — кильдесьскак одрасо, содозесьскак одрасо, ветия ломанесьскак одрасо, сьрьгедиця ломанесьскак одрасо, ансяк айгоркс цяхи. Сынь кода пачкодсть видезэст — тейтертне

тандадсть, а сыргавитькак. Кода ютасть ваккаст, тейтертне ве кудос мадсть, пек тандадсть, мейле ульцявгак эзь лисне. Мейле, зярдо ломантне ванстызь, кона калмстонть лиснесь се айгорось, мольсть ды пезнавтсть се калмонть лангс пизелонь колия. Ды лоткась лиснемадо.

Те уш аволь евкс. Тандадыцятне ульнестъ шумбрат: Папков Сергей ды Шубников Яков. Ней сынъ уш а живть: вейкесь (Папков) ведьс ваясь. Инечистэ ведентъ трокс иредьстэ ютыль. Ведесь салызе. Шубников войнас чавовсь. Тейтертне: вейкесь Сибирев тусь, вейкесь Тавласо максозь (Петянь Олда мерить тензэ), вейкесь, тейтертнень эйстэ сехте колось, евтызэ монень те теवंть.

112. Жеребец из могилы выходил

Он был еще молодым. Поднимались по дороге вдвоем в сторону кладбища. В ночь-полночь идут они по улице. Слышат, жеребец. Один говорит:

— Ворованного жеребца ведут, давай подождем.

Они подождали, жеребец поравнялся с ними. Скачет в саване, как заржет, так огонь изо рта пышет. Проскакал жеребец перед ними и дальше по улице пошел, и человек на нем в саване. Оба перепугались. Обежал жеребец вокруг села, через некоторое время уже скачет назад. От них ускакал в сторону могил. Только заржал, в это время петухи запели, и жеребец тут же исчез.

Потом, на этой же неделе, девушки вышли на уличную горку, вот сюда. Постояли-побыли, из парней никто к ним не подошел.

— Ну, пойдемте домой, время уже позднее.

Слышат, по дороге за околицей идет жеребец.

— Давайте, — говорят, — подождем.

Поравнялись с ними — и запряженный в саване, и привязанный в саване, и ведущий человек в саване, и кричащий человек в саване, только как жеребец ржет. Когда поравнялись — испугались девушки, с места не могут двинуться. Как прошли мимо, девушки в одном доме спать легли, так перепугались, потом и на улицу не выходили. Наконец, люди подкараулили, из какой могилы выходил тот жеребец, пошли и забили в эту могилу рябиновый кол. Тогда и перестал выходить.

Это уж не сказка. Испугавшиеся были здоровыми: Папков Сергей и Шубников Яков. Их теперь нет в живых: один (Папков) утонул, водой унесло. Шубников на войне погиб. Девушки: одна в Сибирь уехала, другая, Петрова Авдотья, в Тавлу выдана. Самая бойкая из девушек и рассказала мне об этом.

113. <Сакшнось винадо кулыцясь>

Кочкур велесэ винадо кулокшнось Рузанькин Наум атя. Сонзэ тейтерезэ максозь Радушкинтнэнень, сынст ульнесь нешке пирест. Вана сон евтнизаяк тень.

— Сась, — мери, — чить Рузанькин Наум. Ванан — сватом. Здоровакшнось мартонзо. Те ведь сватом, винадо кулось. Басинек ды сон мери:

— Ней тень, сват, пора кудов.

Велявть, тусь куколькшнось. Ды теєвьс даволкс, каподизе тикше копнанть (пель улав), кепедизе верев ды кандызе кавтошка сядо сажень.

Кортась, мери, кода жив. Аштек, сват сакшнось гостекс.

113. <Приходил умерший от вина>

В селе Кочкурове умер от вина старик Рузанькин Наум. Его дочь выдана к Радушкиным, у которых была пасека. Вот он рассказывает:

— Приходит, — говорит, — днем Рузанькин Наум. Смотрю — мой сват. Поздоровались с ним. Это ведь мой сват, от вина умер. Побеседовали и тот говорит:

— Теперь мне, сват, пора домой.

Повернулся и покачиваясь-покачиваясь пошел. Превратился в вихрь, подхватил копну сена (полвоза), поднял вверх и отнес сажень на двести.

Говорил, мол, как живой. Вот сват в гости приходил.

114. <Русалка>

Обед шкане тертинь алашатнень ды мадинь пеке киське лангс. Авась появьс ды чийни пек ежовсто. Ютась окольцанть эзга, пачкодсь корязон, мон мельганзо карминь ванстома; сон ушодсь бойкасто якамо ды тусь плетенень кувалт, мон яла мельганзо. Мейле се мазый авась пачкодсь плетенень омбоце пес — Глухой эрькев. Мон яла мельганзо. Сон мольсь-мольсь ведентъ ланга, ваннось-ваннось. Пилыгтнень лангсо теке чарыкс вели. Мон мерян тензэ:

— Эх, кодамат мазыят авинесь, мон ито бу савелитень козийкакс.

Сон чаравтьс чарамка ладсо ведентъ лангсо ды кармась пейдеме:

— Ха-ха-ха-ха-ха, — чопавтьс ведентень ды емась.

Те ульнесь русалка. Седикеле, конань мирдезэ берянель, нись ваявтылизе прынзо эрькс, мейле жо лиснекшниль эрьва обеднь паро чистэ.

114. <Русалка>

В обед спутал я лошадей и лег ничком. Появилась женщина и очень хитро бегаёт. Миновала околицу, поравнялась со мной, а я стал следить за ней; она быстро пошла вдоль плетня, я все за ней. Потом та красивая женщина дошла до другого конца

плетня — до Глухого озера. Я все за ней. Она шла-шла по воде, смотрела-смотрела. На ногах, как на колесе, вертится. Я говорю ей:

— Эх, какая ты красивая женщина, я бы взял тебя в жены.

Она покрутилась колесом на воде и стала смеяться:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха,— нырнула в воду и пропала.

Это появлялась русалка. Раньше, бывало, если муж плохой, то жена топилась в озере, а потом выходила каждый раз в ясную обеденную пору.

О НЕИЗВЕСТНЫХ СТРАХАХ

115. Тетянь евтнема

Весть минь кельмевтинек таракант. Леса вишка эйкаштнень марто тусь удомо шабранень, минь Егорка покш церанть марто, сонензэ ульнесь кеветее иеть, мадинек пецька лангс, полок лангс жо путынек вишка лампине. Кенкшенек ульнесь панжадо. Мон евтнинь Егорканень историйат закон божейстэ. Евтнинь-евтнинь, сон матедевсь. Монь жо мекс-бути удомам эзь са. Аштян мадезь кунст. Друк кенкшка пувась варма. Монь пря черем дубушки стясть. Варманть мельга совась атя, шержев, сакалонзо покшт, кувакат, ашо панарсо, пек-пек страшной.

— Тонеть мезе эряви?

Сон жо уктасть ды толом пувизе. Мон седе куроц чекинь-покинь, толом пувия — мезеяк арась. Стявтыя Егоркань ды минь-гак туинек удомо шабрав.

115. Рассказ отца

Однажды мы морили тараканов. Александра с малыми ребятами ушла ночевать к соседям, а мы со старшим сыном Егоркой. Ему было пятнадцать лет, легли на печке. На полати поставили маленькую лампу. Дверь была открыта. Я рассказывал Егорке истории из закона божьего. Рассказывал-рассказывал, он и заснул. А мне почему-то не спалось. Вдруг в дверь подул ветер. У меня волосы дыбом поднялись. За ветром вошел старик, седой, борода большая, длинная, сам в белой рубашке, очень-очень страшный.

— Тебе что нужно?

А он вздохнул и погасил лампу. Я поскорее перекрестился, зажег огонь — ничего нет. Разбудил я Егорку, и мы пошли ночевать к соседям.

116. Сыре бабинень евтнема

Минек атясь сэредиль, ды веньберть мон а удылинь. Весть ма-ряса: каштом удало кие-бути урни. Ванан: лиссь кудо куншкас шержев баба ды кармась сравтомо принзо, сонсь жо урни ды

урни. Мейле састынька, авардезь лиссь кудосто. Валске стинек — атясь кулось. Мон жо кода неня домовой бабанть, истяк арсинь-гак, што аволь парс принзо невтсь, ды еще истя аволь парсте, седеень разедезь, урнесь.

116. Рассказ старушки

У нас болел старик, и я всю ночь не спала. Однажды слышу: за печкой кто-то горько причитывает. Смотрю: вышла на середину избы седая старуха и стала расчесывать свои волосы, а сама все причитывает. Потом потихоньку с плачем вышла из избы. Утром встали — старик умер. Я как увидела домовую старуху, так и подумала, что не к добру она показала себя, да еще так нехорошо, сердце разрывая, причитывала.

117. <Тетям евтнесь>

Ульнесь телень ковалдо ве. Леса нись удось каштом лангсо, эйкаштне жо — полок лангсо, мон удынь киякссо. Пелеве шкане-маряса, пря вельксэнь кие-бути штерди ды штересэнзэ вижны. Панжинь сельмем ды неян шержев баба. Пря черензэ нолдазь, ашо руця лангсонзо. Мон седе куроц кундыя пильгеде, пильгензэ-пек эчкть, кирнявтынь, пря черезэнзэ кундынь кавто кедьсэ ды давай кайсеме тензэ, сон жо ансяк кувси, ансяк паниксэлия кудосто, прынь тарканть лангс ды седе тов мезеяк а помнян.

117. <Отец рассказывал>

Была зимняя лунная ночь. Жена Александра спала на печке, а ребяташки — на полатах, я спал на полу. В полночь слышу: над головой у меня кто-то прыдет, и веретено так визжит. Открыл я глаза и вижу седую старуху. Волосы ее распущены, в белой рубашке. Я поскорее поймал ее за ногу, а ноги ее толстые, вскочил, двумя руками вцепился ей в волосы и начал бить. Она же лишь-стонет. Только хотел я ее выгнать из дома, упал на постель и больше ничего не помню.

118. Цяпор пандо ало

Те тевесь ульнесь эсенек велесэ. Весть нуема ланга Цяпор-пандо ало нуильть атят-бабат кавонест.

Церантень савсь самс кудов. Нинть кадызе тоско, кадсь мар-тонзо весе, мезе эряви. Шкась ульнесь ковалдо. Авась ваны, лат-контъ тона боксто сы ломань, колмо сажень сэрсьсэ.

Сон сайсь кедезэнзэ лейкс ды столбинетнень кувалт ношкстась-Мурзав, кудов. Чиемстэ варштась, се покш ломанесь эль сасасы. Авась кенерсь аволдамо лейкссэнтъ лангозонзо ды рангстамо:

— Емак!

Кудов самс истя колмошкаксть снартнесь кундамонзо. Бабась эрясь Увтинка ульцясо. Сходонть трокс ютась ды вачкодевсь орта палманьс, сестэ сась тензэ ежо. Ежовтомо чийсь яла. Мирдесъ шумась лангозонзо, мейс сась.

Валске састь паксяв, ванныть: одежаст весе пухокс сезнезь, пелюмась янгазь, узересткак ды весе, мезест ульнесь, ашти штепкань-штепкань порксазь. Сестэ атясь ламо дивсесь, мезень тамаша истя ульнесь.

Сестэ ламо ульнеть страсть. Паксясо а кода ульнесь удомс. Весе народось кудов яксесь.

118. Под горой Цяпор¹

Это было в нашем селе. Однажды в пору жатвы под горой Цяпор жали муж с женой.

Мужу пришлось пойти домой. Жену и все, что ей нужно, оставил в поле. Светила луна. Женщина смотрит: с другой стороны оврага идет человек в три сажени ростом.

Взяла женщина в руки молодую липку и бросилась бежать домой в Турдаки. Оглянулась, большой человек ее догоняет. Успела она взмахнуть молодой липкой и закричать:

— Сгинь!

По пути к дому он трижды пытался ее поймать. Женщина жила на улице Увтинка². Пробежала по переходу и стукинулась о столб ворот, лишь тогда опомнилась. Не помня себя бежала. Муж пошумел на нее, зачем прибежала.

Утром пришли в поле, смотрят: одежда их изорвана, коса покорежена, топор и все остальное разбито в щепки. Тогда муж долго дивился, что ж такое произошло.

Тогда было много страхов. В поле нельзя ночевать, все люди домой ходили.

119. Тандавкс

Минь мертяно те тарканть Колмо ки улот. Молинек тозонь удомо алаша ваксс. Эйтэнек ульнеть колоньгеменьшка: атяткак, эйкакшткак. Шкась ульнесь духовонь чистэ. Моинь алашам тусь верев, пандонть трокс. Эрявь алашатнень тосто велявтомс. Молинь алашатнень, товолдо сы лашт, аевтавикс шум. Алашатнень панинь толбандятнень; марясызь — лаштось сы. Ве церась мери (тосо ульнеть колмо сыре атят, 50—60 несэ) атятнень:

— Стядо, мень-бути лашт лангозонок сы.

Ве атясь мери:

— Мень те лашт?— Сонсь ава лемсэ кармась кроямю.

¹ Цяпор — богородская трава (бот.).

² Вероятно, от слова «уот» — гул, гудение.

— Сы се лаштось, ленге ватки, сень эйсэ сюлматанзат кирьгадо.— мери вейке атя се кортыцянтень.

Те отведи кевкстезь:

— Пазось, нать, теи истя?

Атясь мери:

— Мезе ней сонсь се лаштось?

Таго кармась ава лемсэ кроямю. Се шканть сась лаштось, аевтавикс шум эйтэнезэ. Минь жо вачкилинек толонть лангс тарадмарто пенькат. Ве цера тарадто кундызе толонть лангсто пеньканть ды уски эйтэнезэ. Виренть эйтэ се пеньканть ускизе ниленьгеменьшка сажень, минь мельганзо валгтано, се тол пеньканть мельга. Те лаштось тусь, тусь эйтэнек, кармакшнось чувтнэнькак менчеме. Алашатне весе напустясть суро поте, конат-конат — кудов. Лаштось аламонь-аламонь ематотсь ды мейле овсе тусь эйтэнек.

119. Испуг

Мы называем это место Перекрестком трех дорог. Пошли туда в ночное. Нас было человек тридцать: и старики, и дети. Дело происходило на духов день. Пошли спать. Мои лошади направились вверх, через гору. Нужно было лошадей оттуда вернуть. Пошел за лошадьми, а с той стороны слышится неопикуемый шум. Пригнал их к костру, шум приближается. Один парень говорит старикам (там были три старика по 50—60 лет):

— Вставайте, какой-то шум к нам приближается.

Один из стариков спрашивает:

— Что это за шум?— сам начал ругаться.

— Идет шум, лыко дерет, им тебя за шею привяжет,— отвечает старик.

Этот снова спрашивает:

— А бог разве может так?

Старик рассуждает:

— Что же это теперь за шум?

Снова стал браниться. В то время гул приближался, от него исходил шум неопикуемый. А мы подкладывали в костер пней с ветками. Один парень за ветку выхватил из огня пень и поволок. От леса проташил пень саженой сорок, а мы спускаемся за ним. Шум ушел от нас, начал было даже и деревья гнуть. Лошади припустились на посевы, некоторые — домой. Шум понемножку пропал, потом вовсе отошел от нас.

120. Толонь палмань

Вейке покш семия мольсь паксяв нуеме. Сась чокшнесь, кармасть ямонь пидеме. Икелест появьсь толонь палмань, сэрезэ покш, эсензэ пезэяк а неяви. Весе аштить каштмолезь, толонь

палманесь ливти витьстэ лангозост. Семиянек мирем тандадсть. Мартоост ульнесь одирьва. Се мери:

— Илядо тандадо, сон мезеяк а теи.

Одирьвась стясь. Толонь палманесь сась малазост, одирьвась текень мери:

— Илядо пеле, кадынк, мезеяк а теи.

Сась овсе малав. Одирьвась стясь, сайсь тонол ды пиризе станонть, тонолонть жо пезнавтызе модас. Толонь палманесь кармась велямо, кежейстэ прамо. Семиясь весе сорны. Одирьвась жо мери:

— Кадык сон теши, мон аламодо тешаса.

Одирьвась мейле стясь, таргизе тонолонть модасто ды каизе толонтень. Толонь палманесь сеске емась. Семиянтэ ямоост пиль, ужинасть ды тустэ кудов.

120. Огненный столб

Семья была большая. Три брата пошли в поле жать. Настал вечер, стали варить суп. Появился огненный столб, высокий, конца не видать. Все сидят у огня. Огненный столб летит прямо на них. Вся семья перепугалась. А с ними — молодая сноха. Та говорит:

— Не пугайтесь, он ничего не сделает.

Сноха встала. Огненный столб приблизился к ним, а она все успокаивает:

— Не бойтесь, оставьте, ничего не сделает.

Подошел совсем близко. Сноха встала, взяла головешку и очертила стан, а головешку воткнула в землю. Огненный столб стал кружиться, зло оседать. Вся семья дрожит. А сноха говорит:

— Пусть побалуется, я его немного потешу.

Потом сноха встала, вытасила из земли головешку и бросила в огонь. Огненный столб тотчас же исчез. Суп сварился, все поужинали и ушли домой.

121. Учай лисьма¹

Весть кизна Кузьма атя мольсь вивев тикше мельга. Сон кирдевсь куватьсь витьсэ ды эзь сыргаво тосто пелевес. Мейле пурнызе тикшензэ ды састынька сыргась. Мольсь, мольсь, аламодо эзь пачкоде Учай лисьмантень. Учай лисьмасто кинть ланге лись толонь палмань ды кармась велямо. Кузьма атя кундась алашань приятень. Алашась а аштеви мик таркасонзо, весе псилгадсь. Кода парксты, кавто судо варяванзо лиси тол. Тол куцясь пек куватьсь велясь ды емась. Кузьма атя озась улавонтэ пряс ды састынька тусь.

¹ Учай лисьма — родник Учай, очевидно, от слова «учомс» — дословно: ждать, ожидать.

121. Родник Учай

Однажды летом дед Кузьма поехал в лес за сеном. В лесу он задержался допоздна и не смог выехать оттуда до полуночи. Потом собрал сено и потихоньку тронулся. Шел, шел, немного не дошел до родника Учай. Из родника Учай на дорогу вышел огненный столб и стал кружиться. Дед Кузьма вцепился в гриву лошади. Та даже не может стоять на месте, вся вспотела. Как фыркнет, из ноздрей огнем пышет. Огненная куча долго кружилась и пропала. Дед Кузьма сел на воз и потихоньку поехал дальше.

ОБ ОБОРОТНЯХ

122. <Мезе ульнесь>

Минек велесэ ульнесь Занькин Кузьма. Сон колдовамосо озясь. Седикеле тейнекшнильть пивань кудот. Од цератне, од тейтертне пурнильть товт, ярмакт, эрва мезе, пицильть пива ды прятат. Занькин эрясь роботникекс Азякаевень кедьсэ, ды азоронь церанть марто мольсь пивань кудов налксемс. Симсть, ды те Занькинэсь мери:

— Ерма, адя кудов.

— Аламос а молян. Тон азе, човоряк алашатненень.

— Мон,— мери Занькин,— сыргинь. Варштынь удалов, мельгам моли баран. Сюронзо страшнойть.

— Э... э,— меринь,— тон.

Молян — моли, лоткан — сонгак лотки. Пачкодинь сэдентэ ланге. Ютынь сэдентэ ланга. Сесэ пирявт пирязь. Яжинь-синдинь колия ды туинь кияванть. Молян, кардазонть совинь. Ансяк ортанть пекстыя — сэрей ломань ортанть трокс ваны. Совинь, човорян, кардазось весе валдо. Совинь кудос.

— Ермань ков теик? — мери авазо.

— Сон кадовсь аламос тосо.

— Эно ярсак, каша столь лангсо, сывель.

— А ярсан.

— Ну, а ярсат, мадть.

Мадинь. Ванса: панжи кеикшенть, совась, сакалонзо страшнойть, шержевьт. Мольсь эйзэнь, штюпи тильгень ды верев, прятя енов штюпазь моли. Кода ансяк кенеринь ахолдамс! Каша чакшиэк, салдыркснэк прасть масторв. Сеерян:

— Пувадо тол седе курок, кие-бути сакшнось.

Пувасть тол. Сон мери:

— Рунгом весе ризны. Бабай, кепедика панаром.

Кепедизе панаронть, рунгонь кедесь панаронть марто лутавсь. Стясь ды тусь Занькин эсест кудов. Смел, лия аволь моле.

122. <Что было>

В нашем селе был Занькин Кузьма. Он занимался колдовством. Раньше делали пивные дома. Парни, девушки собирали муку, деньги и прочую снедь, готовили пиво и пироги. Занькин жил в работниках у Азякаева. Раз с хозяйским сыном они пошли играть в пивной дом. Попили. Занькину говорит:

- Ерема, пойдем домой.
- Немножко задержусь. Ты иди, замеси корм лошадям.
- Я,— рассказывал Занькин,— пошел.
- Оглянулся, за мной — баран. Рога страшные.
- Э... э,— говорю,— ты.

Иду — идет, останавливаюсь — и он останавливается. Дошел так до моста. Прошел по мосту. Там изгородь. Выломал я кол и пошел дальше по дороге. Иду, вошел во двор. Только закрыл ворота — высокий человек через ворота смотрит. Зашел, стал замешивать корм. Во дворе светло. Вошел в дом.

- Ерему куда подевал? — спрашивает его мать.
- Он еще немного побудет там.
- Ну, поешь, на столе каша, мясо.
- Не хочу есть.
- Ну, не будешь есть, ложись.

Лег. Смотрю: открывается дверь, входит — борода страшная, седая. Подошел ко мне, ощупывает мне ноги. Всего ощупал. Как я только успел махнуть рукой! И миска с кашей, и солонка упали на пол. Кричу:

- Огня скорее, кто-то пришел.

Зажгли огонь. Он говорит:

- Все тело горит. Бабушка, подними-ка мне рубашку.

Подняла она рубашку, а кожа вместе с рубашкой и отстала. Встал Занькин и пошел к себе домой. Смелый был, другой бы не пошел.

123. <Туво>

Весть сыль ведьгевстэ веть Старкин Иван. Модемстэ педясь эйзэнзэ туво, кармась донямонзо, сонсь раки ды суски эйсэнзэ. Ломанесь виев годявьсь, озась лангозонзо ласте ды теке юргозь кармась эйсэнзэ паравтомо. Мейле сайсь палка ды палкасонть ушодсь чавомонзо. Чавизе пек.

Тувось ульнесь ведун — Новичкин, конадо кортнесть, што сон лисни тувокс. Се Новичкинэсь ульнеськак тувокс, конань чавизе Старкин. Седе мейле Новичкин сэредсь кавтошка иеть, мейле пичкакшнось.

123. <Свинья>

Однажды Старкин Иван возвращался с мельницы. Увязалась за ним свинья, стала донимать, хрюкает, кусает его. Человек ока-

зался здоровый, сел на нее верхом и давай по кругу гонять. Потом взял палку и стал ее бить. Сильно избил. В свинью превращался колдун Новичкин, о котором говорили, что выходит он к людям в виде свиньи. Тот Новичкин и превращался в свинью, которую избил Старкин. После этого Новичкин года два болел, потом выздоровел.

124. Кузьматянь тандавксозо

Ульнесь Кузьматя. Сон родиявтомоль ды эрсесь роботникекс сюнав ломанень кедьсэ. Ломанесь сон виевель, тандавксто а пелиль. Пелеветькак якиль коромс алашанень, а пелиль. Косоль сынст коромось, риганть эйтэ а васоло ульнесь сэдь. Се сэденть алдо ламо ломанень лисниль тувокс ды ломанькс тандавкс. Тувось рокнозь напустиль ломанень мельга.

Кузьматя весть мери:

- Мекс монень вестьяк а лиси те тувось?

Шкась ульнесь сексь, пизесь пиземе, сонензэ жо савсь чопода вене модемс коромс. Лиссь эйзэнзэ тувось. Васенцеде эзь тандадо. Мейле рокнозь ардсь эйзэнзэ сускомо, сестэ атысь тандадсь. Сонзэ васня енксозо арасель. Мейле чарькодсь, што ригасо уголсо улить пивсэмат. Кузьматя кармась састыне потамо тов, пивсэматненень. Сайсь пивсэма ды кармась тувонть чавомо. Тандавксось емась. Кузьматя сась кудов, коромонть канзе кардайс, совась кудос ды мери:

- Пувадо тол.

Пувасть тол, ды кармась евтнеме:

- Ну, Ега леляй, тандадынь монгак туводонть. Но мон сонзэ вачкодия пивсэмасо, ды сон емась.

Евтнемадо мейле маднесть, столь лангс кадовсь каша чакш, Кузьматя жо удси столь экшесэ. Ну, вана весе матедевсть. Кузьматя жо эзь матедеве, тандавксонть эйтэ яла арси. Друк неи: совась баба. Мольсь столенть пес ды кармась пувамо Кузьматянь лангс. Зярдэ ушодсь пувамо, сон пек эзь тандадо. Кокак аволдась, токавсь каша чакшось, ды те шумонтень стясь весе семиясь, пувасть тол. Варштасть. Кузьматянь лангс, тонань чамазо пицезь, раужо мик.

Валскес удость, валске стясть, рунгозояк весе новольсь, аволь аняк чамазо. Ломанне кортыть:

- Еще сон а пелиця, аволдась лангозонзо, бути улевельгак пелиця, то нейке жо пицевлизе ды куловоль.

Те тувось лиснесь ломанекскак.

124. Испуг старика Кузьмы

Старик Кузьма был безродным и жил в работниках у богатых людей. Человек он сильный, страхов не боялся. В полночь не боялся ходить за кормом для лошади. Там, недалеко от риги, был

мост. Из-под этого моста многим людям в виде свиньи и человека появлялась страсть. Свинья с хрюканьем припускалась за человеком.

Старик Кузьма однажды говорит:

— Почему мне ни разу не выйдет эта свинья?

Время было осеннее, шел дождь, а ему пришлось темной ночью ехать за кормом. Вышла к нему свинья. Сначала не испугался. Когда же она с хрюканьем подбежала и начала кусаться, тогда он испугался. Сначала растерялся, потом понял, что в углу риги есть цепи. Старик Кузьма стал понемногу пятиться туда, к цепям. Взял цеп и начал свинью бить. Страсть пропала. Кузьма приехал домой, свалил корм во двор, вошел в дом и говорит:

— Зажгите огонь.

Зажгли, и он стал рассказывать:

— Ну, дядя Егор, и я испугался свиньи. Но я ее ударил цепом, и та пропала.

Поговорив, они легли спать. На столе осталась миска с кашей, а старик Кузьма спал около стола. Все легли, а старик Кузьма никак не заснет, все думает о страсти. Вдруг видит: вошла старуха. Подошла она к концу стола и стала дуть на старика. Когда стала дуть, он не очень испугался. Как взмахнул рукой, задел миску с кашей. От этого шума проснулась вся семья. Зажгли огонь, посмотрели на старика Кузьму, а лицо его обожжено, черное даже.

Спали до утра. Утром не только лицо, и тело его все вздулось. Люди говорят:

— Хорошо еще, что он не трус, махнул на нее рукой, а был бы трусом, то тут же обожгла бы до смерти.

Эта свинья выходила и человеком.

125. Равжа пине

Альянке азондозе... Появась Перхляйса равжа пине. Появась и появась, ну и ладна, анычек сон кармась ломаттнень лангса понашандама. Шоподи, и хоть ульцявонга тят лисенде. Лаподи копозот, и кантк кудчень ортаня лангс. И сембе. А тоса лаподи, мадеряфты ляннь кядьста. Беда и беда. Арьсезевсть велень атятне. Фкясь эздост корхтай:

— Мон тя сволочь тонафтса.

— А кода?

— Кода... кулесть вдь, што сон колдун, а лядыксть кульсасть илять.

Анычек шоподсь, ся корхтай алясь ульцяв лиссь и учи. Коста-аф коста сявовсь ся пинесь. Стясь пильге лангс и эреди: кандомак, кле.

— Ах, противная тварь! Ну, ладна, ладна. Ну, ладна, кантте, прядькефтома анычек илядат.

Хлоп... кандозе ортанц лангс и ивади:

— Алянят, алянят, максода узерь, узерь.

Пинесь, кулемок тянь,— мянема, но разве тянь кядьста мянят. Сонь кядьстонза офтонга изь мяненде, а тьяса кати-кодама равжа пине. Кандсть узерь, алясь путозень лапканзон тума мокорть лангс и цяп, цяп! А тоса подлазе. Омбоце шиня кандозень алясь пинень керф лапкатнень сходу и корхтай:

— Обьск веле лангова эряви тиэмс.

Сембе велеть етазь алятне велень старостать мархта, мезевок подозрительнай исть му. Сувасть мекольце кудняти. Тоса, пятна лангса, тяхтозевста ащи куфци баба. Мес, кле?

— Да кельмонь, идняне.

— Кельмоть?

— Куцсть синь тоза, мезе нияхть: бабать кафцьке кяденза аш. Шавозь сонь, а сяда меле арась милай свет.

125. Черная собака

Брат мой рассказывал... Появилась в Перхляе черная собака. Появилась, ну и ладно, только начала она людей донимать. Как стемнеет, то хоть и на улицу не выходи. Бросится на тебя, неси до ворот своего дома. И все. А там свалится, заставит другого так же тащить. Беда. Задумались сельские старики. Один из них говорит:

— Я эту сволочь проучу.

— А как?

— Как... слышали ведь, что это колдун, а остальное услышите вечером.

Только стемнело, старик вышел на улицу и ждет. Откуда ни возьмись, та собака. Встала на ноги и давай неси, мол.

— Ах, противная тварь! Ну ладно, ладно. Понесу, только я тебя проучу.

Принес к воротам и кричит:

— Мужики, мужики, принесите топор.

Собака почуяла, начала вырываться, но разве из рук такого вырвешься. От него и медведь не убежал, а тут какая-то черная собака. Принесли топор, мужик положил ее лапы на дубовое полено и — тят, тят! А потом отпустил. На другой день мужик принес отрубленные собачьи лапки на сход и говорит:

— В селе нужно все обыскать.

Мужики с сельским старостой везде посмотрели, ничего подозрительного не нашли. Зашли в последний домик. На печке лежала и охала старуха. Почему, мол?

— Да замерзла, дети мои.

— Замерзла?

Залезли на печку и видят: у старухи обеих рук нет. Убили ее, после этого свет увидели.

Минек велесэ еще вейке ведун ульнесь.

Шабрань авась мольсь чокшне ведун бабанть, сынъ ужиньльть. Сонензэяк каясть ям ды каша, ярсамодо мейле шабрась тусь кудов. Пелеве шкане сась ведунонть церазо:

— Адя, бабай, авам эль кулы.

— Мекс кулы? Мон чокшне якинъ, сон шумбраль.

Шабрась мольсь тенст. Бабась каязь эземсэ, тапазь весе, кеднек-пильгенек, уцяськак тапазь.

— Мекс,— мерсь,— истя тапазят весе? Чокшне сакшнынъ, ужиньльть еще.

— Каштом лангсто прынь, секс тапавинъ весе. Ну, кулан курок, кулан.

— Чаво кудос кода кулат? Азе тердик шабрань атянть, ве кудо экшсэ.

Тусть шабрань атянъ тердеме. Мольсь церазь ды мери:

— Адя, авам эль кулы.

— Мон,— мерсь атясь,— а молян, сон ведовамо сакшнось, чавия, кучкория, тапия, кадык кулы! Ойми порядкасэ эйстэнзэ, урвинем эйкашонизо сэвеме сакшнось. Мон учинъ эйсэнзэ. Ко-дак, мерян, сы чавса, содаса, сон сы эйкашонь сэвеме, мон жо ведунонъ правтомо маштаи, ведунонъ кель содан.

Васня моликсэль ве кудо эшка эйкашонь сэвеме, вакссонок кудонть жо катка левксэнзэ улить. Мон кедьстэнзэ сэвевтинъ. Ней кежем састь, чавия.

Кулось, чавизе весе. Те— аволь евкс, те вана тесэ минек порядкасонтъ, сэдентъ трокс, ульнесь теvesь. Сынъ эрясть (ведунось Троша баба) минек порядкасонтъ. Утей атя жо чавизе. Ней сонськак кулось, паряк, кеменьшка неть уш югась шкась.

126. <Убитая колдунья>

А еще в нашем селе была колдунья.

Пришла к ним вечером соседка, те ужинают. Ей дали шей и каши. Поела, пошла домой и легла спать. В полночь пришел сын колдуни:

— Пойдем, бабушка, моя мать умирает.

— Почему умирает? Я вечером ходила, она была здорова.

Ну, соседка пришла к ним. Та пластом лежит на лавке, вся разбитая, руки-ноги и спина побиты.

— Почему,— говорит,— ты вся так разбита? Вечером приходила, ты еще ужинала.

— С печи упала, поэтому вся разбилась. Умру скоро, умру.

— В пустом-то доме как умрешь? Иди позови соседского старика, он через дом живет.

Пошли звать соседского старика. Сын говорит:

— Пойдем, моя мать умирает.

— Я,— отвечает,— не пойду, она колдовать приходила, я побил— избил ее, пусть умрет. Людям спокойнее будет без нее, внука моего хотела съест. Я ее ждал. Как, мол, придет— побью. Я знал, что она придет ребенка есть, а колдунов я сбивать умею, их язык знаю.

Вначале хотела пойти есть ребенка через дом от нас, а у соседей есть котята. Я заставил их съест. А теперь разозлился и побил ее.

Всю избил, умерла. Это— не сказка, это вот на нашей улице за мостом дело было. Колдунья баба Троша жила на нашей улице. А дед Утей ее побил. Теперь и сам он умер, пожалуй, лет уже десять прошло.

127. Колдун

Тутунов колдунось спорясь, што юты чувтонть пачк. Спорясть четверть винадо. Вана сон кармась ютамо чувтонть пачк, чувтось весе цяторды ютамстонзо.

Арды кавто улав тикше марто ве ломань ды кевкстни вань-цятнень:

— Мезть тынь вантадо?

Сынъ ответить:

— Вантано, кода чувтонть пачк юты.

— Ды сон аволь пачк, кувалманзо моли.

Тутунов мери:

— А-а, тон фатить монень! Варштака, эсетъ тикше улавот палыть.

Сон варштась, кавто тикше улавонзо палыть. Чийсь седе курок, сайсь узере ды кармась гужатнень керсеме. Керинзе гужатнень, улавось жо а палы.

127. Колдун

Колдун Тутунов поспорил, что пролезет сквозь дерево. Поспорили на четверть вина. Вот он стал пролезать сквозь дерево, а оно трещит от этого.

Проезжает мимо человек с двумя возами сена и спрашивает:

— Что вы смотрите?

А они отвечают:

— Смотрим, как он сквозь дерево пролезет.

— Он не сквозь, а вдоль его идет.

Тутунов говорит:

— А-а, ты заметил меня! Смотри-ка, свои возы сена горят.

Он посмотрел, два воза сена горят. Поскорее подбежал, схватил топор и начал гужи рубить. Порубил гужи, а воз не горит.

Ульнесь колдун Тутунов. Зярдю кармниек церькованть чапо-монзо (ведьгемень вете неде икеле), молинек вирев. Тутуновось ашти чочко лангсо, веши Межань Фимань кедьстэ клеткав паця. Тетязо мери:

— Максик, дочам, пацянтъ. Сон мезеяк а теи.

Максызе теизэ пацянтъ. Сон саизе пацянтъ, керсизе лапшакс. Пурнызе пацянтъ коморозонзо, ертызе масторов. Пацянтъ эйтэ теевсь нумоло. Нумолось кармась ардтнеме. Народось кармась нумолонть мельга чийнеме. Конань кедьсэ пеель, конань кедьсэ палка, сась мелест нумолонть вачкодеме — сон жо киненьгак а понги вачкодемс. Эсензэ икельга арды нумолось, атысь вачкодизе пеельнесэ сонзэ, ды нумолось таго теевсь пацякс. Сорновтызе, таго максызе пацянтъ тейтерентень апак керсе, целасто.

Мон сестэ еще вишка эйкакшолинь, те жо ульнесь сельмем икеле.

128. <Заяц>

Был колдун Тутунов. Когда стали рубить сруб для церкви (пятьдесят пять лет тому назад), то поехали в лес. Тутунов сидит на бревне и просит у Межиной Ефимии клетчатый платок. Отец говорит:

— Отдай, дочка, платок. Он ничего не сделает.

Отдала ему платок. Он взял его, изрезал как ланшу. Собрал платок в горсть, бросил на землю. Из платка появился заяц и стал бегать. Люди — за ним. У кого в руках нож, у кого — палка, захотели ударить зайца — тот никому не попадается. Перед ним самим побежал заяц, старик ножичком ударил зайца, и тот снова превратился в платок. Встряхнул, вернул девушке платок не порезанный, целый.

Я тогда еще мальчишкой был, и сам это видел.

129. Нищей

Эрясть-аштеть атят-бабат. Сынт ульнесь колмо цераст. Атысь ве церанзо урвакстызе. Састь венчамсто ды кулость кавонест: цераськак, одирьваськак.

Эрясть аламос. Омбоце урва кармасть саеме. Саизь одирьванть, таго венчамо туть. Састь венчамсто. Таго цераськак ды одирьваськак кулость.

Эрясть кавтошка не, колмоце цераськак саизе мелензэ урваксто. Сась вальма алов нищей:

— Эй, азор-дедай, нолдамак удомо.

— Вай, — мери, — нолдавлитинь, мон свадьба теян, церам урвакстан. Монь церам таго-мекс кодак венчамсто сыть, истяк яла кулыть.

— Монь, — корты, — нолдамак, мон содасынь мезде кулыть. Мон лад истямо содан.

Атысь нолдызе нищеенть удомо. Валске стясть, ушодсть свадьба. Туть венчамост. Те нищеесь корты:

— Кильдеде колмо лишметь. Алашатне жалть тенк а марявить?

— Бути церам ды урвам а кулыть, миненек алашатне мезеяк арастькак.

Сыть венчамсто. Нищеесь лиссь кустема пес. Зяро ульнесь свадьбасонть иижетне, весень ливтинзе ушов, кустема пес, одирьванть вастомо. Ортаванть совить алашасо, прасть алашатне кустеманть пес.

— Кона тесэ ведунось? Кармазо алашатнеде ярасмо.

Ды кармасть алашатнеде ярасмо, церанть крестной авазо ды крестной тетязо. Вана кить ульнесь ведунтнэ.

Ней нищей корты урвань саиза атянтнэ:

— Вана, — мери, — кумот ды кумат эйденъ сэвицяткак.

Атянтъ колмоце церазо ды сонзэ низэ эзьт куло. Нищеесь эзвинзе максо куломо, кадовтынзе живстэ. Ведунтнэнь кармавтынзе кулозь алашадю пореме. Сынт весе пеест синтревствь, кургост вериясть. Кармасть церась ды урвась эрямо.

129. Нищий

Жили-были старик со старухой. У них было три сына. Женил старик одного сына. Приехали после венчания и оба умерли.

Пожили недолго. Задумали брать другую сноху. Взяли молодую сноху, поехали венчаться. Приехали после венчания. Опять сын с невесткой умерли.

Жили года два, и третий сын захотел жениться. Пришел под окно нищий:

— Эй, хозяин, дедушка, пусти ночевать.

— Вай, — говорит, — пустил бы тебя, да свадьба у меня, сына женю. У меня сыновья почему-то как только приедут после венчания, так и умирают.

— Меня, — просит, — пусти, я знаю, отчего умирают. Я средство такое знаю.

Старик пустил нищего переночевать. Утром встали, свадьбу справляют. Поехали венчаться. Нищий говорит:

— Запрягите три лошади. Лошадей вам не будет жаль?

— Если сын со снохой не умрут, лошади нам не дороги.

Едут после венчания. Нищий вышел на крыльцо. Сколько было на свадьбе гостей, всех вывел на крыльцо, молодую сноху встречать. В ворота въезжают, пали лошади у крыльца.

— Кто здесь колдун? Пусть ест этих лошадей.

И стали есть лошадей. Крестная мать и крестный отец жениха. Вот кто были колдунами.

Нищий говорит старику:

— Вот, мол, кума и кум ели твоих детей.

Третий сын с невесткой не умерли. Нищий не дал их умертвить, помог оставить живыми. Колдунов же заставили грызть мертвых лошадей. Они все зубы поломали, рты окровавились. Сын со спохой остались живы.

130. Шишма

Когда молят калонь кундсеме, васенцеде кайндерясак сетень молитвавтомо, то те шишмась лиси эйзеть ды учи берек чиресэнь. Фатить эйзэнэ, бути сон ашти, то ерт тензэ кавто-колмо калт, мейле сон туи эйстэть. Бути жо а максат, напусти ведень эзга, сонсь цяпсо моли ведень эзга ды вешки: «Цех, цех»,— ды тандавтнесынзе пильгсэизэ калтнэнь, а понгить калт. Лисни сон ломанькс ды учи эйсэть.

130. Шишма¹

Если пойдешь ловить рыбу и закинешь сеть первый раз без молитвы, то шайтан выйдет к тебе на берег и ждет. Спыхватишься, что он сидит, тогда брось ему две-три рыбины, потом уйдет от тебя. А если не дашь, побежит по воде, захлопает, засвистит: «Цех, цех»,— и распугает рыбу, не поймашь. Выходит он в образе человека и ждет тебя.

131. Тырынтай

Весть кизэ куншкава мутна ведьга якинек Сурав калс. Карминек кундамо, таргинек весть — калт арасть, колмоксть таргинек — калт арасть. Нилецеде таргинек — кружинек сом недытканть. Колмоксть таргинек, нилецеде понгсь. Тапаринек недытканть ды таргинек берек лангс. Те сомось ульнесь тырынтай, сон может велявтомо нумолокс, ломанькс. Ванан недытканть пачк, сельмензэ каткань, пажеть. Мон теист меряя:

— Те, Тюма покштяй, аволь кал.

— Мекс?

— Ванат, сельмензэ прок каткань.

Недытканть калавтынек, штюпинек — кельме ежозо, прок эй.

— Орматне кандыдизь, или таркась теть арасель!

Мейле недыткасонть мекев кандынек Суранть, холдынек ведентень. Таго карминек калонь кундамо, калтнэ кармасть понгомо. Се атысь яла корты:

— Адя еще, адя еще.

Ниле кептерть пештинек калтнэде. Лисинек станов, се атысь корты:

— Адя еще кундсеме.

¹ Ш и ш м а — шайтан.

Сынек станонтень, калтнэнь путынек крандаз алов. Се Тюмагысь сайсь узере, пирясь круг станонтень перька. Недытканть сорновтынек ды понгавтынек коськеме. Се атысь корты:

— Давай пидетяно ужин.

Мон кевкстиян:

— Мекс лоткинек кундамо? Тон монень кортыть: «Адя еще».

— Тон а содасак мекс? Бути апак пиря ульнесь кругось, саевлинзе сон калтнэнь ды мкев Суранть рестеевлинзе, кадовлеть калтомо.

131. Тырынтай¹

Однажды летом, когда на Суре была мутная вода, ловили рыбу. Начали ловить, вытянули раз — рыбы нет, трижды вытягивали — рыбы нет. В четвертый раз вытянули — сома закружили в недытку². Закрутили невод и вытянули на берег. Этот сом — тырынтай, он может оборотиться в зайца, человека. Смотрю сквозь невод: глаза, как у кошки, зеленые. Я говорю:

— Это, дедушка Тимофей, не рыба.

— Почему?

— Видишь, глаза, как у кошки.

Невод разобрали, пошупали — холодный, как лед.

— Нелегкая тебя принесла, или места тебе не было!

Потом в неводе отнесли в Суру, выпустили в воду. Снова начали рыбу ловить, стала рыба попадаться. Тот старик все твердит:

— Пойдем еще, пойдем еще.

Четыре кузовка наполнили рыбой. Подошли к стану, тот старик говорит:

— Пойдем еще ловить.

Пришли в стан, рыбу положили под телегу. Дед Тимофей взял топор, очертил вокруг стана круг. Невод встряхнули и повесили сушить. Тот старик предлагает:

— Давай сварим ужин.

Я спрашиваю:

— Почему перестали ловить? А ты мне говорил: «Еще пойдем».

— Ты не знаешь почему? Если бы круг не был очерчен, он забрал бы рыбу и покидал снова в Суру, и остался бы ты без рыбы.

132. Кужня лейсэ

Суранть томбале, Кужня лей чиресэ дялянкасонть ваткинек керть. Ульнинек мон, тетям ды Паул, Ульнесь мартонок ружият.

¹ Тырынтай — точное значение этого слова в мордовском языке неизвестно. Судя по тексту — какое-то мифологическое существо, оборотень.

² Недытка — точного толкования этого слова в мордовском языке нет. Возможно, диалектное или специальный термин. По тексту — это сходное с неводом.

Сась субута чись. Стинек валске марто, завторкинек ды туинек делянка лангов керень ваткамо. Ружиятнень сайнек ваксозонок. Роботынек обедс ды сынек делянка лангсто мекев станов. Тосто нейнек нумоло. Станонть вакссо—уроуло тикше. Нумолось эй-стэизэ ярсы, прок жадной реве. Минь кенярдозевинек, станонть вакс сась тенек нумоло. Карминек ружиясо леднеме. Паул седе куро кепедизе ружиянтъ, целясь — а чавови, пистонось тапави, зарядось а лиси стволонть потсто. Сисем пистонт тапась, мейле сон кадызе, марясы — аволь нумоло. Тетяненъ мери:

— Ига, ней тон ледть.

Те истя жо чарькодсь, мейсэ теvesь. Таргась суманъ зепстэнзэ кши кувине, почодызе салсо, мейле поризе, нилизе, духонть жо пувизе стволонть потс. Целясь ледеме. Ледсь, нумолось емась. Баклушка берекс чиннек, тосоак арась. Мейле туинек кудов. Пачкодинек Сурантъ берекс. Вачкинек венченъ ружиятнень, оршамотнень. Ига тусь омбоце берекс печтемест. Сура куншкантень пачкодсь, венчезэ щоть-щоть а сявори. Паул атысь омбоце боксо корты:

— Эх, ван!

Игатя кой-кода пачкодсь береконтень, лиссь берек лангс, кармась венченъ эйтэ оршамотнень чамдомо. Ружиясь кодак — бах! Ледсь Игатянь рашко юткова. Песоктне — Игатянь чамас! Езась-езась сельмензэ, кой-кода панжовсть.

Ды сыргась мекев Паул атя мельга. Тона кевкстни:

— Меze мартот теvesь?

Игатясь отвечи Паулонтень:

— Сюдозь-чаразь ланганзо, чавокшнымим тырынтаесь.

132. На реке Кужие

За Сурой, на делянке у реки Кужии заготовливали корьё¹. Были я, мой отец и Павел. Имели с собой два ружья.

Наступила суббота. Утром встали, позавтракали и пошли на делянку заготавливать корьё. Ружья взяли с собой. Поработали до обеда и с делянки снова пришли в стан. Привиделся нам недалеко от стана заяц. Вокруг рос хвощ. Заяц его ест будто жадная овца. Мы обрадовались, заяц к нам явился. Начали из ружья стрелять. Павел вскинул ружье, прицелился — не убьет, пистон разбивается, заряд из ствола не выходит. Семь пистонов разбил, потом он почувствовал: не заяц это. Отцу говорит:

— Игнат, теперь ты стреляй.

Этот тоже понял, в чем дело. Достал из холщового кармана краюшку хлеба, посыпал солью, пожевал, проглотил, а этим духом дунул в ствол. Прицелился. Выстрелил, заяц пропал. Прибежали на берег Баклушки, и там его нет. Потом пошли домой. Дошли до берега Суры. Сложили ружья, одежду в лодку. Игнат по-

¹ Заготовка корья — специальный термин, употребляется среди работников лесного хозяйства.

плыл с вами на другой берег. Доплыл до середины реки, лодка его чуть не перевернулась. Павел на другой стороне говорит:

— Эх, утонет!

Старик Игнат кое-как добрался до другого берега, вышел из лодки и начал одежду переносить. Ружье как — бах! Выстрелило старику Игнату около ног. Песок старику Игнату в лицо! Тёр-тёр глаза, кое-как открылись.

Поплыл назад, за стариком Павлом. Павел спрашивает:

— С тобой что приключилось?

Старик Игнат отвечает Павлу:

— Проклятый, чуть не убил меня тырынтай.

133. Бояр

Умок еще, зядро мон ульнинъ вишкине, евтнесь истямо тамаша. Покш Марезь велень эриятнень нешке пирест ульнесь вирьга. Минек Суродинканъ родонть нешке пиресь истя жо ульнесь велень эйтэ ве ено, вирьсэ. Тосо, нешке пирентъ эйтэ а васоло, ульнесь латко, косо ваявтеть кансть. Вестъ, позда сексия, зядро прась уш васенце ловнесь, тусь минек аватне канстенъ ваявтомо. Мартост ульнесь вейке атя. Роботасть чоподас, сексия читне нурькинетъ, чополгады рана. Тевентъ прядызь. Аватне капшазь тусь кудов, велев. Эрявьс кенеремс еще кодат-бути кудо ютконъ теvть теemс, атысь кадовсь: тия-тува пултнэ юксевсть, сорявсть. Эряви парстине пурнамс. Тень весе теизе ды састынька тусь веревбандт кудов. Кармась аламодо буряьскадомо, тусь кандылов. Сизесь. Арсезевсь:

— Мекс алаша эзинь кильде? Нейке жо пачкодевлинъ кудос, ней вана ялго мольть.

Ансяк кенерсь истя арсезевемс, кода марятотсь баягине: каршонозо — тройка. Экипажсонть — бояр, икеле козла лангсо — кучер.

— Атя, невтик кинть Пичауров. Минь тонеть ярмакт пандтано.

Евтинзе, кода эряви ардомс, сонсь жо ардомс ды кинть невтемс отказьксэль. Мерсь, што сизесь ды шкась пек позда. Боярось алатсь тензэ тень кисэ:

— Вана тонеть сиянь целковой, озак кучерэнтъ вакс ды невтик миненек кинть.

— Эх, — атысь арси эсь пачканзо, — цела сиянь целковой максы. Косто истят ярмакт саят? Ульть меze ули, невтьса ды ярмакт-как получан. Кудов кенерян пачкодеме.

Саизе целковоентъ, озась кучерэнтъ вакс ды тусь. Ардсть, ардсть, мезеяк а неяви.

— Верепаз! Мекс истя сизинь?

Друк весе емась. Сыргойсь: ашти такодамо вирь чиресэ, икеле неяви кодамо-бути велень валдо. Буряьс оймась. Перьканзо кияк арась. Тусь сон валдонть пелев. Стукадсь крайсэ кудонтень, энялдсь поддамс сонзэ эжнеме. Ульнесь уш валске марто.

— Кудамо те велесь?

— Гарт.

— Кудамо Гарт?

Ульнесь те Кочкурова пеле. Атьсь дивазевсь. Кармась вешне-ме зепсэ сиянь целковоеить — арась. Сестэ евтнize азортнэнь, мезень тамаша мартонзо лиссь. Сетне дивсесть. Атьсь оймсесь, эжнесь ды сыргась кудов. Ансяк омбоце чистэ чопонь пелев пачкодсь кудос.

133. Барин

Вот какой случай рассказывали, когда я еще был маленьким. Пасеки большемаресевцев были в лесу. Пасека нашего рода Су-родинных тоже была в лесу. Там же, недалеко от пасеки, была мочильная яма, где мочили коноплю. Вот однажды поздней осенью, уже по первому снежку, пошли наши женщины мочить коноплю. С ними был один из стариков. Поработали дотемна, а осенью дни короткие, темнеет рано. Закончили. Женщины поспешили домой в село. Надо было успеть еще кое-какие домашние дела сделать, а старик остался: кое-где снопы развязались, растерялись. Надо хорошенько подобрать. Сделал все это и пошел потихонечку в гору домой. Стало немного буранить, началась поземка. Идет усталый. Подумал: «Почему лошади не запрягли? Сейчас бы и доехал до дома, а теперь вот шагай». Только успел так подумать, как слышался колокольчик; навстречу — тройка. В экипаже — барин, на облучке — кучер.

— Старик, покажи дорогу на Пичеуры. Мы заплатим тебе.

Он объяснил, как проехать, а сам отказался было поехать и показать дорогу, ссылаясь на усталость и позднее время. Но барин стал настаивать:

— Вот тебе рубль серебром, садись с кучером, покажи нам дорогу.

«Эх, — думает про себя старик, — целый рубль да еще серебром дает. Откуда такие деньги возьмешь? Была не была, покажу и деньги заработаю. А домой успею дойти». Взял рубль, сел с кучером и поехали. Ехали, ехали, ничего не видать.

— Господи! Почему я так устал?

Вмиг все пропало. Очнулся он: стоит на опушке леса, вдали светятся огоньки какой-то деревушки. Бурани стих. Никого кругом нет. Пошел он на огоньки. Постучался в крайнюю избу, попросился погреться. Было уже раннее утро.

— Какое это село?

— Гарт.

— Какой Гарт?

Оказалось, что это в стороне Кочкурова. Удивился старик. Поискал в кармане рубль — нет. Рассказал старик обо всем, отогрелся и отправился домой. Лишь на вторые сутки к вечеру добрался он до дома.

Часть II

ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

134. Легенда о сотворении мира

Мордва говорит о сотворении мира следующее: прежде везде была вода, и по этой воде плавал в виде утки бог. Захотелось богу сделать землю, нырнул он в воду, вытащил в клюве землю, выплюнул, и пошла земля. Черт это подсмотрел и нырнул в свою очередь за землей, вынырнул, вытащил в горсточке, разбросал, и от этого произошли горы... Сотворив таким образом землю, бог, по словам мордвы, начал лепить из глины человека. Черт долго не мог понять, что он делает; но вот бог дунул на сделанную им фигуру, человек встал и пошел. Черту стало завидно, он в свою очередь начал лепить из глины же фигуру. Лепил, лепил — дунул, фигура встала, заблелая. Оказывается, он вместо человека слепил козла.

135. Об истории первого человека

Бог поместил первого человека, у которого кожа была твердая, роговая, в рай, а сам куда-то отправился, поручив охранять рай собаке, которая тогда еще не была покрыта шерстью и считалась чистым животным. В отсутствие вярды шкая¹ к райским воротам подошел злой дух, пообещал собаке покрыть ее шерстью, беспрепятственно вошел в рай и оплевал всего человека, кроме кончиков пальцев на руках и ногах. Между тем в рай вернулся вярды шкай и, как он ни старался очистить человеческое тело от дьявольской слюны, никак не смог этого сделать, вынужден был снять с человека кожу и вывернуть ее наизнанку. С тех пор человек стал извергать слюну, а собака стала нечистым животным.

136. <О человеке и пчеле>

Все боги разобрали себе всякую тварь, один только Инешкепаз позабыл, что и ему тоже служители годятся. Один взял сильного да рогатого, другой сильного да зубатого, кое-кто насобира-

¹ Верховный бог.

остаточки, и остался один только плохонький, голенький, слабенький человек да пчела, что летала в ту пору за медом, была на работе и богам на глаза не попадалась. Увидел Инешкепаз пчелку, как она с медом на лапках летела, так и вскрикнул:

— Вот моя работница — святая труженица!

Глядит, а в углу лежит кто-то; все-то его поталкивают, все-то его от корыт отгоняют...

— Ну, видно, и тебя, беднягу, мне взять надо, — проговорил Инешкепаз, — а то тебя без меня заторкают! А чтобы тебя не заторкали, дам я тебе такую отметину, что всех ты выше и сильнее станешь.

Подошел он к человеку, а тот как чижик рот раскрывает, сам-то пища промышлять не может; дунул ему в рот Инешкепаз, а человек вдруг к нему потянулся и сказал:

— Аляй.

С той поры и доныне первое слово, что дети сказывают, есть — «аляй»¹.

137. <Старая легенда>

Первые люди жили без забот. Скота имели много, земля не требовала никакого удобрения, а урожай были сам-тысячные: на каждом дереве в лесу бортни с пчелами. Все люди были богаты, и имущество у них было равное. Чампаз послал к ним для управления Нишкепаза, которого назвал своим сыном (Инечипаз), и он жил на земле в образе человека, во всем помогал людям. Как только кто-то из людей заболел, Нишкепаз тотчас того человека вылечит; дождя ли надо, ведро ли люди попросят Нишкепаза, он тотчас все сделает. И не было между людьми ни ссор, ни вражды; все это предотвращал Нишкепаз, ходивший из одной деревни в другую и поучавший людей добру. Но шайтан, по злобе своей, явился к одному старику и, подав ему ветку неизвестного дотолерастения, сказал:

— Посади эту ветку в землю и поставь вокруг нее высокие жерди, только не сказывай об этом Нишкепазу.

Старик послушался, посадил ветку, и вырос хмель. Тогда шайтан снова явился к старику и научил его делать пиво и мед, а также из муки курить вино. От этого произошло пьянство, пьяные люди стали враждовать между собой, пошли ссоры, драки и даже убийства. Напрасно Нишкепаз увещевал людей перестать пить пиво, мед и вино, они перестали слушаться его, стали смеяться, плевать на него, бить и гонять из деревни в деревню. Вместо Нишкепаза люди задумали выбрать начальника из своей среды, но и тут произошли ссоры, драки и убийства, потому что всякий желал быть начальником, никто не хотел подчиниться другому. Нишкепаз напрасно увещевал их. Шайтан, явившись на землю в образе человека, стал говорить людям:

¹ Аляй — отец.

— Зачем вы терпите Нишкепаза? Он вас уверил, будто он сын божий, это — ложь. Он такой же человек, как и все, только недобрый человек: не велит веселиться, пиво и вино пить, любовниц иметь, а хочет властвовать над всеми людьми.

Подстрекаемые шайтаном, люди схватили Нишкепаза, били его, мучили и наконец убили. Когда они его убили, то увидели, что действительно он был сын Чампаза, ибо мертвый Нишкепаз встал и вознесся на небо, сказав убийцам своим:

— Не хотели вы со мной в добре жить, теперь без меня вам хуже будет.

... И тогда, чтобы держать между людьми порядок и разбирать их распри, Чампаз назначил над народами царей, князей, судей и других начальников, дал им власть над людьми.

138. <Канюк¹>

У мордвы об этой птице имеется такое поверье. После сотворения мира бог приказал птицам вырыть себе по колодезю для мытья. Все птицы исполнили это приказанье божье. Только канюк в это время отсутствовал. Он прилетел лишь тогда, когда у всех птиц колодези уже были готовы, и собрались они лететь к богу, чтобы сказать об этом. Тогда канюк пустился на хитрость. Он стал уговаривать ворону, чтобы та, прежде чем предстать перед богом, умылась от ила, который пристал к ней во время рытья колодезя. Бог может рассердиться на нее, если она предстанет перед ним запачканная. Ворона послушалась и пошла умываться. Тем временем канюк запачкал себя илом, полетел раньше вороны к богу и сказал ему, что и он вырыл себе колодец, указав на колодец, вырытый вороной. Но бог узнал правду и проклял канюка, — он запретил ему пить из рек, озер и колодецев. С того времени канюк может пить только дождевую воду и росу. Поэтому, когда долго не бывает дождя, канюк начинает плакать и просить у бога дождя. На основании этого предания произошла эрзянская поговорка: «Варака лисьманть чувизе, панзей сась, пулонзо тонгизе ды мери: монь» («Ворона вырыла колодец, канюк же пришел, хвост опустил в него и говорит: мой»). А мокшане о любящих пользоваться чужим трудом говорят: «Панзить кондякс вадендысь приц и мярьги: эшить мон шувине» («Как канюк намажет голову и говорит: я вырыл колодец»).

Про человека, не сумевшего воспользоваться своим трудом, говорят «Эх, арьси, шувить эшить да ведняда эзеть сим» («Эх, колодец вырыл, да воды не наполнился»).

¹ Канюк — панзей (эрз.), панзи (мокш.). Называют эту хищную птицу также и сарычем.

Народился Пурьгинепаз кривоногий, так что где пройдет, там правую ногою землю взроет. Задумался Чимпаз², задумалась и Анге-Патяй: что они с таким уродом делать будут? Ни пахать, ни работать он не может. И бросили они его на землю так сильно, что он как молния упал в Аруну (Волгу). Притом он так сильно шлепнулся о воду, что Сура побежала вспять. Долго потом Пурьгинепаз не мог снова взобраться на небо к своему отцу с матерью и жил на земле до тех пор, пока не пришла ему пора уходить на небо.

Наступала осень, в поле работала девка Сыржа, толста, как дуб кряжистый, и ноги, как поленья; хороша была девка Сыржа, и много за ней парней ходило, да ни с одним она лисем³ не уговорила; как ни выйдет, бывало, Сыржа работать — поднимется буря, загремит гром, засверкает молния, и Пурьгинепаз шалит с нею, пока та не упадет от шекотки. Нельзя родителям Сыржи хлеба убрать, совсем разоряться приходится.

— Да возьми ты ее, Пурьгинепаз, совсем! — сказали они как-то раз за обедом.

Вдруг поднялся ветер, растворилось окно, влетел в горницу Пурьгинепаз и унес Сыржу с собой на небо. Так женился Пурьгинепаз на простой девке Сырже и породнился с нами, так что мордвина он никогда не убьет, а норовит убить скотину.

140. Раужо лисьма⁴

Это было давно, очень давно, когда еще оба селения Большое и Малое Маресево были одним селом. Называлось оно Веле и расположено было в урочище Репице. Князь Марьясь⁵, возможно, жил в Москве, а возможно, он тогда еще не был рожден. Населяли Веле язычники-мордва, никакого общения с жителями степной стороны не имели и даже возможной встречи на охоте избегали, да и язык был незнаком, объяснялись при надобности жестами.

Крестьянство томилось под бременем барщины. Мордва ютилась в непроходимых трупцах и оврагах, малодоступных местах, а в случае, если какой-либо князек и пожелает прибрать мордву к рукам — та отчаянно оборонялась, применяя самодельное оружие: лук, копьё и прочее. Об огнестрельном оружии не имели и понятия.

Иногда, пользуясь неожиданностью, слуги помещиков проникали в расположение мордвы, грабили, убивали, уводили краси-

¹ Пурьгинепаз — Громовик.

² Встречается разное написание: Чипаз, Чимпаз, Чампаз.

³ Выйти замуж (замечание В. Майнова).

⁴ Раужо лисьма — черный колодец.

⁵ Встречается разное написание мордовского имени: Марьясь, Марезь.

вых девушек для княжеского двора и спешно удалялись, потому что ополчившаяся мордва всегда, догнав, отбивала награбленное и наносила значительный урон поработителям, поражая их из-за деревьев и прочих укрытий.

В окружающих девственных лесах водилось много дикого зверя, изобиловали разного рода чудовища, наводившие страх на население. Были и такие места, где появлялись тени замученных или убитых людей, они взывали о какой-то помощи. Об одном таком месте и происшедшем здесь случае хочу напомнить.

Среди девушек на селе славилась красотой одна, дочь Охая— Улюта. Она была стройна как молодая березка, тугая русая коса свисала до колен, вечный румянец играл на ее щеках, а взгляд глубоких голубых глаз заставлял отводить взгляд любого. Многие из ребят желали бы осчастливить себя, взяв ее замуж, но Улюта ни на одного из них не обращала внимания: ее сердце занял молодой бесстрашный охотник Юртай, силе и ловкости которого дивилось все село.

Много раз выслеживал Юртай, когда Улюта шла по воду в Жойнилей (теперь речка называется Гремячка), где они, минуя взгляды посторонних, могли поговорить и выразить мучившую обоих любовь. Послать же сватов Юртай не мог: родители Улюты свою единственную дочь не выдадут замуж за бедняка, поскольку обивают их пороги свахи от богатых женихов. Но крепка, как могучая стена, была любовь Улюты и Юртая. Ни уговоры родителей, ни богатые подарки свях, ни обещания хорошей жизни не могли разрушить эту стену, они свято хранили свою клятву любить друг друга до смерти.

Однажды мужчины отправились на охоту, в селе остались женщины, старики, дети. Некоторые из них убирали овощи или же занимались другими домашними делами, а ребятишки копошились на дороге в пыли. Вдруг тишину нарушил крик женщины, и в то же время на улице появились пешие и конные помещичьи слуги. Некоторые из них тащили в повозки награбленное добро, другие угоняли скот, а их предводитель и еще двое с ним тащили отбивавшуюся Улюту.

Связали ей руки, завязали глаза и рот, положили на повозку и увезли. Конец дня и ночь провели в дороге, а утром уже были в поместье барина. Награбленное разделили между собой, а Улюту оставили при дворе. Пленница забилась в угол комнаты, не пила, не ела, заливалась горькими слезами. Возвратившиеся мордва-мужчины привезли богатые охотничьи трофеи, но не радостно их встретили домашние: всюду были видны следы ограбления, что опечалило и самих охотников. О погоне нечего было и думать, так как прошли целые сутки, да и направление грабителей неизвестно.

Постепенно нанесенные помещичьими слугами раны заживали, лишь рана на сердце Юртая, лишившегося своей возлюбленной, не давала покоя: заброшена охота, без дела ходил по лугам Чу-

барый, скулил от безделья под окном верный Лыско, и никто не дотрагивался до тугой тетивы висящего на стене лука. Кругом царило оцепенение.

Мать Улюты не вынесла горя, лишилась рассудка и ушла из дома. Блуждая по лесу, она спрашивала каждого встречного: «Не видел ли Улюту?» Дикие звери уступали ей дорогу, а разойдясь, долго с грустью смотрели на удалявшуюся убитую горем женщину. Но помочь ей в горе они не могли. Наконец, встретился ей в облике человека злой дух. Прикинувшись жалостливым, сначала выслушал про горе женщины, затем указал дорогу, куда идти, чтобы найти Улюту. Но цель его была не помочь, а погубить уже порядком намучившуюся мать. Три дня шла непролазной чащей и болотом, наконец силы оставили ее. Стала она вязнуть в трясине, и когда, совершенно обессилив, с грустью взглянула на яркое солнце, вернулось ее сознание, но было уже поздно, пучина болота поглотила ее. В тот же момент сверкнула молния, грянул гром, раздался зловеющий хохот в горах Кондума, отдавшись эхом в ущелье. Вздогнуло все живое в округе, это праздновал свою победу злой дух.

Прошли годы, болото высохло, из того места, где погибла мать Улюты, бьет из земли родничок, а дальше образуется ручеек, и его прозрачная студеная вода многим утоляет жажду. Если вслушаться внимательно в журчание текущего меж камней ручейка, ясно услышишь печальную историю его появления, а в определенные три дня в году в обеденное время увидишь у родника печальную старуху и услышишь ее вопрос: «Не видел ли Улюту?» И тут же исчезает.

Улюта еще девчонкой бегала умываться к пруду на речке Жойнилей, а когда подросла, любила разглядывать свое отражение в тихой воде пруда. Встанет на берегу и видит: из воды смотрят на нее удивленные глаза, отражаются чистое ее лицо, украшенный блестками и оторочками головной убор, как огонь горит сюзгам¹, переливаются узорами вышивки рукавов рубашки и эльзире², а рядом отражалось солнце. Улюта представляла, что солнце родилось именно здесь. Когда же оказалась в неволе, еще больше убедилась в том, что солнце восходит там, где ее родина, потом передвигается дальше. И она решила бежать в сторону восхода.

Безлесной местностью идти было опасно, негде спрятаться, может настичь погоня, и Улюта бежала в сторону видневшегося вдалеке леса. Она изредка слышала слабый голос матери, доносившийся со стороны леса, звавший свою пропавшую дочь. Это воодушевляло ее, придавало силы, но ненадолго. Недоедание и тоска подсекали здоровье девушки, она уже еле-еле передвигалась, а погоня, напав на след, приближалась.

¹ Сюзгам — принадлежность мордовского женского костюма, застежка на груди.

² Эльзире — вышивка на передней части подола платья эрзянки.

В отчаянии Улюта звала на помощь мать, Юртая, но не знала о том, что мать погибла от злого духа, а Юртай, который бы ее, конечно, спас, сложил свою буйную голову в схватке со слугами князя на реке Сура.

Видит Улюта, что погоня настигает, не захотела вернуться назад, вольная кровь текла в ее жилах. С грустью взглянула она в сторону родины, вынула прихваченный с собой нож и воизила в сердце. И там, куда стекла алая девичья кровь, из земли пробился родник.

Вода в роднике кажется темной, и дна не видно, незнающий подумает, что это грязь. Почерпнув же, увидит, что на солнце сверкает она, как хрусталь, и приятная на вкус. Этот родник, а впоследствии колодец, назвали Раужо лисьма, но суть дела не в том. Каждый год в ночь накануне Ивана Купалы из колодца выходит красивая, нарядная, в национальном костюме девушка и до первых петухов бродит по окрестным дорогам. Встретится ей пожилой человек — пройдет мимо, но горе неженатому — зашекочет, спасти может только голос первого петуха.

Иначе сложилась судьба Юртая. Скитаясь в поисках Улюты, нашел себе товарищей из числа сбежавших от барщины. Нападали на проезжих бояр и купцов — грабили, более злостных убивали, а в их имения пускали «красного петуха». Местом своего обитания избрали низину в так называемой ныне Мокшалеиской лесной даче, где у них находится хорошо замаскированный в земле склад, до сего дня никем не обнаруженный. Уходя на Суру, Юртай оставил одного из товарищей для присмотра за складом, поселили его у знакомого в Мокшалеях. Там он и умер, а группа Юртая, в силу сложившихся неблагоприятных обстоятельств, вернуться не пришлось. Так и поныне покоятся в земле драгоценности, а сказывали, вещи были из чистого золота и серебра.

141. Девушка-камень

Находится камень на Баганинском поле близ села Шенталы. Собою напоминает фигуру человека: основание — шире, вверх — уже. Были высечены глаза, нос и шея. Возле лежит другой кусок камня поменьше, четырехугольной формы эрямо парь¹ девушки.

В предании говорится, что был какой-то бунт или нападение. Одна девушка взяла свой эрямо парь и побежала через лес: бежит, а впереди катит свой эрямо парь. Напавшие погнались за ней. Смотрит она — уже догоняют. Обратилась к богу с просьбой:

¹ В старину мордовская девушка готовила себе приданое для свадьбы: пряла, ткала, шила и вышивала. Все это она складывала в особого рода калку, которую выдалбливали из липы. Часто украшали ее резьбой. Эта калка выполняла роль сундука (распространен позднее) и называлась «тейтерень эрямо парь». Для каждой девушки, если их в семье было несколько, был свой эрямо парь.

— Господи, чем попасться мне врагам, превратиться мне лучше в камень.

И она превратилась в камень, превратился в камень и ее эрямо парь.

Один крестьянин села Шенталы Беркутов (Беркутыньян) взял этот камень во двор и положил перед дверью клетки, чтобы по нему подниматься в амбар. Всю ночь камень плакал, не давая спать. Утром отвезли они его на прежнее место.

ПРЕДАНИЯ

О ВЕЛИКАНАХ

142. Первый человек

Первого человека бог сотворил девяносто девять аршин росту, как сосна,—говорили старики,—у первого человека только нос был в три аршина длины. Теперь их потомства нет, но и сейчас изредка попадаются люди из той породы. Первые люди были вначале долговечными и жили по семьсот-восемьсот лет. Какой отец, такие и дети долговечные, все одной породы. Все эти люди были раньше богатырями. Это—еще до потопа, триста лет ему, а он холостой. И жениху триста лет, и невесте триста лет. Так и жили.

Богатыри—это просто первые люди: первые русские, первые мокши, татары и другие. Все были тогда только богатырями, мокши потом уже появились. Таких богатырей теперь нигде не осталось. И жили они пятьсот лет, уж никак не по двести. Давным-давно это было, старики о них говорили, от дедов к дедам передавали.

И роста были большого, и ходили сорок верст одним махом. К примеру, от Зубова до Бедного¹ всего один шаг его уходит. А другие сельские старики смеялись над такими рассказами: «А ну, как угодит такой в Бедном на базар, да как раз на горшки? Что останется?»

Такие они были богатыри, что возьмут стоялый лес, хоть дубовые деревья по пятьдесят-шестьдесят сантиметров толщиной, дернут дерево и вытаскивают, сколько силы в них было. Эти богатыри тоже воевали промеж себя, дубинкой.

Кормились, пахали, сеяли. И лошади были такие же большие. Кривой деревяшкой пахали.

Богатырей очистил потоп, их теперь нет, а кто остался после потопа, год от года поменьше становились. С каждым веком уменьшался и век людей, пока не стал теперешним.

¹ Зубово—п. Зубова Поляна Мордовской АССР.
Бедный—г. Беднодемьяновск Пензенской области.

О МОРДОВСКИХ ПЛЕМЕННЫХ ВОЖДЯХ

143. Мокшанские цари

До сих пор мокшане помнят, что они когда-то имели своих царей и были вполне самостоятельны. Даже и места обитания этих мокшанских народных царей указываются довольно точно. По рассказам, один царь Тэйнеш жил где-то на Мокше-реке, другой—на Цне, а остальные двое—на Суре; все они имели большие деревянные дворцы и не знали горя до прихода чужеземцев. Дружно жили с народом и заслужили от него эпитеты «добрых». Славен и могуч был в особенности один из них, Тюштян—царь присурский, но ему-то и довелось попробовать горя, в его-то время и пришли чужеземцы в исконную мокшанскую землю и заполнили мокшанские угодья, а мокшан—детей шкаевых¹, сделали своими ясачными.

144. Избрание царя Тюштяна

Гадали, гадали и надумали выбрать себе царя. Собрались на сходку и бросили жребий. Он пал на мордвина по имени Тюштянь. Сход отправился к нему попросить его в цари. Тюштянь в поле пашет свою пашню. Ходит себе за сохой, ничего не знает. Видит, народ идет прямо к нему.

— Так-то и так,—говорят старики,—жребий пал на тебя, Тюштянь, будь нашим царем.

Тюштянь долго отказывался.

— Не могу,—говорит,—править народом, не по силам.

— Сам бог тебя избрал, а ты отказываешься. Этак он тебя накажет.

— Ну, коли сам бог избрал меня, буду царем, только сначала удостоверюсь в этом.

Воткнул свое кнутовище в землю и сказал:

— Если меня избрал сам бог, то пусть кнутовище покроется листьями и расцветет к тому времени, когда я вернусь сюда с другого конца загона,—и погнало лошадь.

Кнутовище у него было из яблоневого дерева, сухое и обтесанное. Когда он вернулся с другого конца загона, видит: кнутовище его покрылось листьями и расцвело. Тюштянь согласился.

145. Мордовский князь Тюштянь

Живет царь Тюштянь между гор на зеленой лужайке. Палаты его двухэтажные. Сидит он на скамейке, перед ним стол дубовый, под ногами серебряный обрубок (мукорь), пишет Тюштянь мордовские письма. У крыльца стоят часовые, под окнами караулы.

¹ Шкаевых (мокш.) — боярских.

Часовые услышали, караулы донесли, что на мордву идут чужеземцы. Тюштянь выходит на крыльцо, берет медную трубу и трубит на три стороны. Вмиг собрался весь народ мордовский. Тюштянь говорит:

— Эрзяне, поищем себе другую землю,— и пошел вперед, за ним направился и весь народ. Дошли они до берега, начали варить кашу себе на обед. В тот момент, когда каша поспела, мордва собиралась сесть за обед, чужеземцы стали наступать на них. Тюштянь взмахивает над водой своим платком, вода делится на две части, и он отправляется по сухому дну. Но среди мордвы возникает спор. Одни говорят: «Идемте», другие: «Сначала кашу съедим, потом пойдем».

А чужеземцы, между тем, совсем наступают. Тюштянь рассердился на упрямых, махнул наотмашь платком, вода вновь соединилась, стала по-прежнему течь. Царь Тюштянь проклял оставшихся:

— Живите с чужеземцами, будете вечными барскими слугами.

Предание о Тюштяне и об уходе его с частью мордвы за море сохранилось как у эрзи, так и у мокши, и многие верили, что ушедшая мордва долго жила где-то за морем со своим царем.

В Темниковском уезде в 1886 году один крестьянин села Козловки рассказывал, что их односельчанин, в то время уже умерший, был в мордовском царстве. Он служил во флоте. Во время плавания в одном из великих морей бурей разбило их корабль. Он уцепился за обломок мачты и четыре дня носился по морю, на пятый день волнами прибило его к берегу. В полусознании слышит родную речь. Те подобрали его, привели в чувство, накормили, напоили. Оказалось, что это были те самые мордва, предки которых ушли с Тюштяном за море. Живут они богато, свой царь у них, никто не обижает, податей никаких не платят.

Погостил матрос у них неделю, и проводили его обратно, взяв с него слово дома никому не рассказывать об этом, чтобы никто не узнал о месте их жительства.

146. Заселение мордвою Кузнецкого уезда

Когда-то давно, в незапамятные времена, предки мордвы жили по реке Мокше в Пензенской губернии. В старину не было у мордвы верховных правителей. Она все свои дела решала на сходках. Хорошо-то оно хорошо, да не очень.

Обижали мордву чужеземцы: села разоряли, скот угоняли, данью непосильной облагали, молодых парней и девушек в рабство уводили. Вот и порешили старики избрать мордовского царя или князя, чтобы он народ свой оберегал и судил-рядил по справедливости.

Избрали одного из таких князей. Собирал он со своего народа дань не деньгами, а медом, мясом, рыбой да звериными шкура-

ми. В семь лет один раз набирал на службу в свою дружину.

Земли мордовские исстари богатыми были. Леса дремучие, густые да щедрые. Водилось в них много дичи: медведи, куница, соболь, а белок не счесть было. А в реках — рыба всякая.

Жила мордва в лесах, по бортям мед собирала, охотилась на пушного зверя да рыбу в реках и озерах добывала. Люди сами этим жили и дань своему князю, названному тюштяном¹, платили. По-разному этот сбор производился вначале. Наконец был окончательно назначен сбор с каждой мужской души, что и продолжалось очень долго.

Но не сумел избранный начальник удержать свою власть, не легким это оказалось делом. И тогда он решился бежать со своей домашней прислугой и добровольно вызвавшимися семействами далеко, куда-то за леса и моря. А куда — никто до сих пор и не знает.

Оставшаяся после ухода своего князя мордва переселилась с берегов Мокши в малообитаемую тогда сторону — Кузнецкий уезд. Сначала она жила в лесах — отдельными семьями на далеком расстоянии друг от друга. Охотилась на зверя, разводила скот, пахала-сеяла и поклонялась своим древним божествам. Но жить так было трудно. Поэтому впоследствии она вынуждена была соединиться в целые селения.

147. Предание о Тюштяне

Из мордовских преданий более других известно предание о царе Тюштяне, ушедшем за море с большей частью мордовского народа, когда чужеземцы покорили мордовскую землю. Вот как рассказывает об этом мордва.

Было время, когда мордовское племя, живя в согласном соседстве с другими племенами, было независимо от них. Но вот пришла пора, когда одному из соседних племен понадобилась земля мордовского народа и стало оно просить у повелителя мордвы, чтобы тот, по старой дружбе и по соседству, уступил малую толику мордовской земли, а именно столько, сколько может обхватить пеньковая нить, обмотанная несколько раз вокруг человеческой головы. И согласился мордовский инязор² на просьбу своего соседа. Соседний народ выбрал из всего своего племени что ни на есть дюжего человека, рослого, плотного и сильного, обмотали его голову такой бесконечной нитью, что голова этого человека превратилась в гору, а нить, будучи размотанной, охватила всю мордовскую землю.

Хватился инязор Тюштянь за ум-разум, да уж было поздно.

¹ В данном случае «тюштя» — не имя собственное, а выборная должность, общественное положение героя в определенных социальных условиях. См.: Маскаев А. И. Мордовская народная эпическая песня. Саранск, 1964, с. 176—178.

² Инязор — царь.

Будучи малосилен и кроток нравом, он не мог и не хотел спорить с обидевшим его соседом и добровольно уступил свою землю. Между тем, желая сохранить личную независимость и веру своих отцов, ушел с мордовским народом за море, где живет и поныне.

Часть мордвы отстала от Тюштяня, остановилась по пути у речки варить кашницу. Подойдя к морю, Тюштянь накрыл его платком, из платка образовался мост, по которому мордва и перешла за море, а мост за удалявшейся мордвой постепенно разрушался, пока совершенно не исчез за последним человеком. Оставшаяся мордва, в свою очередь, пришла на мордовский берег, но было уже поздно: мост не существовал, и Тюштянь исчез из виду. Эти кашееды, так мордва сама себя называет, вынуждены были остаться на прародительской земле, признать над собой господство соседнего племени и принять христианскую веру.

Заморская мордва живет с Тюштянем в совершенном изобилии и довольстве, податей не платит и рекрутства не знает. «Эх, братцы! Пойдемте-ка за море искать нашего инязора Тюштяня! — восклицает мордва, когда на кого-нибудь из них найдет черный день, — уж то-то житье будет с ним!»

Тюштянь периодически меняет свою внешность: когда на родится месяц — он бывает юн, во время полнолуния — мужает, а на исходе месяца — делается маститым старцем.

148. О Тюште

Во многих преданиях и легендах столицей мордвы называют Арзамас или Починки. Вокруг них были расположены мордовские деревни, на которые делали набеги различные племена, в том числе и ногайцы. В этих городах были дворцы каменные, в которых жили мордовские цари. Царей было много. Самым известным из них был Тюштя. О нем я слышал от своего деда, которому было семьдесят шесть лет.

Сидел однажды Тюштя со своей женой-красавицей и детьми, гулял-пировал со своими друзьями-помощниками. Кто хвастался родом-племенем, кто хвастался нажитым богатством, кто детьми своими, дочерьми-красавицами. Тюштя сам бахвалился силой и войском своим, говорил, что он непобедим. А если и найдется кто смелый такой, против него войной пойдет, того он, как кошку, саблей зарубит, растопчет его своей конницей несметной, а трупы их сожжет и в пепел превратит. Он был молод, красив, одет очень нарядно и действительно силен, равных ему не было на свете. По своей натуре он был добрый, справедливый, народ не обижал, а все больше заботился о нем, все думал, как сделать так, чтобы лучше жилось ему. Пить-гулять Тюштя тоже любил. Друзей у него было много, и часто он с ними советовался-пировал, пил пуре медовое, которое, говорят, пьянить пьянило, но ум не отнимало и с ног не валяло, только веселость и здоровье прибавляло, хворь всякую изгоняло. Мне бы, старику, пуре такое сейчас попробо-

вать — глядишь, годков на десять-двадцать моложе стал бы; а то вон какой я хворый стал. Сидит, значит, пьет Тюштя за столом своим дубовым, смотрит в окно, видит, яблони листьями затрепетали, ласточки сели на ветви и заговорили по-человечьи, что на его землю напали ногайцы и грозятся уничтожить народ, а его самого в полон взять... Посмотрел Тюштя в поле — черные тучи ногайцев идут, села и деревни горят, дымом землю заволакивает. Задумался Тюштя, как ему быть. Надел свою одежду железную, трубу взял медную и стал созывать народ. Пришли люди, и он сообщил им, что на мокшан и эрзян ногайцы напали. Призвал он с собой самых сильных и молодых и сказал:

— Только тот годится для борьбы с врагом, только того я возьму в свою дружину, кто сможет перейти, не отставая от меня, вон через гору.

Высокая была гора. Не все молодые парни могли поспеть за Тюштей. Только самые сильные не отставали от него. Собрал Тюштя свою дружину на той стороне горы и гневно закричал:

— Уничтожу тебя, царь неверный! Зачем ты пришел на мою землю?

Как тронулось войско Тюшти, земля под ногами закачалась, небо над головой заходило, ветер поднялся. Сама Масторава¹ застонала, реки заволновались. Долго, не зная устали, шло войско. На третий день в большом поле увидели высокий холм, близ которого стояло ногайское войско. Взял Тюштя свою трубу и крикнул:

— Зачем ты, неверный царь, пришел на мою землю? Выходи со мною биться один на один, как кошку, я тебя раздавлю, кровь из тебя поганую выпущу!

Побоялся неверный царь сразиться с Тюштей один на один, но пригрозил ему, что сам уничтожит Тюштя, а народ его в плен возьмет. У неверного царя войско было несметное. По сравнению с войсками Тюшти оно было как большой лес рядом с рощей. Услышав это, разгневался Тюштя, железную палку схватил и начал бой. Решил царя неверного убить и, как косой траву косил, расчищал сквозь войско к нему дорогу, забыв о своем войске. Много неверных он уложил. Вот уже царь спрятался в шатре, но когда Тюштя оглянулся — ужас охватил его. Все его войско лежало мертвым. Пригорюнился Тюштя: не знает, как ему быть. Вдруг, откуда ни возьмись, слетел с неба белый лебедь, посланец Нишке, и сказал:

— О чем ты плачешь, Тюштя? Без твоих слез Масторава мокрая!

— Как же мне не плакать, все войско мое побито, один я остался в живых.

— Ой, не печалься ты, Тюштя, об этом. Вон под той горой родник серебряный. Возьми ты из этого родника воду и окропи ею войско свое. Потом возьми медную трубу и скажи свое желание.

¹ Масторава — мифологическая богиня земли.

Сделал Тюштя, как лебедь велел, затрубил в трубу и крикнул:
— А ну, вставайте! Враг не разбит! Будет вам вечным сном засыпать!

Ожило войско Тюшти, встало и снова вступило в бой. Обрадовался Тюштя, пуще прежнего бьет он ногайцев, реками кровь их пускает, царя ихнего хочет достать.

— Все равно я тебя, неверный царь, убью, как котенка раздавлю! Выходи со мною биться!

— Оглянись-ка ты, Тюштя, назад, а потом хвались. Все войско твое побито. Один ты в поле.

Загрустил Тюштя пуще прежнего, к роднику пришел, на колени встал. Снова с неба лебедь белый прилетел и велел сделать то же самое. Снова войско ожило и, как буря, налетело на ногайцев. Испугались те, увидев чудо такое. И как ветром их сдуло — убежали все. Затрубил Тюштя в медную трубу, собрал народ и велел идти всем домой. К самому Тюште третий раз прилетел лебедь и сказал:

— Дело сделал ты великое. За это тебя не забудут. Иди теперь попей ты из родника и поклонись земле-матушке.

Попил Тюштя воды из родника, взглянул на небо, поклонился земле-матушке и пропал из виду. Как он пропал, родник сильнее стал течь, около него появился большой камень, а за камнем вырос могучий дуб...

Тюштянов было много, и много было рассказов о них.

149. Смерть Тюштяна

Последним мордовским князем был некто Тюштян, живший в XVI столетии. Это был правитель справедливый, беспристрастный и гонитель воров. За кражу малейшей вещи он приказывал вешать преступников на виселицах.

О смерти Тюштяна мордовское предание рассказывает так. Когда пришло время ему умереть, он задал своим подданным вопрос: умереть ли ему перед глазами их или удалиться куда-нибудь живому и там умереть? Народное собрание на это со слезами объявило ему:

— Очевидная смерть твоя будет для нас несравненно пригорбнее неизвестной твоей отлучки. После видимой смерти твоей нам не останется никакого утешения, а если ты уйдешь куда-то и умрешь там, то мы будем ожидать твоего возвращения.

Тюштянь послушался народа и ушел неизвестно куда, а на память о себе оставил будто бы трубу в кустарнике близ города Керенска.

В случае непогоды, когда шумел ветер, труба эта издавала звуки, и мордовский народ, слыша это, с радостью говорил:

— Царь наш еще жив...

Царь Тюштянь, вспоминает мордва, ушел с народом за большие воды, а мы подались сюда. Откуда он ушел — неизвестно. Старик и сейчас вспоминают Тюштяня, говорят так: «Если Тюштянь начнет войну, тогда мир скоро погибнет; если он начнет воевать, то разорит все страны, потом и мир погибнет».

О БОРЬБЕ С ВНЕШНИМИ ВРАГАМИ

151. О Нарчатке

Я слышал легенду о мокшанской царице Нарчатке, которая правила в городе Наровчат. У нее, говорят, был дворец белокаменный на Мокше-реке, на крутом берегу. Богатая она была: много скота, меда, хлеба, табунов лошадей имела, войско имелось у нее огромное. У Нарчатки был конь говорящий, саврасый, который спас девушку, собиравшую в поле травы целебные для своей матери. Человек десять ногайцев набросились на нее. Откуда ни возьмись, появился конь Нарчатки, копытами побил их и унес девушку в город. Та и сообщила о приходе ногайцев. Этот же конь за три дня до нашествия чужеземцев предупредил Нарчатку о беде.

Была Нарчатка красавицей, но, что особенно важно, имела богатырскую силу. Когда на нее напали ногайцы, она сама возглавила свое войско с дружиной из могучих воинов и нещадно била ногайцев. Много она их уложила. Уже и победа была близка, но ногайский хан взмолился тогда аллаху, и тот напустил на войско Нарчатки огромного ворона, который стал в огромную пасть свою набирать воду из Мокши-реки и лить на войско Нарчатки. От этого оно пришло в замешательство, да и людей много погибло. Тогда Нарчатка поскакала к своему дворцу и выпустила из железной клетки орла с железным клювом, охранявшего ее. Орел убил чудовище-птицу и снова вернулся во дворец. Обрадовалась Нарчатка и вновь начала биться. Тогда ногайский бог стал бросать сверху на войско Нарчатки камни, уничтожая ее войско. Взмолилась Нарчатка на восток шкабавазу¹, попросила помощи. Шкай обиделся, что Нарчатка поздно обратилась за помощью, но помог ей. Он сам вступил с аллахом в бой и не дал возможности больше уничтожать войско Нарчатки. Но было уже поздно; войско Нарчатки лежало мертвым. Долго шкай бился с аллахом, молнией-громом его разил, но до конца победить не смог, только отступил на восток. Нарчатка одна стала биться с ногайцами. Ни стрелы, ни мечи их не брали ее, никак не могли убить, словно заколдованная она была. Тогда ногайский хан взял у убитого воина

¹ Шкабаваз (мокш.) — бог.

мокшанскую стрелу и ею ранил Нарчатку в правую руку. Меч, что сек, словно молния, Нарчатка уронила. Она же угодила было стрелой в ногайского хана, но только ранила его. Тот пригрозил взять ее в плен и превратить в наложницу в своем гареме...

Обрадовались ногайцы и без боязни кинулись к раненой. Нарчатка поскакала к Мокше-реке: решила там собрать народ и изгнать пришельцев, но утонула.

152. Мокшанская княгиня Нарчатка

— Слышал я от своих стариков — жила в наших местах мордва, а правила мордвой царица Нарчатка. Наровчат был ее главным городом. Когда пришел с войском татарский хан Тагай, то она сама вывела против него свои войска, но была разбита и, спасаясь от плена, бросилась на коне в реку Мокшу в самом широком ее месте, около Пенясева. Усталый конь не мог переплыть реку с тяжелой вооруженной Нарчаткой и потонул вместе со всадницей.

Старики говорили, что Нарчатка не умерла, а живет в реке Мокше. В жаркие летние дни, в полуденную пору, она выходит на берег, сушит и расчесывает свои длинные черные косы. Косы покрывают ее с головы до пят.

Так рассказывали старики. После я сам видел ее. Пас я телят на берегу Пенясева заводи. И вот там, где Пенясева заводь полукругом вдаётся в берег, я ее видел не раз. Сидит себе на берегу и разбирает косы. А косы такие длинные. Сама смуглая, крупная такая. Сколько раз я хотел подкрасться поближе к ней, нет, усмотрит-таки, со всего размаха бросится в воду и пропадет. А место здесь глубокое.

153. Ибрагимов городок

Мордвин Абрам, или Ибрагим, вышедший из-за реки Кудьмы, поселился у впадения Оки в Волгу, на Дятловых горах, покрытых тогда дремучим лесом. У него было четырнадцать сыновей и три дочери: для них построил он семнадцать домов...

Колония эта названа была Абрамовым, или Ибрагимовым городком, а сам Ибрагим будто бы был выбран от всех мордовских племен кем-то вроде правителя.

Когда Абрам слышал о движении войск суздальских, муромских и рязанских под водительством Мстислава, принялся укреплять свой город, в котором всех жителей было тогда до пятисот человек. Он обнес город тыном, оградил валами да рвами. Укрепление это охватывало с севера к югу все пространство Коровьего ввоза до Лыковского съезда, а с востока на запад — от Ковалихинского ручья до речки Почайны.

В том укреплении Абрам устроил двое ворот: одни с южной стороны вала, широкие, с дубовыми створами, которые завалил

землей, другие тайные, на север, у самого Коровьего ввоза; а где должно было проходить войско княжеское, поставил караулы.

И вот Мстислав подошел со своим войском под Ибрагимов городок. Он не хотел проливать напрасно людскую кровь, а желал лишь только покорности мордвы и приобретения земель их. Мстислав вступил с правителем в переговоры, предлагая удалиться с Дятловых гор и признать над племенами мордовскими владычество князя Суздальского.

Абрам отвечал, что так как он не прирожденный владыка народа мордовского, а только выбранный правитель, то и не может принять на себя никаких условий без согласия всего народа, почему просил ему дать четыре года для сношений со всеми племенами мордовскими.

Князь Мстислав дал ему срок для объявления окончательного решения, но вместо четырех лет — четыре дня.

Хитрый старик сумел воспользоваться и этим временем: через тайные ворота своего укрепления он немедленно послал гонцов в ближайшие мордовские сельбища, требуя скорейшей помощи.

В две следующие затем ночи вошло в укрепление, через те же тайные ворота, более пяти тысяч человек мордвы, и до истечения срока, данного Мстиславом для ответа, Абрам велел открыть южные ворота и внезапно ударить по войскам великокняжеским.

Но и эта отчаянная решимость не принесла никакой пользы: Абрам пал в битве вместе со всеми своими сподвижниками...

Мстислав здесь оставил тысячу человек конных ратников и приказал им жить около Абрамова городища, а отнюдь не в самом городке.

Между тем мордва, узнав о гибели Абрама и его сподвижников, взволновалась и задумала мщение; суздальцы, поселившиеся у Абрамова городища, были обречены ею на смерть; шесть тысяч человек мордвы двинулись на них...

Но суздальцы, жившие у Абрамова городка уже около года, имели также и друзей между ближайшей мордвы, и эти друзья уведомили суздальцев о грозившей опасности.

Воины княжеские, видя, что только одна отчаянная храбрость может спасти их от гибели, решили предупредить мордву, сели на коней и бросились навстречу неприятелю, шестеро сильнейшему. Верстах в десяти от Нижнего, на нынешнем Арзамасском тракте, около того места, где теперь стоит деревня Новая, они, встретив пешую мордву, ударили по ней, пробившись через сметенные массы неприятеля без потерь и поскакали Березопольем к Боголюбову.

Мордва преследовала их далеко, но, будучи плохо вооруженной и без коней, ничего не могла поделать с суздальцами. Так и не удалось догнать ратников Мстислава, оставивших Ибрагимов городок.

154. Дятловы горы

Возник Нижний Новгород на месте большого дремучего леса. Высокие холмы по правому берегу Оки, прорезанные глубокими оврагами, назывались Дятловыми горами. А название, говорят, вот откуда пришло.

Во времена стародавние на том месте проживал мордвин Скворец, друг и помощник Соловья-разбойника, побежденного и связанного Ильей Муромцем.

Здесь он женился на восемнадцати женах; и было у Скворца семьдесят сыновей. Все они жили вместе, занимались скотоводством, пасли стада на горах, а по вечерам гоняли их оврагами на водопой к Оке-реке.

Тут же, в ущелье горы, обитал чародей Дятел, бывший также некогда в ладах с Соловьем-разбойником.

Вот раз пришел Скворец к Дятлу и спросил его о будущей судьбе своих детей.

И отвечал Дятел:

— Если дети твои будут жить мирно и согласно друг с другом, то долго им владеть здешними местами, а если поссорятся, то будут покорены соседними племенами, которые построят в устье реки Оки «град камень и крепок зело», и не одолеют его силы вражеские...

Долго толковали они. Под конец разговора Дятел просил Скворца о честном его погребении. Тот обещал. Время шло.

Умер чародей Дятел, и похоронил его Скворец на горе при устье Оки-реки. И прозвалось то место «Дятловы горы».

Умер за ним и Скворец. Перед смертью он завещал детям своим взаимное согласие и единодушие, но потомки их, перессорившись, стали враждовать между собой, и тогда Андрей Боголюбский изгнал их с устья реки Оки, а племянник его Юрий Всеволодович, построив здесь Нов-град Нижний, исполнил предсказание Дятла.

155. Предание об основании Нижнего Новгорода

Ехал русский князь Мурза по Волге; на ту пору на горе мордва в белых своих балахонах молилась богу; спросил Мурза своих воинов:

— Что это за березняк мотается-шатается, к земле-матушке на восток преклоняется?

Посланные донесли, что это не березняк мотается-шатается, а мордва своему богу молится; в бадьях у них стоит пиво сладкое, на рычагах висит ячница, в котлах янбеда (жрецы) говядину варят... Старики из мордвы, узнав о прибытии русского князя Мурзы, послали ему с молодыми людьми говядину и пива; молодые люди дорогой говядину съели, пиво выпили, а русскому князю Мурзе принесли земли да воды. Князь Мурза обрадовался этому

дару, принял его за знак покорности мордовского племени и поплыл далее по Волге-реке. Где кинет на берег горсть поднесенной ему земли — там быть городу, где бросит щепотку — там быть селу. Так и был основан Нижний Новгород.

156. Основание Нижнего Новгорода

Было время, когда мордва, живя в соседстве с другими племенами, не зависела от них. Но пришла пора, и одному из соседних князей понадобилась земля мордовская, и стал он просить у инязара¹ (князя) мордовского, чтобы он по старой дружбе и по соседству уступил несколько земли и именно столько, сколько можно охватить пеньковой ниткою, обмотанной вокруг человеческой головы. Инязарь согласился на просьбу своего соседа. Тогда соседний князь, выбрав из своего племени самого головастого парня, обмотал вокруг его головы бесчисленное число раз нить так, что голова парня казалась горою. Эта размотанная нить охватила много верст мордовской земли. Спихватился тут князь, да было уже поздно, и он добровольно отступил назад (от Волги), а соседний князь на уступленной земле построил город.

О ПОХОДЕ ИВАНА ГРОЗНОГО НА КАЗАНЬ

157. Первый проводник Ивана Грозного

Из царских проводников по Ардатовскому уезду первым упоминается мордвин Калейка, живший в лесу. Он имел много пчельников, и, таким образом, переходя с одной борти на другую, где находились его ульи, он провел его в Казань. За услугу царь хотел наградить мордвина деньгами, сколько ему будет угодно. Но Калейка денег не пожелал, а только сказал царю, что если ему будет угодно жаловать, то он пожаловал бы его лесом, в котором живет и по которому проводил царя. Желание мордвина было исполнено. Ему дано в награду несколько сот десятин земли с лесом.

Награжденный Калейка пробудил зависть у других окрестных жителей и стал их жертвой. Разбойники, известные под именем Фомят, задумали убить обогатившегося мордвина. Когда решили исполнить это злодеяние, то пришли к Калейке и нашли его сидевшим на сосне. Два пса были верными ему стражами. Фомята сначала убили псов, а потом приказали слезть и мордвину. Калейка начал умолять о помиловании, обещал им множество золота и серебра и даже само свое владение.

— Нам не нужно, — отвечали Фомята, — ни золота, ни серебра, нам нужно тебя самого. Слезай сюда, и мы убьем тебя.

Так кончил жизнь проводник царя с воинством.

¹ Инязарь — искаженное мордовское слово «инязор», что в переводе означает царь.

Вторым проводником Ивана Грозного был также мордвин села Кужендеево Ардатовского уезда. Одни называют мордвина Ивашкою Кельдяевым, другие называют его Кужендеем, основавшим село Кужендеево. Этот мордвин был сыном Пуреса и братом Ерзи, который с женой Масьей основал город Арзамас.

Кужендей жил в лесу. Занимался он бортничеством. Найдя Кужендея среди густого леса, Иоанновы воины привели его к государю. Царь спросил, что он за человек? Но ответа не было, потому что мордвин не только не понимал, а даже и не слышал русской речи. Разгневанный молчанием, царь отдал приказ повесить его на дереве. Но слуги упростили царя подождать и поискать, не найдется ли кто из ратников ополчения, который умеет говорить по-мордовски. Нашелся один такой знаток русского и мордовского языков.

Не зная всей дороги, Кужендей дал обещание довести их до своего старшего брата, который лучше знает дороги по лесам. Спустя некоторое время, проводник остановился и сказал, что у него есть «топло», то есть ночлег. На этом месте царь ночевал со своим отрядом и назвал то место Тепло. Здесь ныне стоит село Теплово, в двадцати четырех верстах к северо-западу от Ардатова.

После ночлега Кужендей сбился немного с известного пути, немало водил царя по лесу и наконец, выйдя на знакомую поляну, сказал: «Молякса», то есть молитесь за то, что нашел дорогу и теперь может провести их до брата Ерзи. Царю понравилось место поляны, и при всей поспешности он приказал тут остановиться. На этом-то месте стоит село Молякса, в шести верстах к юго-востоку от Ардатова. От Моляксы Кужендей вел царя, не сбиваясь, до самого Арзамаса, а далее был проводником его брат Ерзя.

За услугу Кужендея царь пожаловал его перстнем. Мордвин не знал, как это называется. Русские объяснили ему, что это перстень или кольцо. Кужендей, желая затвердить это слово, повторял: «Гольцо, гольцо», отчего и получил фамилию Гольцова. Возвратившись из Казани с полной победой, Иоанн не забыл Кужендея, пожаловав его вместе с потомством землей и лесами, в которых в свое время был найден мордвин.

159. Ардатов

У Ивана Грозного был приближенный, правая рука — Ардашка, который во время борьбы с татарами был послан за подкреплением в Рязань. Он пришел в самый критический момент.

На этом месте возникло село, а потом — город Ардатов.

Другим приближенным был Тоторшка. Его именем названо село Тоторшево — пригород Ардатова.

Немного не доезжая до Самары, на низменной луговой стороне, возвышается оригинальный курган, называемый «Царев курган». Расположенная с северной его стороны деревня называется Царевщина. Форма кургана, видного издали, очень оригинальна: она представляет собой холм, и притом настолько правильный, что сама эта правильность намекает как бы на искусственность происхождения кургана. По этому поводу существует сказание.

Иоанн Грозный считал здесь свое несметное войско: он приказал каждому воину принести на место ночлега горсть земли. И вот его войско насыпало Царев курган.

161. Почему эрзяне не были крепостными

Было время, когда эрзяне и русские попали под власть татар. И остался только город Казань. Жизнь и той и другой стороны зависела от взятия Казани. И вот русские и эрзяне устроили совещание, на котором постановили дать все, что ни попросит, тому, кто сумеет уничтожить татарское войско. И вот один эрзянин нашелся и взялся взорвать путь, по которому должны были пройти татарские войска. Подвел он мину, провел фитиль, поставил свечи в подземелье, где находились пороховые бочки, и снаружи, в качестве сигнала.

Ждали долго, а татары продолжали двигаться. Наружные свечи уже давно догорели, догорела четверть второй свечи. Войско татар было уже на том месте, где были зарыты бочки с порохом. Даже половина его перевалила через него, а взрыва не было. Эрзянина, как изменника, повели уже на казнь. И вот за три минуты до казни произошел взрыв, все войско взлетело в воздух, перемешавшись с землей. Эрзянина не казнили, а всю эрзю по этому случаю освободили от крепостничества и в солдаты не берут.

162. Почему мокшане не были крепостными

Слышал я от сельского старика, что мокшане никогда не были крепостными, а это получилось потому, что как-то раз Петр I или Иван Грозный шел с войском по тем местам, где жили мокшане. Шел для подавления какого-то восстания. Остановились в мокшанском селе. А бояре против царя составили заговор, собираясь назавтра убить его, в каком-то месте, куда царь должен был пойти. Сошлись бояре в одну избу и совещаются, как лучше это сделать. Договорились они, а не бояться мокшанской девки, не подозревали, что она поймет. Девка сидела на печи и все слышала, да была из такого дома, где кое-как понимали по-русски (может, богатый, знающий русский язык мужик жил).

Услышала девка, поняла все, но никому не сказала и побежала, где царь на ночь остановился. Лезет туда, а стража не пускает. Гонят ее, а она лезет и говорит:

— Мне с ним одним поговорить надо, с глазу на глаз.

Кое-как все ж добилась и прошла к царю, очень упорная. Царь выслушал, поверил иль не поверил, но решил проверить все, так как измены не ждал. Девке сказал:

— Сейчас тебя выпорют, чтоб никто не догадался, что ты донесла, и бояр не спугнуть. А будет все правдой — я народ твой отблагодарю.

Выпороти девку, а на другой день царь пошел туда, где его хотели убить бояре (от девки все уже в точности знал), а своих людей подготовил. И точно — там оказались подготовленные боярские убийцы. Все подтвердилось. Царь всех бояр устранил и разобрал это дело. И в честь этого приказал никогда не закрепощать мокшан и эрзян за то, что царя спасли.

163. Девичьи Горы

В северной части Лукояновского уезда, почти на границе его с Сергачским, есть одно небольшое селение, называемое Девичьи Горы.

Селение это расположено в довольно живописном месте: на высоком холме, с вершины которого раскрывается прекрасная панорама. У самой подошвы холма по зеленой обширной равнине извивается небольшая река Чека, далее синеет лес, справа виднеется издали большое торговое село Маресево, а несколько влево, на расстоянии верст двух, находится другое село Сумароково и рядом с ним — хутор одного из мелких местных землевладельцев Лютера.

Девичьи Горы — село небольшое, скорей похожее на деревню, тем более, что и церкви-то в самом селе нет, а стоит она где-то странно поодаль, почти в версте.

Существует одна легенда, объясняющая название села Девичьи Горы. Легенда эта относится ко времени второго похода Грозного под Казань. Известно, что поход этот совершался следующим образом: главные силы двигались по Оке и Волге, царь же с меньшею частью войска направлялся от Мурома к Свияжску сухопутно: путь его пролегал через пределы южной части теперешней Нижегородской губернии, представлявшей в то время сплошные дремучие леса с топкими непроходимыми болотами; в этих лесах были отдельные сельбища.

Легенда говорит, что на том месте, где теперь расположено село Девичьи Горы, Грозный, шедший на этот раз без проводников, заблудился в лесу и, встретив на пути обширные непроходимые болота по ту сторону Чеки, вынужден был остановиться. В течение нескольких дней разосланные царем люди отыскивали переправы, но повсюду встречали такие же болота. Проведав о та-

ком затруднительном положении рати, окрестные жители задумали сделать внезапное ночное нападение на царскую ставку. Вооруженная длинными колыями толпа в ночной тишине прокрадывалась лесом и уже приближалась к палатке Грозного, но в это время по берегу реки Чеки шла мимо какая-то девушка. Подслушав разговор, она узнала, какая опасность грозит царю, и пустилась было бежать, чтобы предупредить спавшую дружину, однако ее заметили и перехватили, тогда девушка начала кричать, крик ее был услышан, проснувшись царская рать, и нападающие были отражены. Когда настало утро, на вершине холма увидели труп девушки, висящий на копьях, воткнутых в землю. Узнав обо всем, Грозный с почетом похоронил свою спасительницу и над ее могилой велел построить церковь из тут же срубленных дубов. С тех пор место это и стало называться Девичьими Горами. Невдалеке от церкви образовалось впоследствии селение, на которое теперь и перенесено название самой местности.

164. Девичьи Горы

В Большеболдинском районе есть небольшое село с красивым, поэтическим названием Девичьи Горы. Расположенное у подножья довольно высокого холма, селение это весной утопает в розовом яблоневом цвете, а осенью — в золоте богатого листопада.

Старожилы Девичьих Гор говорят, что их селение получило свое название несколько столетий тому назад, во времена знаменитого похода Ивана Грозного на Казань.

В ту пору, когда царь вел свое войско против татарского ханства, на месте теперешнего села стояла маленькая деревенька. И вот жители, узнав о походе Ивана Грозного, ополчились против московского царя, устроили заговор и решили убить его.

Одна девушка-мордовка услышала про недобрый замысел своих односельчан, села на коня и помчалась в стан Ивана Грозного. Она сообщила царю о том, что собираются сделать жители ее селения. Иван Грозный выслушал рассказ девушки, горячо поблагодарил ее за вести и наградил дорогими подарками. Но когда девушка вернулась в свою деревню, злые люди убили ее.

Весть об убийстве девушки дошла до царя, и он велел похоронить ее с великими почестями, как славного воина. А после похорон Иван Грозный приказал насыпать на могиле девушки-спасительницы высокий холм. Для этого каждый воин должен был принести к могиле по шапке земли.

Много воинов было тогда у московского царя, и все они свято выполнили приказ своего полководца, и вырос на могиле девушки высоченный холм.

По воле Грозного в деревеньке у подножья холма поселилось несколько воинов, а само селение с того давнего времени стало именоваться Девичьими Горами.

165. Предание о крещении мордвы в Тамбовской губернии

Лет полтораста-двести тому назад мордва Тамбовской губернии были язычниками. К ним не раз приходили православные священники и убеждали их принять православие. Мордва с удовольствием слушала евангельскую историю, — все им нравилось в православной церкви, за исключением обряда троекратного погружения в воду при совершении таинства крещения, и только из-за этого долгое время отказывалась мордва от крещения.

Православное духовенство, наконец, решило прибегнуть к хитрости. Избрало из мордвы человек пять наиболее уступчивых, назначило им день крещения и объявило об этом всему селу. Как любители всяких зрелищ, мордва собрались на берегу речушки. Духовенство расположилось на противоположной стороне. Когда наступило время для погружения в воду, изъявившие желание креститься по приглашению священников пошли к ним через речку вброд. Когда они шли по воде, священники произносили совершительные слова таинства крещения: «Во имя отца и сына и святого духа». Затем над новокрещенными совершалось таинство миропомазания, после чего им давали по кружке водки...

Некоторых и так крестили.

166. Крещение Петром мордвина

В Чембарском уезде есть село, называемое Нежежином. Относительно этого села передают любопытный рассказ.

В том месте, на котором стоит Нежежино, раз проездом остановился Петр Великий. Увидев одного мордвина со звериными шкурами, государь пожелал узнать, кто и откуда он. Мордвин при этом разговоре не скинул шапки, за что Петр назвал его нежежею, и потом спросил, верует ли он во Христа. Мордвин отвечал, что не знает ни Христа, ни его, Петра. Тогда государь стал уговаривать язычника креститься, и когда тот согласился, Петр сам был восприемником при его крещении и подарил ему для звероловства место нынешнего села Нежежина, которое в то время покрыто было густым, изобиловавшим разными зверями лесом. Новокрещенный мордвин поселился на подаренном месте, и в память столь важного для него события сам принял фамилию Нежежина, а место, на котором поселился, назвал Нежежином, которое впоследствии пополнилось новыми жителями и сделалось селом, удерживавшим до сих пор название, данное Петром Великим.

В Оркино, по преданию, тамошнюю мордву крестил священник Андрей Антипов, около середины прошлого столетия. Крестилась она неохотно: когда явилось в Оркино начальство и пошел причетом, то мордва пряталась. Их разыскивали и потом крестили в пруду, в который гнали палками. Рассказывают, что один мордвин, подгоняемый таким образом, бросился на попа и потащил его с собою в воду.

168. О появлении мордвы на левом берегу Волги

Когда мордва бежала от крещения, от Арзамасского архиепископа, она дошла до Волги. Остановилась лагерем на обед. Питались все вместе. Поставили дозор, чтобы дружина архиерея не достигла. И вот дозор сообщает, что движется дружина архиерея. А люди еще обедают, не кончили. Одни кричат: «Давайте переедем!», другие, жадные, остались доедать кашу. И остались на той стороне.

169. Летопись о церкви

Год строят церковь — не строится. Выстроят — рушится; хорошо строят они — дело ни на шаг вперед нейдет... Призадумались строители, собрали сходку и говорят: церковь наша, старики, не строится... Это чего-нибудь, да не так. Подумали, потолковали старики между собою и пришли к заключению: чтобы церковь прочно стояла, молитвы молящихся были приняты богом и дело пошло успешнее, под церковь нужно что-нибудь положить. Если хлебный сноп, толкуют они, положить под нее, то хлеб перестанет родиться; если какой-нибудь скот положить, то скот перестанет множиться, да не так приятно будет и богам-то... Видно уж человеку нужно положить... нужно будет девицу, чистую, непорочную душу положить...

На том и порешили старики. Да только вот в чем беда: кто согласится заживо свою дочь под церковь посадить. Судили-рядили и кинули жребий, и пал жребий на двух братьев Солодю и Сульдю, один из которых должен был свою дочь под церковь положить. Кому своего дитя не жалко?

Порешили Солодя, Сульдя из другого села девицу похитить. Заложили они пару лихих и отправились в степь за Самару. Там остановились они в лугах недалеко от мордовского селения Тумолово (Поддубное). Сколько времени пришлось дожидаться им — неизвестно; но вот видят они — целая толпа тумоловских девушек отправилась в степь по ягоды. Оставили пару свою в овраге, сами залегли за ближайшим к девушкам холмом, подпустили их на близкое расстояние, выбрали что ни на есть лучшую; кинулись на нее, скрутили ей руки, ноги и увезли.

Подруги этой бедной девушки кинулись домой и рассказали о случившемся. Все селение всполошилось и кинулось в погоню, да ни с чем вскоре разошлись: не знали даже, куда и в какую сторону умчались их Снальте (так звали похищенную девушку).

Солодя и Сульдя благополучно прибыли домой и объявили всем, что они вместо своих дочерей достали чужую. Повели Снальте в баню, вымыли ее там хорошенько, расчесали и заплели белокурую косу.

Солодя и Сульдя вскоре, вероятно, после постройки церкви переселились в Новую Бесовку, находившуюся в двадцати пяти верстах. Потомки Солоди до сего времени здравствуют, а они точно также уверяют, что приведенное предание совершенно сходно с их семейным преданием...

Одеди ее в полный мордовский девичий костюм. Девушка она красивая: лицо белое, полное, щечки румяные, ротик маленький, губы пухленькие, розовенькие, носик правильный, глазки голубые, белокурая коса до самых пят опускается, телосложения плотного, как обыкновенно у мордочек, стройная, росту среднего — заглядение девушка. На нее глядя жалость так и берет, только Солодя и Сульдя непреклонны.

Снальте, чуя недоброе, начала умолять своих похитителей, чтобы они открыли ей, зачем ее похитили. Но те упорно молчали. Тогда она начала их заклинать: «Если вы хотите замуж взять за кого-либо из членов вашей семьи, то благословит вас господь бог и да наградит всем. Но если похитили, желая погубить, то пусть накажет вас господь бог всех и вся...»

Вот привели Снальте к строящейся церкви, положили ее вверх лицом на поясницу поперек бревна, сверху положили два бревна, надавили на оба бревна за концы, сломили ей спинной хребет в пояснице. Потом посадили ее, бесчувственную, в загодя вырытую яму, возле которой был врыт столб. К нему ее и привязали. И тогда пошла-закипела церковная работа.

А несчастная Снальте трое суток, пока была жива, кляла бесовцев, сначала громко, а потом все тише и тише и под конец чуть слышно.

Она, между прочим, следующее заклятие сделала: «Дай, господь, чтобы у вас, бесовцев, во веки веков не было добрых коней за то, что они подо мною не пали; если бы они пали, то, быть может, монахи похитителей догнали-настигли мои родители и отбили бы от них... За то, что вы меня лишаете жизни и моим детям не дали возможности не только жить, но и родиться на свет, пусть мстит вам господь до двух и трех поколений кряду».

Потом она же предрекла по непонятной причине, что до известного срока пожаров в Старой Бесовке не будет. Ведь это все так, сынок. Увидишь ли ты у кого-нибудь из бесовцев добрых коней? Нет. У нас, как в других селениях, из поколения в поколение счастливо живущих семейств тоже нет. И о пожарах, ею предреченных, сказание тоже исполнилось. Старик (самые старые) не пом-

нят, когда в Бесовке пожар был, да вот и я стара стала, а пожаров не видала... А по происшествии ею предреченных лет, вероятно, и пошли пожары: в году несколько пожаров было... Да ладно одна знахарка надоумила наших бесовцев обедни и панихиды по ней служить и поминать блинами, лепешками, яйцами и сыченым медом¹. Ну, с тех пор как последовали совету доброй знахарки, пожаров вроде бы и не стало.

Ах да, сынок, я и позабыла было всю эту печальную историю досказать.

Вот через три дня, как привезли сюда Снальте, прибыли сюда по следам родители: отец и мать. Последняя долго вопила возле безвременно похороненной дочери своей Снальте, которая в это время была жива еще: время от времени билась и издавала как-то невнятные звуки. Потом отец Снальте сказал матери: «Что сделано — не исправить нам, а плакать смешно, перестань».

Старая Бесовка, как, вероятно, большая часть селений, разделена на четыре квартала. В воскресенье перед вознесением после обедни из каждого квартала по две старушки идут сварить² яйца, на выреченном таким образом деньгах служат обедню, покупают свечки; на остальные деньги покупают мед для пива. В воскресенье после вознесения после обедни идут старушки к левому клиросу с внешней стороны до конца. Тут же съедают все блины, лепешки, яйца, выпивают все сыченое пиво³. А потом расходятся по домам.

170. Предание о том, как один мордвин торговался в церкви при покупке свечки

Прежде в мордовских селах церквей не было. Село Пичуры располагалось близ русского села Телешевки. И в нем не было церкви. Когда от властей пришло распоряжение строить в селах церкви и кабаки, жители этих двух селений собрали сходку. Обсуждали вопрос о том, в каком селе строить церковь, в каком — кабак. Русское село Телешевка согласилось построить церковь. В постройке церкви участвовала и мордва, для этого она пожертвовала часть своей земли. Как в праздничные дни ударят в колокол — отдельные старики и старушки села Пичур шли в церковь богу молиться. Остальные собирались в кабак.

Один старик-мордвин из зажиточных отроду не представлял, что такое церковь и как молиться в ней. Однажды в праздник Николая он отправился в церковь молиться. Зашел в церковь, не сняв шапку. Приходит церковный староста, продающий свечки. Староста говорит ему:

— Что шапку не снимаешь? Ведь ты находишься в церкви.

А он отвечает:

¹ Сыченый мед — хмельной напиток, приготовленный из пчелиного меда.

² Сварить — вероятно, диалектное слово: продать, обменять.

³ Сыченое пиво — настоянное на меду.

— Я не знаю этих порядков. А почему,— говорит,— эти штучки? (он даже не знал названия свеч).

Тот отвечает:

— Две копейки.

А старик говорит:

— Очень дорого,— и отошел к народу.

Когда отходил от старосты, произнес:

— Постойшь, постойшь, подешевле отдашь, уступишь небось.

Когда кончилась обедня и народ стал уходить, он подошел опять к старосте и спрашивает:

— Ну, теперь почему отдашь?

А тот отвечает:

— У нас здесь не торгуются, остается прежняя цена.

Старик на этот раз говорит:

— Ну, тогда делать нечего, придется взять. Так бы не взял, но гуся зарезал для праздника Николая-чудотворца. Надо ему помолиться.

О РАЗИНЕ И О ПУГАЧЕВЕ

171. Алена

Гулял в разинские времена по нашей нижегородской земле отряд. А в нем главная сила — крестьяне крепостные, что бежали от помещиков, да городская голь-беднота. И каждый при себе оружие какое-либо: свое ли, домашнее, или добытое в бою, барское, носил. К тому же каждый в отряде порядок какой надо крепко соблюдал и всем военным премудростям ладно обучен был, и действовали все согласованно да умело. И не было от отряда царским войскам покоя ни днем ни ночью.

Не жаловали люди из отряда и усадьбы помещицы, да и хозяев их жадных. Вот и возненавидели тогда господу всех мастей и званий отряд этот славный. Особенно ненавистным и обидным казалось им то, что главарем в этом мужицком отряде была простая баба по имени Алена. Оно, конечно, мужиком ее не назовешь. Но простой Алену Ивановну, может быть, и нельзя именовать, потому что выделялась она умом своим недюжинным да и грамотешкой, знать, ведала. И была она беглой монахиней какого-то монастыря, а родом из Выездновской Слободы.

Там, в обители своей женской, вволю насмотрелась она с юных годков чудес неописанных, сполна хлебнула из чаши горя народного, вдосталь наносилась рясой иноческой. Опостылело ей все это до смерти! И, дай бог ноги, оставила старица Алена келью свою тихую, да в чисто поле отправилась. А там к отряду вольному пристала.

Ну, прошло с той поры какое-то время. Присмотрелись к ней мужики отрядные поближе, удаль да смекалку ее завидную как

подобаает оценили, и стала тут Алена Ивановна атаманом их войска доброго.

С тех дней и пошла молва народная про Алену-атамана да про отряд ее смелый. Отваге да сметке молодцев Алениных завидовали даже враги, а про атамана говаривали, что ее в бою ни пуля не берет, ни сабля не сечет. И то сказать: слава такая неспроста по земле катилась. В любом сражении не знала Алена страха, и никто из господ да слуг их верных и наймитов вражьих не отваживался с ней вступить в единоборство. Ловко владела она оружием разным и на коне скакала лихо, словно казак молодой.

И вот задалась царские воеводы целью: уничтожить отряд Алены, а атамана обязательно в плен взять. Цель-то есть, а выполнить ее как? Аленин отряд не только уничтожить, выследить и то трудов великих стоило!

Тогда обратились те воеводы за помощью к попам. Ну, а святыми отцами и найдено: распустили они в народе слух, что Алена — колдунья, что общается она с нечистой силой — дьяволом, ему, мол, душу свою продала. В арзамасских церквях предали ее проклятью; попы к прихожанам обратились, содействуйте, мол, люди православные, делу избавления от преданной анафеме Алены...

А она, не будь плоха, сама не хуже поповских обращения к народу да заклинания сочиняла. Одно из них особенно запомнилось людям, и пошло оно гулять по белу свету от человека к человеку, из селения в селение: «Встану, благословясь, пойду, перекрестясь, за правое дело, за русскую землю, на извергов, на недругов, кровопийцев, на дворян, бояр, на всех сатанинских детей! Выйду боем на чистое поле, свищут пули, я пуль не боюсь, я пуль не страшусь. Не троньте, пули, белые груди, буйную голову, становую жилу, горячее сердце! Скажу я пулям заветное слово: лети-те, пули, в пустую пустынь, в гнилое болото, в горячие камни, а моя голова не преклонится, а моя бела кость не изломится. Про то знает дуб да железо, камень да огонь. Аминь!»

Народ слышит то заклинание Аленино, запоминает слова его страстные и уважением да любовью к атаману проникается. И идут, идут в отряд ее праведные люди от сохи да верстака, чтобы с добрым атаманом честные дела вершить.

Но случилась раз с отрядом беда непоправимая. Как волки лютые, рыскали повсюду сынки дворянские, слуги Долгоруковы по городам и весям нижегородским, по лесам дремучим да лугам заливным. Вынюхали они след, подобно ищейкам дьявольским, и навалились всем войском на отряд Аленин. Крепко дрались люди трудовые, да не хватало сил, чтобы махину такую победить. Смяли, уничтожили они Аленин отряд, а отважного атамана в плен взяли.

И тут судить ее стали царские слуги. Да что из того толку-то? А те уж и приговор о казни через сожжение зачитывают.

Алена выслушала спокойно решение это господское да и молвила, будто в бумаге той вовсе не про нее говорилось:

— Когда бы все так воевали, как я, то князь Юрий наострил бы от нас лыжи...

Вот какая была Алена-то, атаман наш нижегородский!

172. О Емельяне Пугачеве

...Емельян Пугачев шел на Казань через город Курмыш Симбирской губернии, который от города Ядрина находится в двенадцати верстах по реке Сура... Мордва, жившая в селе Шокино Нижегородской губернии, находящемся от Ядрина в десяти верстах, а от Курмыша — в шести, узнав, что Пугачев приказывает вешать господ и причты¹ церковные, обирающие народ, устремилась в город Ядрин.

В город Ядрин Пугачев не заехал, а проехал двадцатого июля через город Курмыш. Вблизи Курмыша, на другой стороне реки Суры, и поныне стоит село Ильина Гора. Дедушка мой в это время был там дьячком.

В Ильиной Горе двадцатого июля храмовый праздник, и причт, в числе коего был и мой дедушка, служил перед обедней молебны.

Вдруг видят, едет казак и кричит громким голосом:

— Встречайте, царь сейчас переедет через Суру.

Смотрим, как говорил дедушка, доподлинно едет Пугачев верхом на светло-желтом коне.

Одет Пугачев был в кафтан, и нагайка висела через плечо.

Около него верхами ехали два генерала с бородами, в лентах. Один Белобородов, а другой Белокопытов, как теперь, помню их фамилии, по рассказу дедушки моего.

Причт вышел навстречу с крестом и святой водой.

Пугачев слез с коня, приложился к кресту, и священник окропил его святой водой. У села Пугачев остановился отдыхать и велел причту после обедни явиться к нему в лагерь.

Причт явился, и Пугачев подал всем водки, а потом говорит:

— Ну, отец! Спасибо тебе, что ты почтил меня как царя своего. Когда возвращусь в Москву на престол свой, то тебя и дьячка вызову к себе и сделаю тебя первым протопопом, а дьячка твоего — попом.

Причт пал ему в ноги за это...

Отсюда Пугачев тронулся большою дорогой к Вильскому базару Ядринской округи и там тоже остановился отдыхать.

Чуваши свезли к нему тут разных членов причта, связанных, и жаловались Пугачеву, что они их крайне обижают и разоряют.

Пугачев в ответ махнул белым платком, и тут же всех попов, которые притесняли людей, чуваши казнили.

¹ Причт — духовенство какой-либо церкви.

...Через полгода по приказу императрицы Екатерины всем попам, встречавшим Пугачева с иконами, были отрезаны уши. Ильинский причт избежал такой страшной казни — крестьяне не выдали его.

Чуваши, ободренные Пугачевым, долго не могли успокоиться: они приходили в город Ядрин из-за Суры и кричали:

— Царь Петр Федорович приказал давать нам даром соли за то, что мы вешали попов и богачей, обижающих нас...

По приказу властей их ловили и сажали в тюрьму, а потом некоторых вешали, а иных засекали до смерти, посыпая раны солью.

За борьбу с Пугачевым ядринскому купцу Засыпкину и купцу Упрямкину императрица Екатерина пожаловала потомственное дворянство и по серебряному с позолотой ковшу.

Один такой ковш и сейчас хранится в Троицкой церкви города Ядрина, а другой исчез, как исчезли кафтаны и сабли, подаренные Екатериной, и дарственная грамота жителям Ядрина.

Ядринские мещане долго вздыхали по этой грамоте, говоря:

— Екатерининной грамотой земля была дадена, и кто-то стащил эту грамоту...

О РАЗБОЙНИКАХ И КЛАДАХ

173. Золотой гусь

В селе Савкине старухи рассказывают известную легенду про золотого гуся, которая, по их словам, состоит в следующем.

Какой-нибудь богатый скряга, имеющий большие деньги, рассердится несправедливо на своих ближайших родственников и лишает их возможности воспользоваться наследством, зарыв деньги (золото) где-нибудь в потаенном месте. Скряга умирает, но деньги его не остаются лежать в скрытом месте. В один прекрасный момент ночью они выходят из своей могилы, превратившись в гуся. Этот гусь ходит по ночам и может какому-нибудь счастливицу попасться навстречу. Но взять богатство надо уметь.

Человеку, который встретит в неурочную пору гуся, примет его за наваждение, испугается и выругается черным словом — богатства не видать как своих ушей. Наоборот, при встрече с гусем нужно перекреститься и пнуть его ногой, при этом гусь рассыпается золотыми деньгами, и счастливый может взять их.

174. Белая свинья

Одна старуха говорила, что у реки Вяжга, близ озера Шелубей, был камень. Этот камень и сейчас там, только завалился землей. Моя мать ходила к одной русской гадать на бобах.

После этого пошли к этому месту вчетвером искать клад. Нашли место, начали копать. Двое копают, а двое отдыхают. Смотрят, вышла белая свинья. Щетина у нее толщиной с палец.

Свинья подошла к отдыхающим, да к ногам голову просунула. Все испугались. Никто ничего говорить не может, разбежались в разные стороны.

— А может быть, это свинья и была?

— Нет, это клад был.

Пошли они опять к той русской женщине, рассказали все.

— Эх, дураки, да это клад к вам приходил, а взять вы его не смогли.

175. Клад башни

Говорят, что у Гогина Семена из села Шокша есть книга «Черная магия». В книге пишут, что в башне заложен клад. Кто говорит, что там жили богатыри, а кто говорит—разбойники. В обеденное время там выходит утка, собака, бык или солдат на маленькой лошадке. Это и есть клад.

На том месте росли большие дубы, очень толстые. На один пень садились шестеро разбойников играть в карты, да еще оставалось место.

Разбойники жили на пригорке в яме. Они оттуда наблюдали, кто проедет, кто пройдет. Если пройдет большой обоз, то они не выходили, а если пройдет маленький обоз, то грабили этих проезжих.

При поисках клада там находили подковы, тарелки, кинжалы. Кинжал долго существовал у нас в селе, им резали свиней.

176. Клад

В городке, где вы копаете, есть большой клад. Старые люди говорят, что там очень много добра. Многие слышали, как мычат быки Аная и Куцьяса, другие говорят, что это клад пугает. Значит там что-то есть.

Говорили, что на этом месте жил страшный разбойник. Он много людей убил и собрал клад. Для награбленного добра построил подземные склады, сделал городок. Склады закрыты железными дверями.

Перед пасхой двери сами открываются. Это открывает их тот самый разбойник, который грабил и убивал людей. Он жив и теперь, но весь высох, превратился в маленького человека-карлика. Он никогда не умрет: за разбой наказан бессмертием и приставлен караулить свой клад. Вот он и открывает железные двери. Кто войдет в них, в эту ограду, там и останется вместо этого старика караулить добро, а старик выйдет и умрет. Поэтому и никто через эти двери не ходит за кладом. Кому, грешным, охота туда попасть.

О НАЗВАНИЯХ СЕЛЕНИЙ И УРОЧИЩ

177. О происхождении села Старое Бадиково

Старое Бадиково, вроде бы, переселилось из Ачадова. Решили переселяться на новые места и почти целый год бродили, все места хорошего нет. Да и ходили-то, наверное, вокруг, потому что и мимо Самарской губернии прошли. Наконец нашли: берег реки, других сел близко нет. Основали село.

Через год свинья убежала: скота было много, недоглядели, к весне она дверь сломала и убежала. Хозяин пошел по следам. Бежит по следу, топором дерева метит. Верст двадцать прошел.

— Что за село?

Подошел к мужику, а это его сват, оставшийся в Ачадове.

— Ты откуда?

— С Амура, с переселения. За свиньей пришел, убежала.

— А далеко живете?

— Целый год добирались.

— А свинья когда убежала?

— Да вчера.

— А сколько же верст?

И тут поняли, что они и теперь рядом живут, в двадцати верстах. Изругались, шли-шли, а кинь сильней палку (байдек) и до нового села почти достанет.

178. Боярское озеро

Бабушка, жившая до девяноста лет (умерла лет пятьдесят назад), Агафья Мигачева, ее второй муж—неродной дед Антон Мигачев, а также прадед Федор Павлович Супонин рассказывали это.

Смолоду бабка была сиротой и работала кухаркой у попа, поэтому со всеми встречалась и разговаривала. Церковь-то была в исторических местах, вот ей и рассказывали все, что знали. Бывало, уже старухой рассказывает и плачет:

— Вот это было, и вот такое сказывали...

Когда-то лет триста назад жил последний мокшанский князь. Был он здешний, и народ его уважал. И он людям был как свой, даже всю землю оставил им, когда перед миром отказывался закрепить свой народ. Жил лишь с женой, без детей, а прежде сам или его предки обитали на Бояри эрьхке (Боярское озеро). И вот, когда он отказался, а мокшане были еще язычниками, на это место и на Бояри эрьхке наметился Яграш. Он князем не был настоящим, и совсем не нашей губернии, а так, попал в барины через подкупленных людей.

Очень за это место Яграш хотел удержаться. Тут и вечное озеро было (чем пруд себе барский делать, а тут готовое озеро!). А главное—это место было вечного боярства мокшанских князей.

Решил Яграш стать барином потому, что с братом своим разделился. Богатство уже имел, правдой добытое или грабленное, а барства не получил и надумал занять место после мокшанского князя, отказавшегося ради своего мокшанского народа.

Он действовал умно. С губернатором, наверное, тамбовским договорился, и священник ему был знаком.

А что губернатор да митрополит в те времена делают, то так и бывало. Любое дело по-ихнему было. Губернатор и митрополит были родными братьями, оба за бояр. Один стал духовным, другой—властью.

Яграш-то был с деньгами. А тогда, если деньги достал, с ними все сделаешь. Не князь, а выходец из простого сословия за золото совсем было село взял. Без законных бумаг, с губернаторского и митрополитского указа, сделали какие надо документы, и Яграш начал строиться. Поселился, еще не достроив себе дома, а хотел он дома разные строить на месте нынешней церкви. Чинчином хотел все застроить своим хозяйством и озоровать уже начал—заставлял Бояри эрхке углублять.

План Яграша был такой: бугор, где теперь церковь, и Бояри эрхке занять под свое хозяйство; села тогдашние—Старую Потьму, Селищи и Зарубкино—сделать своими крепостными, потому что земля здесь лучшая, вся черноземная, пахотная. В лучшее здешнее место он нацелился. А изгоняли его только Покров-Селищенские. Народ тогда решил: если он здесь боярином будет—весь народ пропадет (после своего князя да под иго Яграша).

Народ тайно уполномочил одного человека, селом сделали документы посланцу, и дошел он до царя в Кремль. Тогда по полтора месяца ходили до Москвы—все больше пешком.

Посадили в тюрьму сперва посланца селищенского, когда он с жалобой явился к царю. Было так: пришел с жалобой и обратился к придворным. А тогда все проще было—объявили царю, мол, такой-то иноходец пришел, и царь велел стражникам пустить. Там по коридорам его проводили и пустили к царю. Объясняет селищенский:

— С жалобой пришел. Хочет нас забрать откуда-то пришедший боярин. Наш-то, мокшанский помер. А нового не желаем.

А царь-то не знал, что мокшанский князь отказался от закрепощения этих сел, и подумал, что мокшане, через своего посланного, отказываются от мокшанского князя, и велел посадить посланного. Царь не понял, потому что посланный плохо объяснил, царь и принял его за противника своему барину.

Сидел посланец селищенский в тюрьме, а после царица разобрать велела это дело. Она сказала царю, когда к ней пришло дело о Покров-Селищах.

— Надо посмотреть, зачем приехал, непонятное что-то дело. Ты не посади зря, а спрашивай что-чего.

Конвой опять привел сельского посланного из тюрьмы туда, где был царь. Опять мокшанин объяснил:

— Наш мокшанский князь совсем отказался от своих сел, а сейчас уж помер, а этот нами хочет завладеть.

Царица сказала:

— После мокшанского-то князя этот самый Яграш хочет ж вам?

И разобралась сама: хватя!—а этот край и не барским должен быть!

Царь взял книгу и написал документ: Яграшу отбой, с этой бумагой новый барин никогда б дороги не нашел. Этот документ и принес посланный от села. Когда до губернатора дошло решение царя, тот даже вздрогнул.

Документ царицы поступил на сходку. Там говорилось об изгнании боярина с сельской земли Бояри эрхке. Когда мокшане наступали, все ж не успели побить его, так как Яграш ночью бросил добро и удрал. Больше о нем не слыхали. А когда его уже прогнали, на этом месте церковь поставили. Церковь была особенная, двухэтажная. Верде церкуне (верхний полуэтаж) использовался для службы зимой, был обит холстом. А во время обычной службы—полса ала служай (поп служит внизу), а народ стоял в два этажа: кто вверху, кто внизу. Прежде хранился и план церкви: как ее строить. При плане было описание, как Яграша гнали с места церкви.

Посланцу-то, как он вернулся, долго лишнюю землю от села наделяли. Мол, подымайся, в хозяйстве старайся—пользы народу много сделал. Почетом отмечали его заслугу.

179. Адашево

Старожилы говорят, что здесь проходила большая дорога. По той дороге вел свои войска полковник Адашев. На том месте, где теперь деревня Адашево, сделал привал. Полковник Адашев дал приказ войскам образовать бугор. Каждый солдат должен принести фуражку земли. Так и сделали: образовали холм, на котором теперь построена деревня Адашево. И базар там.

Какие войска и на кого шли, в предании об этом не говорится.

180. Рассказ про Сабана, основателя села Сабанчеева

Пришел откуда-то мордвин Сабан и поселился в здешней местности. У него была жена, трое сыновей: Суюш, Дярюм и Какуля и две дочери. Жить было им хорошо, привольно; всего было много: хлеб тогда родился, а земли паши сколько хочешь, запрета ни от кого не было. У Сабана было много пчел.

Наступал праздник, и Сабан послал двух старших сыновей в овин делать солод на пиво, а сам ушел в лес смотреть пчел. В это время на их дом напали башкиры, убили двоих сыновей, а жену и двух дочерей увезли с собой. Пришел Сабан из леса, его встретил сын Какуля и рассказал о случившемся. Погоревал Сабан,

поплакал о жене и детях, но без жены ему жить было нельзя. Он отправился в Сызган пря¹ и украл себе жену.

Прошло сколько-то времени; его прежняя жена убежала от башкир и пришла к Сабану, но ему не открылась, что она его жена. Сабан ее не узнал — очень изменилась в неволе. Стали они говорить между собою. Сабан рассказал ей, как башкиры убили у него сыновей и увезли жену и двух дочерей. Жена и говорит ему:

— А если бы к тебе пришла прежняя жена, что бы ты сделал? Сабан сказал:

— Я бы принял ее и стал жить с двумя женами.

Прежняя жена открылась ему, он ее узнал, обрадовался, принял и стал жить с двумя женами.

181. На новые земли

В первой половине XVIII века из Пензенской губернии на новые земли—Од паксав приехали уполномоченные от эрзя-мордовского села: Тихон Семенович Куманев, Спиридон Каштанов и Борис Каштанов, древний старик, которого звали просто Бориз атя.

В треугольнике, между Мелекесом, Бугульмой и Бугурусланом на реке Камышла, ходоки избрали место для будущего села, которое сразу же и назвали Бориз веле — в честь старшего ходока Бориса Каштанова.

Место было богатым, но угрюмым: вековой лес, глухие овраги, болота да топи. Холмы окружали плато, на котором решено было поселиться пензенской мордвы. Под пашни предстояло корчевать столетние дубы, сосны да густое чернолесье.

В лесах возле Боринкина (Бориз веле) и до наших дней сохранился родник Ранги лисьма, названный так потому, что вода, падая с высоты на каменные валуны, производит своеобразный шум, далеко слышный в округе. Отсюда и произошло название его Ранги лисьма—Стонущий ключ².

Название второго борискинского ключа Нужа лисьма произошло при иных обстоятельствах. Среди первых переселенцев была супружеская чета Нуштаевых, преклонных лет муж и жена. Бездетность очень удручала их: после смерти не останется на свете наследника, продолжателя рода Нуштаевых и исчезнет, сотрется из памяти людской эта фамилия.

Чтобы не случилось этого, чтобы не предали забвению люди чету Нуштаевых, решили супруги сделать доброе дело, да такое, чтобы люди всегда вспоминали о них с благодарностью.

Приняв такое решение, супруги Нуштаевы взялись поистине за титанический труд: вдвоем проложить дорогу к роднику в труд-

¹ От слов «сызган» — сорока, сорочья, «пря» — голова.

² Ранги лисьма — точнее, ревущий ключ, родник.

непроходимый лесной угол, через чащобу и огромные, мрачные овраги.

Год за годом, при любой погоде, урывками выбирая время от тяжелого крестьянского труда, работали Нуштаевы, подводя дорогу к заветному роднику.

Смерть супруга, а затем и его жены прервала добровольную каторгу, но Нуштаевы исполнили обет, и благодарные земляки назвали родник Нужа¹ лисьма, от фамилии Нуштаевых.

В первый же год появления пензенской мордвы в Борискино произошел случай, о котором помнят люди и до наших дней. Безбородов Степан Данилович, копая яму для погреба, обнаружил подвал, размерами сажень на две сажени. Скорее это была землянка, довольно хорошо устроенная и сохранившаяся. Потолок сделан из дубовых плах, засыпанных глиной, а сверху землей. К потолку подвешена на прочной железной цепи лубочная зыбка, в ней сохранились гречишные семена. Семена были испорчены, время разрушило их. В углу стояли несколько железных лопат и вилы. На деревянных полках в подвале была глиняная посуда: горшки, кружки, миски и самодельные деревянные ложки прубой работы. И было много воска в больших кусках. Воск сохранился очень хорошо и позже был использован в хозяйстве Степана Безбородова.

Безбородов приходился дедом моей матери—Куманевой Марии Григорьевне. Ей семьдесят четыре года, но она хорошо помнит рассказы стариков об этой землянке и ее оборудовании. С ее слов я знаю имена первых переселенцев, а также происхождение названия Ранги лисьма и дальнейшие события, касающиеся истории села Старое Борискино.

Жители села Борискино считали, что землянка могла являться тайным убежищем кого-либо из участников пугачевского восстания, скрывавшегося в этих глухих лесных краях после его подавления.

Село Борискино все более разрасталось, жителям приходилось более чем двадцать пять—тридцать верст ездить на свои пашни и луга. Назрел вопрос о разукрупнении села. В бывший губернский город Самару сельским сходом были направлены ходоки с прошением к земским властям, чтобы разделить земли вокруг Борискина и выделить из села хутор.

182. Паны

На месте села Паны в давние годы жила одна мордовская семья. Нераздельно жили три родных брата с семьями: Панка, Сурка и Пичурка. Были у каждого из них не только дети, но и внуки. Трудились, жили в достатке, всего было вдоволь. Да пришла беда: перестали ладить между собой жены братьев и жены сыновей. Что ни день, то брань да драка. Думали братья, как навести

¹ Нужа — нужда.

в семье порядок, да ничего не придумали. Хоть и жаль было семью рушить, однако решили разделиться, но друг от друга далеко не уходить. Разделились и отошли на недалекое расстояние: Панка, как старший, остался на месте: от его семьи пошло село Паны, а от семьи Сурки—Суркино, от Пичурки—Пичуры.

Старым это село стало называться после того, как около ста пятидесяти лет тому назад от него отстроилось село Новые Пичуры. Это народное предание подтверждается археологическими находками и другими данными. Так, на территории села Паны и ближайших его окрестностей несколько раз находили мордовские украшения; самый лучший родник называется Мордовским.

183. Арзамас

Местные предания говорят, что в 1245 году в двадцати шести верстах от Арзамаса, где находится теперь деревня Второрусская, населенная обрусевшей мордвой, жил мордовский князек Теш, поселившийся с сыновьями своими на берегу реки, получившей его имя. Шелайко, старший сын Теша, поселился на реке Шамке, впадающей под Арзамасом в Тешу; другой сын, Акшейко,—на ручье Сороке, протекавшем прежде внутри теперешнего города; Михалко—протоке Михайловском, что в версте от города Арзамаса, и Кусилко—на горе Киселевой. Селения, построенные сыновьями Теша, распространяясь, со временем сложились в одно и составили город Арзамас.

184. Как к царю ходили

В старое время пришли сюда на новое жительство четыре брата—Карьсак, Каштан, Даньша и Невежа. Зачем-то пошли к царю, за милостью, что ли. Чего-нибудь просить пошли к нему. Царь начал спрашивать, зачем пришли, долго с ними говорил. Только одного назвал—невежа. За что назвал—он шапку не снял. Те трое сняли, а он не снял. Царь натянул ему шапку на глаза.

— Ты какой невежа!

Раньше у него другое имя было, а как царь назвал, так все стали звать—Невежа, Невежа и Невежа. Забыли, какое раньше имя было.

Карьсак и Даньша добросовестные были, смиренные, а наш Каштан больно озорной, несогласный, со всеми спорит и ругается. Такой беспокойный. Он и с царем спорил, все равно. Царь его назвал:

— А ты, Каштан, упрямый.

Когда уходили домой, царь дал подарки. Невеже он дал крест, Карьсаку колокол. И Даньше какой-нибудь подарок дал. А нашему Каштану царь ничего не дал. За то, что он больно озорной.

185. Родник Карцы

Карца был егерем одного помещика, занимался охотой и попутно выполнял задания помещика: за особую плату воровал мордовских девушек для двора помещика. Много матерей заставил оплакивать пропавших дочерей. Но однажды его настигли на опушке леса, украденная девушка была спасена, а Карцу убили и на том месте похоронили. С этой поры родник стал называться родником Карцы.

Много неприятностей творилось около родника Карцы. Бывало, летом соберется тучка, польет поля соседнего села и тянется к Маресеву, но дойдет до ущелья злополучного родника, разразится молниями, громом, расщепит несколько дубов, разделится надвое и уходит в стороны. Угодит во время грозы какая-нибудь скотина, обязательно убьет молнией. Бывали случаи, убивало и людей.

Но вот дубы вырубил, родник пересох, и перестал мучить людей зловредный Карца.

186. Овраг Верьгиз¹

Между селами Малое Маресево и Мокшалея есть большая котловина. Вверху, в юго-восточном направлении—огромный овраг, постепенно расширяющийся и переходящий в котлован, в северо-западном направлении переходит в низменность, идущую по направлению Раужо лисьма², где превосходный чернозем (падают и торфяники). Вокруг же оврага и котлована земля щебенчатая и, по преданию, была покрыта сплошным листовым лесом. И теперь еще кое-где растут дубочки, которые, несмотря на то, что их близко опахивают, и объедает скот, все же растут. Видимо, корень, принадлежащий еще его деду, глубоко ушел в землю. На северо-восточном склоне котлована из земли выбивается ручеек. Вода его чистая, холодная и приятная на вкус. Это—излюбленное место дневной стоянки пастухов. В давние времена, когда в котловане и вокруг него росли могучие дубы в соседстве с липами и кленами, ручейку жилось лучше, воды в нем было больше, по течению непроходимой стеной росли ивняк и черемуха, где устраивали свои логова волки. Редко кто решался пройти или проехать через котлован, боясь волков, все обьезжали, хотя это было верст на пять дальше. Дикие звери держались тоже дальше от котлована, лишь сороки, которые пользовались остатками волчьих пиршеств, делали свои замаскированные гнезда вдоль ручья, выводили прожорливых птенцов. Чтобы прокормить их, родители делали дневные нападения на гнезда и птенцов дру-

¹ Волчий овраг.

² Черный колоден.

гих птиц, а также залетали в деревни, набрасывались на куриные гнезда или ловили цыплят у зазевавшейся клушки. Волки же, в отличие от них, нападали на деревенский скот по ночам.

Маша родилась в бедной семье и уже к году осталась круглой сиротой: мать умерла вскоре после родов, а затем умер и отец. На воспитание взял ее дядя, брат отца, у которого была сварливая, злая жена. Детство Маша провела очень плохо, десяти лет уже выполняла все женские работы по хозяйству, а когда подросла, то ее насильно отдали замуж за некрасивого парня из села Мокшалай, где она попала в большую семью. Работы увеличилось, золовки издевались, а муж и свекор даже без причины избивали. Ухудшилась жизнь Маши, когда родилась девочка. Наряду с остальными работами нужно было ухаживать и за ребенком.

Два года терпела Маша и, когда стало совсем невыносимо, взяла девочку, тихонько ушла из дому, решившись попросить дядю приютить ее с ребенком. Идти окружной дорогой далеко, и притом догонит муж. Маша решила идти через котлован. Сначала торопилась, затем, припоминая свою жизнь с детства, горько заплакала. Не заметила, как спустилась в котлован, напилась из ручья и, выбрав полянку, села отдохнуть. Девочка села около нее и играла камешками. Усталость взяла свое: Маша заснула, но сон был чуткий, и каково же было ее изумление, когда она открыла глаза: девочка стояла в сторонке, в одной руке держала цветочек, а другой гладила рядом стоящую волчицу, недалеко стояли еще четыре волка. В полное сознание Маша пришла, когда услышала стук колес и грозный окрик свекра. Волки тоже насторожились. Из-за поворота показалась повозка, и муж закричал: «Ах, вот ты где?». Непродолжительная схватка — и на дороге остались лежать два окровавленных трупа, а в стороне стояла запутавшаяся лошадь.

С этой поры котлован и получил свое название Верьгиз латко.

187. Айгор каль¹

Летнее утро только начиналось, близился рассвет, это самое приятное и, пожалуй, здоровое время дня: воздух чист и наполнен каким-то приятным звоном. Солнце вот-вот покажется из-за горизонта, а его лучи — желто-оранжевые от горизонта, они постепенно бледнеют и уже над головой сливаются с голубизной неба, постепенно отступая дальше на запад. Еще видна предрассветная тьма. Земля, окончив свой ночной труд по выращиванию растений, как бы собиралась отдохнуть, предоставив на день растения самим себе. Но солнце показывается из-за горизонта, и каждое растение, каждая травка старается блеснуть своим нарядом — каплей изумрудной росинки, переливающейся разными цветами в свежих лучах солнца. Жаворонок постарался раньше всех, и его

¹ Айгор каль — ветла жеребца.

песня несется в вышине навстречу солнцу, придавая какую-то торжественность, а вместе с тем и призыв к предстоящему дневному труду. Запоздавший утренний ветерок на мгновение обольет тело приятным холодком и бежит дальше... Счастлив тот, кому приходится встречать солнце!

В такое-то утро братья Артаевы приехали на луг покормить жеребца свежей травой. Спутав передние ноги и поддев к недоуздку вожжу, пустили, сами легли под телегу, любуясь рассветом. Их внимание привлек мелькнувший на горизонте предмет. Приглядевшись, они ясно опознали волка, крадущегося к жеребцу. Пересекая возвышенность, зверь пробирался ползком, в низинках поднимался и прибавлял бег. Жеребец почуял опасность, временами фыркал, искал глазами врага, но безрезультатно: между ними рос куст тальника, и волк заходил с его стороны. Младший брат стал просить старшего, чтобы тот напугал волка. Но старший ответил:

— Вот посмотрим, как он ему даст, другой раз не решится нападать на жеребцов.

Он был уверен в силе и ловкости жеребца, но и волк имел свою волю сноровку. С расстояния десяти метров бросился к жеребцу. Жеребец повернул зад и лягнул, обе ноги оказались в воздухе — волк отвернулся, а когда ноги жеребца коснулись земли, он ухватился за конец длинного пушистого хвоста и, упершись передними ногами, стал тянуть на себя. Жеребцу уже нельзя было лягаться, и он бешено бросился вперед, волк упирался до тех пор, пока жеребец не споткнулся, задев лутом за кочку. В этот момент волк выпустил хвост, жеребец упал на колени. Молниеносно волк очутился на шее жеребца, и тут же из горла потекла кровь. Говорят, что волк кусает не как собака, делает сразу ранящую рану.

Подбежали братья, волк недовольно отошел. Жеребец же бился в предсмертных судорогах. Этот случай, как выделяющееся событие в крестьянской жизни, дал название Айгор каль.

188. Каратаи

По преданию, мордва-каратаи бежали в эти места во времена монголо-татарского нашествия.

Название «каратаи» в переводе на татарский язык означает «черный жеребенок». Вероятно, это название возникло потому, что пришедшая сюда мордва приносила в жертву черного жеребенка. Сами себя каратаи называют «мукша».

Старики рассказывали, что каратаев крестили при Иване Грозном. Около Менситова было озеро, где и крестили.

189. О реке Айва

Там, где теперь исток реки Айва, в давние годы пробивался из земли только едва приметный родничок. Вблизи этого места

жили мордва. Однажды кто-то из жителей принялся расчищать родничок и вытащил вместе с прязью какое-то бревно. И вдруг из того места, где лежало бревно, с большой силой хлынула вода. Вскоре вода образовала небольшое озеро, а потом оно переполнилось, и из него потекла речка. Жители посчитали, что это неспроста, что тут действует какая-то колдовская сила. И они не стали пить новую воду, а пользовались ею только для мытья.

Как-то одна мордовская женщина пошла помыть в озере рубахи. Она полощет, а течением воды вырвало из ее рук рубаху и утянуло на дно. Женщина испугалась и закричала:

— Ай-вай! Ай-вай!

Об этом случае узнали все жители, реку они так и стали называть: «Ай-вай». Так это и вошло в название реки, с тех пор и зовут Айва.

190. Почему Сура так называется

— Почему река Сура так называется, я еще давно слышал от старых людей. Не знаю, правильно или нет, но они говорили, что в старинное время многие народы переселялись с места на место. Когда мордва пришла сюда, то на Волге уже жил какой-то народ. Мордва тоже пришла к Волге, но те, которые там жили, не пустили ее идти вниз по реке. Мордва вернулась назад, но сверху, с Волги; ходила туда-сюда, искала, где жить. Пришла на такое место, где в Волгу с юга течет другая река. Старик вместе и стали советовать: что делать, куда дальше идти? Один самый старый человек сказал:

— Вот эта река, как палец, показывает, куда идти. Нам надо пойти по этой реке и там жить.

Его послушались и пошли вверх по этой реке, там других народов тогда не было, никто не жил. А место было для охоты хорошее, лесов много. Так они и остались жить здесь. А реку стали называть Сур — она, как палец, им показала, где жить. Сур, по-мордовски — палец. Так появилось название этой реки Сур. А уж после стали говорить — Сура.

А Волгу тогда мордва называла Равлей. Лей по-мордовски — река, овраг или долина. Это я тоже от старых людей слышал.

191. Аксел

Когда Иван Грозный, идя на Казань, увидел вдруг с горы открывшийся поселок, то пораженный красотой его месторасположения, воскликнул:

— Ах, село!

Это-то восклицание, сокращенное в Аксел, и дало название селу.

192. О возникновении фамилии

Один старик рассказывал: вроде, во время русско-французской войны было...

Тогда фамилий мало еще было, особенно в деревнях. Многие жили очень бедно. А в армию забирали мужчин только по жребию. Так вот, жребий достался одному богатому, а тот откупился — были у него средства. И решили забрать бедного. Был он здоровый мужчина.

Его об этом предупредили. Тот запер все двери, и сам полез на чердак сарая.

— Кому не жалко своей головы — заходите!

Хотели силой забрать. Не забрали, и он на войну не пошел. И за это ему сначала прозвище дали — Француз, а потом и фамилия стала — Французов. Так и осталось — Французов.

Нашей бабке герой этой истории, по прозвищу Французов, доводился прадедом. Фамилия у нее была Французова. Вот она и рассказывает об этом всегда.

О ДОМАШНИХ ДУХАХ-ПОКРОВИТЕЛЯХ

193. Что такое Куйгорыш?

Это мифические духи обогащения, удачи, наживы, иногда и воровства. Откуда они берутся? Хозяин (глава дома) семь лет держит петуха, и тогда петух несет два мелких яйца. Старик или старуха эти яйца пять недель держат подмышкой — выводят. Выйдут Куйгорыши. Вырастут они, как кошки, маленькие и ходят, воруют своему хозяину. Никто их не видит. Они, как духи воровства, как тайные воры — все могут перетаскать. Сами маленькие, а в щеках имеются природные мешочки. Когда порожние — не заметны, а наполнятся, как пузыри будут, два фунта в каждый мешочек войдет. Возьмут в чужом амбаре зерно и тайно все унесут к своему хозяину. С хозяином живут, ему таскают, хозяин их кормит.

Говорили, что есть такие слова. Хитрые люди узнают эти слова, этот заговор, и поймают чужих Куйгорышей, держат их у себя.

Когда к одному богатому зашли в амбар Куйгорыши, а знакомый ему человек знал кое-что из заклинания. Он помог ему, перекрестил дыру в амбаре и сказал... И так сделал, что они остались в амбаре.

КОММЕНТАРИИ

Часть I

I. ЛЕГЕНДЫ

1. М. Кода тиевь модаь (Как возникла земля). Зап. в 1963—64 гг. А. Д. Шуляев в с. Перхляй Рузаевского р-на МАССР от Ерофеевой М. С., 40 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—384, л. 438.
2. М. Тяшттиснь тиемасна (Создание звезд). Зап. в 1963—64 гг. А. Д. Шуляев в с. Перхляй Рузаевского р-на МАССР от Ерофеевой М. С., 40 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—384, л. 438.
3. М. Васене ломанць (Первый человек). Зап. Б. Е. Смирнов в с. Потьма — Zubovo-Полянского р-на МАССР от Яркина К. И.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 105—106.
4. Э. Колмоце спас (Третий спас). Зап. в 1972 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресево Чамзинского р-на МАССР от Суродина С. Я., 69 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 68.
5. Э. Гуй тикше (Змеиная трава). Зап. в 1973 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресево Чамзинского р-на МАССР от Суродина С. Я., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—517, тетр. 1, л. 2—3.
6. Э. Овтось—сюдозь ломань (Медведь—это проклятый человек). Зап. в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 150. Представления о происхождении медведя из человека восходят к тотемическим воззрениям.
7. Э. Кода тевсь галась (Как появилась гусыня). Зап. А. Мартынова и А. Назарова в с. Лобаски Атяшевского р-на МАССР от Мартынова В. Я., 65 лет; РФ МГУ.
8. Э. Кода каткась ды кискась кармасть а ладямо (Как кошка с собакой стали враждовать). Зап. А. Мартынова и А. Назарова в с. Лобаски Атяшевского р-на МАССР от Мартынова В. Я., 65 лет; РФ МГУ.
9. Э. Мекс кавалось ды саразось аволь дружат (Почему коршун и курица в ссоре). Зап. А. Мартынова и А. Назарова в с. Лобаски Атяшевского р-на МАССР от Мартынова В. Я., 65 лет; РФ МГУ.
10. Э. Толонь седейть (Пламенные сердца). Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в г. Куйбышеве от Втулкина М. А., 1929 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 7—11.
11. М. Оцю пичесь (Большая сосна). Зап. в 1948 г. А. И. Карасев в с. Карсаевка Поимского р-на Пензенской области от Аляпкиной А. С., 72-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—97, л. 75—76.
Вариант: Песни и сказки Поимского района, с. 38.

II. ПРЕДАНИЯ

12. М. Баторонь панда (Баторова гора). Зап. в 1948 г. С. Б. Леонтьев в с. Кисшалы Атюрьевского р-на МАССР от Чепайкиной А. Е., 82-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—96, л. 22.

13. **М. Баторонь радникес (Баторовы родники)**. Зап. в 1948 г. А. Карасев в с. Кишалы Атюрьевского р-на МАССР от Кошуркина А. Ф., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—96, л. 90—92.
14. **М. Од Толку ведель богатырхь (Богатыри села Новая Толковка)**. Зап. в Ковылкинском р-не МАССР от Миркиной, 1902 г. рожд.; из диал. раб. студ. МГУ И. П. Миркиной.
15. **М. Ошка панда (Гора Ошка)**. Зап. в 1928 г. С. Врагов; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—26, л. 173—174.
Для богатырей характерно перебрасывание тяжестей, подчеркивающее невероятную силу. В одном из преданий о богатырях говорится: «... один из них жил на «Ош пандо», где-то в стороне с. Косогоры, другой—за несколько десятков километров (порядка 40 км)—в Саранске. При необходимости один другому бросал топор». Такова была сила этих двух мордовских богатырей (РФС).
16. **Э. Евкс сыре пингиде (Сказка о старых временах)**. Архив АН СССР, ф. 134, оп. 1, № 340/7, л. 384.
Наличие сказочных мотивов.
17. **М. Нарича (Нарича)**. Зап. в 1959 г. И. М. Корсаков в с. Старое Дракино Ковылкинского р-на МАССР от Солдаткина С. И., 1886 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, И—554, л. 117.
18. **М. Тюштыда азкс (Рассказ о Тюште)**. Зап. в 1959 г. И. М. Корсаков в с. Старое Дракино Ковылкинского р-на МАССР от Солдаткина С. И., 1886 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, И—554, л. 116.
19. **Э. Кидей (Берега)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в г. Куйбышеве от Втулкина М. А., 1929 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 4—6.
20. **Э. Предания Андреевка, Чукалы, Игнатово ды Качаева велетнеде (Предание о возникновении селений Андреевка, Чукалы, Игнатово и Качаево)**. Зап. в 1970 г. Л. С. Кавтаськин и Э. Н. Таракина в с. Андреевка Большеигнатовского района МАССР от Малокова В. С., 1925 г. рожд.
В других преданиях об основании этих сел называется различное число братьев (два, три, четыре)—основателей селений. Их дела не связываются с участием в походе Ивана Грозного на Казань (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—325, л. 7, 11, 14, 258).
21. **М. Каменная брод (Каменный брод)**. Зап. в 1967 г. Р. В. Морозова и Л. П. Царапкина в с. Мельцаны Староайгатовского р-на МАССР от Сидорова И. К., 80 лет; РФ МГПИ.
22. **Э. Марезь (Марезь)**. Зап. в 1973 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресово Чамзинского р-на МАССР от Суродина С. Я., 70 лет; РФС.
Поэтическим вариантом этого предания являются песни о мордовской девушке Саманьке (Сашаньке), которая проявила смеливость и героизм, взорвав казанские крепостные стены и обеспечив победу русского войска (см. УПТМН. Т. 1. Кн. 2, с. 20—29).
Имя князя Марези фигурирует и в песне «Марезь веле» («Село Маресово»), записанной в конце XIX века финским ученым Х. Паасоном. Начинается она с того, что Марезь со своей женой едет искать себе место жительства. Далее события развиваются точно так же, как и в преданиях. Сломалась ось, и Марезь поселяется на этом месте. Так основано село Маресово. Никаких намеков на события 1552 года в песне нет. (Proben der Mordwinischen Volksliteratur. Gesammelt von H. Paasonen. Helsinki, 1891, s. 70).
23. **Э. Марезь ды Эрмезь (Марезь и Эрмезь)**. Зап. в 1972 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресово Чамзинского р-на МАССР от Зотова К. О., 1914 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 73—75.
Вариант предания № 22. В этом тексте заметно влияние традиции топонимических преданий, когда основателями двух и более сел являются братья. Почти во всех известных нам текстах проводников и помощников царь награждает и лишь в одном—казнит, заподозрив в измене: в указанный срок не произошло взрыва (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—493, тетр. 9, л. 21).
24. **Э. Кода Казанить сайсть (Взятие Казани)**. Зап. в 1973 г. Л. В. Седова в г. Саранске от Борисова А. Г.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—517, тетр. 1, л. 15—29.
А. Г. Борисов слышал это предание в 1964 году в с. Налитово Дубенского р-на МАССР.
25. **Э. <Кода лемдясть эрзятнен> (<Как эрзю крестили>)**. Зап. Л. С. Кавтаськин в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Мокшанкиной О. Я., 55 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—38, л. 36.
26. **Э. Пош Эрмезенка пеледити предания (Предание о селе Большие Ремезенки)**. Зап. в 1955 г. Л. С. Кавтаськин в с. Большие Ремезенки Чамзинского р-на МАССР от Дергунова С. В., 1898 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—155, л. 198—199.
27. **Э. Лемдямодо предания (Предание о крещении)**. Зап. в с. Оркино Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 19—22.
28. **Э. Кода Платон попокс арась (Как Платон попом стал)**. Зап. в 1936 г. В. А. Чесноков в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Занькина Ф. Д., 43-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—38, л. 49—51.
В фольклоре восточных славян известна сатирическая сказка на этот сюжет.
29. **Э. <Разин ды эрзятне> (<Разин и эрзяне>)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в с. Малый Толкай Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Столбоушкина В. Е., 1906 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 32—33.
30. **Э. Пугачевц (Пугачевцы)**. Зап. в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 55—56.
31. **Э. Пугачевонь ютамсто (Когда проходил Пугачев)**. Зап. в 1949 г. Л. С. Кавтаськин в с. Напольное Порещкого р-на Чувашской АССР от Маколкина И. И., 1898 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—111, л. 214.
32. **Э. Пугачевской ки (Пугачевская дорога)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в с. Малый Толкай Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Пургаева Н. Т., 1908 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 35.
33. **М. Казналяйбря (Родник-клад)**. Зап. в 1969 г. Т. Позднякова и А. Федорина в с. Лесное Ардашево Темниковского р-на МАССР от Уральского И. Ф., 1889 г. рожд.; РФ МГПИ.
34. **Э. Казнадо (О кладе)**. Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—3, л. 89—90.
35. **Э. <Казнань вешницядо> (<О кладонскателях>)**. Зап. в 1960 г. Л. С. Кавтаськин в с. Большое Игнатово Большеигнатовского р-на МАССР от Юношева И. Е.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—325, л. 1—3. Рассказчик сообщает, что это предание слышал лет пятьдесят тому назад от крестьянина с. Вармадейка Большеигнатовского р-на МАССР Волкова В. Г. В оригинале диалог записан на русском языке. Для удобства читателей он переведен нами на эрзянский язык.
36. **Э. Казна (Клад)**. Зап. в 1930 г. В. А. Калентьев в с. Поводимово Дубенского р-на МАССР от Шпагина И. К., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—120, л. 273—282.
Братья Семен и Иван, о которых идет речь в предании, доводятся рассказчику шуринами.
37. **Э. <Розбойникень казнадо> (<О разбойничьем кладе>)**. Зап. в 1928 г. В. А. Калентьев в с. Поводимово Дубенского р-на МАССР от Шпагина Н. Д., 75 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—120, л. 222—226.
38. **Э. Казнадо предания (Предание о кладе)**. Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Найманы Большеберезниковского р-на МАССР от Четверевой В. А., 60 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 317—318.
39. **М. Казнада (О кладе)**. Зап. И. Г. Черепкин в с. Лесное Ардашево Краснослободского у. Темниковской вол. (ныне Темниковского р-на МАССР) от Базаева И. Д., 89 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—25, л. 48—49.
40. **Э. <Казнась прась> (<Клад упал>)**. Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Найманы Большеберезниковского р-на МАССР от Четверевой В. А., 60 лет; МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 319—320.

41. Э. <Атякш> (<Пегух>). Зап. Ф. А. Макаров в с. Кабаево Дубенского р-на МАССР от Фомина И., 72-х лет, и его жены (Хомашь Ильяка баба), 68 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—86, л. 224—225.
42. Э. Веаень таркань кочкамода предания (Предание о выборе места под поселение). Зап. в с. Сухой Карбулак Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 48—49.
43. Э. Кода появась Ключевкась (Как появилась Ключевка). Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в с. Бобровка Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Сергачева Е. Н., 1891 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 16—17.
44. М. Од Толку (Новая Толковка). Зап. в Ковылкинском р-не МАССР от Миркиной, 1902 г. рожд.; из дипл. раб. студ. МГУ И. П. Миркиной.
45. Э. Поки Толкан веледенть предания (Предание о селе Большой Толкай). Зап. в 1974 г. Л. В. Седова в г. Саранске от Кавтаськина Л. С., 1911 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—517, тетр. 1, л. 29—33.
46. М. Атерь атя (Старик Атерь). Зап. в Атюрьевском р-не МАССР; из дипл. раб. студ. МГУ Чудаева М. А.
По другому преданию, Атерь—один из трех братьев-первопоселенцев (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—96, л. 92—93).
47. М. Каньфуж вельсь (Село Каньгуши). Зап. в 1936 г. С. Н. Фадеев в с. Каньгуши Ельниковского р-на МАССР от Сабаяева Д. В.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—123, л. 322—326.
48. М. Вару (Вару). Зап. в 1967 г. Р. В. Морозова и Л. П. Царапкина в с. Мельники Старошайговского р-на МАССР от Сядорова И. К., 80 лет; РФ МГПИ.
49. М. Подьяз веле (Подьясово). Зап. в Zubovo-Полянском р-не МАССР; из дипл. раб. студ. МГУ Шухиной В. Н.
По другому преданию, Подьяз был одним из трех братьев-охотников, промышлявших в этих местах (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—96, л. 92—93).
50. М. Темьшева вельсь колга предания (Предание о селе Темьшево). Зап. в Старошайговском р-не МАССР; из дипл. раб. студ. МГУ Миронова В.
51. М. Мамолаева вельсь историяц (История села Мамолаево). Зап. в Ковылкинском р-не МАССР; из дипл. раб. студ. МГУ Матюшкиной Т. И.
52. М. Малышева (Малышево). Зап. в Торбеевском р-не МАССР; из дипл. раб. студ. МГУ Мелешкина С. Н.
53. Э. Шугур вельсь историяц (История села Шугурово). Зап. в Большеберезниковском р-не МАССР от Аношкина С. А., 1887 г. рожд.; из дипл. раб. студ. МГУ Аношкиной А. В.
54. Э. Байт ды Миш (Байт и Миш). Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в с. Старый Байтермиш Клязлинского р-на Куйбышевской обл. от Сульдиной Т. Т., 54 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 43.
По другому преданию, записанному в том же селе, владельцем этих мест был бай Термиш, именем которого и названо впоследствии село (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 41).
55. Э. Легенда Кобай веледе (Легенда о селе Кабаево). Зап. в 1968 г. П. Аришкина и Н. Голова в с. Кабаево Дубенского р-на МАССР от Шаргаева И. Ф., 76 лет; РФ МГПИ.
56. Э. Паксядо предания (Предание о полях). Зап. в 1971 г. О. Козлова и Н. Кротова в с. Нароватово Темьгушевского р-на МАССР от Жаряиновой А. М., 1905 г. рожд.; РФ МГПИ.
57. М. Адаж вельсь (Адашево). Зап. в 1936 г. С. Н. Фадеев в Инсарском р-не МАССР от Киселева С. Н.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—123, л. 315—321.
58. М. Карцак, Даньча, Каштан да Нявежа (Карцак, Даньча, Каштан и Нявежа). Зап. в 1948 г. А. И. Карасев в с. Карсаевка Поньского р-на Пензенской обл. от Аляпкиной А. С., 72-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—115, л. 74.
Это предание широко распространено в селах Поньского района: Каштановке, Карсаевке, Даньчине, Пичевке и др.
59. Э. <Вете братт> (<Пять братьев>). Зап. Суняйкин и Фадеев в с. Атякшино Сурского р-на Ульяновской обл. от Егорова Е. И., 68 лет; РФ МГПИ.
60. Э. Чапай пандо (Гора Чапая). Зап. в 1971 г. О. Козлова и Н. Кротова в с. Мордовская Бокла Бугуруславского р-на Оренбургской обл. от Титовой М. К., 1903 г. рожд.; РФ МГПИ.
61. Э. Бурная колка, пандо, латко (Лесок, гора, овраг Бурная). Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова на ст. Подбельская Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Немкина А. В., 1914 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 21—22.
62. Э. Крытынькань мозавтсь (Харитонов проезд). Зап. Л. С. Кавтаськин в с. Сабаяево Кочкуровского р-на МАССР от Бариева П. Я., 1914 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—499, тетр. 5, л. 95—97.
63. М. Татаронь мозаф (Татарский проезд). Зап. в Пензенской обл. от Кичиной М. Т., 59 лет; Наровч. музей, папка № 96, л. 25—26.
64. Э. Петровской поп (Петровский поп). Зап. в с. Оркино Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 9—10.
65. М. Мес лемтфь Салазгорьсь? (Почему село назвали Салазгорь?). Зап. в 1973 г. А. Кузнецова, К. Пивкина, Л. Прошкина в с. Салазгорь Торбеевского р-на МАССР от Королькова С. П., 1889 г. рожд.; РФ МГПИ.
66. Э. Кода ветьясь чугувань кинть (Как вели железную дорогу). Зап. в 1973 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресово Чамзинского р-на МАССР от Денисова Н. А., 40 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—517, тетр. 1, л. 6—7.
67. Э. Салоожкино (Салоожкино). Зап. в 1971 г. Е. Кротова и М. Ромашкина от Мишалева М. И.; РФ МГПИ.
68. Э. Пролякаша (Пролякаша). Зап. Н. Нажалкина и А. Маркина в с. Урюм Теньюшского р-на Татарской АССР от Ишелева П. А., 55 лет; РФ МГПИ.
69. Э. Кода ветьякинш губерниянь границинь (Как вели губернскую границу). Зап. в 1972 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресово Чамзинского р-на МАССР от Суродина С. Я., 69 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 51—53.
70. М. Ордаж (Ардашево). Зап. в 1969 г. Т. Позднякова и А. Федорина в с. Лесное Ардашево Темниковского р-на МАССР от Уральского И. Ф., 1889 г. рожд.; РФ МГПИ.
По другому преданию, Ордаж был одним из братьев-первопоселенцев (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—25, л. 48).
71. М. Баторонь панда (Баторова гора). Зап. в 1948 г. С. Б. Леонтьев в с. Кичалы Атюрьевского р-на МАССР от Майорова В. П.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—96, л. 23.
72. Э. <Бессоновка> (<Бессоновка>). Зап. в 1972 г. в с. Бессоновка Теньюшского р-на Татарской АССР; РФ МГПИ.
73. М. Ногаець ки (Ногайская дорога). Зап. в 1973 г. Н. Одушкина и А. Рузалева в с. Новая Пичеморга Торбеевского р-на МАССР от Рузалева А. Т., 1913 г. рожд.; РФ МГПИ.
74. Э. Веленть историяц (История села). Зап. в 1970 г. в с. Чумаево Камешкирского р-на Пензенской обл. от Самарова А. Я., 80 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—491, л. 46.
75. Э. Сал лисьма (Сал лисьма). Зап. Суняйкина и Фадеева в с. Мордовские Сыреси Атяшевского р-на МАССР от Обухова Д. Ф., 1891 г. рожд.; РФ МГПИ.
76. Э. Баба лей (Бабыя речка). Из дипл. раб. студ. МГУ Семной В. Е. Варналт; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—325, л. 157.
77. Э. Истя ульсь (Так было). Зап. в 1948 г. А. И. Маскаев в с. Сабаяево Кочкуровского р-на МАССР от Калачиной М. Я., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—84, л. 114.
78. Э. Таразбуе эрзянь вельсь историяц (История эрзянского села Тарасова). Зап. в Атяшевском р-не МАССР; из курс. раб. студ. МГПИ Н. И. Алямовой; РФ МГПИ.
79. Овто лисьма (Овто лисьма). Зап. Л. Логинава, Т. Паулкина, З. Хохлова в с. Паркино Сурского р-на Ульяновской обл. от Кожеватова А. В., 65 лет; РФ МГПИ.
80. Э. Ривезень пултамо (Ривезень пултамо). Зап. Л. С. Кавтаськин в с. На-

- польное Поречского р-на Чувашской АССР от Пняева Г. С., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—111, л. 211.
81. Э. **Ознома латко (Овраг для молений)**. Зап. в 1927 г. А. Еремни в с. Кечушево Ардатовского у. Симбирской губ. (ныне Ардатовского р-на МАССР) от Лаврушкина Р. И. (Рамка атя), 64-х лет; Архив АН СССР, ф. 135, оп. 2, № 116, л. 39.
 82. М. **Насакина (Насакино)**. Зап. в 1973 г. Н. Одушкина и А. Рузаева в с. Новая Пичеморга Торбеевского р-на МАССР от Рузаева А. Т., 1913 г. рожд.; РФ МГПИ.
 83. М. **Сире Пичеморга (Старая Пичеморга)**. Зап. в 1973 г. Н. Одушкина и А. Рузаева в с. Новая Пичеморга Торбеевского района МАССР от Рузаева А. Т., 1913 г. рожд.; РФ МГПИ.
 84. Э. **Ташто Найман велеть эрямодонзо (О жизни села Старые Найманы)**. Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Найманы Большеберезниковского р-на МАССР от Бесьяева Г. С., 64-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—38, л. 15.
 85. М. **Сяляй (Сяляй)**. Зап. в 1969 г. Г. Зарубина и В. Шлейнова в с. Лесные Сяляй Темниковского р-на МАССР от Кукушкина В. Т., 85 лет; РФ МГПИ.
 86. М. **Авакай вирь (Лес Авакай)**. Зап. в 1973 г. Н. Одушкина и А. Рузаева в с. Новая Пичеморга Торбеевского р-на МАССР от Рузаева А. Т., 1913 г. рожд.; РФ МГПИ.
 87. Э. **Идейка (Идейка)**. Зап. В. Катаев и М. Фоми в с. Кардафлей Сосновоборского р-на Пензенской обл.; РФ МГПИ.
 88. Э. **Ишаки (Ишаки)**. Зап. в 1972 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресево Чамзинского р-на МАССР от Зотова К. О., 1914 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 73.
 89. Э. **Уром велеть история (История села Урум)**. Зап. Дулина и Лазарева в с. Урум Тетюшского р-на Татарской АССР от Бифтвиной А. А., 1918 г. рожд.; РФ МГПИ.
По другому преданию, Урум — один из трех братьев-первопоселенцев (РФ МГПИ), по третьему преданию, название села произошло от белки (ур), устроившей свое гнездо у слияния двух рек. (РФ МГПИ).
 90. Э. **Сыратино (Сыратино)**. Зап. в 1973 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресево Чамзинского р-на МАССР от Суродяна С. Я., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—517, тетр. 1, л. 4—5.

III. БЫЛИЧКИ

91. Э. **Вирявадо (О Виряве)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова на ст. Подбельская Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Данчиной М. Н., 1913 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 20.
92. <**Мезе тейни Вирявась**> (<**Что может Вирява**>). Зап. в 1947 г. А. И. Маскаев в с. Поводимово Дубенского р-на МАССР от Борисовой Т. В., 45 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—86, л. 119.
93. Э. **Авань евтнема (Рассказ матери)**. Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 129.
О происхождении Вирявы А. И. Маскаев ссылается на публикацию Снежничкого в «Пензенских епархиальных ведомостях» за 1871 г. и высказывает предположение о причислении Вирявы к русалке:
«Вирявы мордвами почитались за души умерших, проклятых богом людей... она была богом прокляты, умерших земля не приняла, и бог, заманив в пустую избу, запер их в ней.
Прохожий, желая укрыться от непогоды, отпер ее. Лишь только отворил дверь, как они веренищем потащились из нее. Прохожий-то не промах, догадался, скорее затворил дверь, запер: не успели выйти. О, если бы все вышли, сгубили бы мир...
Из вышедших одни — трясовицы..., другие — Вирявы, коих было немало, когда леса были сплошные; ныне меньше стало, — леса-то вывелись, жить им негде» (А. И. Маскаев. Мордовская народная сказка. Саранск, 1947, с. 66).

94. Э. **Вирявантэ телензэ (Проделки Вирявы)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин и Л. В. Седова в с. Старый Байтермиш Клявлинского р-на Куйбышевской обл. от Куприяновой М. И., РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 47.
Нередко в быличках можно отметить и рассказы, развенчивающие веру в реальное существование разного рода духов и т. д. Одним из таких примеров может служить рассказ о лжеведьме:
«Она пугает людей. Распустит волосы на плечи и сидит у реки. Кто-нибудь проходит:
— Ох, это не к добру! Это уж не к хорошему!
Она — такая же женщина. Один старичок ищет лошадей. В овраге сидит женщина. Тот старичок скачет — сидит женщина. Волосы на плечи распущены:
— Ты, — говорит, — шайтан или человек?
Молчит.
— Ты — шайтан или человек?
Молчит. Тряжды спросил, ремненным кнутом как хлестнет. Раз! Другой! Три раза как ударил ее. А она говорит:
— Петро, прости меня. Я! Я!
Эта женщина теперь умерла. Вот что делают, вот тебе и шайтан! Нет шайтанов. Была как Ведява, наряжена Ведявой». (Перевод. РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 23).
95. Э. <**Вирьэ одирьва**> (<**Невеста в лесу**>). Зап. В. И. Беззубов в с. Семидель Кочкуровского р-на МАССР от Беззубовой Ф. И., 56 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 7—8.
Существует поверье, что Вирява может превращаться по что угодно и в кого угодно: зайца, жеребенка, невесту, огненный столб и т. д. (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 216—218; Л—86, л. 119).
96. Э. <**Кувака**> **Вирява** (<**Длинная**> **Вирява**). Зап. в 1936 г. В. К. Радаев в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Руськина Н. Е., 71 год; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—11, л. 49.
97. М. **Мезде пели Вирявась? (Чего бонится Вирява?)** Зап. в 1945 г. К. Т. Самородов от Тулаева Е. И., 80 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—79, л. 64—65.
98. Э. **Вирява (Вирява)**. Зап. в 1948 г. А. И. Маскаев в с. Сабасево Кочкуровского района МАССР от Калачиной М. Я., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—84, л. 107.
В сказках и быличках о Виряве нередко встречается известный в фольклоре разных народов сюжет: человек обманом заставляет мифологическое существо вложить в щель пальцы и зажимает их там.
99. Э. <**Полавать тейтерька**> (<**Подменная девочка**>). Зап. в 1928 г. Т. П. Миронов в с. Атиньне (русское название села установить не удалось) от Ермолова М. Д.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—69, л. 207—217.
В этой быличке заметно contamination двух известных мотивов: пальцы Вирявы в щели дерева и водмена новорожденного ребенка детенышем Вирявы. Данный сюжет известен был еще в середине XIX века: «Он... ночью порою сидел около огня. Подошла она. Дедушка заробел, сделал выстрел из ружья. Пуля попала ей в самую грудь; она, закричав что есть мочи: «А-и-а», чуть-чуть побрела. Дедушка по следам за нею, зашел в гущу леса, там в полугоре нора-берлога, в которой она и умерла. Из норы-то кричит ему русская баба: «Подойди ближе, не бойся, хозяин умер, а больше никого нет». Он захватил в береме из ее добришка — шкуры соболей, кунци, лисци, бобров, заячьи, белычьи, ушел в село и вывел с собою русскую бабу... Но мы были ярмонкой в селе С-мясе вместе; я позвал его к ней в гости — попить, он нехотя признался, что шутил». (Снежничкий, с. 629—630).
100. Э. **Вирявадо евтнема (Рассказ о Виряве)**. Зап. в 1947 г. Ф. А. Макаров в с. Кабаево Дубенского р-на МАССР от Фомина И., 72-х лет, и его жены (Хомань Ильяка баба), 68 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—86, л. 221—223.
Здесь неверие рассказчиков в то, что сами же рассказывают (осознанное художественное творчество, изменение функции былички).
101. Э. **Кить Ведяватне? (Кто такие Ведявы?)**. Зап. в 1972 г. Л. С. Кавтаськин

- и Л. В. Седова в пос. Бобровка Похвистневского р-на Куйбышевской обл. от Сергачева Е. Н., 1891 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 19. Дается легендарная трактовка происхождения Ведявы.
102. Э. <Ведява марто кортнемат> (<Переговорить с Ведявой>). Зап. в 1946 г. Ф. А. Макаров в с. Канакейка Ардатовского района МАССР от Паркиной П. И., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—78, л. 194. Данная быличка близка к произведениям с мотивами строительной жертвы, известным в мордовском фольклоре. (См.: Шахматов, с. 45—46).
103. М. Куйгорожь дейканза (Продакки Куйгорожь). Зап. в 1948 г. А. И. Карасев в с. Карсаевка Повнского р-на Пензенской обл. от Аляпкиной А. А., 60 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—97, л. 71.
104. М. Куйгорожь юмась (Куйгорожь пронал). Зап. в 1948 г. А. И. Карасев в с. Карсаевка Повнского р-на Пензенской обл. от Аляпкиной А. А., 60 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—97, л. 72—73.
105. М. Куйгорожь (Куйгорожь). Зап. в 1948 г. А. И. Карасев в с. Карсаевка Повнского р-на Пензенской обл. от Аляпкиной А. А., 60 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—97, л. 71—72.
106. Э. Домовоесь алашань кардсо (Домовой в конюшне). Зап. Ф. А. Макаров в с. Канакейка Ардатовского р-на МАССР от Паркиной П. И., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—78, л. 194. Домовой у мордвы известен наряду с языческим покровителем хлеба Кардо сярко. Описывается он так: «Домовой — старик, с бородой, некрасивый. Если хозяйина или хозяйку неваляло, покоя не даст, где-нибудь в углу или где еще ночью будет стучать, будет скот уничтожать. Если хозяйина не любит, может скот поморить. Это, по-моему, сказки, чтобы людей пугать». (РФ МНИИЯЛИЭ, Л—494, тетр. 3, л. 31).
107. Э. Атянь он (Сон старика). Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Найманы Большеберезниковского р-на МАССР от Бескаевой Д. Д., 75 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—6, л. 210—211.
108. Э. Кудальтине ды Паксальтине (Кудальтине и Паксальтине). Зап. в 1936 г. В. К. Радаев в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Руськина Н. Е.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—11, л. 16.
109. Э. Полавкс (Подмененный). Зап. в 1920 г. В. А. Калентьев в с. Налитово Дубенского р-на МАССР от слепого нищего, 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—120, л. 202—205.
110. Э. Сыре катка (Старая кошка). Зап. в 1936 г. В. К. Радаев в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Руськина Н. Е.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—11, л. 17.
111. Э. Ваясть Сурас (Утонули в Суре). Зап. в 1936 г. В. И. Беззубов в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на МАССР от Лотыркина Л. С., 67 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 14—15.
112. Э. Калместо айгор лиснесь (Жеребец из могилы выходил). Зап. Л. С. Кавтаськин в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Мокшанкиной О. Я., 55 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—39, л. 226—228.
113. Э. <Сакшность винадо куамцись> (<Приходил умерший от вина>). Зап. в 1936 г. в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Будаева И. И., 79 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 633—634.
114. Э. <Русалка> (<Русалка>). Зап. в 1936 г. В. И. Беззубов в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на МАССР от Лотыркина Л. С., 67 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 13. Русалка у мордвы известна наряду с языческой Ведявой.
115. Э. Тетянь евтнема (Рассказ отца). Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 128.
116. Э. Сыре бабинесь евтнема (Рассказ старушки). Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 129.
117. Э. Тетям евтнесь (Рассказывал отец). Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 128.
118. Э. Цяпор пандо ало (Под горой Цяпор). Зап. в 1936 г. В. К. Радаев в

- с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Руськина Н. Е.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—11, л. 18.
119. Э. Тадавкс (Испуг). Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Старые Турдаки Кочкуровского р-на МАССР от Ланбамина К. Ф., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 408—409.
120. Э. Толонь палмань (Огненный столб). Зап. в 1936 г. В. И. Беззубов в с. Старые Турдаки Кочкуровского р-на МАССР от Бочарова Ф. И., 78 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 9.
121. Э. Учай лисьма (Родник Учай). Зап. В. И. Беззубов в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Каргина Е. Ф., 73-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 4.
122. Э. <Мезе ульнесь> (<Что было>). Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Будаева И. И., 79 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 635—636.
123. Э. <Тувю> (<Свинья>). Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Старые Турдаки Кочкуровского р-на МАССР от Ланбамина К. Ф., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 407.
124. Э. Кузьматянь тадавксозо (Испуг старика Кузьмы). Зап. В. И. Беззубов в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Каргина Е. Ф., 73-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—133, л. 2—3.
125. М. Равжа пине (Черная собака). Зап. в 1963—64 гг. А. Д. Шуляев в с. Перхляй Рузаевского р-на МАССР; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—384, л. 55.
126. Э. <Чавозь ведун> (<Убитая колдунья>). Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Кочкурово Кочкуровского р-на МАССР от Мокшанкиной О. Я., 55 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—4, л. 111—112.
127. Э. Колдун (Колдун). Зап. в 1936 г. в с. Старые Турдаки Кочкуровского р-на МАССР от Ланбамина К. Ф., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 405—406.
128. Э. <Нумоло> (<Заяц>). Зап. в 1936 г. В. З. Радаев в с. Старые Турдаки Кочкуровского р-на МАССР от Ланбамина К. Ф., 66 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—127, л. 406.
129. Э. Ништей (Нищий). Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—12, л. 157—158.
130. Э. Шишма (Шишма). Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на МАССР от Ледяйкина Ф. И., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 216.
131. Э. Тырынтай (Тырынтай). Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на МАССР от Ледяйкина Ф. И., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 214—216.
132. Э. Кужня лейсэ (На реке Кужне). Зап. в 1936 г. Л. С. Кавтаськин в с. Мордовское Давыдово Кочкуровского р-на МАССР от Ледяйкина Ф. И., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—40, л. 216—218.
133. Э. Бояр (Барин). Зап. в 1979 г. Л. В. Седова в с. Большое Маресено Чамзинского р-на МАССР от Суродина С. Я., 1903 г. рожд.; РФС.

Часть II

1. ЛЕГЕНДЫ

134. Легенда о сотворении мира. РГО, р. 37, оп. 1, № 32, л. 28.
135. Об истории первого человека. Дубасов, с. 123—124.
136. <О человеке и пчеле>. Зап. от К. Зайцева в Княгининском уезде. Очерк..., с. 193.
137. <Старая легенда>. Мельников-Печерский, с. 441—442.
138. <Канюк>. Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—56, л. 93—94.
139. <Пургинепаз и Сыржа>. Зап. в с. Кардавле Ардатовского у. и с. Ревезень Княгининского у. Майнов. Очерк..., с. 134.
140. Раужо лисьма. Текст прислан составителю сборника в 1972 г. Н. Горбуновым, жителем с. Малое Маресено Чамзинского р-на МАССР; РФС.

141. Девушка-камень. Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 134—135.

II. ПРЕДАНИЯ

142. **Первый человек.** Зап. Б. Е. Смирнов в Zubovo-Полянском р-не МАССР от Сайкина И. И., 77 лет, Медведева Н. А., 84-х лет, Чикарева, 84-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 36, 107—108.

143. **Мокшанские цари.** Майнов. Один день... с. 119.

144. **Избрание цари Тюштяня.** Зап. М. Е. Евсеев в с. Карсаевка Чембарского у. Пензенской губ. (ныне Пензенской обл.); ЦГА МАССР, ф. Р-267, оп. 1, № 24, л. 87.

145. **Мордовский князь Тюштяня.** Зап. в 1889 г. М. Е. Евсеев в д. Макраши Нижегородского у. Нижегородской губ. (ныне Горьковской обл.) от Дорониной, 98 лет; ЦГА МАССР, ф. Р—267, оп. 1, № 24, л. 86.

У мордвы бытует мнение, что когда-то она имела письменность, ею пользовались вожди мордвы. Об утрате ее говорится в предании: «Ветарь мордва имела свои письмены, но эти письмены съедены коровой, когда по неосторожности они были выложены из избы и выброшены на двор с сором. «Она (корова) съела мордовскую грамоту», — в шуточном тоне говорит мордва, когда ведут на убой это прожорливое животное...» (РГО, разр. 53, оп. 1, № 33, л. 3).

146. **Заселение мордвою Кузнецкого уезда.** Медико-топограф. описание..., с. 462—463.

147. **Предание о Тюштяне.** Зап. К. Евлентьев; РГО, р. 53, оп. 1, № 33, л. 1—3. Наличие легендарных мотивов.

148. **О Тюште.** Зап. в 1974 г. А. Д. Шуляев и А. М. Шаронов в г. Лукоянове Горьковской обл. от Куманева. Сам Куманев слышал в селах Крапивка и Шандрово Лукояновского р-на Горьковской обл.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—516, л. 100—102.

Наличие легендарных и сказочных мотивов.

149. **Смерть Тюштяня.** Дубасов, с. 122.

В другом предании о гибели последнего мордовского царя говорится, что «он ехал на коне по воде и вода его удерживала. На обратном пути он также поехал по озеру. На берегу озера он увидел: лежит девица-красавица. Он прельстился ее красотой», и она погубила царя. (См.: ЦГА МАССР, ф. Р-267, оп. 1, № 79, л. 3).

150. **Тюшань.** Зап. в с. Оркино Саратовского у. Саратовской губ.; Шахматов, с. 24.

Близок к рассказам о возвращающихся извавителях, известным в фольклоре разных народов. (См.: Соколова В. К. Русские исторические предания, с. 126—133).

151. **О Нарчатке.** Зап. в 1974 г. А. Д. Шуляев и А. М. Шаронов в г. Лукоянове Горьковской обл. от Куманева; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—516, л. 102—103.

Дополнено легендарными и сказочными мотивами.

152. **Мокшанская княгиня Нарчатка.** Зап. в 1927 г. Н. Н. Миронов в с. Морозовское Наровчатского р-на Пензенской обл. от Нуждина И. С., 70 лет; Песня и сказки Пензенской обл., с. 27.

Это предание дополнено мотивом былички о русалке. Иногда имя княгини Нарчатки заменяется именем Буртас (См.: Горюнова, с. 110).

153. **Ибрагимов городок.** Ниж. предания и легенды, с. 15—17.

В этой книге Морохин пишет, что текст данного предания сообщен Н. Храмовскому «любителем старины и владельцем множества старинных книг и манускриптов». Фамилия рассказчика не приводится. Морохиным напечатано с небольшими текстологическими поправками по книге «Краткий очерк истории и описание Нижнего Новгорода в двух частях, составленные Н. Храмовским». Ч. 1. Н. Новгород, 1857, с. 3—4.

154. **Дятловы горы.** Ниж. предания и легенды, с. 13—14.

В названном сборнике Морохин перепечатал из книги:

П. И. Мельников-Печерский. Полн. собр. соч., изд. 2-е. Т. 7. СПб., 1909,

с. 414. Это предание найдено П. И. Мельниковым в одном из рукописных сборников XVII века.

155. **Предание об основании Нижнего Новгорода.** Ниж. предания и легенды, с. 227.

Ранее было напечатано в «Нижегородке» А. С. Гациского, с. 26—27. Предание это является прозаическим вариантом известной песни (см. в Предисловии).

156. **Основание Нижнего Новгорода.** Можаровский. Заметка...

157. **Первый проводник Ивана Грозного.** Архимандрит Макарий; РГО, р. 23, оп. 1, № 142, л. 3—4.

158. **Второй проводник Ивана Грозного.** Архимандрит Макарий; РГО, р. 23, оп. 1, № 142, л. 4—19.

159. **Ардатов.** Воронин. Ардатов, с. 96.

Рассказывают о проводниках — четырех братьях, татарах-перебежчиках: Ризадее, Ардатке, Кужендее и Таторше. Они провели Грозного на Казань, за что и получили в награду земельные угодья (Ниж. предания и легенды, с. 75—76).

В предании об основании города Арзамаса говорится, что «во время похода на Казань грозный царь Иван Васильевич пробирался через дремучие мордовские леса. Проводниками его были старей Тюш и два его сына Арзай и Мас. За их услуги грозный царь пожаловал проводников и отдал им это место, где теперь стоит город, а прежде тут было мордовское поселение...» (Из ист. прошлого...).

160. **Царев курган.** Размадзе, с. 94.

161. **Почему эрзяне не были крепостными.** Зап. в 1929 г. А. Глухов в с. Шокша Теньгушевского р-на МАССР от Прялиной Е. С., 38 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—26, л. 111—112.

162. **Почему мокшане не были крепостными.** Зап. Б. Е. Смирнов в пос. Тракторный Zubovo-Полянского р-на МАССР от Туманова Я. С., 37 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 299—330.

163. **Девичьи Горы.** Мельников. Девичьи Горы.

164. **Девичьи Горы.** Зап. в 1966 г. Г. И. Шорохова в с. Девичьи Горы Большебодлинского р-на Горьковской обл. от Сорокиной, 1913 г. рожд.; Ниж. предания и легенды, с. 127—128.

В газете «Нижегородские губернские ведомости» за 1892 г. (№ 40) А. П. Мельников приводит три сюжета этого предания.

Первый из них близок к приведенному тексту, а о втором и третьем А. П. Мельников пишет следующее: «Существует другая версия этой легенды, которая говорит, что во время долгой стоянки Грозного на этом месте умерла и тут же схоронена какая-то боярышня, сопровождавшая будто бы царя во время похода, о которой царь долго горевал и над ее могилкой велел построить церковь, о покушении ничего не говорится.

Наконец, третья версия, очевидно, образовалась из двух первых. В ней говорится, что Грозный был спасен одной из своих наложниц, будто бы сопровождавших его в походе».

165. **Предание о крещении мордвы в Тамбовской губернии.** ЭО, с. 199.

166. **Крещение Петром мордвина.** Смирнов. Морд. население...

Это пока единственное, известное в мордовском фольклоре предание о Петре I.

167. **Крещение оркинцев.** Зап. в с. Оркино Саратовского у. Саратовской губ.; А. Н. Мних. Народные обычаи, обряды, суеверия и предрассудки Саратовской губернии, с. 112. Копия—РФ МНИИЯЛИЭ, И—883, л. 74.

168. **О повлении мордвы на левом берегу Волги.** Зап. в 1971 г. Э. Н. Таракина в с. Кадышево Тетюшского р-на Татарской АССР; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—493, тетр. 4, л. 4.

169. **Летопись о церкви.** Зап. М. Е. Евсеев; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—55, л. 138—144.

Вариант: РФ МНИИЯЛИЭ, Л—414, л. 118—124.

Древний мотив строительной жертвы встречается и в других преданиях (см. Шахматов, с. 45—46.).

170. **Предание о том, как один мордвин торговался в церкви при покупке свечи.** Зап. в 1951 г. Л. С. Кавтаскин в с. Старые Пичуры Торбеевского р-на МАССР; РФ МНИИЯЛИЭ, И—152, л. 71—72.
171. **Алена.** Ниж. предания и легенды, с. 198—202.
Об Алене известны пока лишь два предания, которые подвергнуты некоторой обработке. В них дается разная оценка образа Алены и описываемых событий. В одном—происходящее оценивается сочувственно к восставшим, в другом—с враждебных восставшим позиций. В предании, опубликованном А. Н. Нарцовым (с. 14—15), Алена—развратная монахиня, атаман воровской шайки. В обоих произведениях могла быть и правка издателей, давших свою трактовку образа.
172. **О Емельяне Пугачеве.** Ниж. предания и легенды, с. 211—214. Морохиным текст взят из работы Н. Сутырина (с. 77—79).
173. **Золотой гусь.** Зап. в 1921 г. П. Козни от Максимкиной А., 30 лет; Маркелов, с. 140.
У мордвы существует поверье, что «клады появлялись в виде жеребят, свиной, уток и иначе. У одного человека были утки, а соседская старуха искала клад до своей смерти. А народ говорил: «Если тебе покажется клад, ударь его наотмашь, и покажутся деньги». Лишь только выйдет со двора утка, соседская старуха возьмет палку и начнет бить ею наотмашь. Старуха перебила всех уток, а клада она не могла взять». (Шахматов, с. 178).
174. **Белая свинья.** Зап. в 1939 г. А. И. Маскаев в с. Нароватово Теньгушевского р-на МАССР от Беляева А. И., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—113, л. 324.
Это предание записано и на мокшанском языке от того же сказителя, но значительно короче (см. РФ МНИИЯЛИЭ, Л—113, л. 324).
175. **Клад башни.** Зап. в 1939 г. А. И. Маскаев в с. Дудинково Теньгушевского р-на МАССР от Деваева Е., 75 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—113, л. 294.
176. **Клад.** Зап. в 1939 г. А. И. Маскаев в с. Нароватово Теньгушевского р-на МАССР от Беляева А. И., 70 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—113, л. 328.
177. **О происхождении села Старое Бадиково.** Зап. в 1960—65 гг. Б. Е. Смирнов в с. Старое Бадиково Zubovo-Полянского р-на МАССР от Сайкина И. И., 77 лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 45—46.
178. **Боярское озеро.** Зап. в 1960—65 гг. Б. Е. Смирнов в с. Подгорные Селищи Zubovo-Полянского р-на МАССР от Любшикина Ф. И., 62-х лет; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 272—277.
179. **Адашево.** Зап. Л. С. Кавтаскин в с. Чукалы Большеигнатовского р-на МАССР от Шулейкина И. Т., 1892 г. рожд.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—325, л. 260. См. № 57.
180. **Рассказ про Сабана, основателя с. Сабанчеева.** Зап. со слов старика-мордвина в с. Сабанчеево; Бутузов, с. 384.
По другим вариантам предания (более поздним), Сабан был беглым солдатом (из дипл. раб. студ. МГУ М. С. Сидоровой и М. С. Власовой).
181. **На новые земли.** Зап. в 1964 г. А. И. Инчи от Инчиной М. Г., 1893 г. рожд., уроженки с. Камышанка Бугурусланского р-на Оренбургской обл.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—414, л. 414—417.
182. **Паны.** Зап. М. Е. Афиногенова; Наровч. музей, папка «Колхоз «Заря».
183. **Арзамас.** Ниж. предания и легенды, с. 76—77. Ранее было опубликовано в «Очерках мордвы» П. И. Мельникова-Печерского.
В другом предании говорится, что «на месте Арзамаса жили два мордовских князя: на горе—Арза, а под горою—Маза...» (Ниж. предания и легенды, с. 77—78). См. № 164.
В третьем предании основателями Арзамаса были Эрзя с женой Масью (см. № 163).
184. **Как к царю ходили.** Зап. в 1946 г. в с. Новая Кастановка Поимского р-на Пензенской обл. от Аброськина С. М., 65 лет; Песни и сказки Поимского района, с. 37.
185. **Родник Карцы.** Текст предания прислан составителю сборника Н. Горбуновым, жителем с. Малое Маресево Чамзинского р-на МАССР; РФС.

186. **Овраг Вержиз.** Текст предания прислан составителю сборника Н. Горбуновым, жителем с. Малое Маресево Чамзинского р-на МАССР; РФС.
187. **Айгор каль.** Текст предания прислан составителю сборника Н. Горбуновым, жителем с. Малое Маресево Чамзинского р-на МАССР; РФС.
188. **Каратаи.** Зап. в 1956 г. В. Н. Белицер в с. Мордовские Каратаи Татарской АССР; РФ МНИИЯЛИЭ, И—390, л. 49, 63, 92.
189. **О реке Айва.** Зап. в 1950 г. М. Р. Полесских в с. Нижний Шкафт Ленинского р-на Пензенской обл.; Песни и сказки Пензенской области, с. 26.
190. **Почему Сура так называется.** Зап. в 1947 г. А. П. Аписимова в с. Сабаново Николопестровского р-на Пензенской обл.; Песни и сказки Пензенской области, с. 25.
191. **Аксел.** Голубинский.
192. **О возникновении фамилии.** Зап. в 1981 г. Л. В. Седова в с. Сакаево Теньгушевского р-на МАССР от Слухановой Н. Ф., 1933 г. рожд.; Ф 1981/182.

III. БЫЛИЧКИ

193. **Что такое Куйгорыш?** Зап. в 1960—65 гг. Б. Е. Смирнов в Zubovo-Полянском р-не МАССР от Медведева Н. А.; РФ МНИИЯЛИЭ, Л—415, л. 318—319.
Функции Куйгорыша и Юртава у мордвы очень близки. Примером может быть следующая былина.
«Я спросил одного старика: есть ли дворовая Юртава? Старик рассказал мне вот что: «У Ивана Романова лошади были гладкие как ледянки, а это было вот отчего. Однажды я вышел на двор, поздно вечером, дал лошадям травы и вошел в дом. Потом жена моя вышла на двор. Только лишь она успела выйти, как войдет назад, как хлопнет дверью, а сама точно мертвая. «Ты чего? Ты чего?»—говорю я жене, а жена раскрыла рот, вытаращила глаза и говорит: «Я вышла и смотрю, а дворовая Юртава Ивана Романова связывает позади лошадей траву в вязанки и лазит через крышу. Самое ее не видно, а вязанка из травы ходит, двигается и исчезла на крыше». Вот отчего лошади Ивана Романова были словно ледянки»,—говорит мне старик». (Шахматов, с. 152—153).

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Горьковская область

- Горьковская область (бывш. Нижегородская губ.) — 145, 153, 154, 155, 156, 171, 183.
Горьковская область, Большеболдинский район, с. Девичьи Горы — 164.
Горьковская область, Княгининский район (бывш. Княгининский уезд) — 136, 139.
Горьковская область, Лукояновский район, г. Лукоянов — 148, 151.

Куйбышевская область

- г. Куйбышев — 10, 19.
Куйбышевская область, Клявлинский район, с. Старый Байтермиш — 54, 94.
Куйбышевская область, Похвистневский район, с. Бобровка — 43, 101.
Куйбышевская область, Похвистневский район, с. Малый Толкай — 29, 32.
Куйбышевская область, Похвистневский район, ст. Подбельская — 61, 91.

Мордовская АССР

- Мордовская АССР, Ардатский район, с. Канаклейка — 102, 106.
Мордовская АССР, Ардатский район, с. Кечушево — 81.
Мордовская АССР, Атюрьевский район — 46.
Мордовская АССР, Атюрьевский район, с. Кишалы — 12, 13, 71.
Мордовская АССР, Атяшевский район — 78.
Мордовская АССР, Атяшевский район, с. Лобаски — 7, 8, 9.
Мордовская АССР, Атяшевский район, с. Мордовские Сыреси — 75.
Мордовская АССР, Большеберезниковский район — 53.
Мордовская АССР, Большеберезниковский район, с. Найманы — 38, 40, 84, 107.
Мордовская АССР, Большеигнатовский район, с. Андреевка — 20.
Мордовская АССР, Большеигнатовский район, с. Большое Игнатово — 35.
Мордовская АССР, Большеигнатовский район, с. Чукалы — 179.
Мордовская АССР, Дубенский район, с. Кабаево — 41, 55, 100.
Мордовская АССР, Дубенский район, с. Налитово (ныне переименовано в Пур-каево) — 109.
Мордовская АССР, Дубенский район, с. Поводимово — 36, 37, 92.
Мордовская АССР, Ельниковский район, с. Каньгуши — 47.
Мордовская АССР, Зубово-Полянский район — 49, 142, 193.
Мордовская АССР, Зубово-Полянский район, с. Подгорные Селищи (ныне входит в Темниковский р-н) — 178.
Мордовская АССР, Зубово-Полянский район, с. Потьма — 3.
Мордовская АССР, Зубово-Полянский район, с. Старое Бадиково — 177.

- Мордовская АССР, Зубово-Полянский район, пос. Тракторный — 162.
Мордовская АССР, Инсарский район — 57.
Мордовская АССР, Ковылкинский район — 14, 44, 51.
Мордовская АССР, Ковылкинский район, с. Старое Дракино — 17, 18.
Мордовская АССР, Кочкуровский район, с. Кочкурово — 25, 28, 96, 108, 110, 112, 113, 118, 121, 122, 124, 126.
Мордовская АССР, Кочкуровский район, с. Мордовское Давыдово — III, II4, 130, 131, 132.
Мордовская АССР, Кочкуровский район, с. Сабаево — 62, 77, 98.
Мордовская АССР, Кочкуровский район, с. Семилей — 95.
Мордовская АССР, Кочкуровский район, с. Старые Турдаки — 119, 120, 123, 127, 128.
Мордовская АССР, Рузаевский район, с. Перхляй — 1, 2, 125.
Мордовская АССР, Старошайговский район — 50.
Мордовская АССР, Старошайговский район, с. Мельданы — 21, 48.
Мордовская АССР, Темниковский район, с. Лесное Ардашево — 33, 39, 70.
Мордовская АССР, Темниковский район, с. Лесные Сиялы — 85.
Мордовская АССР, Теньгушевский район, с. Дудниково — 175, 192.
Мордовская АССР, Теньгушевский район, с. Нароватово — 56, 174, 176.
Мордовская АССР, Теньгушевский район, с. Шокша — 161.
Мордовская АССР, Торбеевский район — 52.
Мордовская АССР, Торбеевский район, с. Новая Пичеморга — 82, 83, 86.
Мордовская АССР, Торбеевский район, с. Старые Пичуры — 170.
Мордовская АССР, Торбеевский район, с. Салазгорь — 65.
Мордовская АССР, Чамзинский район, с. Большие Ремезенки — 26.
Мордовская АССР, Чамзинский район, с. Большое Маресево — 4, 5, 22, 23, 66, 69, 88, 90, 133.
Мордовская АССР, Чамзинский район, с. Малое Маресево — 140, 185, 186, 187.
г. Саранск — 24, 45.

Оренбургская область

- Оренбургская область, Бугурусланский район, с. Камышлинка — 181.
Оренбургская область, Бугурусланский район, с. Мордовская Бокла — 60.

Пензенская область

- Пензенская область (бывш. Пензенская губ.) — 63, 166, 182.
Пензенская область, Камешкирский район, с. Чумаево — 74.
Пензенская область, Луинский район, с. Нижний Шкафт — 189.
Пензенская область, Наровчатский район, с. Морозовское — 152.
Пензенская область, Николопестровский район, с. Сабаново — 190.
Пензенская область, Понимский район, с. Карсаевка — II, 58, 103, 104, 105, 144.
Пензенская область, Понимский район, с. Новая Каштановка — 184.
Пензенская область, Сосноборский район, с. Кардафлей — 87.

Саратовская область

- Саратовская область (бывш. Саратовская губ.) — 146, 171.
Саратовская область (бывш. Саратовская губ., Саратовский уезд, с. Оркино) — 27, 64, 150, 167.
Саратовская область (бывш. Саратовская губ., Саратовский уезд, с. Сухой Карбулак) — 6, 30, 42.

Тамбовская область

- Тамбовская область (бывш. Тамбовская губ.) — 135, 149, 165.

Татарская АССР

- Татарская АССР, Тетюшский район, с. Бессоновка — 72.
 Татарская АССР, Тетюшский район, с. Мордовские Каратаи — 188.
 Татарская АССР, Тетюшский район, с. Кадышево — 168.
 Татарская АССР, Тетюшский район, с. Урюм — 68, 89.

Ульяновская область

- Ульяновская область, Сурский район, с. Атякшино — 59.
 Ульяновская область, Сурский район, с. Паркино — 79.

Чувашская АССР

- Чувашская АССР, Поречский район, с. Напольное — 31, 80.
 Место записи не указано — 15, 16, 34, 67, 76, 93, 97, 99, 115, 116, 117, 129, 134, 137, 138, 141, 143, 147, 157, 158, 159, 160, 163, 169, 172, 180, 191.

СПИСОК СКАЗИТЕЛЕЙ

Аброськи С. М. (184).	Корольков С. П. (65).
Алякина А. С. (11, 58).	Кочурки А. Ф. (13).
Алякина А. А. (103, 104).	Куманев (148, 151).
Аношкин С. А. (53).	Кукушкин В. Т. (85).
Базаев И. Д. (39).	Куприянова М. И. (94).
Барцаев П. Я. (62).	Лаврушкин Р. И. (81).
Беззубова Ф. И. (95).	Ланбаши К. Ф. (119, 123, 127, 128).
Беляев А. И. (174, 176).	Ледяйкин Ф. И. (130, 131, 132).
Беськаева Д. Д. (107).	Лотыркин Л. С. (111, 114).
Беськаев С. Г. (84).	Любишкин Ф. И. (178).
Бифтина А. А. (89).	Майоров В. П. (71).
Борисов А. Г. (24).	Маколкин И. И. (31).
Борисова Т. В. (92).	Максимкина А. (173).
Бочаров Ф. И. (120).	Малюков В. С. (20).
Будаев И. И. (113, 122).	Мартьянов В. Я. (7, 8, 9).
Велин А. А. (192).	Медведев Н. А. (142, 193).
Втулкин М. А. (10, 19).	Минаев М. И. (67).
Горбунов Н. (140, 185, 186, 187).	Миркина (14, 44).
Данчина М. Н. (91, 101).	Мокшанкина О. Я. (25, 112, 126).
Деваев Е. (175).	Немкин А. В. (61).
Денисов Н. А. (66).	Нуждин И. С. (152).
Дергунов С. В. (26).	Обухов Д. Ф. (75).
Доронин (145).	Паркина П. И. (102, 106).
Егоров Е. И. (59).	Пиняев Г. С. (80).
Ермолов М. Д. (99).	Прялина Е. С. (161).
Ерофеева М. С. (1, 2).	Пургаев Н. Т. (32).
Жаринова А. М. (56).	Рузаев А. Т. (73, 82, 83, 86).
Зайцев К. (136).	Руськин Н. Е. (96, 108, 110, 118).
Занькин Ф. Д. (28).	Сабзаев Д. В. (47).
Зотов К. О. (23, 88).	Сайкин И. И. (142, 177).
Ивчина М. Г. (181).	Самаров А. Я. (74).
Ишелев П. А. (68).	Сергачев Е. Н. (43, 101).
Кавтаськин Л. С. (45).	Сидоров И. К. (21, 48).
Калачина М. Я. (77, 98).	Солдаткин С. И. (17, 18).
Каргин Е. Ф. (121, 124).	Сорокина (164).
Киселев С. Н. (57).	Столбоушкин В. Е. (29).
Кичкина М. Т. (63).	Сульдина Т. Т. (54).
Кожеватов А. В. (79).	Суродин С. Я. (4, 5, 22, 69, 90, 133).

- Титова М. К. (60).
 Тулзев Е. И. (97).
 Туманов Я. С. (162).
 Уральский И. Ф. (33, 70).
 Фомина И. (41, 100).
 Чепайкина А. Е. (12).
 Четверева В. А. (38, 40).

- Чикарев (142).
 Шаргаев И. Ф. (55).
 Шагин И. К. (36).
 Шагин Н. Д. (37).
 Шулейкин И. Т. (179).
 Юношев И. Е. (35).
 Яркин К. И. (3).

СЛОВАРЬ

местных форм русских личных имен, употребляющихся в текстах сборника

- Алда (Олда) — Евдокия, народное — Авдотья.
 Василь — производное от Василия.
 Вара — производное от Варвара.
 Дроне — Андрон, разговорная форма от Андроник.
 Ерма — Ерема.
 Зота — Зот, разговорная форма от Изот.
 Ивка — производное от старой формы имени Ив (У А. А. Шахматова — Иван).
 Ига — Игнат, разговорная форма от Игнатий.
 Илия — старая форма имени Илья.
 Кведор(ка) — Федор(ка).
 Квиле — Филея — производное от Филипп.
 Кифор — производное от Никифор.
 Критай (Критун) — Харитон.
 Ларя — Лармон, народная форма имени Илармон.
 Лева — производное от Леонтий.
 Леса — Александра.
 Микил — производное от Николай.
 Микиша — Никиша, производное от Никита.
 Омеля — Емеля, производное от Емельян.
 Онта — Антон.
 Оха — Афанасий (перевод А. А. Шахматова).
 Павол (Паул) — Павел.
 Петруха (Петрушка) — производное от Петр.
 Стяпан — Степан.
 Троша — производное от Трофим.
 Тюма — Тимофей.
 Фима — Ефимия.
 Якушка — производное от Яков.
 Яхим — производное от Ефим.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. Печатные источники текстов

1. А. И. С. — А. И. С. Поездка в Песчанку, Оркино и Лох. — Саратовский сборник. Саратов, 1881, т. 1, отд. 11.
2. Аристов — Аристов Н. Я. Предания об исторических лицах и событиях. — Исторический вестник. СПб., 1880, т. 3.
3. Березнеговский — Березнеговский С. Замечания о названии г. Кадома. — Известия Тамбовской ученой архивной комиссии, 1913, вып. 55.
4. Богословский — Богословский В. Летопись о церкви и приходе села Великого Врага Арзамасского у. Нижегородской Епархии. — Нижегородские епархиальные ведомости, 1886, № 10.

5. *Борисовский* — Борисовский А. Село Вереево Нижегородского уезда.— Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1867, т. 1.
6. *Бутузов* — Бутузов Ф. Верования и культ мордвы (эрзи) с. Сабанчеева Алатырского у. Симбирской губернии.— Известия ОАИЭ, 1893, т. 11, вып. 4.
7. *Вазерский* — Вазерский К. Село Шадым Наровчатского у.— Пензенские епархиальные ведомости, 1881, № 8.
8. *Владимиров* — Владимиров М. М. Первое столетие Хвалынского.— Саратовский сборник. Саратов, 1882, т. 2.
9. *Воронин, Ардатов* — Воронин И. Д. Ардатов.— Литературная Мордовия. Саранск, 1965, № 4 (41).
10. *Воронин, Д. М.* — Воронин И. Д. Достопримечательности Мордовии. Саранск, 1967.
11. *Воронин, К вопросу...* — Воронин И. Д. К вопросу о мордовской топонимике.— Записки МНИИЯЛИЭ, Саранск, 1951, № 13.
12. *Воронин, Очерки* — Воронин И. Д. Очерки и статьи. Саранск, 1957.
13. *Воронин, Саранск* — Воронин И. Д. Саранск. Саранск, 1961.
14. *Воронин, Саранская сторожевая черта...* — Воронин И. Д. Саранская сторожевая черта и город Саранск в первые годы его существования.— Записки МНИИЯЛИЭ. Саранск, 1951.
15. *Гацисский* — Гацисский А. С. Нижегородка. Путеводитель и указатель по Нижнему Новгороду и нижегородской ярмарке. Н. Новгород, 1887.
16. *Голубинский* — Голубинский И. Село Аксел Краснослободского у.— Пензенские епархиальные ведомости, 1907, № 2.
17. *Горюнова* — Горюнова Е. И. Селище Полянки.— КСИИМК, М.; Л., 1947.
18. *Гр. П-в* — Гр. П-в. Мордовское село Лобаски. Этнографический очерк.— Нижегородские епархиальные ведомости, 1887, № 13—14.
19. *Докучаев* — Докучаев Н. Село Бояркино Городищенского у.— Пензенские епархиальные ведомости, 1885, № 18.
20. *Дубасов* — Дубасов И. И. Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 1890, вып. 1.
21. *Евсеев, Труды* — Евсеев М. Е. Избранные труды. Саранск, 1961, т. 1.
22. *Евсеев, Братчины...* — Евсеев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии.— Избранные труды. Саранск, 1966, т. 5.
23. *Зайковский* — Зайковский Б. Бугор Стеньки Разина.— Труды Саратовской ученой архивной комиссии. 1928, вып. 24.
24. *Из ист. прошлого...* — Из исторического прошлого г. Арзамаса.— Нижегородские губернские ведомости, 1900, № 1.
25. *Из нар. преданий...* — Из народных преданий о Стеньке Разине. Сообщил А. А. Лукин.— Саратовский сборник. Саратов, 1882, т. 2.
26. *Ильминский* — Ильминский В. Городищенского уезда с. Русский Качим.— Пензенские епархиальные ведомости, 1870, № 22.

27. *Книги для чтения...* — Книга для чтения по истории родного края (для 7 класса). Пенза, 1963, ч. 1.
28. *Коробкин, Очерк...* — Коробкин А. С. Очерк города Княгинина и его уезда.— Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1877, т. 6.
29. *Коробкин, Погост Сакма* — Коробкин А. С. Погост Сакма.— Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1970, т. 3.
30. *Лебедев* — Лебедев В. Загадочный город мохши. Пенза, 1958.
31. *Майнов, Один день...* — Майнов В. Один день среди мохши.— Древняя и Новая Россия, 1978, т. 3, № 10.
32. *Майнов, Очерк...* — Майнов В. Очерк юридического быта мордвы. СПб., 1885.
33. *Маркелов* — Маркелов М. Т. Саратовская мордва. Этнографические материалы. (Из кн.: Саратовский этнографический сборник). Под ред. проф. Б. М. Соколова. Саратов, 1922, вып. 1.
34. *Масленников* — Масленников Н. Из быта мордвы с. Куценяева Алатырского у. Симбирской губ.— Известия ОАИЭ, 1916, т. 29, вып. 4.
35. *Медико-топограф. описание...* — Медико-топографическое описание Кузнецкого уезда Саратовской губернии доктора П. Д. Любимова: Протоколы заседаний Общества русских врачей в Петербурге в 1858—1859 гг. СПб., 1858—59.
36. *Мельников, Девичьи Горы.* — Мельников А. Девичьи Горы. Из местных преданий.— Нижегородские губернские ведомости, 1891, № 40.
37. *Мельников, Из прошлого Присурского края* — Мельников А. П. Из прошлого Присурского края.— Действия Нижегородской ученой архивной комиссии, 1891, т. 1, вып. 2.
38. *Мельников-Печерский* — Мельников-Печерский П. И. (А. Печерский). Очерки мордвы.— Полн. собр. соч. СПб., 1893, т. 7.
39. *Миллер* — Миллер, В. Ф. Русские и инородческие предания о Казанском походе Ивана Грозного.— Этнографическое обозрение, 1913, № 1—2.
40. *Митропольский* — Митропольский К. Мордва. Религиозные воззрения, нравы и обычаи.— Тамбовские епархиальные ведомости, 1876, № 12—13.
41. *Можаровский, Заметка...* — Можаровский А. Заметка о Нижегородской мордве.— Нижегородские губернские ведомости, 1896, № 23.
42. *Можаровский, Села...* — Можаровский А. Села: Березовка, Болобоново, Какино, Кладбищи, Мангушево, Юрьего Нижегородской Епархии.— Нижегородские епархиальные ведомости, 1890, № 4, 12, 13; 1891, № 18; 1892, № 16.
43. *Надеждинский* — Надеждинский Г. Стенька Разин.— Саратовский справочный листок, 1878, № 198.
44. *Нарцов* — Нарцов А. Н. Археологическая поездка по Темниковскому уезду в августе 1901 г.— Известия Тамбовской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1902, вып. 46.
45. *Ниж. легенды* — Нижегородские легенды / Сост. Д. Булгаковский. СПб., 1896.

46. *Ниж. предания и легенды* — Нижегородские предания и легенды / Сост. В. Н. Морохин. Горький, 1971.
47. *Ниж. сборник* — Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1887, т. 7.
48. *Охотский* — Охотский Н. Краткий церковно-исторический очерк села Ромоданова Саранского уезда.— Пензенские епархиальные ведомости, 1882, № 7.
49. *Очерки морд. диалектов, 2* — Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1963, т. 2.
50. *Очерки морд. диалектов, 4* — Очерки мордовских диалектов. Саранск, 1968, т. 4.
51. *Пакшин* — Пакшин Ф. История села Макаровка.— Красная Мордовия, 1951, 7 мая.
52. *Памятная книжка...* — Памятная книжка Пензенской губернии на 1864 год. Пенза.
53. *Пенз. губ.* — Пензенская губерния. Описание географических условий и исторические сведения. Пенза, 1895.
54. *Пенз. губ. вед.* — Пензенские губернские ведомости, 1876, № 127.
55. *Песни и сказки Пенз. области* — Песни и сказки Пензенской области / Сост. А. П. Анисимова. Пенза, 1953.
56. *Песни и сказки Поимского района* — Песни и сказки Поимского района / Сост. А. П. Анисимова. Пенза, 1948.
57. *Петерсон* — Петерсон Г. Краткий очерк достопримечательностей г. Саранска.— Сборник Пензенского губ. статкомитета. СПб., 1899, вып. 4.
58. *Покровский* — Покровский И. Описание села Красного Арзамасского уезда.— Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1869, т. 2.
59. *Примеров* — Примеров А. Село Каменный Брод Краснослободского уезда.— Пензенские епархиальные ведомости, 1871, № 21.
60. *Рагозин* — Рагозин В. Волга от Оки до Камы. СПб., 1881, т. 3.
61. *Размадзе* — Размадзе А. С. Волга от Нижнего Новгорода до Астрахани. Киев, 1896.
62. *Рус. старина* — Русская старина, 1876, № 2.
63. *Рус. писатели...* — Русские писатели о мордовском народе / Сост. О. Чудаева. Саранск, 1957.
64. *Село Старое Славкино...* — Село Старое Славкино Петровского уезда.— Саратовский сборник. Саратов, 1881, т. 1, ч. 2.
65. *Симб. сборник* — Симбирский сборник. Отдел этнографии. Симбирск, 1870, т. 2.
66. *Смирнов. Мордва* — Смирнов И. Н. Мордва. Историко-этнографический очерк. Казань, 1895.
67. *Смирнов. Морд. население...* — Мордовское население Пензенской губернии. Этнографический очерк.— Пензенские епархиальные ведомости, 1874, № 1—3, 5, 6, 9, 21—24; 1875, № 1, 2, 4, 7, 10.
68. *Снежницкий* — Снежницкий. Мордовский праздник «Вермавы» (Верное воскресенье) и «Виравы».— Пензенские епархиальные ведомости, 1871, № 19—21.
69. *Соколов* — Соколов Б. М. По Петровскому уезду.— Труды Нижне-Волжского областного научно-

70. *Село Потьма...*

71. *Степан Разин...*

72. *Струкалин*

73. *Сутырин*

74. *Тригоров*

75. *Трубе*

76. *Федоров*

77. *Шахматов*

78. *ЭО*

II. Архивные и рукописные фонды

I. РФ МНИИЯЛИЭ

II. ЦГА МАССР
III. Морд. кр. муз.
IV. РФ МГУ

V. РФ МГПИ

VI. МРДЭТС

VII. Архив АН СССР
VIII. РГО

IX. РО библ. Салтыкова-Щедрина

X. РФ ИРЛИ

XI. Сарат. архив
XII. Сарат. музей

XIII. РО КГУ

XIV. ИФ Мар. НИИ

XV. Наровч. музей

Фонотека
РФС

- го общества краеведения: Этнографический сборник. Саратов, 1926, ч. 6, вып. 34.
- Соколов Ф. Село Потьма Нижнеломовского у.— Пензенские епархиальные ведомости, 1880, № 2.
- Степан Разин на Волге / Сост. М. А. Емельянов. Куйбышев, 1939.
- Струкалин Г. Ф. Пугачев в Саранске. Из преданий.— Литературная Мордовия. Саранск, 1957, № 13 (17).
- Сутырин Н. По родной земле: (Предания и легенды глухих уездов.— Русская старина, 1916, апр.
- Тригоров В. Г. Мордовские общины.— Русская старина, 1880, № 6.
- Трубе Л. Л. Как возникли географические названия Горьковской области. Горький, 1962.
- Федоров Н. Заметки о мордве села Шенталы.— Самарские губернские ведомости, 1863, № 48.
- Шахматов А. А. Мордовский этнографический сборник. СПб., 1910.
- Этнографическое обозрение. М., 1903, кн. 59, № 4.

- Рукописный фонд Мордовского ордена «Знак Почета» научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики.
- Центральный государственный архив МАССР.
- Архив Краеведческого музея МАССР.
- Архив кафедры советской литературы Мордовского ордена Дружбы народов государственного университета им. Н. П. Огарева.
- Материалы фольклорных экспедиций студентов Мордовского госпедивститута им. М. Е. Евсевьева.
- Мордовская республиканская детская экскурсионно-туристическая станция (альбомы).
- Архив АН СССР (Ленинградское отделение).
- Архив Географического общества СССР (г. Ленинград).

- Рукописный отдел Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (г. Ленинград).
- Рукописный фонд ИРЛИ (Пушкинский дом, г. Ленинград).
- Государственный архив Саратовской области.
- Архив Саратовского обл. музея краеведения.

- Рукописный отдел Научной библиотеки им. Лобачевского при Казанском госуниверситете им. В. И. Ленина.
- Научный фонд Марийского НИИ языка, литературы и истории.
- Научный архив Наровчатского районного краеведческого музея.
- Фонотека МНИИЯЛИЭ.
- Рукописный фонд составителя.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть I. ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ НА ЭРЗЯ- И МОКША-МОРДОВСКИХ ЯЗЫКАХ	27
<i>Раздел I. Легенды</i>	<i>28</i>
О сотворении мира и взаимоотношениях божеств с людьми	28
О животных, растениях и их свойствах	30
<i>Раздел II. Предания</i>	<i>43</i>
О великанах	43
О мордовских племенных вождях	47
О борьбе с внешними врагами	50
О походе Ивана Грозного на Казань	53
О крещении мордвы	66
О Разине и Пугачеве	73
О разбойниках и кладах	76
О названиях селений и урочищ	96
<i>Раздел III. Былички</i>	<i>135</i>
О языческих покровителях леса и воды	135
О домашних духах-покровителях	155
О подменных детях, проклятых людях и мертвецах	160
О неизвестных страхах	168
Об оборотнях	173
Часть II. ТЕКСТЫ, ЗАПИСАННЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ	187
<i>Раздел I. Легенды</i>	<i>188</i>
<i>Раздел II. Предания</i>	<i>196</i>
О великанах	196
О мордовских племенных вождях	197
О борьбе с внешними врагами	203

О походе Ивана Грозного на Казань	207
О крещении мордвы	212
О Разине и Пугачеве	216
О разбойниках и кладах	219
О названиях селений и урочищ	221

<i>Раздел III. Былички</i>	<i>232</i>
Комментарии	233
Географический указатель	246
Список сказителей	248
Словарь местных форм русских личных имен, употребляющихся в текстах сборника	249
Список сокращений	249

